

ПРОЛЕТАРСКИЕ
ПОЭТЫ
ПЕРВЫХ ЛЕТ
СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

ПРОЛЕТАРСКИЕ
ПОЭТЫ
ПЕРВЫХ ЛЕТ
СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

КНИЖНОЩЕКА
ПОЭМА

Собственность
1955 г. № 15

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

*Большая серия
Второе издание*

Л Е Н И Н Г Р А Д * 1 9 5 9

ПРОЛЕТАРСКИЕ ПОЭТЫ
ПЕРВЫХ ЛЕТ
СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

*Вступительная статья и составление
З. С. Паперного.
Подготовка текста, биографические справки
и примечания
Р. А. Шацевой*

ПРОЛЕТАРСКАЯ ПОЭЗИЯ ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

1

Первые годы Октября... Гигантская борьба двух миров — во всех областях, на многих и многих фронтах. Поистине, это была, как писал Маяковский, «стофронтóвая война»: с Керенским, Корниловым, Дутовым, с австро-германской армией, с чехословацкими мятежниками, с англо-американскими, французскими и японскими войсками, с Колчаком, Деникиным, Юденичем, с белополяками и Врангелем — как тогда говорили, «с паном и бароном»; война с контрреволюцией, наседавшей отовсюду, пользовавшейся всеми средствами: вражескими слухами, провокациями, заговорами, мятежами в Кронштадте и Ярославле, убийством Володарского, Урицкого, Воровского, Карла Либкнехта и Розы Люксембург, выстрелом в Ленина, бомбой, брошенной в здание МК РКП (б), нотой Керзона; война против империалистической бойни: декрет о мире, призыв к разоружению, смелое разоблачение в Генуе врагов мира, международных разбойников; война с разрухой, с голодом, сыпным тифом, холерой; война с отсталостью, неграмотностью, с тысячами темных, цепких предрассудков и навыков, со всем, что было приято вековым собственническим укладом.

Жестокая, смертельная война эта была по самому существу своему справедливой, человечной и глубоко созидательной. Революция, произнесшая окончательный — не подлежащий обжалованию — смертный приговор всему старому буржуазно-крепостни-

ческому укладу, явилась неясным источником творческой жизнедеятельности нового мира, нового строя отношений, свободных от гнета, рабства, родовых, чиновных и прочих привилегий.

Все было новым, первым, не освященным временем и привычкой: первое в мире государство рабочих и крестьян, первые шаги строительства нового мира, нового быта, морали, культуры. Все подвергалось суровой проверке, пересмотру, «чистке»; переоценивались понятия и правила жизни, считавшиеся дотоле незыблемыми. . .

Октябрь разделил на два лагеря и весь мир литературно-художественной жизни. Как ни многообразны, ни противоречивы, а подчас как будто и совсем неопределенны были идейно-творческие позиции литераторов — перед каждым из них встал вопрос, теперь уже неизбежный и неотложный: с кем ты? За революцию или против нее?

Одни из них сразу же, без колебаний встали под знамя Октября. Как для Маяковского, вопроса «принимать или не принимать» для них не было.

Демьян Бедный — один из тех, кто сам участвовал в подготовке революции, приближал ее приход. Активный сотрудник большевистских газет «Звезда» и «Правда», автор едких сатир, басен, эпиграмм, написанных живым, грубоватым, «мужицким» языком, он ощущает с первых же дней великого переворота новый прилив творческих сил. Особенное развитие получает у него — наряду с поэмами, «сказками», баснями, песнями, маршами — оперативный стихотворный фельетон «на злобу дня»; он пишет по конкретному поводу, часто самому прозаическому. С удивительной свободой переходит поэт от высокого пафоса оды к разговору о нехватке топлива, о помощи голодающим, о межведомственной волоките, о спекулянтах и мешочниках, обращается к самым будничным темам — черта, как увидим, особенно важная для развития литературы тех лет.

Путь революции был крутым и негладким. Для того чтобы правильно разобраться в окружающем, надо было многое преодолевать, не теряться при виде разрухи, внешней пестроты и неупорядоченности жизни, быта, надо было уметь проникнуть во внутренний смысл событий, почувствовать *движение* истории.

Революционные события испугали многих писателей, таких, например, как Алексей Толстой. Лишь после долгих блужданий и поисков писатель рвет с эмиграцией и возвращается в Советскую Россию, чтобы уже навсегда связать с ней свою судьбу.

Сложным был путь в революцию Блока. Поэт, смотревший

вначале на все окружающее сквозь обманчивую призму символистского «двоемирия», все больше чувствует тщету, иллюзорность, «утонченность» мечты, все ближе спускается из «астральной» мглы на реальную почву. В то время как его вчерашние друзья оплакивали Россию, пели ей «вечную память», заживо хоронили, плакали, ахали и «надмевались», Блок без жалости рвал со старым, изоглавшимся миром, устремлялся навстречу тревожной, зовущей «музыке революции».

Разрыв Блока с Зинаидой Гиппиус — яркий пример того, что линия «раздела», прочерченная революцией, оказывалась значительнее и глубже групповых, узко литературных, приятельских интересов и симпатий. С каждым годом все резче проступала эта линия: с одной стороны Маяковский, преодолевавший сомнения и ошибки Горький, Серафимович, Бедный, Блок, Брюсов, Есенин, с другой — литераторы, для которых гибель старой России казалась равносильной собственной смерти, — Гиппиус, Мережковский, Ремизов, Амфитеатров, Бальмонт, Арцыбашев.

Когда читаешь то, что выходило из-под пера писателей-отщепенцев, вспоминается одна чеховская запись 90-х годов, направленная против тех, кто признавал свободу только на словах: «Великие события застанут нас врасплох... И я думал также, что прежде, чем заблестит заря новой жизни, мы обратимся в зловещих старух и первые с ненавистью отвернемся от этой зари и пустим в нее клеветой...»¹

Разве не предсказаны в этой суровой и грустной записи полные зловещего бессилия и ненависти «Последние стихи» Зинаиды Гиппиус, где сознание обреченности перемешано с иступленной, кликушеской злобой к взбунтовавшейся черни, к «гвоздевым сапогам», затоптавшим «мартовские алые зори».

Самое название сборника символично. «Последние» — не в смысле «стихи последних лет», но вообще последние стихи, ибо с революцией для поэтессы рухнет все: «Если кончена моя Россия — я умираю...»

Находились и такие, кто пытался сделать вид, что вообще ничего не произошло, революция, мол, сама по себе, а мы сами по себе, у нас свои, «чисто литературные» задачи. Один из «вождей» имажинизма, Вадим Шершеневич, поучал собратьев по перу: «Поэт — это тот безумец, который сидит в пылающем небоскребе и спокойно читит цветные карандаши для того, чтоб зарисовать

---

¹ А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем, т. 12. М., 1949, стр. 299—300.

пожар. Помогая тушить пожар, он становится гражданином и перестает быть поэтом». ¹

Но, вопреки всем заявлениям о гибели, о катастрофе, то истерическим, то фальшиво-бесстрастным, несмотря на разруху, голод, войну, в советской стране начинался невиданный культурный подъем, сливавшийся с общей созидательной работой народа и государства.

Интересно, что Герберт Уэллс, многого не понявший в том, что он у нас увидел, озаглавивший свою книгу «Россия во мгле», вынужден был признать: «В этой непостижимой России, воюющей, холодной, голодной, испытывающей бесконечные лишения, осуществляется литературное начинание, немислимое сейчас в богатой Англии и богатой Америке». ²

Борьба с неграмотностью, массовые — несмотря на страшный бумажный голод — дешевые издания классиков, основанное Горьким издательство «Всемирная литература», новые школы, библиотеки, читальни, студии, популярные лекции, концерты, жаркие диспуты о путях развития нового искусства, небывалое расширение читательской аудитории, приток новых сил в литературу — все это было взаимно связано, овеяно жарким революционным энтузиазмом, уверенностью, что не гибнет, а, наоборот, заново рождается Россия в пламени революции.

2

Первые годы советской власти — пора активной и шумной деятельности многообразных литературных течений и группировок, их жарких схваток между собой, диспутов, порой самой яростной полемики.

Это время заката символизма. Мистическая философия В. Соловьева, таинственно-смутные прозрения молодого Блока, певца Прекрасной Дамы, нехитрое «волшебство» бальмонтовской музыки — все эти столь разные проявления символистского видения жизни воспринимаются уже как вчерашний день.

Еще менее долговечным оказался акмеизм, явившийся своеобразной реакцией против мистической «бесплотности» символистов.

Громко, самоуверенно стремятся утвердить себя в эти годы футуристы. Показательно, что В. Брюсов в статье 1922 года «Вчера,

---

¹ «Гостиница для путешествующих в прекрасном», 1922, № 3.

² Г. Уэллс. Россия во мгле. М., 1958, стр. 29.

сегодня и завтра русской поэзии» связывал «вчера» с символизмом, а «сегодня» — с футуризмом.

Как и представители некоторых других групп, футуристы претендовали на единственное, чуть ли не монопольное представительство нового социалистического искусства. Один из главных «идеологов» этого течения, Н. Чужак, утверждал, что только «ураганный футуризм» объективно передает и выражает революционную душу пролетария-победителя. Жизнь показала, насколько непомерны и необоснованны были чужаковские претензии.

В эти же годы, пожалуй с неменьшим шумом, словесным громом, декларируют свою программу имажинисты. В. Шершеневич, А. Мариенгоф, А. Кусиков отстаивают самодовлеющую образность, праздную «победу образа над смыслом», объявляют «войну» грамматике, призывают поэтов устремляться «в никуда». Художественное произведение для них — не единство, не система, но пестрая смесь, «толпа» образов.

Не говорим о многих других группах и группках — неоклассиках, эмоционалистах, фуистах, люминистах, о беспредметниках с их «стихеттами» или ничевоках с их «собачьим ящиком».

Писать подробно о литературных течениях не входит в нашу задачу. Отметим лишь одну важную особенность.

Деление на группировки — не внешняя особенность литературной жизни тех лет. В конечном счете (именно в конечном, но отнюдь не непосредственно) оно отражало социально-политическую разнородность сил, вовлеченных в стремительный водоворот революционных событий. Во главе основных литературных течений стояли крупнейшие поэты эпохи. Так, творчество Блока нельзя понять, не учитывая его связей с символизмом; Маяковского механически не отделить от футуристов; не вовсе случайной была дружба Есенина с имажинистом Мариенгофом.

Однако творческий путь крупнейших наших поэтов выводил их за рамки данного литературного течения, подымал с прокрустова ложа программ и манифестов, обращал их к жизни, увиденной и понятой во всей ее сложности и широте. Так перерос символизм Блок. Чуждой разрушительным тенденциям имажинистов оказалась поэзия Есенина. Перешагнув через себя, сбросил и далеко позади оставил футуристические одежды Маяковский.

Какова же была судьба пролетарской поэзии, одного из самых широких литературных течений первых лет Октябрьской эпохи? В упомянутой статье В. Брюсова именно ей отводилось «завтра», то есть будущее. В какой мере смогли оправдать пролетарские поэты это предсказание?

Известно, что начало деятельности рабочих поэтов относится еще к 70—80-м годам.¹ Позднее, в 90-е и 900-е годы их круг становится шире, появляются песни «Смело, товарищи, в ногу...» Л. Радины, «Варшавянка», «Слезами залит мир безбрежный...», «Беснуйтесь, тираны...», в переводе Г. Кржижановского, стихи Е. Нечаева, Ф. Шкулева (автора песни «Мы кузнецы»), Е. Тарасова. Новый этап в развитии пролетарской поэзии связан с большевистской печатью, с газетами «Звезда» и «Правда». Напомним, что уже в первом номере «Правды», от 22 апреля 1912 года, редакция призвала рабочих писателей к смелому участию в литературе. В это время и позднее, в годы империалистической войны, в поэзию входят Самобытник (А. И. Маширов), Я. Бердников, И. Садофьев, Д. Семеновский, И. Логинов, А. Поморский, И. Ерошин, А. Крайский, Е. Соловьев-Нелюдим, П. Арский.

Большую роль в собирании сил рабочей поэзии сыграл первый сборник пролетарских писателей, вышедший в 1914 году. Горький, принявший непосредственное участие в его подготовке, писал в предисловии, что эта книжка «красноречиво говорит о росте интеллектуальных сил пролетариата».²

Рабочие поэты октябрьского времени хорошо ощущали преемственную связь поколений. Сергей Обрадович, поэт, чье творчество развернулось уже в советские годы, писал о Егоре Нечаеве:

Он знал, что ветры не загасят
Жар песенный у горна гут,
Что к смене Филипчэнко, Гастев
И тысячи других придут;

Что песни вечера, печали,
Проклятья, рабства, боли, горь —
Перекуют на песни стали,
На утреннюю песню зорь...³

¹ Об истории пролетарской поэзии дореволюционных лет см. статьи А. Дымшица, Г. Владимирского, В. Абрамкина (сб. «Пролетарские поэты», тт. 1—3. «Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1935—1939), а также статьи В. Куриленкова (сб. «Революционная поэзия. 1890—1917». «Библиотека поэта», Малая серия, Л., 1950) и А. Дымшица (сб. «Революционная поэзия. 1890—1917». «Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1954).

² М. Горький. Собрание сочинений, т. 24. М., 1953, стр. 168.

³ «Труд», 1921, № 67, 14 мая.

Это чувство кровного родства с поэтами-предшественниками сочетается с острым ощущением неповторимости новой, Октябрьской эпохи.

Новое время — новые песни... Если раньше революционный протест переплетается с мотивами скорби, с горьким сознанием бесправия, торжествующей лжи и насилия, то теперь меняется самая тональность стихов. Они полны торжества, ликования, брызжущего через край оптимизма, нерушимой уверенности, что любые препятствия будут сокрушены. Грохот революционной переделки жизни, казавшийся гибельным, похоронным для писателей вроде Зинаиды Гиппиус, звучит для пролетарских поэтов веселой и радостной музыкой.

Впрочем, говоря об этой смене настроений, вызванной великой революцией, не следует упрощать картины и сводить все дореволюционное творчество рабочих поэтов к мотивам скорби и страдания. Уже в предреволюционные годы создаются произведения, проникнутые ощущением близящегося торжества рабочего класса, воспеваящие нового героя истории. Мы не можем говорить обо всем этом подробно. Однако творчество одного из интереснейших представителей пролетарской поэзии, хронологически относящееся главным образом к дооктябрьской поре, обойти никак нельзя. Речь идет о Гастеве — одном из тех писателей, которые как бы соединяют своей деятельностью две эпохи в развитии пролетарской поэзии.

Не случайно в первые дни революции широчайшую популярность обретают произведения Гастева, написанные в дооктябрьскую пору: «Мы растем из железа», «Гудки», «Рельсы», «Башня». Не только многие читатели, но и критики видели непосредственный отклик на революционные события в том, что на деле было смелым предвидением. И действительно, ошибиться было легко — настолько сильно было выражено в этих произведениях хозяйское отношение пролетариата к миру, к земле, ее недрам, к технике, заводам, фабрикам, станкам, такой уверенностью в завтрашнем дне были они исполнены.

Первые художественные опыты Гастева относятся еще к 1904 году. Он начинает с рассказов из рабочей жизни. Тема страдания, изнурительного заводского труда постепенно перерастает в тему протеста. Сперва это глухая, еще только неясно брезжущая мысль о несправедливости, затем — стихийно растущая и все более осознанная ненависть к «хозяевам» («Штрейкбрехер», «Рассказ в трамвайном парке» и др. 1913 г.) В эти годы в творчестве писателя различаются две струи — рассказы, во многом выдержанные в бытописательской манере, и стихи, пока еще лишенные

художественной самобытности. Позднее Гастев пишет произведения, которые можно назвать своеобразными «стихотворениями в прозе» и где эти две разные струи как бы сливаются. Думается, что горьковский «Буревестник» не прошел для Гастева бесследно.¹ В этом сплаве стиха и прозы, в свободно льющейся речи, лишенной строгого размера и все же внутренне организованной, поэтически приподнятой, насыщенной гиперболическими образами, и суждено было ярче всего проявиться дарованию А. Гастева.

В «Гудках», «Рельсах», «Башне» мы уже узнаем неповторимый гастевский почерк. Перед нами возникает исполинский образ рабочего. Он «растет из железа». Но он не механичен, не бездушен — в отличие от многих героев стихотворений тех лет, где человека заслоняли и заглушали станки, вагранки, горны. Если там человек «ожелезен», то здесь, наоборот, железо «очеловечено», одухотворено.²

Многие пролетарские поэты тех лет писали о «мозолистых руках», о мускулах, о физической силе, о труде грубом и черном. И это было естественно. Можно ли было говорить о технике, науке, мощи индустрии в годы тяжелой разрухи? Но оказывается, можно! А. Гастев и тут стремится опередить время, он изображает Россию будущего — фантастическое царство технической мысли, открытий, грандиозных строек. В «Экспрессе» он рисует дома-квартиры из цельного стекла — от крыши до самой земли; залитые солнцем пашни, которые бороздят и ровняют стальные чудовищамашинны; степь и тундру, ставшие житницей всего света; могучую Обь, стиснутую гранитом; «Сталь-город» — гордость сибирской индустрии; искусственные озера, гигантские тоннели, дамбы, мосты, маяки. Правда, это еще не социалистическое хозяйство, но каждая строка полна ощущения неминуемости революционных перемен.

Читая Гастева, мы попадаем в мир, где все словно преломлено в гигантском увеличительном стекле, где предметы укрупнены, а дали завтрашнего приближены. Это не просто черта стиля, но форма видения. Он рисует рельсы — не обыкновенные железнодорожные рельсы. Нет, они опоясали весь земной шар, ими человек

---

¹ Ср., например: «А в волнах морских, певучих засмеялись отраженья маяков огней-титанов. На волнах дремали чайки. Разбудили чаек нежных переливы огневые...» (А. Гастев. «Гудок-сирена» в его сб. «Поэзия рабочего удара». М., 1926, стр. 68).

² «Он не верит, что железо бездушно, что машина бесстрашна», — писал о Гастеве «Вестник шанявцев» (1918, № 4, стр. 99). Эту же особенность поэзии А. Гастева верно отметил К. Зелинский в статье «На великом рубеже (1917—1920 годы)» («Знамя», 1958, № 10, стр. 198).

приручил планету, в них воплощена «стальная, прокованная воля», а завтра они будут подняты и нацелятся в бездонные пространства, к «соседним, пока не разгаданным, чуждым планетам». Характерно это «пока», полное уверенности, что скоро гордо взовьется над миром «первое чудо вселенной, бесстрашный работник — творец-человек» («Рельсы»).¹

Он изображает кран — возносящуюся вверх «поэму о металле», стальное чудовище «с глазами, с сердцем, с душой и помыслами». ² Этот кран легко подымает затонувшее судно, он все растет и крепнет, как живой, и вот он уже поднял горный кряж Гималаев и низверг его в индийские болота («Кран»). А в произведениях, написанных в годы Октября, Миссисипи обнимается с Волгой и Земля запросто разговаривает с Марсом по телефону.

Гиперболы Гастева, лишённые какой бы то ни было «натужности», вымученности, заставляют вспомнить о Маяковском. Недаром они относились друг к другу с большим вниманием и симпатией.³

Вместе с тем мы чувствуем и характерно гастевские особенности построения образа, который почти всегда решается у него в «научно-фантастическом» плане и походит на черновой набросок инженера, задумывающего невероятно смелое и диковинное «сооружение». ⁴ Пафос инженерно-строительный, конструктивно-технический для Гастева, пожалуй, постепенно оттесняет пафос художественно-поэтического творчества. Недаром в предисловии к шестому изданию «Поэзии рабочего удара» он утверждает, что «самая высшая художественная мудрость заключается в беспощадном ноже классификатора и аналитика», что поэзия, возвышаясь и утончаясь,

---

¹ «Поэзия рабочего удара», стр. 125.

² Там же, стр. 127.

³ А. Гастев — один из главных участников «Сборника нового искусства», издававшегося Всеукраинским отделением искусств Наркомпроса (Харьков, 1919). Мы находим здесь весьма положительные отзывы о Маяковском — явление редкое, почти невозможное для пролеткультовских журналов. Имеются свидетельства о том, что Маяковский отзывался о Гастеве очень уважительно. Выступая на совещании работников левого фронта искусств 16 января 1925 г., Маяковский поддерживал Гастева (В. В. Маяковский. Полное собрание сочинений, т. 12. М., 1937, стр. 347). В первом номере журнала «Леф», редактировавшегося Маяковским, была помещена одобрительная рецензия на гастевскую «Пачку ордеров».

⁴ В. Хлебников называл его поэзию «миром научных образов», «странных научных видений» (Собрание произведений Велемира Хлебникова, т. 5. Л., 1933, стр. 227).

становится математикой.¹ Вскоре научно-техническая организаторская работа совершенно заслонила для Гастева литературное творчество.

И все же его художественные произведения — одна из самых ярких страниц пролетарского творчества революционной эпохи, живое свидетельство того, какой могучий толчок дала революция писателю, как она вдохновила его на смелые поэтические догадки, предвидения и свершения.

4

Пламя Октября лерекидывалось за рубежи. Газеты приносили известия о революционных взрывах, вспышках восстаний, бунтов, забастовок в Германии, Венгрии, Италии. Рабочие поэты не сомневались: то, что сегодня произошло у нас, завтра произойдет в Европе, в Америке, во всем мире. Именно завтра, а не послезавтра! Их вера была прямолинейна и не признавала никаких уступок. Они были по-детски нетерпеливы и восторженны.

Завтра, завтра рухнут своды
Черных тюрем мировых,
И обнимутся народы
На гнилых обломках их! —

воскликает В. Князев в стихотворении «Звон перед бурей».

Вселенная меняется лицом,
Вселенная на капитал восстала
Широким огненным кольцом
Рабочего Интернационала, —

пишет Василий Казин в стихотворении «Да здравствует В. И. Ленин».²

Вселенная меняется лицом! — этот мотив настойчиво звучит в стихах того времени: «Колеблются дворцы, роскошные палаты» (Иван Ерошин), «Бейте, барабаны, выбивайте зори, валяются короны кровопийц-царей» (Сергей Ганшин).

Обращение Всеукраинского совета искусств начиналось такими словами, хорошо передающими самую атмосферу жизни и поэзии тех лет:

---

¹ «Поэзия рабочего удара», стр. 8—9.

² «Кузница», 1920, № 1, стр. 3.

«По всей земле, из края в край мира, гудят перевороты. Война, начатая на радость королей, царей, президентов, развернулась шквалом, который низвергает императорские дворцы, жжет мантии, сбрасывает короны, обращает в прах королей. Мир, в котором, казалось, все было так тонко прилажено, рухнул. И вместо воли банкиров, помещиков, спекулянтов провозглашена воля тех, кто создал поля, заводы, насыпи, дома, кто отбывал вековую повинность работы, — провозглашена воля трудового, рабочего и крестьянского народа».¹

Местом действия многих поэм и стихотворений становится земной шар. Во весь голос звучит тема международной солидарности пролетариев.

Раскроем, например, «Сборник стихотворений», выпущенный в 1920 году Симбирским пролеткультом. Один из участников этого «провинциального» издания пишет об индусах, стонущих в британских цепях, о Египте — «стране рабов», куда тоже докатится «волна великая восстаний».

Со страниц «Петроградской правды» Александр Славатинский шлет привет спартаковцам, борющимся с «ордой Шейдемана» («В красном Берлине»);² К. Муран воспевает советскую Баварию, называя ее — «моя сестра».³ В дни войны с белопанской Польшей Н. Колоколов печатает в журнале «Красноармеец» стихотворение «Две Польши», которое заканчивается словами:

Иную Польшу выведем из ночи.
Владыкой жизни, мощно-молодым,
В ней будет пробудившийся рабочий.

А когда французские войска вторглись в Рурскую область, Василий Александровский выступает в «Рабочей Москве» с гневным памфлетом «Прекрасной Франции».⁴

Эпоха первых лет революции ознаменовалась невиданным расширением политических и жизненных горизонтов. Она дала поэту крылья, вдохновение, новый масштаб творчества. Вместе с тем она потребовала от него мужества, выдержки и верности. Стих поэта звучал рядом с приказом, прокламацией, призывом к атаке.

---

¹ Цитируется по журнальной вырезке, сохранившейся в семейном архиве А. К. Гастева, который, очевидно, был автором обращения.

² «Петроградская правда», 1919, № 66, 25 марта.

³ Там же, № 79, 10 апреля.

⁴ «Рабочая Москва», 1923, № 12, 18 января.

Стихом боролись с интервентами, со шкурниками — со всеми, кто вставал на пути революции. Рабочая тема переплеталась с темой боевой, оборонной. Рядом с образами рабочего, шахтера, котельщика, плотника, каменщика, кочегара вырастали образы буденновца, пехотинца, пулеметчика, красного партизана.

Когда думаешь об этом времени непрерывных походов и сражений, на память приходит «Левый марш» Маяковского, в котором, кажется, слышишь могучий топот миллионов ног, видишь стройное движение «воедино созвённых» людей. Но ведь «Левый марш» — замечательный поэтический памятник эпохи — не был единственным. Рядом с ним можно назвать художественную публицистику Демьяна Бедного, «Двенадцать» Блока — эту сложнейшую многоголосую поэтическую симфонию, несущую в себе «музыку революции», стихи Брюсова, пролетарских поэтов — М. Герасимова, В. Кириллова, С. Обрадовича, И. Садофьева, В. Князева, полные суровой готовности к подвигу, духа самоотречения, радостного желания отдать все для победы.

Шагай, мелькай за ротой рота!
Печатай тяжкий, четкий шаг. . .
Там, у второго поворота, —
Отрава в дедовских ковшах.

А горечь древняя знакома:
«До боли ясен долгий путь». . .
— Так слушай голос военкома,
Чтобы с дороги не свернуть! . .

Так начинается стихотворение Ильи Садофьева «Слушай» (1922).¹ Традиционный ямб звучит здесь строго и даже чуть сумрачно, его однообразное — как долгий и трудный шаг — движение подчеркнуто повторами, нагнетением сходно звучащих слов. И это оправдано в стихотворении, рисующем тяжкий и славный поход; люди устали, и каждый дом манит отдыхом и соблазнами, но сильнее всех трудностей и соблазнов голос военкома, чувство долга и зовущая цель:

Раскрыть заклётые ворота
На всех заклётых рубежах, —
Смелей, смелей за ротой рота,
Печатай тверже четкий шаг.

---

¹ «Красная нива», 1923, № 2, стр. 20.

В поэзии тех лет много стихотворений, внешне очень похожих на садофьевское «Слушай», — как будто те же «Шагай», «Вперед». Но это не спутаешь с другими. То, что у иных поэтов звучит риторикой, декламацией, у Садофьева вырастает на внутреннем напряжении, на честном раскрытии и усталости, и людской слабости, и грозящих отовсюду опасностей («отрава в дедовских ковшах»). Тем сильнее выражена победа долга, воли, нечеловеческой выдержки и самообладания.¹

И рядом совсем другое стихотворение, рожденное тем же героическим временем, тем же грозным воздухом революции, — «Песня Коммуны» Василия Князева. Оно построено совсем в ином ключе. Князев идет в своем творчестве от песни — со свободно льющимся напевом, простыми, звучными рифмами, подхватами и — обязательно — рефреном. Недаром его называли «пролетарским Беранже».²

Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда,
Рок капризный не властен над нами, —
Никогда, никогда,
Никогда! никогда!
Коммунары не будут рабами...

Была в этих словах своя мелодия, они просились на музыку — и стали песней. В те годы часто ее пели. Князев по праву назвал стихи «Песней Коммуны»: в них действительно звучал голос Коммуны, окруженной врагами, но не сдающейся и побеждающей.

В своих воспоминаниях Н. К. Крупская рассказывает о том, как читала вслух Ленину в последние месяцы его жизни:

---

¹ Мы не говорим здесь о влиянии Блока на поэзию Садофьева, сказавшемся, в частности, и на этом стихотворении. Не случайна и прямая цитата из Блока — «До боли ясен долгий путь».

² Впрочем, «коренные» пролетарские поэты сначала смотрели недоверчиво на В. Князева, в прошлом сотрудника буржуазных газет, автора бойких, но порой весьма мелкотравчатых стихотворных фельетонов, игривых песенок в духе легких шансонеток. В. Кириллов отрицательно встретил его «Первую книгу стихов (1905—1916 годы)», вышедшую в 1919 г. в Петрограде (см. рецензию в журнале «Печать и революция», 1921, № 1, стр. 148). Но «Красное Евангелие» (Пг., 1918) было встречено одобрительно. Журнал «Грядущее» даже предрекал ему жизнь «в веках грядущих» (1918, № 7, стр. 15). См. также рецензию в «Вестнике литературы», где говорилось: «Князев первый вышел из рядов буржуазной печати и стал под красное знамя» (1919, № 3, стр. 9).

«Читаешь ему, бывало, стихи, а он смотрит задумчиво в окно на заходящее солнце. Помню стихи, кончающиеся словами: «Никогда, никогда коммунары не станут рабами».

Читаешь, точно клятву Ильичу повторяешь, — никогда, никогда не отдадим ни одного завоевания революции. . .»¹

Лучшие стихи пролетарских поэтов звучали как присяга на верность Октябрьскому знамени.

Знаменательная черта — именно в эпоху непрерывных сражений, легендарных походов и штурмов, боевых песен и маршей в полную силу звучит в поэзии тема мира. Она рождается еще раньше, в годы мировой войны.

Горестное недоумение — зачем война? — ненависть к проклятому «братоубийству», плач о человеке, властелине земли, заживо зарытом в окопы-могилы, — таковы основные мотивы поэзии С. Ефремова, выступавшего под псевдонимом: Горемыка. Удивительно точно избрал себе литературную фамилию этот молодой поэт, автор неизбежно-грустных, «горемычных» стихов о смертной солдатской доле, убитый на фронте, за Двиною, в 1917 году. Внешне его стихи непритязательны, небогаты по словарю. Но есть в них трогающая за душу музыкальность — не веселая, раздольная, а тихая, грустная, «отпевальная».²

В рядах действующей армии создает сильные и скорбные стихи о войне Владимир Кириллов. Среди них особенно выделяется «У полотна железной дороги» (1915). Начало стихотворения как будто совсем традиционно, даже банально:

Призывно, мечтательно, нежно
Алеют закатные дали. . .
В безбрежности ласково-снежной
Гармония светлой печали. . .

---

¹ Н. К. Крупская. Что нравилось Ильичу в художественной литературе. Сб. «О Ленине. Воспоминания. Рассказы. Очерки». М., 1957, стр. 117.

² Стихи Горемыки печатались главным образом после его смерти — в «Литературном альманахе» (Пг., 1918), в отдельном вышедшем сборнике его стихотворений «Песни солдата» (Пб., 1919). Читатель найдет их в сборнике «Пролетарские поэты 1914—1917», т. 3. «Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1939, стр. 123—126.

Но вот пронсится с гулом, тревожным свистом состав с солдатами. Он мчится на запад, в огонь войны.

И снова бестрепетны дали,
Равнины и снежные склоны,
И только придавленной стали
Доносятся тихие стоны.¹

Последние две строки бросают трагический отблеск на все стихотворение.

В сущности так же строится стихотворение М. Герасимова «Осень в окопах». В первых строках возникает смиренно-грустный облик природы, ласкающей материнским благословением. И опять вдруг падает на все зловещий багровый свет, клен кажется «кровавым», родная земля изранена, изрезана окопами.

В архиве А. М. Горького сохранились письма к нему Герасимова, полные ненависти к войне и уверенности в том, что народ уже стал хорошо разбираться во всем и сможет сам взять судьбу в свои руки.

«Одно радует, — пишет он 11 сентября 1915 года, — что народ наш стал понятливый и умный, на многое смотрит ясно... Послушаешь, что говорят и как думают о том, о сем, прямо восторг и удивление. Крепко верится, что скоро устроит он для себя жизнь разумную и более подходящую, лишь бы поскорее покончить с этой тяжелой, проклятой войной, висящей мельничным жерновом на шее России».²

В творчестве М. Герасимова, И. Логинова, И. Ионова тема народных страданий, горемычной солдатской судьбы, утрачивая безысходность, сливается с темой революционной войны за мир. В стихах-плачах Горемыки слышалось заклинание — «Не убий!» В поэзии И. Ионова ничего проповеднического нет. Его стихотво-

---

¹ В л. Кириллов. Стихотворения. Книга первая. 1913—1923. М., 1924, стр. 12.

² Архив А. М. Горького. Там же находим и письма Василия Князева, проникнутые трагическим ощущением — дальше терпеть войну невозможно: «Я прямо схожу с ума от мысли, что вот, несмотря ни на что, кровь продолжает литься и будет литься, а всякая сволочь вроде Гучкова и Милюкова будет торжественно на весь мир заявлять, что Россия жаждет войны, жаждет аннексий и пр. А темный, несчастный, страдающий от войны народ обманывают и заставляют выносить резолюции о продолжении войны». (Цитируемое письмо написано примерно в феврале—марте 1917 г.)

рѣние «Рядовой» завершается неумолимым вопросом: во имя чего совершается убийство, зачем льется кровь? ¹

В годы Октября многие произведения, написанные раньше, во время империалистической войны, получают широкую популярность, наполняются новым, революционным пафосом.

Гражданская война была навязана Советской Республике. Воюя с полчищами интервентов и белогвардейцев, народ прокладывал себе дорогу к миру. И вместе с ленинским декретом о мире звучали поэтические призывы прекратить международную бойню, объявить войну ее зачинщикам.

Илья Ионов писал в 1917 году в стихотворении «В один союз»:

Во имя равенства и братства,
Германец, русский и француз,
Сойдитесь с миром и сомкнитесь
В один союз!

5

Не простым и не гладким был путь рабочей поэзии первых советских лет. Она развивалась в условиях жестокой классовой, идейной борьбы. Ее не только атаковали извне, но и пытались захватить «кизнутри» буржуазные лжетеоретики. Были здесь и люди, откровенно проповедовавшие враждебные марксизму взгляды, были и искренние путаники, опьяненные левой фразой, и схоласты, оторванные от жизни, далекие от интересов рабочего, труженика. И все они пытались воздействовать на литературу. Для того чтобы представить себе, как конкретно происходило ее развитие, с какими догмами столкнулось необычайно расширившееся пролетарское литературное движение, остановимся на идейно-теоретической платформе той организации, которая это движение возглавила, — на «программе» Пролеткульта.

Сделать это тем более необходимо, что Ленин, ЦК РКП(б) вели решительную борьбу против пролеткультовской схоластики, раскрыли: ее внутреннее бесплодие, ее угрозу для молодого социалистического искусства. Вне этой борьбы за литературу идейно здоровую, художественно полнокровную, чуждую мертвенных схем, верную правде, открыто связанную с жизнью советского государства и народа, — нельзя правильно наметить и обрисовать пути пролетарской поэзии.

---

¹ Илья Ионов. Алое поле. Стихотворения. Пг., 1918, стр. 4.

Пролеткульт — так сокращенно называлось объединение пролетарских культурно-просветительных организаций — возник еще накануне Октябрьской революции, в сентябре 1917 года. В советские годы Пролеткульт, формально примыкая к Наркомпросу как добровольная пролетарская организация, развивает самую широкую деятельность. Возникает разветвленная сеть городских, губернских, уездных, районных, фабрично-заводских пролеткультов, претендующих на руководство не только литературой, но и всем пролетарским искусством. Специальные отделы занимаются театром, живописью, музыкой, рабочими клубами и т. д. Организуются рабочие университеты и студии. В 1919 году в работе студий принимает участие около 80 000 человек.

В центре и на периферии издаются журналы, сборники и альманахи Пролеткульта: в Москве — «Пролетарская культура», основной теоретический орган, журналы «Гудки», «Твори!», «Горн», в Петрограде — журнал «Грядущее», в Самаре — «Зарево заводов», в Тамбове — «Грядущая культура», в Харькове — «Зори грядущего», в Колпине — «Мир и человек», в Оренбурге — «Молот», в Твери — «Пролеткульт», в Нижнем-Новгороде — «Рабочее творчество». ¹

«Широкое развитие пролеткультов, — справедливо указывает исследователь, — было свидетельством того массового культурного движения, той культурной революции, которая начиналась в стране. И то, что пролеткульты организовали стремление к культуре многотысячной рабоче-крестьянской молодежи, имело, несомненно, большое положительное значение». ²

Большой размах деятельности Пролеткульта, настойчивое стремление охватить все сферы литературно-художественной жизни, вовлечь в свои студии, кружки, секции рабочую массу — все это

---

¹ Наряду с периодическими изданиями выходит большое количество сборников и альманахов: «В буре и пламени» (Ярославль, 1918), «В кузнице» (Нижний-Новгород, 1921), «Взмахи» (1-й и 2-й сборники, Саратов, 1920), «Волны Пролеткульта» (Екатеринослав, 1923), «Горнило» (Сумы, 1921), «Гудки» (Владимир, 1923), «Завод огнекрылый» (Москва, 1918), «Зарево степей» (Оренбург, 1922), «Звено» (Харьков, 1921), «Крепь» (Вологда, 1921), «Литературный альманах» (Петроград, 1918), «Молот» (Тула, 1921), «Наковальня» (Надеждинск, 1922), «Осень багряная» (Тула, 1921), «Паяльник» (Смоленск, 1920), «Сборник стихотворений» (Симбирск, 1920), «Чугунный улей» (Вятка, 1921), «Ярь» (Царицын, 1923).

² Л. И. Тимофеев. Русская советская литература в 1917—1929 годах. — В его кн. «Русская советская литература». М., 1958, стр. 39.

парадоксально сочеталось с догматической узостью и сектантством основных установок, которые излагались и теоретически «обосновывались» в статьях и книгах А. Богданова, В. Плетнева, П. Бессалько, Ф. Калинина, П. Лебедева-Полянского, В. Фриче.

Что же это за установки?

Первый «краеугольный» пролеткультовский тезис: новую, «чисто пролетарскую» литературу можно создать только руками пролетариев. О том, в каком тоне говорилось о всех других, «инакоклассовых» элементах, можно судить по резолюции, которая была принята в первые же дни после Октябрьского переворота — 4 декабря 1917 года на заседании представителей пролетарских организаций в Петрограде:

«Мы верим, что только новая пролетарская культура... способна создать из людей не эти жалкие, тупо безвольные от рождения, старчески-хилые и мелко-эгоистичные обывательско-интеллигентские массы наших дней, а настоящих героев — борцов за счастье народное...»¹

Во многих статьях, на многочисленных примерах, всерьез доказывалось, что интеллигент «мыслить вместе с нами, а если нужно, и за нас может, чувствовать же — нет».²

Нетрудно увидеть связь тезиса о культуре, создаваемой пролетариями исключительно «собственноручно», с теорией организации социального опыта А. Богданова. В. И. Ленин в предисловии ко второму изданию книги «Материализм и эмпириокритицизм», написанном 2 сентября 1920 года (иначе говоря, в то время, когда он, как увидим дальше, специально занимался вопросом о программе и положении Пролеткульта), подчеркнул, что «под видом «пролетарской культуры» проводятся А. А. Богдановым буржуазные и реакционные воззрения».³ В самой книге «Материализм и эмпириокритицизм» раскрыты основные стадии «философского блуждания»⁴ А. Богданова, который от стихийного, «естественно-исторического» материализма скатился к субъективно-идеалистическим взглядам, описав «дугу почти в 180°».⁵ Согласно его «эмпириомонистической» концепции, все существующее представ-

---

¹ Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области. В дальнейшем ссылки на этот архив даются сокращенно: ГАОРСС.

² Федор Калинин. Пролетариат и творчество. «Пролетарская культура», 1918, № 1, стр. 11.

³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 14, стр. 6.

⁴ Там же, стр. 218.

⁵ Там же, стр. 219.

ляет собой цепь развития от начального «хаоса элементов» ко все более организованному, сначала индивидуальному, а затем коллективному, опыту. При этом в «опыте» Богданов видел не отражение реальной действительности, ее закономерностей, но «тождество» бытия и сознания, «физического» и «психического». Активно участвуя в группе «Вперед», сотрудничая в одноименном журнале (начал выходить с июня 1910 года), Богданов уже в то время декларирует необходимость выработки пролетарской культуры; и опять-таки самый процесс «выработки» толкуется им как некий акт, оторванный от коренных вопросов общественно-политической жизни, как особая форма организации художественного «опыта».

Не следует, однако, думать, будто тезис о выработке новой культуры «лабораторным» путем, руками «только пролетариев» принимался всеми без споров и без сопротивления. И вообще неправильно судить о Пролеткульте только по его догматам, не видя тех жарких столкновений, разногласий, дискуссий, которые разгорались буквально вокруг каждого «установочного» положения. Так, на Первой всероссийской конференции Пролеткультов (сентябрь 1918 г.) делегат Г. Железняк выступил против утверждения о том, что только рабочий класс — единственный творец новой культуры. «Я иначе разрешаю вопрос, — возражал он. — Я вижу не только рабочих, но и крестьян и беднейшее городское население. Все они долгие годы терпели гнет самодержавия; все они не имели возможности проявить свои духовные способности». ¹

6

Сектантская тенденция Пролеткульта проявилась не только в призывах изолировать, очистить творческую работу пролетариев от всех других, «чужеродных» социальных слоев. Она переросла в откровенно выраженное стремление к сепаратизму, противопоставлению творческой организации пролетариата советскому государству.

Читая журнал «Пролетарская культура», мы все время сталкиваемся с одной мыслью, выражаемой сначала обиняками, полунамеками, затем во все более откровенной, вызывающей форме: надо, мол, строго различать классовую творческую работу пролетариата

---

¹ Протоколы Первой всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций 15—20 сентября 1918 года. Под ред. П. И. Лебедева-Полянского. М., 1918, стр. 22.

и общегосударственную, просветительскую. Только в первом случае выдерживается «чистота» классового восприятия. Во втором же возникает опасность утратить пролетарскую точку зрения. Государственные учреждения и пролетарские творческие организации существуют и действуют в разных, параллельных, не пересекающихся плоскостях. И отсюда — уже прямые призывы отгородиться от советского аппарата, от партийного руководства.

Провозглашаемое со страниц руководящего печатного органа пролеткультовцев право рабочего класса «культурно самоопределяться» фактически оборачивалось анархистским, мелкобуржуазным стремлением отделиться от советского аппарата, избежать какого бы то ни было государственного контроля.

Непосредственно организационная связь Пролеткульта с государственным аппаратом осуществлялась через Комиссариат народного просвещения. Необходимость подчиняться Наркомпросу тяготила идеологов «чисто пролетарского» творчества. Отсюда цепь непрерывных конфликтов, препирательств в печати, призывов порвать «ведомственные» связи и т. д.¹

Со страниц «Известий» не раз критиковалась работа Пролеткульта, его претензии на «бесконтрольность».² Однако этого было

---

¹ См., например, о заседании по вопросу об уходе представителей ЦК Пролеткульта из Театрального совета Наркомпроса («Новая жизнь», 1918, № 74, 23 апреля, стр. 3), о взаимоотношении Пролеткульта с другими организациями («Правда», 1918, № 166, 7 апреля, стр. 3). Остро стоял вопрос об организационных формах работы на Второй конференции Московского пролеткульта 20—25 марта 1919 г., где большинством голосов была принята резолюция о «самостоятельности». Оживленные прения по вопросу о Пролеткульте развернулись на Первом всероссийском съезде работников по внешкольному образованию (см. «Известия», 1919, № 101, 13 мая, стр. 4). О выступлении на съезде В. И. Ленина нам еще придется говорить. На съезде была принята резолюция о том, что пролеткультовская работа должна составлять часть деятельности Наркомпроса и быть тесно связанной с его внешкольным отделом. 6 июня 1919 г. коллегия Наркомпроса вынесла резолюцию о координировании работы внешкольного отдела и Пролеткульта («Пролетарская культура», № 9—10, стр. 63—64; текст резолюции см. в ГАОРСС). Однако реальных последствий эта резолюция не имела и привести к установлению действительного контакта Пролеткульта и Наркомпроса не могла.

² См., например, статью С. Мицкевича «К вопросу о Пролеткультах» («Известия», 1919, № 64, 22 марта). В «Правде» (1919, № 81, 15 апреля) была напечатана как дискуссионная статья «Поход на Пролеткульт» Н. Антонова, возражавшего С. Мицкевичу и защищавшего «особые» права Пролеткульта.

недостаточно, чтобы покончить с опасной сепаратистской тенденцией. Дело усложнялось еще и тем, что А. В. Луначарский, стоявший во главе Наркомпроса, сам лично во многом сочувствовал попыткам освободить работу Пролеткульта от прямого контроля Наркомпроса.¹

7

«Изоляционистские» тенденции давали себя знать и в трактовке вопроса о роли наследства в развитии новой пролетарской культуры. В уже знакомой нам резолюции от 4 декабря 1917 года прямо и безоговорочно заявлялось, что творения буржуазной культуры, «ценные иногда по форме», — в «большинстве своем пошлые и провокационные по содержанию и преступные по происхождению».² Такой прокурорский тон по отношению к наследию прошлого — не редкость в статьях и высказываниях тех лет.

Вся история как бы разрубалась на две части: на «вчера» и на «завтра». Все, что было в прошлом, — не наше, все отравлено ядом буржуазного сознания. «Вчера» безраздельно отдавалось буржуазии, «завтра» — пролетариату и только пролетариату.³ Художники прошлого третировались как «камерные кустари», жалкие «одиночки», отдавшие свое перо капиталу. Культура прошлого объявлялась насквозь угнетательской, требовавшей коренного и самого беспощадного пересмотра.

Знакомясь с программными документами Пролеткульта, иногда сталкиваешься и с заявлениями прямо противоположными: о том, что отбрасывать старую культуру нельзя. Наследством «надо овладеть так, — говорилось в передовой первого номера «Пролетарской культуры», — чтобы оно не овладело само душою пролетариата».⁴

---

¹ В статье «Еще о Пролеткульте и советской культурной работе» («Известия», 1919, № 80, 13 апреля) он писал, что нельзя быть равнодушным к самостоятельным пролетарским исканиям. Редакция в примечании заявила о своем несогласии с точкой зрения Луначарского. Во второй статье С. Мицкевич полемизировал уже не только с пролеткультовцами, но и с Луначарским («Пролеткульт и внешкольное образование». «Известия», 1919, № 95, 6 мая). См. также статью Луначарского «Советское государство и искусство» («Известия», 1922, № 22, 29 января, и № 28, 5 февраля).

² ГАОРСС.

³ См., например, характерные рассуждения на страницах журнала «Пролеткульт» (Тверь, 1919, № 1—2, стр. 3).

⁴ «Пролетарская культура», 1918, № 1, стр. 1—2.

Однако этот призыв к овладению, завоеванию наследства не должен обманывать. На деле часто шла речь о таком «завоевании», при котором от старой культуры мало что оставалось.

Грубо примитивным был самый подход к истолкованию произведений прошлого. Один екатеринославский критик всерьез упрекал Пушкина в том, что он, работая долгие годы над «Евгением Онегиным», не посвятил ни одной строки жизни шахтера. Интересно, что, обзоревав периферийную пролеткультовскую печать, рецензент журнала «Пролетарская культура» счел необходимым так вступить за Пушкина. Во-первых, заявляет он, Пушкин не мог писать о шахтерах из-за цензурных условий и гонений; а во-вторых, о шахтерах Пушкин все-таки написал. И в доказательство приводится... послание «Во глубине сибирских руд».¹

Яростные споры вокруг проблемы культурного наследства развернулись на Первой всероссийской конференции Пролеткультов в сентябре 1918 года. Докладывавший по этому вопросу П. И. Лебедев-Полянский проявил полнейшую непримиримость по отношению к наследию прошлого. Поэт Самобытник (А. И. Маширов), делегат от Петрограда, заявил, что полное отрицание старой культуры, попытка «отвергать ее начисто» — «является ошибкой». После заключительного слова докладчика, при утверждении резолюции, споры вспыхнули с новой силой.

Так мы снова убеждаемся, что Пролеткульт вовсе не был монолитной организацией, с единой, всеми участниками разделявшейся идейно-теоретической платформой. В числе видных деятелей этой организации были и П. И. Лебедев-Полянский, понимавший тогда завоевание старой культуры как войну против нее, и А. В. Луначарский, активно отстаивавший совсем иные взгляды. Насколько неопределенной, половинчатой была его позиция в вопросе об отношении Пролеткульта к государству, настолько смело, ярко, талантливо выступал он против попыток отбросить культуру прошлого.

Главный удар он стремится нанести по утверждению, что крупнейшие писатели прошлого «не наши», что они совершенно чужды, враждебны пролетариату. Если А. Богданов, П. Бессалько, П. Лебедев-Полянский тех лет «отказывались» от писателей-классиков, «отдавали» их буржуазии, то Луначарский, наоборот, стремился отвоевать их, показать их глубокую близость миру идей и чувствований нового человека. О том, с каким блеском, темпераментом, с какой убежденностью выполнял Луначарский эту благородную

---

¹ «Пролетарская культура», 1919, № 9—10, стр. 67.

ГРЯДУЩЕЕ

ПРОЛЕТАРСКИЙ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛ

№1

1919

ИЗДАНИЕ ПРОЛЕТКУЛЬТА
ПЕТЕРБУРГ

задачу, можно судить по его речи на Второй конференции пролетарских просветительных организаций.

«Творения гениев, — говорил он, — часто вопреки воле гениев и причиняя им этим могучую боль, носили на себе след какого-нибудь гнилого поцелуя мецената, черную печать рынка, к которому приходилось приспособливаться. Но и в этих клетках, в этих окошках гении старались развернуть свои орлиные крылья, и в сердце каждого жила мечта о подлинной свободе творчества, при которой бы они могли выпрямиться и излечить свои уродства. Отсюда их скорбь, тоска, вопли к небу и аду, отсюда их проклятия насилию и гордые протесты, которые являются не чем иным, как призывами к нам, к далеким потомкам, которым они говорят: «Простите, если у нас был горб на спине, но все, что есть у нас хорошего, радостного, честного, блестящего талантом, все это мы возносим вам».

С этой точки зрения эти гении не ваши, господа буржуазия, а наши, и они не для того, чтобы перед ними рабски кланялись и учились в смысле слепого подражания, они просто наши товарищи и страждущие братья, которые, как и мы, создают и творят жизнь. Такие гении должны занять почетное место в нашем пролетарском пантеоне, ибо они еще послужат для свободного творчества мировой культуры, во главе которой идет пролетариат».¹

Важную роль в борьбе с нигилистическими посягательствами на «камни старой культуры» сыграл Максим Горький. Его деятельность в этой области дает материал для многих исследований.²

Стремление отрешиться от «груза» культурных ценностей, который якобы только отягощает идущего вперед, давало себя знать не только в статьях и выступлениях критиков, «теоретиков», но и находило довольно сильное отражение в пролетарской поэзии тех лет.

«Шабаш культуре!» — восклицал Е. Бражнев (Е. А. Трифонов) в поэме «Поход». Известные строки из стихотворения «Мы» В. Кириллова:

Мы во власти мятежного, страстного хмеля;
Пусть кричат нам: «Вы палачи красоты»,

---

¹ «Грядущее», 1919, № 7—8, стр. 14.

² Из последних работ, содержащих большой и свежий материал, связанный с этой темой, назовем: К. Д. Муратова. М. Горький в борьбе за развитие советской литературы. М.—Л., 1958; Е. Наумов. М. Горький в борьбе за идейность и мастерство советских писателей. М., 1958; Л. И. Тимофеев. Русская советская литература в 1917—1919 годах («Русская советская литература». М., 1958).

Во имя нашего Завтра — сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы, —

были с восторгом подхвачены многими.¹

Интересно, что Маяковский, звавший тогда к расправе с тем же Рафаэлем, с Растрелли («А Рафаэля забыли? Забыли Растрелли вы?») — в стихотворении «Радоваться рано»), почувствовал в авторе приведенных строк своего союзника по борьбе со «старь-ем». Как мы узнаем из автобиографии Кириллова, Маяковский подарил ему свою книгу с надписью: «Т. Кириллову. Однополчанин по битвам с Рафаэлями. Маяковский».

8

Всячески обосновывая необходимость снять со своих плеч тяжесть наследства, пролеткультовцы мотивировали это тем, что у художника прошлого и у пролетарского писателя принципиально противоположные типы сознания, мировосприятия. Здесь мы подходим к следующей «заповеди» Пролеткульта — «коллективистичности» как форме мышления пролетарских поэтов, композиторов, живописцев.

Искусство, учил Богданов, это орудие социальной организации людей. Но организовать пролетариат старое искусство не может — оно индивидуалистично насквозь. Пролетариат нуждается в новом искусстве, где личность не играет никакой роли и служит лишь для того, чтобы выявлять коллектив.² С этой точки зрения и оценивает А. Богданов стихи пролетарских поэтов. Он, например, хвалит стихотворение В. Торского «Осень» за описание леса: здесь «есть уже намек на новое восприятие мира: лес для автора — коллектив... а не отдельная личность, как у Кольцова» (имеется в виду стихотворение «Что, дремучий лес, призадумался...»). «Природа воспринимается глазами коллективиста; его символы — общие переживания леса, а не индивидуальные переживания какой-нибудь березки или сосенки, как в обычной лирике».³

¹ По свидетельству вдовы поэта, стихотворение «Мы» написано под непосредственным впечатлением от заявления А. В. Луначарского о выходе в отставку в знак протеста против повреждения древних памятников русской культуры от снарядов (во время боев в октябре 1917 г. против юнкеров, засевших в Кремле).

² Доклад А. Богданова на Первом всероссийском съезде пролетарских писателей. «Кузница», 1921, № 7, стр. 35.

³ А. Богданов. Критика пролетарского искусства. «Пролетарская культура», 1918, № 3, стр. 14.

Развивая — по-своему последовательно — мысль о «коллективистичности» сознания пролетарского художника, А. Богданов, Федор Калинин приходили к выводу, что и самые формы работы художника должны стать теперь совсем иными — творческий кабинет отдельного «индивидуума» должен уступить место лабораторной студии, где труд уже не зависит от таких непрочных и подозрительных факторов, как «вдохновение», «настроение» и т. п.¹

Критики призывают поэтов всячески приглушать свое «я», только бы, не дай бог, не «выпятить» индивидуальности, всего того, что хоть как-нибудь отличает данную личность от других.²

В этом свете уже не кажется удивительным тот воинствующий аскетизм, с каким решалась тема любви в произведениях, написанных по строгим пролеткультовским рецептам.

Мы не грустим о Беатриче,
Любовь — наивный бред ума, —

весело и беззаботно уверяет поэт.³

Пафос единства, пафос коллектива, братства людей, борющихся за свое счастье, жертвующих многим во имя общего дела, — все то, что действительно вдохновляло искусство революции, часто у пролеткультовских литературных деятелей оказывалось искаженным, доведенным до абсурда, до пародии на самое себя.

И когда читаешь стихи первых лет революции, не всегда легко сразу отделить то, что было порождено энтузиазмом народа, готовностью поступиться личным счастьем ради общей победы, от пролеткультовского возведения этой жертвенности в сухой, схоластически-прямолинейный принцип. Была своя историческая закономерность в пафосе безымянности, понимании коллектива как чего-то недифференцированно-монолитного. И, конечно, историк литературы поставит в связь такие факты, как анонимность поэмы Маяковского «150 000 000», попытки студийцев приняться за коллективное творчество, многократные повторения одних и тех же заглавий — «Мы», «Мы — одно» — в стихах Кириллова, Герасимова, Александров-

---

¹ Федор Калинин. О методах работы в пролеткультах. «Пролетарская культура», 1919, № 11—12, стр. 36.

² Например, в отзыве о «Падении Даира» А. Малышкина заслугу писателя критик видит именно в том, что массы у него «обесчечивают, стирают отдельные личности» («Известия», 1923, № 100, 8 мая, стр. 4).

³ Ив. Мукосеев. У свергнутых кумиров. Стихи. Бежица, 1918, стр. 105.

ского, Крайского. Вместе с тем, отмечая взаимосвязь этих явлений, историк литературы должен будет показать, как постепенно преодолевали разные поэты догматическое противопоставление друг другу «мы» и «я», как постепенно приходили к мысли о слиянии личного и общественного, а не о подстановке одного вместо другого.

9

И еще один пункт пролеткультовской программы — связанный с вопросом о содержании и форме искусства. Задача писателя в том, чтобы выявлять свою классовую сущность. «Не говорите ему о форме, а требуйте от него содержания»,¹ — заявлял П. Бессалько с чисто пролеткультовской непреерекаемостью. «Должно браться только пролетарски-классовое содержание и на нем показываться силы и достижения. Смущаться нечего, если содержание в художественном отношении не вполне совершенно, лишь бы оно не загроживало дорогу классовому социалистическому творчеству», — наставлял Федор Калинин.²

«Смущаться нечего» — эти слова не раз повторяются в «инструктивных» докладах, статьях, рецензиях. И не в том смысле, что, мол, сначала мастерства не будет, оно придет позже. Нет, мастерство и не нужно вовсе, и вообще «форма» — это предрассудок, не более как отрывка буржуазного сознания. И талант — это не что иное, как самый обыкновенный добросовестный труд.³ Каждый мало-мальски грамотный пролетарий может смело браться за любую художественную задачу. Ратуя за оживление работы студий, автор одной газетной статьи предлагал попросту «запросить от каждого учреждения, от каждой организации по нескольку представителей более или менее развитых товарищей. И начать работу: присматриваться к жизни рабоче-крестьянской массы и отражать все это на бумаге».⁴

Всякие художественные поиски, стремления к новизне поэтического выражения встречались с мрачной недоверчивостью. А. Богданов обрушивался на поэтов, склонных к свободному ритму, неожиданным рифмам, видя в этом дурное влияние «интеллигентской

---

¹ П. Бессалько. О форме и содержании. «Грядущее», 1918, № 4, стр. 4.

² Федор Калинин. О методах работы в пролеткультах. «Пролетарская культура», 1919, № 11—12, стр. 37.

³ См. П. Бессалько. Творчество интуитивное и сознательное. «Альбатрос», 1918, № 1, стр. 10 и 12.

⁴ «Красноярский рабочий», 1921, № 235, 23 октября, стр. 3.

пролеткультовцам было очень лестно — вождь советского государства желает им наилучших успехов в работе. Но коротенькое ленинское письмо меньше всего походило на обычный знак внимания и в сущности намечало совсем иной путь по сравнению с тем, по какому пошла — несмотря на жестокие споры и дискуссии — конференция.

«Господство авангарда всех трудящихся и эксплуатируемых, т. е. пролетариата, — писал Ленин, — необходимо на это переходное время для полного уничтожения классов, для подавления сопротивления эксплуататоров, для объединения всей массы трудящихся и эксплуатируемых, забитой, задавленной, распыленной капитализмом, вокруг городских рабочих, в теснейшем союзе с ними».¹

В том же 1918 году труды конференции были изданы. Книга открывалась ленинским приветствием. Читая ее, особенно наглядно чувствуешь, в каком глубококом противоречии находилось с ленинскими словами о теснейшем союзе рабочего класса и всех трудящихся то, к чему призывали в своих докладах и многих выступлениях А. Богданов, Ф. Калинин, П. Лебедев-Полянский и другие.²

В последующее время Ленин продолжал интересоваться работой Пролеткульта. 6 ноября 1918 года он посетил праздничный вечер Московского пролеткульта.³

По мере того как все явственнее проступала линия пролеткультовцев на «автономию», «независимость» в работе, на разрыв с культурным наследием, внимание Ленина к этому участку идеологической жизни становится все более напряженным и неотрывным. В августе 1920 года он в записке к М. Н. Покровскому запрашивает о юридическом положении Пролеткульта в системе государственных органов, о его руководящем центре, о роли и итогах его работы.⁴ Получив ответ, Ленин на конверте пишет: «Напомнить еще раз».⁵ М. Н. Покровский сообщал в справке, что Пролеткульт является «... автономной организацией, работающей под контролем Наркомпроса. . .» Ленин трижды подчеркнул слова «под контролем» и сбому, на полях, написал: «Как его сделать реальным?»⁶

Решительно и последовательно ведет Ленин борьбу против пролеткультовских попыток строить новую культуру «на голом ме-

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 28, стр. 76.

² На это указывает Н. К. Крупская в книге «Воспоминания о Ленине», М., 1957, стр. 390.

³ См. об этом сообщение в газ. «Известия», 1918, № 244, 9 ноября.

⁴ «Ленин о литературе и искусстве». М., 1957, стр. 394.

⁵ «Вопросы истории КПСС», 1958, № 1, стр. 32.

⁶ Сб. «Ленин о литературе и искусстве», стр. 394.

сте», отбрасывать «груз» наследства. Достаточно напомнить его речи и выступления, направленные против «нелепейшего кривляния», когда «под видом чисто пролетарского искусства и пролетарской культуры преподносилось нечто сверхъестественное и несуразное»,¹ — против выдумывания беспочвенных теорий о пролетарской культуре.²

Интересно, что известные слова Ленина на III Всероссийском съезде комсомола: «Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества»,³ — относятся к тому времени, когда Ленин уже непосредственно занимался вопросом о положении и «программе» Пролеткульта. Они были сказаны 2 октября 1920 года. А через три дня, 5 октября, в Москве открылся I Всероссийский съезд Пролеткульта. 7 октября на съезде выступал А. В. Луначарский, который — по указанию Ленина — должен был подвергнуть решительной и бескомпромиссной критике пролеткультовские претензии на «автономию». Однако Луначарский сказал нечто противоположное этому. В отчете газеты «Известия» так излагалось соответствующее место его выступления:

«Касаюсь отношений Наркомпроса и Пролеткульта, т. Луначарский указал, что за Пролеткультом должно быть обеспечено особое положение, полнейшая автономия. . . Области Наркомпроса и Пролеткульта при глубоком внимании к задачам того и другого должны быть разграничены: дело просвещения и главнейшим образом образования рабочей молодежи находится в руках Комиссариата народного просвещения, дело пролетарской культуры — в Пролеткульте. . .»⁴

Прочитав номер газеты от 8 октября, Ленин с возмущением писал, что Луначарский говорил «прямо обратное тому, о чем мы с ним вчера условились». Владимир Ильич потребовал «с чрезвычайной спешностью приготовить проект резолюции (съезда Пролеткульта)» и провести его через ЦК, с тем чтобы принять на этой же сессии Пролеткульта.⁵ В проекте резолюции он наносил удар по попыткам «выдумывать свою особую культуру, замыкаться в свои обособленные организации, разграничивать области работы Наркомпроса и Пролеткульта или устанавливать «автономию» Про-

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 308.

² В. И. Ленин. Сочинения, т. 30, стр. 353.

³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 262.

⁴ «Известия», 1920, № 224, 8 октября, стр. 3.

⁵ В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 291.

леткульта внутри учреждений Наркомпроса и т. п.»¹ Вопрос о Пролеткульте был поставлен на обсуждение в ЦК РКП(б).²

Съезд Пролеткульта принял резолюцию, написанную в духе ленинских положений.

Но борьба была еще не кончена. Некоторые руководители пролетарских творческих организаций в сущности пытались придер- живаться прежней линии, направленной на отрыв творческой ра- боты от конкретных задач коммунистического строительства. В ноябре 1920 года положение с Пролеткультом специально об- суждалось на пленуме ЦК РКП(б). Ленин составил проект поста- новления пленума. 1 декабря в газете «Правда» (1920, № 270) было опубликовано Письмо ЦК РКП(б) «О пролеткультах».

Творческая работа Пролеткульта должна явиться одной из составных частей работы Наркомпроса, как органа, осуществляю- щего пролетарскую диктатуру в области культуры; требование «независимости» рабочей организации, родившееся еще при Времен- ном правительстве Керенского, обретает совершенно иной смысл после Октября, — это уже «независимость» от советской власти; в пролеткультах нахлынули социально чуждые, мелкобуржуазные элементы, которые иногда фактически захватывают руководство в организациях в свои руки; под видом пролетарской культуры они навязывают передовым рабочим свои собственные, полубуржуаз- ные философские «системы» и выдумки, — таковы положения Пись- ма. Критикуя реакционные взгляды, выдававшиеся за «пролетар- скую» точку зрения, ЦК в своем Письме особо подчеркивал, что он не только не хочет связывать инициативу в области рабочего художественного творчества, но, наоборот, стремится создать для этого более здоровую, нормальную обстановку.

Мы не имеем здесь возможности подробно говорить о том, как отнеслись пролеткультисты к историческому Письму Центрального Комитета. Имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что реак- ция была весьма противоречивой.³

---

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 292.

² Подробнее об этом заседании см. в содержательной статье В. К. Горбунова «Борьба В. И. Ленина с сепаратистскими устремлениями Пролеткульта» («Вопросы истории КПСС», 1958, № 1, стр. 30—34).

³ Кроме фактов, изложенных в указанной статье журнала «Вопросы истории КПСС» (1958, № 1, стр. 37—38), интересные материалы находим в ГАОРССе. Мы узнаем здесь некоторые по- дробности встречи с Лениным делегации Пролеткульта — гг. Плет- нева, Благодрава, Волгина и Никитина. Беседа состоялась 18 декабря 1920 года.

Новый председатель ЦК Пролеткульта В. Плетнев не соби-
рался всерьез пересматривать старую идеологическую программу.
Он по-прежнему придерживался сепаратистских догматических
взглядов. Свидетельство тому — статья Плетнева «На идеологическом
фронте»,¹ встретившая резкий и незамедлительный отпор Влади-
мира Ильича. В тот же день, 27 сентября 1922 года, когда вышел
номер газеты с этой статьей, Ленин обратился с запиской к Буха-
рину, в которой протестовал против «фельетона Плетнева».² К за-
писке был приложен номер газеты, испещренный ленинскими помет-
ками.³

«Творчество новой пролетарской классовой культуры — основ-
ная цель Пролеткульта», — возвещал В. Плетнев. Ленин подчерки-
вает отдельные слова и сбоку пишет: «Ха-ха!»⁴

«Задача строительства пролетарской культуры может быть раз-
решена только силами самого пролетариата»,⁵ — продолжал Плет-
нев, этот суровый и ограниченный приверженец пролетарского куль-
турнического «изоляционизма». Ленин подчеркивает двойной чер-
той слово «самого» и пишет на полях: «А крестьяне?» Всего два
слова — а как глубоко бьют они в самое уязвимое место пролет-
культовщины, органически не приемлющей мысли о союзе рабочего
класса и крестьянства.

И еще очень важная пометка: Ленин подчеркнул то место, где
среди прочего утверждалось: «Схема индивидуалистических пере-
живаний уступает место движениям масс...»⁶ В этих словах сфор-
мулировано одно из любимейших и примитивнейших положений
Пролеткульта, «изгонявшего» из литературы личность, отождест-
влявшего индивидуальность и индивидуализм.

В упоминавшейся записке Бухарину Ленин требовал, чтобы
редакция «Правды» разъяснила ошибки автору, фальсифицирую-
щему исторический материализм. Вскоре в «Правде» появилась
статья Я. Яковлева «О «пролетарской» культуре и Пролеткульте»,⁷
написанная, как свидетельствует А. В. Луначарский, с ведома и

---

¹ «Правда», 1922, № 217, 24 сентября. Несколько позднее
в «Правде» (№ 237, 20 октября) была помещена вторая статья
В. Плетнева — «В Пролеткульте».

² В. И. Ленин. Сочинения, т. 35, стр. 475.

³ Заметки В. И. Ленина воспроизведены в сб. «Ленин о лите-
ратуре и искусстве», М., 1957, стр. 497—509.

⁴ Там же, стр. 497.

⁵ Там же, стр. 500. Против другой аналогичной фразы Ленин
пишет: «Архификция» (там же, стр. 503).

⁶ Там же, стр. 508.

⁷ «Правда», 1922, № 240, 24 октября и № 241, 25 октября.

одобрения Ленина.¹ Автор статьи ярко и убедительно показывал, как в изображении Плетнева пролетарская культура становилась чем-то вроде химического реактива, получаемого в пролеткультовской реторте. В статье говорилось об огромных практических задачах, стоявших перед страной: о борьбе против бюрократизма, взяток, против разгильдяйства, о борьбе за четкость в работе, за чистоту, гигиену, грамотность, за культурное хозяйничание в деревне. Насколько далеки были волхования Плетнева в сравнении с той массой конкретных жизненных вопросов, которые вставали во весь рост перед молодой Советской республикой.

Так расчищала наша партия путь для развития новой литературы — свободной от дремучей схоластики, самодовольных лжемудрствований, внешне, казалось бы, революционных, а в сущности проникнутых чуждым духом буржуазной идеологии. Так боролась она против пролеткультовских попыток искусственно отгородить культурно-творческую работу пролетариата от живых, насущных и неотложных вопросов, вставших перед страной в первые советские годы.

11

Пролетарская поэзия первых лет Октября гораздо сложнее и богаче того, какой хотели видеть ее пролеткультовские главари-теоретики. Обстоятельство это порой не учитывается в полной мере в наших историко-литературных работах. И тогда стихи того или иного поэта привлекаются лишь для иллюстрации очередного теоретического положения. Сделать это нетрудно. Действительно, не было, пожалуй, ни одного пролеткультовского тезиса, который не находил бы в стихах отражения — подчас довольно прямого. Но

---

¹ А. Луначарский. Ленин и литературоведение. — В его кн. «Статьи о советской литературе», М., 1958, стр. 27. См. также статью А. Луначарского «Еще к вопросу о культуре» («Известия», 1922, № 249, 3 ноября) — прямой отклик на статью Я. Яковлева, с которым Луначарский и соглашается, и спорит, проявляя известную недооценку практических вопросов строительства новой культуры. Заслуживает внимания также вторая статья Я. Яковлева «Меньшевики в пролеткультовской одежде», где автор критикует другого руководителя Пролеткульта — А. Богданова, выступившего в клубе Московского университета с глубоко ошибочной речью. Раскрывая меньшевистскую природу богдановских ошибок, Я. Яковлев связывает вопрос о новой культуре с конкретными задачами коммунистического строительства («Правда», 1923, № 2, 4 января).

гораздо интереснее проследить, как разрывала живая поэзия схоластические пути, как смывала она искусно возводимые, но непрочные перегородки, как отбрасывала пролеткультовские ограничения и запреты.

Только пролетарий может быть создателем пролетарской культуры, — вешали авторы «основополагающих» статей. Вся жизнь, вся политическая обстановка в стране, практика подводили к совсем иным выводам, подтверждали ленинские идеи союза рабочего и крестьянина-труженика.

«Красный мост» — так назвал свою книжку поэт Н. С. Тихомиров.¹ Это название символично: революция — красный мост, соединяющий город и деревню. Книга открывалась стихами, которые вошли во многие хрестоматии тех лет, часто звучали на литературных вечерах:

Мы с тобой родные братья:
Я — рабочий, ты — мужик,
Наши крепкие объятья —
Смерть и гибель для владык...

(«Братья»)

Выходец из деревни, прошедший сквозь мытарства по фабрикам, Тихомиров пишет о рабочей жизни. И так естественно переходит к другим картинам — к сельской Руси, к «брату-пахарю», к мужику в худых лаптях, в заплатанном зипуне, с захудалой клячонкой, корпевшему над узкой полосой и увидевшему теперь свет новой жизни.

Со сборником «Красный мост» перекликается книжка стихов Якова Бердникова «Пришествие».² Архаическое слово это, как будто взятое из церковного обихода, в сущности выражает ту же мысль — о «приходе» города в деревню. Использование «религиозного» лексикона характерно не для одного только Бердникова. По-разному сказалось оно в творчестве М. Герасимова, В. Князева, И. Логинова и многих других пролетарских поэтов.

Не будем сейчас говорить о сложных переплетениях религиозно-мифологического и социально-политического словаря в бердниковских стихах (поэт, например, восклицает, что пришел в деревню «не с елейным чудом», призывает переплавить «угарно-дымные лачуги» в вагранках и тут же обещает воздвигнуть «счастья алтари»). Важнее другое — сквозь все стихотворения сборника проходит

¹ Н. С. Тихомиров. Красный мост. 1914—1918. Пб., 1919.

² Я. Бердников. Пришествие. Пг., 1921.

мысль о том, что наступает конец сонному и древнему царству, что двери сгорбленных изб открываются «в простор», кормилец-плуг перепахивает целину, «взрывает полей равнины».

Точно так же постепенно преодолевалось и все смелее отбрасывалось многими поэтами требование порвать с наследством прошлого. Прежде всего отметим, что были поэты, которые никогда и не разделяли пролеткультовских призывов к разрыву с наследством. Интересна в этом отношении статья Н. Полетаева «О предрассудках в поэзии», где он определенно высказывается против боязни старых слов, старых рифм, говорит о том, что старая форма может наполниться новым содержанием, предупреждает против псевдоноваторства:

«Если современный рабочий,— писал он,— захочет выразить свое страдание и страдание своих близких, то, может быть, и не избегнуть ему рифм «любовь» и «кровь», потому что это *его* рифмы, ибо он действительно любит и за любовь свою слишком часто расплачивается кровью. Лишь бы эта любовь была настоящая, лучезарная любовь, а кровь — горячая и бурлящая кровь.

Если же нет подлинности переживаний, то не спасут и редкие, вычурные рифмы и необычайные сопоставления».¹

Вместе с тем многие поэты, которые раньше объявляли, что всю социалистическую культуру надо строить совершенно заново, не оставляя ни одного старого кирпича в фундаменте, постепенно освобождаются от подобной узости и ограниченности.

Владимир Кириллов, звавший во имя завтра сжечь Рафаэля, разрушить музеи, пишет одно из лучших своих стихотворений «Красный Кремль» (1920), в котором уже неразрывно слиты «мудрость предков» и «солнечная новь». В другом стихотворении — «Другу-критику» — поэт раскрывает живое, непосредственное ощущение истории в ее непрерывно длящейся преемственности («Я очень стар, я тридцативековый, древней, чем Новгород, Москва и Тверь»).

Поэт Самобытник в первые годы революции призывал к движению вперед без всякой оглядки на прошлое; все, что было «вчера», казалось ему, уже вовсе не существует, отделено от «сегодня» непроходимой пропастью. С годами поэт приходит к более широкому, емкому взгляду на историю, на развитие культуры. Он пишет стихи о Некрасове («Народному поэту»), в которых утверждает нечто совершенно неприемлемое, недопустимое с точки зрения беспощадной пролеткультовской ортодоксии:

---

¹ «Горн», 1919, № 4, стр. 46.

Для вольных трудящихся классов,
Кто творчеством жизни томим,
Дворянское имя Некрасов
Останется вечно родным.¹

В другом стихотворении о Некрасове он пишет, что Некрасов «поэзией связал незримый мост с восставшим пролетариатом».² Вот этот «незримый мост», многократно взрываемый в статьях, речах, поучениях пролеткультовских догматиков, все более смело, уверенно, убежденно возводится в стихах и поэмах того времени.³

Живое ощущение культурно-исторической преемственности сливалось с патриотической темой, с чувством национальной гордости за родную страну, прокладывающую новый путь человечеству.

Когда заходит речь о пролетарской поэзии первых лет Октября, эта важная тема порой недооценивается. Существует еще такое представление: в те годы поэт говорил о борьбе классов, о рабочих и капиталистах, и все это, так сказать, не выходя из круга чисто «социальных» представлений. В действительности же национально-патриотическая тема, которой не находилось места в вульгарно-социологических пролеткультовских схемах, получает в поэзии тех лет необыкновенно мощное, широкое отражение.

Уходила в прошлое Россия самодержавная, «двуглавая», страна расфуфыренных господ и оборванной черни, особняков и острогов, дворцов и трактиров.

О страна! С вековыми устоями,
Под стальными когтями орла,

---

¹ «Петроградская правда», 1921, № 256, 6 декабря.

² Там же.

³ Не говорим тут о многих произведениях, отмеченных печатью явного ученического подражания. Умиравший боец у В. Торского изъясняется совершенно в духе Мцыри, самый стих, сделанный «под Лермонтова», уже отдает пародией:

И много, много я читал,
И много выучил наук!
Я понял Марксов «Капитал»
И понял силу наших рук...
и т. д.

(«Красноармеец». — «Нижегородская коммуна», 1918, № 37, 17 декабря). Точно так же нетрудно определить литературные источники стихотворений «Как ныне собирается Ленин Ильич...» («Нижегородская коммуна», 1919, № 18, 26 января), «В озлоблении немало, жарок, как костер, у рабочих с капиталом разгорелся спор» («Красноармеец», 1918, № 38, 17 ноября) или солдатской песни П. Зуева, помещенной в настоящем издании,

За отверженными героями
Ты на красную пытку пошла...

Ты пошла умереть под метелями,
Чтобы снова воскреснуть в огне, —

воскликает В. Александровский в стихотворении, знаменательно озаглавленном «Две России». Та же мысль о гибели старой Руси и о рождении в октябрьском пламени новой, советской России, радостное сознание, что слово «русский» равнозначно теперь не «рабу» и не «угнетателю», но свободному, полноправному человеку, хозяину своей судьбы, гордость за свою родину звучит в стихотворениях Я. Бердникова «Русь»; М. Герасимова «Минин», В. Кириллова «России», С. Обрадовича «Москва», Н. Полетаева «Родина», Самобытника «Россия», П. Зуева «Сибирь», А. Крайского «Свободной родине». Последнее — особенно интересно и драматично. Оно начинается с горестных раздумий о том, что угнетенному, забитому человеку все равно, где томиться, он не может назвать родину своим домом в полном смысле слова. А затем поэт говорит о том, как с новой силой разгорелось в нем сыновнее чувство к родной стране, перевернувшей «весь наемнический строй». Родившись «слепым», он теперь духовно прозревает и видит скорбное, со следами страданий, но такое любимое, материнское лицо родины.

Еще более резкая грань между старой и новой Россией проведена в стихотворении Н. Полетаева «Родина» («Я родины сроду не знал...»).¹ Раскрывая заново обретенное чувство родины, поэт рисует все прошлое беспросветно мрачными красками, не видит в старой жизни ничего, кроме рабства, «пропя и лени».

Надо представить себе конкретную обстановку первых лет советской эпохи, когда так сильны, цепки, живучи были еще вековые навыки и представления, когда самое слово «патриотический» ассоциировалось еще с царской Россией, — чтобы понять всю сложность, с какою проходило переосмысление старых понятий, их наполнение новым, советским содержанием.

Когда мы сегодня читаем строки М. Герасимова:

Победно грани рабства минем,
Смелей рубинный стяг развей,
Пусть каждый будет словно Минин
Советской родины своей! —

(«Минин»)

---

¹ «Огонек», 1923, № 38, 16 декабря,

нам они кажутся естественными; но тогда это звучало смело и неожиданно, ибо о Минине много писалось в старых книгах, в учебниках, проникнутых слащавейшим монархолобием, казенщиной и сусальностью.

Пролетарские поэты В. Кириллов, М. Герасимов, В. Александровский, С. Обрадович и многие другие были первыми, кто вместе с Маяковским, Бедным, Блоком, Есениным, Брюсовым создавали образ новой России — родины свободы и социализма. И в этом их большая историческая заслуга.

12

Говоря о преодолении в живой поэтической практике пролеткультовских схем, особенно интересно проследить, как отбрасывался один из самых ошибочных и антихудожественных тезисов — о коллективизме как полном торжестве «безличности». Поэзия все более глубоко раскрывала новую действительность, и — в неразрывной связи с этим — все больше выявлялась творческая индивидуальность писателя.

Когда читаешь, например, в хронологической последовательности сборники одного из самых талантливых пролетарских поэтов В. Александровского — «Восстание», «Рабочий поселок», «Север», «Утро», «Россыпь огней», «Звон солнца», «Шаги», — это постепенное высвобождение лирического «я» поэта становится особенно заметным. Александровский встретил Октябрь восторженными стихами, которые еще трудно сразу отличить от стихов других его собратьев по перу, хотя уже тогда они обращали на себя внимание своей эмоциональностью и внутренней силой. Его «Восстание» (июль 1918), одна из первых поэм о революции, сразу же вызвавшая многочисленные отклики, многократно перепечатывавшаяся, несла на себе следы подражательности, символистской условности. Это ощущалось с первых же строк:

Тайна в глазах.

Взгляды порывисты, цепки.

Что-то растет.

Кто-то огромный идет...¹

---

¹ Эту подражательность, дававшую себя знать и в некоторых других стихах Александровского, хорошо почувствовал Маяковский. О его пометках на стихах Александровского см. Н. В. Реформатская. Пометки Маяковского на полях сборника «Пролетарские писатели». — «Владимир Маяковский. Сборник 1». М.—Л., 1940, стр. 277, 280—281.

Поэма лишена конкретных героев, действие как бы отрывается от «носителя». Отсюда — повторяющиеся предложения без подлежащих («Томились. Искали. Под тяжестью муки хватались за нож. . .»). Образы нарочито расплывчатые, смутные, словно лишены очертаний. В других стихотворениях, свободных от следов откровенной подражательности, чувствуется декларативность и, если можно так сказать, «безличность» интонации.

Но, внимательно вглядываясь, вы постепенно начинаете различать сквозь «трескучесть» человеческий и характерный голос, присущий именно данному поэту — Василию Дмитриевичу Александровскому. Стихотворение «Мы» (1921) внешне как будто совсем традиционно. И прием кольцевого обрамления строфы одной и той же строкой — далеко не нов. Но прочтем эти стихи:

На смуглые ладони площадей
Мы каждый день расплескиваем души;
Мы каждый день выходим солнце слушать
На смуглые ладони площадей. . .

Здесь не все подражательно — в старых формах уже намечается какая-то своя интонация. В чем она? Может быть, в неожиданном образе «смуглых ладоней площадей», в противоречивости сочетаний («солнце слушать»)? Или в ритме, в звучании стиха, нарочито замедленном, величавом и чуть грустном? Или в нарочитом повторении слов и оборотов, придающем стиху какую-то особую сосредоточенность?

Еще сильнее выражена эта «своя» интонация в стихотворении «Я выпил сотни солнц» (оно было опубликовано в «Правде» под названием «Я — пролетарий»). Перед нами монолог пролетария, «идущего к новым солнцам и мирам», — форма тоже довольно обычная. В те годы часто появлялись стихи, где речь шла как бы непосредственно от имени рабочего класса. Но прислушаемся к тому, как это звучит у Александровского:

Я выпил сотни солнц. И всё мне мало.
Всё мало мне. Но сердце не грустит.
Я никогда не рассыпаю жалоб
По пыльному и долгову пути. . .

(«Я»)

При всей грандиозности образов («сотни солнц») — интонация человечна, опять-таки одновременно и торжественна, и чуть печальна.

В других стихах грусть уже не так прозрачна и неуловима. Поэт начинает «рассыпать жалобы», его охватывает ощущение какого-то «неуюта», одинокой неприкаянности. Думается, была в этом своя закономерность. Холодно-ватое-безличное, сплошное и тяжеловесное пролеткультовское «мы» не давало лирику полного удовлетворения, отказ от «я» вызывал внутреннее противодействие. Возникало скрытое разделение «мы» и «я» — вернее, уже не «я», а какого-то его осколка, остатка, всего того, что казалось неуместным с точки зрения официозно-пролеткультовской «коллективистичности». Но весь путь Александровского вел его к слиянию «мы» и «я». В этом смысле, при самой резкой несхожести путей разных советских поэтов, их связывало общее направление развития.

Ведь и Маяковский далеко не сразу пришел к полному слиянию личного и общественного. Не случайны вызывающая «анонимность» поэмы «150 000 000» и — обостренно-драматическая «личность» поэмы «Про это», вслед за которыми «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!» предстают как нераздельный синтез, сплав личной и общественной темы. В другой форме, в другом проявлении проходил этот процесс у В. Александровского, но в каких-то общих моментах была здесь обусловленная временем перекличка. Если «Восстание» и некоторые другие его стихи первых лет революции исполнены пафоса «безличности», то, скажем, сборник «Север», наоборот, настораживал критику сугубо личными темами, данными даже в некотором отрыве от темы революции.¹

Но Александровский не мог оставаться ни в сфере безлично-декларативного пафоса, ни в узких пределах камерной, «надрывной» лирики. В своих лучших произведениях он, возвышаясь над предрассудками и догматическими представлениями об «опасности» лирики, создает интересные образцы поэзии, в одно и то же время глубоко общественной и личной.

Поэт умеет передать противоречивость внутреннего мира, не переходящую в растерянность, а, наоборот, отмеченную упрямым желанием найти выход в самой трудной ситуации, чтобы не отставая шагать со временем в ногу. В. Хлебников метко сказал об «утонченной жизни сердца» в поэзии В. Александровского.² Эта «утон-

---

¹ Рецензент журнала «Пролетарская литература» В. П.—ий (очевидно, П. И. Лебедев-Полянский) заявлял в отзыве о книге «Север»: «Если эти опасные настроения охватят В. Александровского, он для пролетариата как поэт погибнет» (1919, № 9—10, стр. 66).

² В. Хлебников, О стихах. Собрание произведений, т. 5, Л., 1933, стр. 227.

ченность» ничего общего не имела с индивидуалистической изощренностью или декадентской манерностью. Прочитайте стихотворение «Осень» (1922). С первых же строк разгорается в нем спор «борьбы» и «покоя». Поэта окружают тяжелые картины, накачивается усталость, и «старуха осень» гладит его «трясущейся рукой». Но на смену навязчивым мыслям приходят новые, свежие, он ощущает прилив душевных сил. И резко меняется стихотворный ритм, звучание, — поэт как бы сам перебивает себя. Образ старухи осени, заставляющий вспомнить о смерти, перечеркивается, и возникает другой, радостный и веселый: встает утро, вскидывая солнце «мешком на плечо».

Поэт создает ряд лирических стихотворений, исполненных ощущения «трудного счастья», пафоса неостывающей тревоги, непрерывного внутреннего боренья и победы над печалью и неверием. («Душа, кричи громче...», «Мы умеем всё переносить...», «Верю я — мы грядущее вынынчим...», «Бешено...»)

Если раньше он подражал Блоку, Брюсову, Верхарну, затем много и плодотворно учился у Маяковского, который помогал ему освобождаться от штампов, от закостеневших форм, то теперь к этому присоединяется и все большая связь с творчеством Сергея Есенина.¹

Есенин помогает Александровскому найти свою интонацию, одновременно и разговорную, и песенную, непринужденно мелодичную, покоряющую искренностью и прямоотой. Порой Александровский довольствуется прямолинейным подражанием Есенину:

Не умел и не знал я, как плакать,
И, когда вся деревня спит,
Первым лез я в горячую драку,
Первым был до бесчувствия бит...

Было просто всё и понятно:
Я его или он меня;
Дома молча кровавые пятна
Вытирал я дерюгой в сенях...

(«Синь») 2

---

¹ В автобиографии Александровский пишет, что любит Верхарна, Блока «и немножко Маяковского и Есенина» (Сб. «Пролетарские писатели», М., 1925, стр. 7).

² «Красная нива», 1923, № 1, стр. 34—35. Столь же откровенно в своей подражательности «Стихотворение» («Прожектор», 1923, № 20, стр. 24).

Читая эти строки, так легко сбиться на —

«Ничего! я споткнулся о камень,
Это к завтраму всё заживет!»

Но вот стихотворение «Ну да, люди все такие...», внешне очень «есенинское», не назовешь только подражательным. Если можно так выразиться, «есенинское» здесь сплавлено с «александровской» упрямой интонацией, в которой смешаны и веселый задор борьбы, упрямство, и еле заметная грусть. В еще большей мере это относится к «Поэме о Пахоме» (1923). Далеко ушел здесь поэт от своих прежних стихов, где еще как-то следовал пролеткультовским рецептам.

13

Почти каждый, кто писал о пролетарской поэзии, отмечал как одну из самых характерных и уязвимых ее особенностей «космизм», отрыв от насущных, «грубых» вопросов повседневности. Было бы неверно видеть во всем этом только плоды пагубного воздействия пролеткультовских догм. Дело обстояло, конечно, сложнее. В стихах, написанных в период с октября 1917 года до начала 20-х годов, отразился «планетаризм первых годов революции» (Маяковский), триумфальное шествие Октября; поэты, упоенные победами, впервые пытавшиеся запечатлеть новизну эпохи, грандиозность социальных перемен и потрясений, сознательно старались порой опускать все второстепенное, несущественное. Они хотели говорить о главном; но это главное оказывалось у них часто лишенным жизненной плоти. Не будем забывать, что литература тех лет — самая ранняя попытка художественного освоения нового, небывалого жизненного материала.

Особенно показательна в этом отношении поэзия Ивана Гурьевича Филипченко. Тогдашние критики высоко поднимали его, хвалили именно за то, в чем современный читатель увидит как раз слабость. Филипченко с одобрением называли «*поэтом космичности*».¹ И действительно, читая его стихи, поэмы, обычно очень

---

¹ «Творчество», 1921, № 1—3, стр. 36. Необычайно лестный отзыв о его сборнике «Эра славы» (М., 1918) дал П. Яровой («Правда», 1922, № 108, 14 мая). Значительно более трезвой и даже холодной была оценка, данная творчеству И. Филипченко Н. Осинским в статье «Побеги травы. Заметки читателя. III. Новая литература: поэзия» («Правда», 1922, № 145, 4 июля). В по-

промоздкие, затянутые, не различаешь отдельных фигур, индивидуальных образов. Поэту мало земного шара, и он врывается в мировые пространства, чтобы начертать огромный, «межпланетный» образ Труда, хозяина и создателя всего сущего.

Слава взлетам твоим вдохновенных надежд,
Силе рук, Шар Земной для которых забавал
Слава черным, космическим, грубым рукам...
Ими ты начертал мировые орбиты... —

провозглашает он в стихотворении «Пролетариату».¹ Труд для Филипченко это не столько реальная работа, практическое действие, сколько «действие», нечто с большой буквы, возвышенное и безграничное. Испытывая сильное влияние У. Уитмена, он воспевает красоту и мощь мира, человека — не данного, не «этого», но вообще человека — правда, обязательно труженика.

В «Поэме славы» действуют не отдельные люди, но Земля, Воздух, Солнце, Океан, Человечество; вся Вселенная поет гимны Труду. И, что особенно важно подчеркнуть, «космизм» — не личная только черта поэта Филипченко, но во многом — особенность литературного направления в целом. Нельзя не почувствовать, что перед нами безусловно одаренный поэт, его абстракции — не от бедности таланта. У него сильное и оригинальное воображение, речь насыщена (часто даже перенасыщена) образами, сравнениями, уподоблениями. Его поэтический язык довольно выразителен, динамичен, полон новых словообразований («вихрь тысячеревный», «снеговерхие горы», «бесхлебный класс», «смертомет» и т. д.), причудливо сочетающихся с тяжеловесными архаизмами («десница», «шуйца» и т. п.).

Творчество Ивана Филипченко — яркий пример своеобразной исторической ограниченности талантливого поэта, который еще не в силах избавиться от абстрактной символики, наполнить свои стихи живыми голосами реальной действительности. А сколько тогда было написано стихов откровенно декламационных, выпрен-

---

следующие годы в статьях и рецензиях поэзия И. Филипченко получает все более критическую оценку. «Все это слишком суммарно, абстрактно, лишено живой образности, нет живой плоти и крови осязаемого», — пишет А. Воронский в статье «Прозаики и поэты „Кузницы“». — В его книге «Литературные портреты», т. 2. М., 1929, стр. 158. (Впервые статья напечатана в журнале «Красная новь», 1923, № 3 (13), стр. 297—312).

¹ «Пролетарский сборник», кн. 1. М., 1918, стр. 10.

них, лишенных какого бы то ни было авторского своеобразия! Как много поэтов увлекались тогда звонкими восклицаниями, восторженными выкриками, общими фразами, часто неподдельно искренними, но поэтически никак не оформленными. Иногда это доходило до анекдота. Смоленский поэт Д. Киселев так воспевал устремление в космос:

Я спину, смелый,
В подскоке танца
Обжег о стрелы
Протуберанца.

С землей не знаюсь, —
Что мне в планете!
Верхом катаюсь
Я на комете!¹

Эти стихи смущали даже присяжных руководителей Пролеткульта.²

В тесной связи с абстрактностью восприятия жизни находится другая особенность пролеткультовской поэзии — ее подражательность, подверженность различным литературным воздействиям.

Поэты Пролеткульта не скупились на самые резкие слова в адрес символистов, имажинистов, самых разных представителей декадентской литературы. И вместе с тем сами они оказывались в плену у своих идеологических противников, грешили штампами в духе Бальмонта или Игоря Северянина.

Читая стихи многих пролетарских поэтов, не раз наталкиваешься на образы, словесные обороты, как будто взятые из вторых рук. Рядом с «заводами», «вагранками», «станками» — подчас в невообразимо пестрой смеси — попадают всевозможные «дивные грезы», «нездешние напевы», «чарующие дали». А Самобытник воспевает «заводов вещи гудки». Эпитет, исполненный у символистов мистической многозначности и «невыразимости», берется напрокат; он явно не на месте и превращается в штамп, в чисто внешнюю принадлежность поэтического реквизита. Ответшалость поэтического словаря особенно часто дает себя знать в стихах А. Поморского, А. Самобытника, Я. Бердникова.

---

¹ Д. Киселев. Я. — Сб. «Паяльник», № 2. Стихи. Смоленск, 1920, стр. 51.

² См. интересную статью «Смоленский пролеткульт в Москве». «Рабочий путь», Смоленск, 1921, № 134, 19 июня, и № 136, 23 июня.

Подражательность сказывается также в ритме, интонации, инструментовке стиха. В «Хабанерах» Игоря Северянина ритм словно застыл; свободное движение уступало место удручающему однообразию:

О бездна тайны! О тайна бездны!
Забвенья глуби... Гамак волны...

Но разве не такое же, действительно напоминающее гаммак, качание слышится в стихах А. Крайского:

Страдали долго — страдать не будем —
В свободном мире нельзя страдать...

Самобытника:

Гудок тревожно пропел молитву,
В окно весенний стучится день...

И. Садофьева:

И нервы-струны дрожаньем мерным
Рождать готовы надрыв-напев...

На примере многих пролетарских поэтов ясно видишь, каким цепким и заразительным было воздействие поэзии начала века с ее символистскими туманностями, с ее ограниченным словарным запасом, с ее художественными средствами, как бы отрывающимися от содержания, начинающими жить своей особой жизнью.

Говоря о зависимости пролетарских поэтов от чужих поэтических образцов, нельзя рассматривать ее лишь как формальную особенность. Зависимость эта была не случайной — она свидетельствовала о том, что новое содержание улавливалось многими поэтами лишь в его общих, суммарных чертах. Пренебрежительно относясь к повседневности, воспаряя в космос, не замечая буден революции — поэты не могли не подпасть под чужие, внешние влияния. Художественная слабость в известной мере была у них объективным показателем бедности жизненного содержания.

Однако развитие пролетарской поэзии шло от космоса, «планетаризма» к современности, от литературщины и штампов — к поискам самостоятельности, ко все более смелым попыткам говорить своим, естественным голосом, без «заемных» интонаций.

С этим общим движением литературы связано и возникновение в 1920 году литературной группы «Кузница».

«Мы, группа пролетарских писателей при Московском пролеткульте, обсудив на своем заседании 1-го февраля условия работы в Пролеткульте, которые по целому ряду причин тормозят выявление творческих возможностей пролетарских писателей, постановили: оставаясь на точке зрения пролетарской культуры, выйти из Московского пролеткульта и образовать секцию пролетарских писателей при Литературном отделе Наркомпроса». Заявление подписали М. Герасимов, Г. Санников, С. Родов, С. Обрадович, В. Казин, Н. Дегтярев, В. Александровский.¹ Вскоре к ним присоединился и В. Кириллов. «Кузнецы» — так стали называть участников новой группы — начали издавать свой журнал «Кузница» (первый номер вышел в мае 1920 г.).

Как видим, первоначальное ядро «Кузницы» составили поэты, вышедшие из Московского пролеткульта в начале 1920 года. Самое время возникновения новой группы, стремящейся порвать с Пролеткультом, не случайно. Перед нами еще один пример того, как постепенно, изнутри писательских организаций назревало недовольство «пролеткультовщиной» и как объективно подготавливалась необходимость появления Письма ЦК РКП(б) «О пролеткультах».

Известно, что «Кузнице» во многом так и не удалось оторваться от «пролеткультовщины», что в творчестве «кузнецов» все еще давали себя знать отрыв от повседневности, пренебрежение к «мелочам», декламация, «звон», подменявший подлинный поэтический пафос, что поэты немало грешили схематизмом в раскрытии образа современника.²

Однако все это не дает оснований для отождествления «Кузницы» и Пролеткульта. Выступившие в «Литературной газете» Василий Казин, Семен Родов и Григорий Санников, активные участники литературных событий, о которых идет речь, верно указали, что, при всех «грехах», поэты «Кузницы» сделали какой-то новый

¹ «Правда», 1920, № 25, 5 февраля.

² «Рабочего туберкулезного, рабочего, героически переносящего все лишения ради революции, его страданий, его повседневного тяжелого труда кузнецы не видят. Им открылась только праздничная, плакатная сторона революции» (С. Городецкий. Поэзия труда. «Кузница». — «Труд», 1921, № 252, 30 декабря, стр. 2). В «Правде» (1923, № 30, 10 февраля) публикуется статья В. Дубовского «О пролетарской литературе», в которой он критикует многих поэтов за абстрактность: «Это такой взлет и взвиз фантазии, что теряется не только земной, но и солнечный масштаб. Декламационность, «барабанный бой» в поэзии он называет «добрым старым большевистским словечком: „визгизм”».

шаг вперед в своем творчестве.¹ Отрицать это значило бы не видеть движения пролетарской поэзии, изображать дело так, будто бы первые годы Октября она топталась на месте, не выходя за пролеткультовские рамки.

Одно только творчество Василия Казина решительно опровергает представление о поэзии Пролеткульта и «Кузницы» как о сплошном массиве риторики. Вопреки схоластическим требованиям «затушевывать» свое лирическое «я», Казин с первых же своих стихов, собранных в сборнике «Рабочий май», не боится говорить своим голосом, простым, естественным и ненатужным.² Даже удивительно, как он сумел избежать всего того, чему учили главари Пролеткульта, какую творческую «сопротивляемость» и стойкость обнаружил этот молодой — встретивший Октябрь девятнадцатилетним — поэт.³ И как разительно не похоже его изображение труда на то, что представало в грандиозных вселенских поэмах Ивана Филипченко.

Одно из лучших стихотворений В. Казина, по названию которого был озаглавлен сборник — «Рабочий май», сразу же вводит в атмосферу труда — праздничного, но без напыщенной торжественности, веселого, желанного сердцу и настолько естественного, что он как будто отражается кругом, откликается звонкой капелью, сливаясь с радостным шумом весны. И все это — без громких, велеречивых фраз — выражено в стихе легком и музыкальном.

Стучу, стучу я молотком,
Верчу, верчу трубу на ломе —
И отговаривается гром
И в воздухе и в каждом доме.

Кусаю ножницами я
Железа жесткого краюшку,

---

¹ «У истоков советской поэзии». «Литературная газета», 1956. № 153, 25 декабря.

² Хотя первое стихотворение В. Казина было напечатано еще в 1914 г., сам поэт считает: «Настоящее... начало моей творческой работе положил Октябрь, которому я обязан всем своим существом поэта» (В. К а з и н. Слово о себе. — В его книге «Стихотворения и поэмы». М., 1957, стр. 7). Сб. «Рабочий май» вышел в 1922 г.

³ Это не сразу было понято критикой. Тот же А. Воронский в упоминавшейся статье пишет о «космизме» Казина, не замечая важных отличительных особенностей его поэзии (цитир. статья, стр. 175).

И ловит подо мной струя
За стружкой другую стружку.

А на дворе-то после стуж
Такая же кипит починка:
Ой, сколько, сколько майских луж —
Обрезков голубого цинка!

Как громко по трубе капель
Постукивает молоточком!
Какая звончатая трель
Гремит по ведрам и по бочкам!¹

В стихотворении этом, таком лирическом, взволнованном, полным живого ощущения весны, — вместе с тем очень точные приметы, детали, подробности труда («Верчу, верчу трубу на ломе»). И до чего же легко выражена нераздельная связь труда и природы в перекличке образов, в сравнениях голубого цинка с лужами, в которых отразилось синее-синее, чистое небо; стука молотка — со звончатой, дробно гремящей капелью. Это же счастливое умение раскрыть радость труда, нераздельную с радостью бытия, веселую перекличку работы с жизнью природы, всего окружающего мира — не бесплотно-космического, а живого, горячего, многоцветного — отмечает весь сборник, стихотворения «Небесный завод», популярнейший «Каменщик», по поводу которого так хорошо сказал Н. Полетаев:

«Все, на что бы ни взглянул Қазин, напоминает ему, сыну рабочего, непрестанную живую работу. Смотрит ли он на восходящее солнце, и ему кажется, что это каменщик-утро несет вверх огромный красный кирпич:

Утро тоже вносило,
Вносило красный кирпич...»

(«Поэт труда») ²

Эта особенность В. Қазина тем более драгоценна, что она резко отличала его от многих рабочих поэтов того времени, для которых труд — нечто противостоящее природе. Можно было бы назвать десятки стихотворений, где авторы провозглашали

---

¹ Впервые это стихотворение было опубликовано в еженедельнике Московского пролеткульта «Гудки» (1919, № 4, стр. 2).

² Н. Полетаев. «Гудки», 1919, № 6, стр. 12.

уход от природы, отказ от нее во имя станков и машин. Особенно прямолинейно и бесхитростно выражено это у Ивана Логинова:

В детстве я любил природу
Всеми фибрами души,
А теперь — я друг заводу, —
Позабыл про жизнь в глуши.

(«В детстве я любил природу...»)¹

Гораздо более сложное решение этой темы находим в творчестве М. Герасимова и В. Кириллова, о которых еще придется говорить.

Пролеткультовская традиция разрыва с «разнеженной природой» преодолевалась в творчестве Василия Казина, Сергея Обродовича («Шахтер», «Ткачиха», «Осенний звон»), в стихах Алексея Соколова («Фонарщик», «Стекольник») чувствуется благотворное воздействие казинской поэзии.

То, что многие поэты Пролеткульта, а также «Кузницы» торжественно отрекались от природы, которая заменялась «железным царством» заводов, станков, вагранок, не означало, что природа вовсе изгонялась из поэтического обихода. Мы знаем огромное количество стихотворений того времени, повторявших одни и те же образы революции-бури, революции-солнца, ветра, океана и т. п.

Хотячую аллегоричность многих подобных образов и сравнений отмечали сами пролеткультовцы.² Океан, буря, солнце, природные стихии, утрачивая свою живую силу и естественность, словно деревенеют под пером поэта-эпигона, становятся чем-то вроде бутафорской принадлежности поэтического реквизита. Когда читаешь такие стихи, кажется, что солнце уже светит холодноватым, «бенгальским» огнем... И сравните с этим стихи В. Казина «Песенка» («Ветер начал...»), «Давно такого не было лентяя...»,

---

¹ Ив. Логинов. У станка. Пб., 1917, стр. 5. Ср. с «Нас не манит небо голубое, Обнял нас железный потолок...» (Н. С. Тихомиров. Любовь к труду. «Пламя», 1919, № 39, стр. 9).

² См. об этом: В. Полянский. Поэзия советской провинции. («Пролетарская культура», 1919, № 7—8); П. Г. Воробьев. Октябрь и поэзия пролеткультовцев («Русский язык в советской школе», 1930, № 5, стр. 72); К. Зелинский. На великом рубеже (1917—1920 годы) («Знамя», 1957, №№ 10—12), а также К. В. Дрягин. Патетическая лирика пролетарских поэтов эпохи военного коммунизма. Вятка, 1933.

«Сегодня день плохой ли, хороший...». Какая разница! Солнце здесь то веселый попутчик, то заленившийся приятель, то оно звонит поэту по телефону о чудесном дне. Жизнеутверждающая тема, выраженная с громовой, веселой силой в «Необычайном приключении» Маяковского, решается В. Казиным по-своему. Его солнце — не могучее златолобое светило, идущее «луч-шагами», пышущее с ума сводящим жаром, взрывающее «ночей тюрьму», но — ласковое, нежное «солнышко», негромко напевающее «песенку», милое, чуть-чуть даже домашнее солнце. При всем этом несходстве, нельзя не почувствовать и внутреннего родства: тема солнца-друга могла родиться и поэтически оформиться именно в это время, когда заря нового мира раскинулась над всей страной.

Мы видели, что с точки зрения непримиримой пролеткультовской псевдоортодоксии любовь была противопоказана пролетарской поэзии. Производственная тема, понятая узко и односторонне, начисто вытесняла любовно-интимные переживания. Отсюда — бесконечный поток стихотворений, где станок как бы оказывается на месте любимой, воспевание «железистой» любви. У М. Герасимова:

Целую динамо я,
Части ее упругие...

Или:

Мой горн горячими губами
Поцеловал твои уста...

Василий Казин — один из первых пролетарских поэтов, преодолевших эту механическую, «станковую» любовь, эту железобетонную лирику.¹

Достаточно вспомнить хотя бы одно только стихотворение «Рубанок», где жаркое упоение трудом так нераздельно слилось с любовным волнением; душистые медовые стружки шурша на-

---

¹ Поэт Н. Сказин так и писал:

Плечи как крылья, все шире,
Взгляды острей и острей.
Мы — железобетонные лирики —
Рождены в социальном костре.

(«Ярь». Литературно-художественный альманах Царицынской ассоциации пролетарских писателей. 1923, стр. 5).

шептывают о «ней» поэту, который, оказывается, нечаянно, увлекшись работой, «глубоко сердце занозил».¹

Да, поэзия Казина — живое и наглядное опровержение свода пролеткультовских положений, установлений и, в первую очередь, защиты безлично-коллективистической, узко «производственнической» поэзии. Недаром Горький выделял Казина и внимательно следил за его развитием.²

Произведения Казина тех лет занимают важное место в общем развитии нашей поэзии, которая все более тесно и непосредственно сближалась с действительностью, все смелее и решительнее освобождалась от космических масштабов, от мертвенной безличности, спускалась «с неба на землю».

Творчество Казина не было единственным исключением. Рядом с ним можно назвать и других поэтов «Кузницы», например Г. Санникова, чьи стихи уже в те годы противопоставлялись некоторыми критиками «словесному бряканию, шумихе».³

Санников стремится говорить словами простыми и обыкновенными. Ложный пафос, излишнее «форсирование» поэтического голоса чужды ему. Труд для него — не «вообще» труд, не с большой буквы. Это нечто повседневное, скромное и поэтичное. Популярное в те годы стихотворение «Сельская кузница» — пример того, как умеет Санников воспевать труд без риторики и надрыва, в своем поэтическом ключе. Сравнение «кующей кувалды» с неумолкаемой «кукующей кукушкой» естественно развивается, вырастая в поэтический образ, в котором — так же, как и у Казина — слиты труд и природа. По тому же принципу строится его стихотворение «Весеннее» (1920): сначала перед нами мастерская ткача, а потом — словно падают стены, герой выходит в мастерскую мира, где «вечер розовые ткани так радостно в лазури ткет». Земля, небо, природа, мир — все это согрето, если можно так сказать, лирически «освоено» в лучших стихах Санникова, все это лишено у него «космической» тьмы и холода.

---

¹ Стихотворение «Рубанок» было напечатано в «Кузнице» (1920, № 5—6, стр. 11), а потом перепечатывалось много раз в сборниках и хрестоматиях.

² Кроме упоминания в письме к А. А. Белозерову от 29 декабря 1927 г. (Собрание сочинений, т. 30. М., 1957, стр. 55), имеются интересные высказывания в письмах, хранящихся в Архиве Горького — например, письмо А. А. Золотареву от 8 марта 1924 г.: «Из «молодых» очень внимательно слежу за Тихоновым и Казиным» (Архив А. М. Горького).

³ См., например, любопытную рецензию на первый номер журнала «Кузница» (1920) в «Вестнике литературы», 1920 № 6, стр. 8.

В этом же ряду стоит творчество Николая Гавриловича Полетаева, одного из самых ярких представителей поэзии «Кузницы».

У него была тяжелая жизнь. Детские, юношеские воспоминания о гнилом подвале, о безрадостной жизни на окраине города долго еще давали себя знать. Мечта и действительность в его ранних произведениях разделены, разрознены. С одной стороны — полунищенское детство, лохмотья, заплаты, продымленный потолок, плесень стен, попреки за разбитый стакан, «склизкая муть». . . С другой — мечты «о соловьях, которых не слышал», обманчивая «золотая мишура» сказок, солнце, которого никогда не видно и в которое перестаешь верить. Эта же болезненная двойственность дает себя знать в стихотворении «Две жены»: в пропахшую водкой жуть, где живет замученная трудом, потная женщина с корявыми пальцами, входит другая, неправдоподобно легкая, бесплотная. И снова мечта оказывается химеричной, обрачивается «обманными снами».

Если В. Қазин непринужденно, весело, «запросто» разговаривал с солнышком — добрым, симпатичным приятелем, то у Полетаева эта же тема звучит по-иному, острее и драматичней. Выросший в вечном сумраке подвала, поэт как о невероятном событии рассказывает о самом обыкновенном солнечном зайчике, готов скакать за ним вприпрыжку, бежит по мостовой «ко всем соседям», спеша рассказать,

Что у них по потолку
И по всем каморкам тесным
Золотой такой, смешной
Зайчик прыгает чудесный.

(«Зайчик»)

Читая стихи Полетаева, видишь, как постепенно «выздоровливает» поэт, преодолевая тоску, неверие, тягостную «вымороченность», как все ослепительней светит ему необманное, самое доподлинное солнце. «Певец подвальной гнили», как с горечью говорил он о себе в стихотворении «Родина», словно выходит на простор, поэзия и проза жизни сливаются в единый, целостный образ.

Жизнь моя. . . замыганная прачка,
В мыле вся, в коросте, в синяках.
Не страшна нам никакая качка,
Выстоим мы бурю на ногах.

(«Жизнь моя»)

Здесь те же воспоминания уже лишены прежней «надорванности». Стихотворение кончается словами:

И сейчас вот, седине-подруге
И рукам усталым вперекор,
Сердце рвется парусом упругим
На морской бушующий простор.

Если раньше мечта походила на детскую елочную игрушку, на все падала неизбежная сумрачная тень подвала, то теперь, наоборот, раздвигаются стены каморки, перед поэтом открываются дальние пути. Ответ Полетаева М. Голодному, сказавшему: «В Стране Советов в кабаках живут рабочие поэты», — это во многом в ответ самому себе, прежнему:

Да. Бывает. Рабское наследство.
Стиснет грудь, и задрожит рука,
И несет проклятая привычка
В грязные туманы кабака.

Но живем, живем не в кабаке мы,
Там тоска надрывная и гниль.
Мы не там подслушиваем песни,
И не там горят для нас огни.

(«Ответ») ¹

У Полетаева, так же как и у В. Казина и Г. Санникова, был крепкий иммунитет, помогавший ему сопротивляться абстрактной риторике и космизму. Он тоже воспекает небо, но не мертвенную мглу, а пронизанную лучами синеву, прорезаемую первыми советскими самолетами. Это не абстрактное, не от поэтического штампа идущее «небо» — оно дорого поэту, который выстрадал его за годы тяжелой подвальной жизни. Вот почему так особенно лично, по-полетаевски изображается полет в небесах на аэроплане. Трагический образ никогда не виденных, не слышанных соловьев перекрывается образом удивительных рокочущих птиц, которых мастерят «сто тысяч столяров» («Аэроплан и воробей»). И какая опять-таки важная, личная, выстраданная для него тема — строительство на болоте, на пустыре, где не было ничего, кроме помойных ям и жалких хибарок, — выставки, рассказывающей о первых успехах советского хозяйствования («С аэроплана»).

Полетаев — один из тех поэтов «Кузницы», которые не гнуша-

---

¹ Это и другие из названных стихотворений вошли в сборник Н. Полетаева «Резкий свет. Стихи. 1918—1925». М.—Л., 1926.

лись обыденности, прозы жизни, ее будничной, повседневной стороны. «Из будней делаю я праздник», — говорит он в стихотворении «Радость» (1924). Напыщенность всегда претила ему. Его статья «О трудовой стихии в поэзии», не свободная от полемических преувеличений, направлена против декларативности и «шумихи». «Никто не усомнится, — писал он, — в том, что в труде, в самом обычном простом труде, ну хотя бы в труде дворника, подметающего мостовую после дождя, не меньше поэзии, чем в отношениях между полами, а знаете ли вы хотя одно стихотворение, посвященное этому действию человека. . .»¹

Лучшее из созданного Н. Полетаевым — стихотворение «Портретов Ленина не видно. . .» (1923) — нельзя рассматривать как случайную удачу. Поэт был подготовлен к тому, чтобы сказать о вожде революции свое слово. Ленинский портрет огромен, само время дорисует его — и в то же время как просто, спокойно, человечески тепло говорит поэт об этом величии.

Стихи поэтов «Кузницы» В. Казина, Г. Санникова, Н. Полетаева свидетельствовали о том, что пролетарская поэзия претерпевала изменения, стремилась к освобождению от пролеткультовских догм, космических абстракций.

16

Перед страной, победно завершившей гражданскую войну, одержавшей верх над многотысячными армиями белогвардейцев и интервентов, вставали новые задачи. Начиналась тяжелая, кропотливая работа по налаживанию промышленности, транспорта, торговли, сельского хозяйства. Нехватка ощущалась во всем — в технике, в топливе, в продовольствии, в умелых квалифицированных работниках. Мало было одного энтузиазма — требовалось терпение, выдержка, опыт.

«Здесь победа не в увлечении, натиске, самопожертвовании, а в ежедневной, скучной, мелкой, будничной работе», — говорил Ленин в конце 1920 года.²

Этот переход заставлял врасплох многих поэтов, не желавших разменивать «мировой масштаб» на прозаические «мелочи». В. Кириллов, например, доказывал, что «злоба дня» — не дело настоящего поэта, что «фельетоны Демьяна Бедного и частушки Маяковского» не настоящая, не серьезная литература.³

¹ «Кузница», 1920, № 1, стр. 19.

² В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 425.

³ В. Кириллов. О пролетарской поэзии. «Кузница», 1921, № 7, стр. 24.

Самое слово «будни» звучит во многих стихотворениях как нечто тяжелое, бескрылое, придавленное к земле:

Горько, родные, горько
Будни под блузой носить, —

писал С. Образович в стихотворении «На роду суждено измерить...» (1922).

Нужно реально представить себе, что означал для поэтов, писавших слова «революция», «труд», «пролетариат» только с большой буквы, пребывавших в полнейшей убежденности, что мировому капиталу осталось жить несколько месяцев — ну самое большее, несколько лет, — что означал для них нэп.

Трудным и драматическим был переход от романтики революционного штурма к будням восстановительного периода, к нэпу, вызывавшему известное оживление буржуазных элементов. Переход этот был настолько значительным, так ощутимо проявлялся во всех областях экономической, общественной жизни, быта, искусства, что буквально не было ни одного серьезного писателя, которого бы он не коснулся в той или иной мере.

Волна пессимистических настроений, разочарования, надрывного противопоставления вчерашнего дня сегодняшнему особенно заметна была в поэзии.

Известны слова, сказанные Лениным на XI съезде партии в марте 1922 года: «У нас даже поэты были, которые писали, что вот, мол, и голод, и холод в Москве, «тогда как раньше было чисто, красиво, теперь — торговля, спекуляция». У нас целый ряд таких поэтических произведений».¹

Мы не можем с достаточной определенностью ответить на вопрос, кого именно имел в виду Ленин. Картины, близкие той, о которой он говорит, рисовались в стихах Герасимова («Черная пена», 1921; «Степные диссонансы», 1922, и др.), Сергея Образовича, изображавшего «наглое ржанье витрин, опьяненные скрипки кафе» («Современность», 1923; поэма «Явь», 1924), В. Александровского («Будни», 1921), Ильи Садофьева («На улице», 1921). Особенно остро воспринимались контрасты нэпа на фоне страшного голода в Поволжье. Е. Соловьев (Нелюдим) пишет о кричащих плакатах: «Брат! Помоги голодающему Поволжью!» — и тут же, в нарочитом противопоставлении — о зазывных витринах кафе («Улица. Из питерских впечатлений»).

---

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 33, стр. 252.

Трагические ноты зазвучали в эти годы в творчестве Василия Князева.¹

В некоторых историко-литературных работах, посвященных этому периоду, намечается примерно такая схема: нэп отпугнул большинство поэтов; чуть ли не единственным, кто тогда не поддался малодушию и отчаянию, был Маяковский. Действительно, Маяковский обнаружил исключительную зоркость и политическое чутье. Но для того, чтобы подчеркнуть это, вовсе не нужно чохом записывать остальных поэтов в отчаявшихся, изверившихся и т. д. Процесс перехода к новым условиям развития революции по-разному воспринимался и преломлялся в творчестве разных поэтов. И нельзя одинаково называть маловеерами какого-нибудь А. Кусикова, меланхолически заявлявшего, что революция «теперь растерзанно стихает»,² и Герасимова, Кириллова, которые — при всех своих срывах и ошибках — не мыслили жизни и поэзии вне революции. Говоря об их растерянности, даже порой отчаянии, нельзя забывать, что все это было временным, преодолимым. Слишком крепко были связаны они с Октябрем, чтобы поверить в его поражение.

Односторонность в освещении пути развития пролетарской поэзии отчасти объясняется также и тем, что М. Герасимов, В. Кириллов и некоторые другие писатели были в 1937 году по ложному обвинению арестованы, репрессированы, их имена долгое время вовсе не упоминались. Получалась неполная, однобокая картина развития нашей поэзии.

Попробуем проследить, как же происходил этот переход от «праздника» к «будням», от революционного штурма к нэповской «осаде» в творчестве пролетарских поэтов.

Михаил Прокофьевич Герасимов считался одним из образцовых, безукоризненных поэтов Пролеткульта. Автор «Песни о железе», стихотворений «Люблю я зарево вагранок...», «В купели чугуна», «Железные цветы», «В сады железа...», он воспевал грохочущий, лязгающий мир металла, машин, цистерн, труб, проводов. Все у него было «железным» — завод, весна, кровь, поэзия. Когда

---

¹ В 1925 г. он посылает Горькому письмо, где в совершенно беспросветных тонах рисует жизнь («Суета сует и всяческая суета»). Позднее он писал, оправдываясь: «Я мелкий буржуа по рождению, по крови, и в разгаре чудовищного разлива городского нэпа я не мог малодушно не пасть душою. Ведь тогда спотыкались даже рабочие поэты» (Письмо от 8 октября 1930 г. Архив А. М. Горького).

² Александр Кусиков. В никуда. Берлин, 1922, стр. 10.

читаешь его стихи самых первых лет Октября, думаешь, что не таким уж преувеличением были его слова:

Я писал на листах котельных,
Макал в вагранку трубу...

(«Я пришел с „Вешними зовами“...»)

И нельзя не почувствовать силы, своеобразного сурового пафоса в его лучших стихах, мощи гиперболических образов и сравнений:

Сгребем мы лунною лопатой
С мундира неба ордена.

Или:

Ковшом Медведицы черпнули
Мы счастье Вольного Труда!

(Поэма «Октябрь»)

И вот теперь в поэтическом «железе» обнаруживается ржавчина. Герасимов сам рассказал об этом в поэме «Станок»: на фантастическом огромном станке поэт шлифовал весь земной шар, срезал наросты старого, —

Но дрогнули нервы
В тысяча девятьсот двадцать первом.
Хрустнул резец,
Осколком по пузу
Саданул кожу,
Окровавил неба синюю блузу...

Железо, столько раз воспетое им, звонкое, чистое, «призывное», — оборачивается теперь безжалостным острием, жестоким серпом, режущим «горла» колосьев (поэма «Хлебное лето»).

В 1921 году поэт публикует стихотворение «Черная пена», одно из самых пессимистических, мучительно-безысходных. Он рисует проституток, дам в «искрящихся шелках», с «сосульками бриллиантов в ушах», нэпманов; они обступают поэта со всех сторон, дразнят, грозят, пугают, и вот ему уже мерещится, что «рабочих поэтов распяли на фонарных столбах».¹

---

¹ Ср. с этим стихотворение «Степные диссонансы», где «карминный стяг» зловеще переключается с «карминными губами» котеток со Страстного бульвара («Красная новь», 1922, № 1, стр. 36).

В сборниках «Черная пена», «Чучело» (1921), «Покос» (1924) — дальнейшее углубление творческого кризиса. Поэт города, певец «железа и гранита», теперь горестно восклицает:

О город, ты смертельно ранил
Мою мечту, мою любовь!

(«Поэт и городская бойня»)

В том же сборнике «Покос» — безнадежно грустные стихи «Руслан и Людмила», «О проститутке», «Чайки».

Современные поэту критики, раньше возводившие ему памятники, называют его теперь чужим, враждебным, «не нашим», объявляют его окончательную творческую гибель. Горький оказался мудрее и человечнее их. Возражая Серафимовичу, который присоединился к этим мрачным оценкам стихов Герасимова и Кириллова, он писал: «Столь суровое заявление — уже не критика, а что-то похожее на смертный приговор. Я нахожу, что так швырять людей нельзя и что такие приговоры — дурной пример для молодых критиков».¹

И действительно, Герасимов оказался в силах вырваться из рокового круга пессимистических представлений. Мы не имеем здесь возможности подробно говорить о его творчестве конца 20-х — начала 30-х годов, это не входит в нашу задачу. Отметим только, что в эти годы «черная пена» уже начинает рассеиваться, испаряться. Сборники «Бодрое утро» (1928), «Полет» (1930) полны совсем иного настроения — радостной устремленности в будущее, веры в жизнь, преобразуемой на новых, социалистических началах.

17

Если о Герасимове первых октябрьских лет говорили как о поэте железа, дымных, «искропламенных» заводов, «железных цветов» и «огненных вагранок», то Кириллова чаще называли певцом революционной бури. Александр Неверов, выделяя его среди других пролетарских поэтов, писал, что у него «настроение держится на огромном подъеме широкой революционной волны, плеснувшей красным Октябрем».² На гребне этой волны рождены

¹ М. Горький. Собрание сочинений, т. 24. М., 1953, стр. 234. В. В. Вересаев писал М. Герасимову: «Очень порадовался, что Горький подал свой голос по поводу травли, которая идет на Вас с Кирилловым» (Центральный государственный архив литературы и искусства).

² А. Неверов. Поэт рабочего удара. «Труд», 1922, № 226, 8 октября.

стихотворения Кириллова «Матросам», «Гремят мятежные рассказы...» (1918), прозрачные в своей революционной аллегоричности стихотворения «Пловцу», «Колумб». ¹ Так же, как и Герасимов, писать он начал задолго до революции, но именно в дни Октября ощущает новый подъем творческих и душевных сил. Его стихи первых лет революции были встречены в печати как чуть ли не самое высокое достижение пролетарского творчества. ²

Вместе с тем некоторые критики уже тогда начинают замечать одно из наиболее бросающихся в глаза противоречий: провозглашая разрыв с наследием прошлого, с Рафаэлем, с музеями, Кириллов сам находится в большой зависимости от старых поэтических форм, привычных размеров, рифм, выражений. ³ Даже в «Железном мессии» — одном из лучших его стихотворений — встречаются и «очистительный пламень», и «спасительный маяк», и «пленительный рай».

Именно эту черту — традиционность, порой даже обветшалость поэтических средств выражения — не раз отмечал у него Маяковский. Поэт сам рассказывал об этом — просто и чистосердечно: «Весной 1918 года я в гостях у Маяковского. Маяковский читает мне «Приказ по армии искусств», отбивая такт ногой. Я читаю ему своих «Матросов». Маяковский резко критикует: «Бросьте старую форму, иначе через год не будут читать ваших стихов, вот «Железный Мессия» — это хорошо!» И он читает на свой манер строки этого стихотворения». ⁴

Думается, поэтическая традиционность Кириллова, известная склонность к риторике, пафосному «витийствованию» во многом

---

¹ Стихотворение «Колумб» было напечатано в журнале «Мир и человек» (изд. Колпинского пролеткульта), 1919, № 1, стр. 8.

² См. «Грядущее», 1918, № 6, стр. 16.

³ См. статьи: Павел Бессалько. Пролетарские поэты («Грядущее», 1919, № 1, стр. 17); Семен Рубанович. Рецензия на сб. «Стихотворения» («Горн», 1919, № 2—3, стр. 112); А. Лежнев. О пролетарских поэтах («Печать и революция», 1925, № 2, стр. 135). Статья перепечатана с некоторыми дополнениями в сборнике статей А. Лежнева «Литературные будни», М., 1929.

⁴ Как рассказывают об этой встрече со слов В. Кириллова В. Казин и Г. Санников, Маяковский тогда же сказал: «Я тоже напишу о матросах». Так возникло и вскоре появилось в печати стихотворение «Левый марш» (Василий Казин, Григорий Санников. О двух поэтах Октябрьской революции. Сб. «День поэзии», М., 1957, стр. 188). В сущности эту же мысль о «старой форме» высказывает Маяковский в автобиографии «Я сам» (гл. «Первое полустихотворение»), в статье «Как делать стихи?» (Полное собрание сочинений, т. 10. М., 1941, стр. 215).

были связаны с общим характером восприятия прежде всего торжественной, триумфальной, праздничной стороны революции. В этом была своя сила. Вышедшая в 1918 году книжка «Стихотворения» Владимира Кириллова овеяна революционной романтикой, неподдельным лирическим волнением, высоким душевным подъемом. И, конечно, глубоко ошибется тот, кто за оборотами вроде «певучих вдохновений» и «пламенных звуков» ничего больше не увидит, кто не почувствует того настоящего пламени, в котором эти стихи рождались. В то же время нельзя не ощутить и внутренней непрочности кирилловской романтики тех лет. Стихотворение «Пловцу» (1918), рисующее плаванье по бурным волнам к «берегам лазоревым» свободы, кончалось словами:

Смелей расправь полотно-крылья,
Он близок, остров золотой.
Еще, еще одно усилье,
И рай чудесный будет твой.

Но в действительности до чудесного рая оставалось далеко не «одно усилье». Впереди была тяжелая, внешне очень прозаическая работа. «Отсрочка» мировой революции, оказавшаяся для многих неожиданной, тягостной, разочаровывающей, переход к нэпу — все это ударило романтически-восторженного поэта. Он сам рассказал об этом — опять-таки с характерной для него прямоотой и откровенностью: «Начало нэпа. Раздумья, сомнения. Отрыв от рабочей среды и партии. Ряд пессимистических стихотворений: «Был вечер, как вечер...» и др.».¹

В упоминаемом здесь стихотворении речь идет об июньском вечере 1919 года. Но как не похоже здесь все на то, о чем говорил сам же поэт в том же 1919 году! Если в прежних стихах все было озарено мыслью о неповторимости революционного времени («Было новое даже в походке, в каждом взоре — огонь и весна»), то теперь, о чем бы ни шла речь, всюду торжествует мрачная, гнетущая мысль о неизменности, одинаковости всего бывшего, сущего, будущего.

Мечтателям грезились пышные замки,
У юношей сладостно млели тела,
Самцы петушились, кудахтали самки,
На время забыв и труды и дела...

---

¹ Владимир Кириллов. Автобиография (рукопись).

Сколько горечи в словах о пригрезившихся «пышных замках», которые с таким восторгом и романтическим упоением воздвигал сам поэт в своих недавних стихах.

Всё было так просто — излишни загадки, —
И небо, и звезды, толпа и поэт.
Всё было прилично, всё было в порядке,
Так будет и впредь — через тысячу лет.

В стихотворениях «Я давно покинул эту землю...», «В городском сквере», «Жить, страдая, и песнями пениться...» открывается пугающий разрыв между буднями и будущим. Автор «Железного Мессии» пишет о бесчеловечности, механичности мира машин и механизмов (стихотворение «Современность», 1925). Жизнь кажется ему мертвенной и зловещей («Страх»), мечта — ложью («Девушки»).

Поэт переживал глубокий кризис. Но болезнь не была безнадежной. Этого не поняли многие критики, товарищи по перу, сразу же начавшие петь над ним, как и над Герасимовым, отходную. Нам уже приходилось говорить о выступлении Горького, верившего в то, что оба эти поэта найдут правильную дорогу в жизни и литературе. Добавим, что Владимир Маяковский, так резко критиковавший Кириллова за архаичность и обветшалость формы, в трудные для Кириллова годы поддержал его.¹

Читая стихи Кириллова 1922—1923 годов, мы видим, что не все в них было только отступлением, шагом назад. Наряду с пессимистическими мотивами мы встречаем здесь и попытки преодолеть прежнюю односторонность мировосприятия. Он создает «Разговор с розами» — одно из примечательнейших произведений тех лет. Розы для него — живой символ цветения, природы и красоты:

Говорят, не нужны, не полезны мы, —
Розы праздны, бесцельны мечты...
«Все цветы заменить железными!
И совсем запретить мечты».

Розы, розы, любимые, древние,
Да минует нас чаша сия.
Будут песни еще напевнее,
Будут розы бессмертно сиять.

---

¹ Стенограмма выступления Маяковского от 23 сентября 1929 г. «Новое о Маяковском». — «Литературное наследство», № 65, стр. 90.

И это говорит поэт, который в своем программном «Мы» торжественно заявлял:

Слезы иссякли в очах наших, нежность убита,
Позабыли мы запахи трав и весенних цветов...

В творческом кризисе Кириллова сказалась своеобразная реакция на пролеткультовскую схему, замену природы «пеньем сирен и движением колес и валов». Со стихотворением о розах перекликается другое стихотворение — «Не разрывай единый круг...», где Кириллов опять подходит к мысли о той многосторонности жизни, которая ускользала от пролеткультовцев:

Не разрывай единый круг,
Всё в мире благостно и ценно:
И бороздящий землю плуг,
И в небе облак белопенный...

Вот почему можно сказать, что в кризисные годы поэт не только отдается пессимистическим настроениям, но упорно ищет выхода из них и порою нащупывает более широкие подходы к прежним темам; преодолевая отчаяние, постепенно обретает более открытый взгляд на действительность, не стесненный пролеткультовскими шорами. Иначе говоря — идет к оптимизму не ходульно-романтическому, но выстрадавшему, закаленному.

Мы не можем говорить обо всем этом подробно — разговор переходит за хронологические рамки данной статьи и сборника. Но один поэтический документ нельзя не привести: очень уж точно, выразительно, правдиво рассказал поэт о том, как обрел спасительный выход из кризиса. Речь идет о стихотворении «Ночной разговор» (1932). Сумрачной бессонной ночью, которую нарушает лишь глухое уханье стального молота, вбивающего сваи в болото, к поэту приходят... минувшие годы — отчаянные, молодые, в потертых шинелях, с горящими взорами, мерцающими ружьями. Это самое время пришло к нему и требует ответа,

— «Где же, товарищ
Ты милый, пропал,
Болен ли ты
Или очень устал?
Помнишь... Нева,
Переулки глухие!...
Славно ты пел
О «Железном Мессии».

Песни, которые
Нынче поешь,
Сердцу унылы,
Как осенью дождь».
— «Верно, товарищ, —
Сказали другие, —
Песни нужны нам
Теперь не такие».
И, приподнявшись,
Ушли не спеша.
Скорбно звучал
Замирающий шаг.
...А за окошком —
Движения, звоны,
Зори развесили
В небе знамена.
Слышны удары
И гул молодой,
Ухает тяжело
Молот стальной.

В этом стихотворении, взволнованном, поражает поэтичность и трезвость самооценки автора, его глубокое понимание своей ответственности перед временем, своей «подотчетности», и — чувство близящегося исцеления, душевного «рассвета».

18

Чем больше преодолевали пролетарские поэты — М. Герасимов, В. Кириллов, В. Князев, С. Обрадович, В. Александровский, И. Садофьев, каждый по-своему — первоначальную растерянность, чем глубже постигали историческую закономерность перехода к нэпу, непрерывность развития революции, тем полнее открывалась им героика наступающего нового времени, красота и необходимость повседневного труда, радость работы, вдохновение стройки. Высокую романтику будней с большой силой выразил Илья Садофьев в стихотворении «Разворот героики» (сентябрь 1922). Оно насквозь полемично, в нем слышатся неостывшие споры тех лет. С первой же строки поэт бросается в яростную полемику с теми, кто говорит, что

Отгремела геройства эпоха,
Кони времени стали тихи...

Самое это выражение — «кони времени» — характерно. Сколько раз в стихах 1917—1920 годов встречался образ революции — алого всадника на коне. Вспомним «огненный скак», «торжествующий топот» у Брюсова («К русской революции»), «красного наездника на стальном скакуне» у В. Александровского («Горе тем, кто ослепли в огне и завязли в будничной склоке...»), «огненную тройку» России, которая «клубит в пророческую даль» у М. Герасимова («Зарево заводов»). Вспомним, наконец, стихи самого Садофьева:

Витязь однолесток, в зареве багряном,
Зажигая солнце Радостных Веков,
На коне лавинном, огнекрыло-рьяном
Скачет по Вселенной... И зияют раны
На седых утесах — огненных подков.¹

Наивным романтикам казалось, что теперь навсегда кончилось это огнекрылое скаканье, похожее на полет. Борясь с подобными представлениями, Садофьев создает новый образ, передающий героике нового времени:

Чем метаться, мой конь, бестолково
И вставать на дыбы, горячась,
Не пора ли стальные подковы
К черноземным путям приучать.

Мы немало скакали по свету
И пытались солнце поймать,
Не пора ль, не пора ли поэтам
Человечьей дорогой шагаты!

Интересна переключка этих стихов со строками из пролога к поэме «Пятый интернационал» Маяковского, написанной в том же 1922 году, что и «Героический разворот» Садофьева. Перед нами еще одно свидетельство того, как были взаимосвязаны разные явления нашей поэзии, отражавшие единый исторический процесс.²

---

¹ «Петроградская правда», 1919, № 40, 20 февраля.

² Образ «огнегривого» коня революции оборачивается здесь другим: «Сменили. Битог трудовой...» и далее (см. Полное собрание сочинений Владимира Маяковского в тринадцати томах, т. 4. М., 1958, стр. 98—100).

Эволюция образа «алого всадника» — лишь пример, деталь общего развития поэзии, в ходе которого переосмысливались прежние понятия, представления, образы. Илья Садофьев зовет к тому, чтобы «простой человеческой речью рассказать о великой борьбе». Он спорит с поэтической высокопарностью, трескучим псевдопафосом, космизмом, со всеми этими риторическими «планетами, кометами, бурунами». Так голос пролетарского поэта, отдавшего в свое время щедрую дань тому же космизму, перекликается теперь с голосами тех, кто звал писателей Пролеткульта и «Кузницы» преодолеть отрешенность от живой, конкретной действительности. Вспомним Демьяна Бедного с его обращенным к пролеткультовцам призывом снизиться «с дьявольских высот»,¹ А. Безыменского, писавшего в стихотворении «Поэтам „Кузницы“»:

Довольно неба
И мудрости вещей!
Давайте больше простых гвоздей.
Откиньте небо! Отбросьте вещи!
Давайте землю
И живых людей.²

Иногда история «Кузницы» излагалась так, что создавалось впечатление, будто критика ее шла только со стороны. На самом же деле эта критика сочеталась с правдивой художественной самокритикой лучших поэтов, находивших мужество переступить через самих себя, преодолевать поверхностную, декоративную романтику. В этом — главный смысл и стихотворения Садофьева «Героический разворот», кончающегося таким призывом:

Слушать пафоса голос высокий
И романтику будней в труде,
И в живом человеческом потоке
Человечье лицо разглядеть!..

...Не легка обновленья работа,
И стратегия будней сложна,

---

¹ Стихотворение «Бил бы лбом!» («Правда», 1923, № 25, 4 февраля).

² «Рабочая Москва», 1923, № 66, 25 марта. Интересный материал о преодолении «космических установок» в творчестве пролетарских поэтов см. в автобиографии А. Безыменского «Несколько слов о себе» (Стихи. М., 1957, стр. 7—9).

Но зато боевым разворотом
Загремела Советов страна.

Так теперь ли уж хныкать и охать,
Ныне ль кони геройства тихи!
И романтика нашей эпохи
Поднимает на доблесть стихи.

19

Тема труда выдвигается на первое место в поэзии начала 20-х годов. Здесь наша поэзия тематически опережает прозу, которая в это время и позже главное внимание уделяет теме гражданской войны.

Дело не только в том, что поэты пишут теперь о труде больше, чем раньше. С первых же дней Октября недостатка произведений на эту тему не было. В многочисленных стихотворениях, публиковавшихся на страницах сборников, альманахов, журналов, газет, рисовались образы тружеников — кузнецов, шахтеров, литейщиков, ткачей, строителей. Очень часто произведение строилось как аллегорический портрет, скорее даже плакат, на котором изображен рабочий той или иной профессии: каменщик — кладет кирпичи, кузнец — бьет молотом. Главные приметы — чисто профессиональные. Лица героя обычно не видно. Внимание поэта сосредоточивалось на внешних деталях... Нередко такие стихотворные портреты-плакаты были исполнены неподдельного пафоса, бодрой, животрепещущей силы. Таковы, например, «Кузнец», «Рабочий» В. Александровского, «Котельщик» С. Виноградова, «Рабочий» А. Доможирова и многие другие.

От плакатно-условного, узкопрофессионального изображения людей труда поэзия шла к многостороннему раскрытию человеческого характера, от риторики — к подлинной реалистичности. Сравните с упомянутым стихотворением В. Александровского «Кузнец» (<1918>) — его же «Кузницу при дороге» (1923). В первом случае — образ, словно спроецированный на плоскость, лишенный объемности, «трехмерности», живой непосредственности. Это кузнец вообще, «один из». Во втором — точно и зорко увиденный облик кузнеца — седого старика в заплатанной рубахе, с морщинистым лицом, белесыми глазами, молчаливого, даже угрюмого, но такого упрямого и неутомимого, что сама смерть смолкает, глядя на его безостановочно стучащий по наковальне молоток.

Мы видели, что в поэзии Пролеткульта машина часто засло-

няла человека. Завод для поэтов тех лет — это прежде всего труба, дым, машины, станки, а не люди; грохот и лязг заглушали живые человеческие голоса.

Интересно проследить это в одном из популярнейших тогда стихотворений — «Завод» С. Образовича (1920). Оно во многом отличается от космических картин заводов «вообще», Труда с большой буквы. Образович очень конкретно, подробно, с отдельными зримыми деталями, рисует заброшенный завод — холод бетонных стен, манометр над топкой, цепенеющий на нуле. Вторая часть стихотворения — рассказ о том, как оживает завод, как снова начинают гудеть моторы, петь пилы и все здание наполняется «неуемным звоном». Мы не видим лишь одного — тех, кто оживил завод.

И вот однажды, в день весенний,
Запоры сбросила рука,
И, с свистом взвизг, приводы вспенил
Победный бег маховика. . .

Чья это «рука»? Поэт не говорит, потому что его внимание отвлечено в сторону маховиков, приводов, рельсов, стропил и вагранок.

Так же, как на примере с двумя стихотворениями В. Александровского, можно проследить, как постепенно «очеловечивается» заводской труд для Образовича. Достаточно сопоставить с приведенным стихотворением «Ткачиху», «Шахтера» (1921). Здесь уже на первый план выходят сами люди труда — не условные, не отвлеченные, но вполне определенные, живые, характерные фигуры.

Заметным явлением в развитии пролетарской поэзии было творчество Николая Кузнецова и Алексея Соколова, участников литобъединения «Рабочая весна». Интересно сопоставить, например, башню из одноименного произведения Гастева, фантастически грандиозную, разрывающую своим шпилем небо, спорящую с солнцем, башню, которая уже теряет свою материальность, становясь символом, «волей труда», «грезой металла», — с «Радиобашней» Н. Кузнецова. Перед нами не только два разных поэтических дарования, но и два разных момента в развитии поэзии. У Кузнецова — абсолютно реальная башня радиостанции, она вознеслась в синеву ровно на полтора метра:

Не беда, что она немного
Эйфелевой башни ниже. . .

(«Радиобашня»)

Но построена она тогда, когда «нас душили за горло», когда сжималось кольцо блокады, — вот почему так высоко возносится она над другими диковинными сооружениями капиталистического Запада. И если в тяжелейшие дни войны и блокады мы могли построить ее, — как же развернется наша работа теперь, когда мы приступаем к мирной стройке!

Свидетельствует ли этот пример о том, что поэты отказываются от гипербол, смелых, необычайных образов? Нет. Это был поворот к земным, практическим вопросам, это была реакция против исторически объяснимой в свое время поэтической «гигантомании», устремление к прочной связи с действительностью в ее будничной, повседневной конкретности.

Вспомним слова Н. Полетаева, упрекавшего поэтов, что никто из них не отважился изобразить простую, обыденную работу дворника. Словно в ответ на них, молодой поэт Алексей Соколов пишет стихотворение «Дворник» (1922), одно из нескольких, составляющих своеобразный цикл стихов о людях будничного труда («Фонарщик», «Стекольник», «Угольщик»). Здесь нет никакой риторики, цветистости и «громословия». Но это не означает унылой приземленности, отказа от романтики. Нет, романтика была, только без нарочитого «опьянения», более трезвая и земная. Недаром фонарщик у Соколова зажигает синим вечером не только лампы семафоров и фонарей, но и звезды на небе, а стекольник в подвал, в дверную дыру доносит «осколок солнышка» («Стекольник»).¹

20

На этом заканчивается наш обзор деятельности пролетарских поэтов первых лет Октября (1917—1923). Мы оставляем их в момент острой литературной борьбы: поэты «Кузницы», выступившие против пролеткультовских догм и абстракций, сами подверглись критике за неизжитую отвлеченность, за недостаточную связь с современностью (мы видели, впрочем, что эти упреки нельзя в равной мере адресовать ко всем «кузнецам», многие из которых шли к преодолению отвлеченности). После выхода из «Кузницы» ее активнейших участников — В. Кириллова и М. Герасимова, — растерявшихся перед лицом нэпа, «Кузница» постепенно оттесняется от руководства пролетарской литературой новыми группами. Часть пи-

---

¹ Алексей Соколов. «К железной весне». Стихи. М., 1931, стр. 9.

сателей объединяется вокруг журнала «Молодая гвардия» (выходит с 1922 г.), другая — вокруг журнала «Октябрь» (с 1924 г.). На эту последнюю главным образом ориентируется руководство журнала «На посту» (с 1923 г.), которое, ратуя за развитие «пролет-литературы», грубо и сектантски непримиримо охаивает многих советских писателей, объявляет их «попутчиками», «чуждыми» рабочему классу. Читая статьи напостовцев, не раз вспоминаешь о пролеткультовской нетерпимости и сектантстве.

Однако и здесь борьба литературных групп, «платформ», в ходе которой немало было допущено ошибок и искажений, не должна заслонять от нас главного — живого литературного процесса, дальнейшего движения и обогащения пролетарской литературы. Как ни старались напостовцы подчеркнуть ее «исключительность», объективный процесс развития, наоборот, вел пролетарских поэтов к тому, чтобы преодолевать узкословные, «кастовые» рамки, очерчиваемые напостовцами, связывать поэзию с современной советской жизнью во всем ее кипучем многообразии, широте и богатстве.

В поэзии начинают звучать новые голоса — А. Безыменского, А. Жарова, И. Уткина, М. Светлова, М. Голодного, Д. Алтаузена, А. Ясного. Это новое поколение пролетарских поэтов. Вместе с ними работают Н. Тихонов, В. Инбер, В. Луговской, П. Антокольский, И. Молчанов. В середине 20-х годов в поэзию входят В. Саянов, А. Прокофьев, Н. Дементьев, А. Сурков, В. Гусев, немного раньше — М. Исаковский. Бок о бок трудятся поэты «пролетарские» и «крестьянские». Самые названия эти все больше лишались внутренней необходимости. «Рабочее» начало не утрачивалось поэтами — оно лишь теряло исключительную, узкопрофессиональную ограниченность, все то, что пытались привить поэзии пролеткультовские, напостовские, потом налитпостовские теоретики.

Как особое течение пролетарская поэзия перестала существовать; она влилась, как река, в широкое море советской поэзии. Именно ей, поэзии социалистического реализма, объединяющей мастеров слова разных течений и групп в единой созидательной работе, в борьбе за социализм, принадлежал завтрашний день.

Значит ли это, что пролетарская поэзия исчезла бесследно? Думается, что нет. Ее лучшие произведения, исполненные революционного пафоса, запечатлевшие готовность народа идти на любые жертвы в борьбе за свободу, войдут в историю советской поэзии. Они несут в себе неостывающий жар и свет революции.

Пролетарские поэты в числе первых воспели новую жизнь, основанную на коллективных началах, восславили героя и деятеля истории — пролетария. И хотя многое из созданного ими не выдер-

жало испытания временем, отмечено незрелостью, наивной подражательностью, многие из стихотворений Гастева, Герасимова и Кириллова, Полетаева и Александровского, Санникова, Обрадовича и Садофьева живо и молодо звучат сегодня.

Они сроднились со своей эпохой, с первыми годами революции, когда закладывались основы нашей сегодняшней жизни.

3. Паперный

I

КУЗНЕЦ

Искры, точно золото,
Брызжут из-под молота,
В горне вихрь поет...
Нет в руках усталости,
Нет к железу жалости,
Бьет.

Молодость мятежится,
Сердце счастьем нежится,
Брагу жизни пьет...
Звеньев лязг взвивается,
Это разбивается
Гнет.

Взгляд горит решимостью,
Злой неутомимостью
Сам себя он жжет...
Руки молот стиснули,
Руки взмахом свистнули,
Бьет.

<1918>

РАБОЧИЙ

Мускулы тяжести просят,
Я от труда не устал,
Руки не раз еще бросят
Молот на красный металл!

Сила огнем Коллектива
В теле моем зажжена,
Плещутся в сердце бурливо
Радости струи вина.

С детства под песню машины
Бурю в душе я растил:
Мстительный клекот орлиный
Творческий вихрь разбудил.

Вешние песни приносит
Бури стремительный вал...
Руки не раз еще бросят
Молот на красный металл!

<1918>

* * *

Пролетарским поэтам

Радуюсь взлетам ваших исканий,
Гимнам любви знойных сердец!
Каждый прошел пытку страданий,
Каждый — борец.

С вами я радость полным бокалом
Пью и горю вашей мечтой,
Жажда борьбы в сердце усталом
Гасит покой.

Ваша семья меня приютила,
Песни труда — душу зажгли...
Снова в груди вспенилась сила,
Сны расцвели.

Молодость ценна. Песней сердечной
Встречу я вашу дружбу ко мне, —
Пусть наши души плаваются вечно
В ярком огне.

<1918>

* * *

Взрывайте,
Дробите
Мир старый!
В разгаре Вселенской Борьбы
И в зареве рдяных пожаров
Не знайте
Пощады —
Душите
Костлявое тело судьбы!

Рабы!
Зубами
Рвите порфиры,
Топчите короны владык!
Закованы руки, есть — лбы!
Лбами
Разбейте кумиры,
Чтоб в пламенном мире
Горланил набатный язык.

Довольно
Бесцветных иллюзий!
Голод
Проклятый
В землю вонзает свой клык.
Пусть добровольно
Навеки сольются в союзе
Молот,
Лопата
И штык.

<1918>

* * *

Взваливай больше на наши спины
Тяжесте", Жизнь. Мы донесем.
Мы из железа. Из стали. Едины
В порыве своем.

Мы распружиним мускулы тел:
Вырвем из души корни тревог.
Мы подготовились. Время созрело
Откликнуться в рог.

Маршем победным взбуравим тучи
Мутного дня. Горы взорвем.
Сумрак угарный, змеисто-ползучий
Рассеем огнем.

Руки клещами сдавят мясистый
Злой капитал. Огненный круг
Ближе смыкается. Полдень лучистый
Стекает на луг...

Взваливай больше на наши спины
Тяжестей, Жизнь. Мы донесем.
Мы из железа. Из стали. Едины
В порыве своем.

<1918>

УБИЙЦАМ

Мы никогда не забудем
О павших борцах
Под знаменем красным
Интернационала! ..
Мы будем
В сердцах,
В момент напряженно-опасный,
Беречь
Их символ восторженно-алый
И в сильных руках
Окровавленный меч...
Врагами сраженных
Из-за угла
Под плитами братских могил
Так много теперь,
Что не счесть! ..
О, бойтесь, убийцы, борьбы возрожденной,
Чтоб злоба святая могла
Умножить энергию сил

И в память великих потерь
Зажечь беспощадную месть! . .
Вы слепы,
Играя с огнем!
Над лагерем вашим
Висит приговор
Победителей. . .
Вы знаете ль, ваши вертепы
В единый мы миг разнесем,
Снарядами землю распашем!
Вы видите ль вспыхнувший взор
Проснувшихся мстителей?!
О, бойтесь пожаров,
Рождаемых вами, —
Огонь их всю землю зажжет;
Стихийная сила ударов
Бурливо прольется волнами
И вас разобьет!

1918

ВЗРЫВ

Избрав в полночь миг единый,
Взметнулось пламя вверх столбом,
А искры, жгучие рубины,
Рассыпались кругом.

Заволновался мрак в испуге,
Рванулся в выбоины круч,
А столб задорный и упругий
Буравил гущу туч.

Был гулом распорот
Покой на мгновенье.
Встревоженный город
Смотрел в изумленьи,

Как желтая лава
На гребне высоком
Полночью кровавой
Бурлила потоком.

1918

СЕГОДНЯ

Красная, рабочая Германия
В огне восстания —
Ур-ра-а! . .
Зажглись окраины
Решительным: «Пора! . .»
Борьба раскинула
Кроваво-пламенные крылья,
И толпы спаянно
На баррикады хлынули,
Пьянея от побед! . .
Покоя — нет!
Сегодня красное
Века буравит
Набатом!
Сегодня красное
В пожарах плавит
Самовластные
Законы богов!
В крылатом
Урагане
Рабочий —
Владыка земли! . .
Кровь,
Обагрившая стены зданий,
Пророчит
Вечность! . .
Рабочие!
Солдаты!
Штыками проткните
Беспечность
Идолов тьмы! . .
И в пасть умирающей ночи,
Восторгом объяты,
Набатными голосами
Кричите:
«Победители мы!»

1918

ИЗ ЦИКЛА «БОРЬБА»

С рук не смывая сажу,
Винтовку крепче стисни,
Протяжно пусть в сторону вражью
Зловещая пуля свистнет!
Слушай! Слушай! Слушай!
На посту своем будь до конца,
Посылая кусочки свинца
В их серые, жирные туши!
И помни всегда одно:
Поражения быть не должно!
Вспомни: кто ты?..
Ты — начало всему, что есть!..
Без тебя будут дни пусты,
Не будет нигде красоты.
Месты!
Красная месть! —
Вот твой закон
И ночью и днем...
Прошлого черный сон
Выжги безжалостно огнем!..
Слушай! Слушай! Слушай!
Твое достижение — *победа*,
Хозяином мира быть!
В час битвы ты всем поведай:
Никто никогда не затушит
Священное пламя борьбы!

<1919>

* * *

За воротами сумрак сутулится,
Вечер сеет молочным дождем,
А змеистые, шумные улицы
Опоясались желтым огнем...

Осень тучами небо завесила,
Гонит крыльями стужу и сон,
Но влюбленным и в сумерках весело,
Если в душах поет перезвон...

Флаг над клубом рабочим колыхается,
Точно пламени красный язык,
И так ясно, отчетливо слышится
Из окна призывающий крик.

Там восторги и радости пенятся...
Мы ликуем под гимны труда.
О мой друг, эта жизнь не изменится
Никогда!

<1919>

МАТЬ

Пусть музыка нервы истреплет,
Осенняя синь задушит, —
Матерей горящие души
Сегодня в сером пепле.
Мать!
Святая,
Великая,
Вечная...
Я, поэт огневых баррикад,
Сын твой
И брат твоих сыновей,
Рожденный тобой воспевать
Только кровавый бой,
Становлюсь пред тобой
На колени.
Я знаю, как ты
Ненавидишь меня,
Проклинаешь меня
За то, что своими гимнами
Я гнев зажигал в бою,
За то, что днями дымными
Ранил любовь твою.
Мать!
Из века в век
Ты сеешь любовь
На земле
Для того, чтобы вновь и вновь

Человек
Растоптал ее сапогами.
Ты думаешь — изверг я,
Ты думаешь — мне не больно
Выдавливает кровь
Во мгле
На цветы
Трясущимися руками? ..
Я так же, как ты,
Тоскую о ласках,
О нежности...
Глаза мои ищут
Весенних улыбок,
Радости, солнца,
Безбрежности...
Мать!
Но страшнее всех ужасов
Пыток, страданий,
Для меня —
Твоя боль.
Она — безгранична,
Она — неумемна,
Она — бесконечна
И жалит сердце
Сильнее огня.
Твоя боль — мой крест.
И я не могу,
Не хочу
Его сбросить
С своих окровавленных плеч,
Так же как песни мои,
Так же как гнев мой,
Так же как жажду боя...
Святая!
Когда твое сердце
Раненой птицей
Бьется в крови,
Знай: и мне,
Поэту битв,
Огневых баррикад,
Как никому тяжело...
Тяжело!

Но снова и снова,
Стиснув зубы от боли,
Пою и кричу:
— В бой!
— Вперед!
Так надо,
Так суждено.

Пусть музыка нервы истреплет,
Осенняя синь задушит, —
Матерей горящие души
Сегодня в сером пепле. . .

1919

* * *

Душа, кричи громче,
Ударь по нервам спящих,
Время — опытный кормчий —
Правит к высотам горящим.

Рви, барабан, пространства,
Дробите камни, ноги,
В мире нет постоянства,
Нет повторной дороги.

Мы подняли смерч крылатый,
Взрыли поля чугуном, —
Мы требуем полной платы
За столетия, убитые сном.

Мы временно смерть призвали
Гниющее прошлое сжечь. . .
Наш меч и руки — из стали,
Земля — пепеляющая печь.

Вымаливать стыдно пощаду.
Кто мир не приемлет иным,
От жизни уйди за ограду,
Укройся покровом земным. . .

Душа, кричи громче,
Ударь по нервам спящих,
Время — опытный кормчий —
Правит к высотам горящим...

1919

ЦИКЛОННЫЙ ГОД

Раскрывший огненные бездны,
Циклонный, дерзкий, красный год
Вселенной бросил смерч железный
И ввергнул жизнь в водоворот...

Родившийся под гимны брани
В кроваво-озаренной мгле,
Как грозный сеятель восстаний
Не превзойден он на земле.

Где брызжут молотов удары
И льются песни шестерен,
Он рдяным заревом пожара
Окрасил символы знамен...

Где тлели немощные стоны,
Где кровью пенилась руда,
Он выжиг новые законы
Для огнеликого Труда.

Упруго расправляя крылья,
Он бросил семя мятежа
В глухие области насилья,
Сквозь серый сумрак рубежа.

И там, в пределах преступлений,
Растет его набатный зов
Для новых дерзких разрушений
Наследства мертвого веков...

1919

* * *

Стальное имя мир зажгло
И просквозило мрак и тени;
Гроза на красное крыло
То имя вывесила: ЛЕНИН.
Громом орудий
Просторы вспенены,
Спаяны груди
Именем Ленина.
Время настало ныне
Рушить твердыни
Лжи мировой, —
В бой!

Гроза растет везде, везде.
Нет в мире мертвого покоя,
Где люди высохли в труде,
Там блещет имя огневое.
Громом орудий
Просторы вспенены,
Спаяны груди
Именем Ленина.
Время настало ныне
Рушить твердыни
Лжи мировой, —
В бой!

Уже текут со всех сторон
Народы на призывы грома...
Потомки не забудут звон
Стального имени наркома.
Громом орудий
Просторы вспенены,
Спаяны груди
Именем Ленина.
Время настало ныне
Рушить твердыни
Лжи мировой, —
В бой!

<1920>

ВОЖАТОМУ

В. И. Ленину

О, верти же, верти колесо
Неслабеющими руками,
Перевесим чашу весов
Мы пронзенными пулями сердцами.

Передвинь в «быстроту» рычаг,
Оглуши этот сумрак сиреной, —
Старый мир завяз в ночах:
Он не выкарабкается из плена.

Пусть, разрезанный грудью стальной,
Обессиленный ветер застонет, —
Перевернувшему шар земной
Не страшны ночные погони!

Миллионом золотых поясов
Опояшет вселенную пламя...
О, верти же, верти колесо
Неслабеющими руками.

<1920>

ВЕТЕР

О, какой же пройдоха расторопный
Этот ветер, свистящий в уши,
Разворачивает снежные копны,
Ледяные постройки рушит.

От равнины земной до небесной
Винтовые лестницы крутит, —
Видно, здесь ему скучно и тесно
Пролагать по снегам перепутьи...

Сосны сняли пуховые шапки
И закланялись в снежные ноги,
Он же, выхватив игл охапку,
Улетел, хохоча, без дороги...

— Слушай, путник! Охай не охай,
Если слаб — всё равно задушит...
О, какой же беззаботный пройдоха
Этот ветер, свистящий в уши...

Первая половина 1920

ДВЕ РОССИИ

1

Белое, ровное поле,
Вешки у длинных дорог;
Сердце от грусти и боли
Я уберечь не мог.

Ветер хохочет и свищет,
Снежный колыхается звон;
Кто я: поэт или нищий?
Что ты: мечта или сон? ..

Мглистая непогода злится,
Нет ни начал, ни концов;
В воздухе черная птица
Черное чертит кольцо... ..

Русь бледнолицая! Где же
Спрятано сердце твое,
Где же упорство медвежье,
Буйства хмельное питье? ..

Кто тебя в дьявольской зыбке
Пьяную в сон укачал? ..
С детства я светлой улыбки
В жизни твоей не встречал...

Сквозь полусумрак неволи
Только и видеть я мог:
Белое, ровное поле,
Вешки у длинных дорог... ..

Покоя северного вестник —
 Фонарь желтеет у ворот;
 Здесь под гармонику и песни
 Грустит оборванный народ...

Гонимый тягостным туманом,
 Придешь и не уйдешь назад, —
 Перед наполненным стаканом
 Повиснут мутные глаза.

Как быстро тяжелеют ноги...
 О жало жгучее тоски,
 Скажи, всегда ль твои дороги
 Приводят только в тупики?!

Простор полей однообразен,
 И однотонен вой пурги;
 Скажи — не бред же Стенька Разин,
 Ткачев и тысячи других?..

Ах, эта жажда всепознания,
 Разбившая оковы сна!
 Узнай, что только из страданья
 Родится Новая Страна...

Ну и пусть на меня опрокинутся
 Грязно-мутные волны тоски,
 Не зайдет же душа-именинница
 В придорожные кабаки!..

Связан я узловыми дорогами,
 На которых повесилась Русь,
 На которых трактиры с острогами
 Хоронили народную грусть...

О страна! С вековыми устоями,
 Под стальными когтями орла,
 За отверженными героями
 Ты на красную пытку пошла...

Ты пошла умереть под метелями,
Чтобы снова воскреснуть в огне;
И недели текли за неделями
К надвигающейся Весне.

Мне, рожденному в отблесках горна,
Твоя крестная боль не дает
Оглянуться на труп, уже черный,
У железных, осторожных ворот.

Ну и пусть на меня опрокинется
Грязно-мутные волны тоски,
Не зайдет же душа-имениница
В заколоченные кабаки!..

4

О кровавое пламя костра!
О зовущие крики набата!..
Вы распяли мое Вчера
На расплавленной меди заката.

Я уже перешел черту
Обескровленного ожидания, —
Если сердце — горящая ртуть,
Значит, жизнь не одно страданье...

Если мне на придушенный стон
Можно смехом жестоким ответить,
Значит, знойное Завтра — не сон,
Значит, солнце тоскует о лете...

Две России качаются в мгле,
И одна из них — в зареве пытки;
Для другой, посиневшей в петле,
Вьюга саван серебряный выткет...

Ах, зарыть бы, зарыть пора
Этот труп старушонки горбатой...
О, кровавое пламя костра!
О, зовущие крики набата!..

Похоронные звоны и — радио,
 Та же степь, а по ней — грузовоз.
 Ветер зарево вытянул радугой
 На суглинок промерзших полос.

Что же? Пойте ей вечную память
 Те, кому наслажденьем был сон,
 Мы же солнечными глазами
 Прозреваем в недра времен. . .

Мы другую Россию видим —
 Без метелей, тоски, кабаков;
 В каждом юноше — новый Овидий,
 В каждом старце — мудрость богов. . .

Рвутся времени красные кони
 Из туманных надорванных пут,
 Рвутся в мир, где на огненном троне
 Восседает раскованный Труд.

Ноябрь—декабрь 1920

РАБОЧИЙ ПРАЗДНИК

Ах, не могу же, не могу
 Не радоваться сказке новой, —
 Заря на выпавшем снегу
 Рубиновые ткет основы.

Когда иду с другими в шаг,
 Не может сердце не гордиться, —
 Моя мятежная душа
 Отражена на многих лицах.

Сжигай, октябрьская Весна,
 Остатки старых недоверий, —
 Освобожденная страна
 Раскрыла солнечные двери.

О, сколько радостных зарниц
В глазах просвечивает знамя,
О, сколько в небо звонких птиц
Сегодня выпущено нами...

Ах, не могу же, не могу
Не радоваться сказке новой, —
Заря на выпавшем снегу
Рубиновые ткёт основы...

1920

* * *

Мы умеем всё переносить, —
Стискивая зубы, мы годами
Пили муть овьюженной Руси
Жадными, прозрачными глазами.

Шлях и степь. Часовня и курган.
Вот что память бережет и холит.
Нас в снегах баюкала пурга
Песнями отчаянья и боли...

Мы смотрели, доверяясь снам,
Как с закатов осыпались перья,
Как слетали с сумерками к нам
Древние сказанья и поверья...

И, сжигая взвихренную муть
В огненном кипеньи Революций,
Мне теперь понятно, почему
Мы боимся солнцу улыбнуться...

30 марта 1921

МЫ

На смуглые ладони площадей
Мы каждый день расплескиваем души;
Мы каждый день выходим солнце слушать
На смуглые ладони площадей...

Что горячее: солнце или кровь?
Оно и мы стоим на вечной страже,
Но срок придет, и мы друг другу скажем,
Что горячее — солнце или кровь...

Мы пьем вино из доменных печей,
У горнов страсти наши закаляем,
Мы, умирая, снова воскресаем,
Чтоб пить вино из доменных печей...

У наших девушек бездонные глаза,
В голубизну их сотни солнц вмястятся,
Они ни тьмы, ни блеска не боятся, —
У наших девушек бездонные глаза...

На смуглые ладони площадей
Мы каждый день расплескиваем души;
Мы каждый день выходим солнце слушать
На смуглые ладони площадей...

1921

ИЗ ПОЭМЫ «ДЕРЕВНЯ»

ХП

Всё те же ветлы сучья клонят,
Но зимний день уже не тот,
Собачий лай в метельном звоне
Тоскою душу не зальет...

И пусть в глазах сухих и строгих
Еще не выветрилась муть, —
Распятый на глухих дорогах,
Ты солнечный увидел путь.

И пусть в избе заиндевелой
Услышишь ропот старика,
Ты не расскаешься, что сделал
Народный дом из кабака.

Пусть хлеб замешан на соломе,
Пусть лапоть вместо сапога,
Но никогда уже не сломит
Твою настойчивость пурга...

И никогда в метельном звоне,
Среди овьюженных коряг,
Твои ладони не уронят
Завоеваний Октября.

1921

ОСЕНЬ

Плетутся дни, измученные грузом,
Накатываются ночи тяжело;
Ах, не моя ль мечта опять влачит по лужам
Свое бессильное, разбитое крыло...

Всё чаще вязнет мысль в назойливом вопросе —
Что выберешь теперь: борьбу или покой?
Я выберу борьбу. Уже старуха осень
Мне гладит голову трясушейся рукой.

Пусть где-то стерегут меня со злобой кары,
Пусть в волосах всё больше серебра, —
Вот этим сердцем, молодым и старым,
Еще так хочется любить и презирать...

Кто сказал, что жизни нет,
Что на улицах ветер бесится? —
Это вечер рассыпал на снег
Серебристые волосы месяца.

За оградой на каждом кусту
Покрывало висит ледяное, —
Это яблони пышно цветут,
Обожженные солнечным зноем.

Тишина, отражения, иней —
Сновиденье уснувшей земли...
Хорошо этой снежной синью
Жажду знойной души утолить.

Хорошо у калитки скрипучей
Чутким ухом ловить каждый звук,
Ожиданием сердце измучить
И предчувствием новых разлук.

Наблюдать, как веселое утро
Взбросит солнце мешком на плечо,
Как бесстрастно, спокойно и мудро
Молчаливое время течет. . .

Отстань, старуха! Жизнь сильнее смерти,
Твоя навязчивость теперь мне не страшна, —
Прислушайся, как звонко бьется сердце,
Как радостно в крови поет весна. . .

1921

БУДНИ

1

Не для тех, чье сердце — камень,
И не тем, кто под солнцем зачах,
Я хочу простыми словами
Рассказать о простых вещах.

Есть жизнь, такая паршивая,
Такая обыденная и нелепая —
Подойдешь к ней, и станет тоскливо,
Как собаке в февральскую непогоду.

Эта жизнь, как и всякая, упряма,
Как и всякая, бьется наружу, —
Но кто перед этой помойною ямою
Не испытывал ужаса?

О, проклятый, позорный жребий! —
Так и хочется головой о гранит. . .
Ведь, правда же, странно, что солнце на небе
Кому-то о счастье звенит? . .

Я знаю то, что знаете и вы:
Растаивают дни, как дым от папиросы, —
Но кто не видел на улицах Москвы
Расклеенных афиш о половом вопросе?

Когда от диспутов распухнет голова —
В Политехническом ли, в Доме ли печати —
Кого затрагивают звонкие слова,
Бросаемые кстати и некстати? . .

О, как мораль им новая знакома!
Того гляди, что вылезут из кожи,
Как будто бы таким словесным громом
Вот эту жизнь возможно уничтожить!

А эта жизнь не только на Тверском
Глядит из глаз слепых и полупьяных,
Она ползет в правление, в местком,
Вцепившись в подол барыньки румяной.

И вот такая сволочь за столом
Вас окунет в свою блудливость взгляда
И будет лаять длинным языком
О том, что вы нарушили порядок.

Ее прием «от трех до четырех»,
И как войти вы смели без доклада?
И этот пошлый, выученный брѣх —
Единственная в устали награда.

В четыре подадут автомобиль,
А вы стоите молча от испуга,
Пока не бросите в поднявшуюся пыль
Пятиэтажную забористую ругань. . .

Я знаю, есть другая жизнь и люди,
Животворящие великую мечту,
У них чахоткой выглоданы груди,
Они как часовые на посту. . .

Есть люди с поразительным терпением,
Без кражи, Сухаревки и пайка;

Они, уверовав в свое преображенье,
Не отрываются от ржавого станка.

Есть юноши и девушки у нас —
В глазах весна, а на плечах винтовки;
Они на лекции бегут в свободный час,
Шатаясь от усталости и голодовки.

А здесь — стена из кумовства и лжи,
Здесь на любовниц тратят миллионы,
Отсюда честность в ужасе бежит
Опять туда, где голод, кровь и стоны.

Что ж удивляться слабости иных,
Что не выдерживают люди часто,
Не прошибают лбом стены
И не берут рабочий заступ?

А таких не один и не сто —
Приходящих и бьющихся долго,
Уходящих с разбитой мечтой
От великой работы и долга...

Я знаю то, что знаете и вы, —
Что впереди преграды и преграды,
Что, не теряя солнечной канвы,
Дорвемся мы туда, куда нам надо...

2

Полным голосом петь не могу, —
Точно известь, душа выгорает,
Это крик с окровавленных губ,
А не песня о солнечном крае...

Но когда при голодной луне
Одичавшие воют собаки,
Я молчу. Я ведь знаю — во мне
Не надрыв, а железная накипь...

Тяжело этот груз таскать,
Когда знаешь, как больно и звонко
Черным пламенем бьется тоска
В васильковых глазах ребенка.

Тяжело пить солнечный свет,
Страшно встретить доверчивость взора,
Если знаешь, что твой же сосед
Завтра схватит тебя за горло...

Что же держит меня на земле,
Не дает от пути отклониться?
Это зорко глядят мне вослед
Моих предков бескровные лица.

Они смотрят, достоин ли внук
Их наследства, что в сердце носит;
То наследство — видеть весну
Даже в самую черную осень...

О, я знаю их всех хорошо,
Под кнутом молчаливых как рыбы,
Пили водку они ковшом,
Становились со смехом под дыбу.

В них горела иная кровь,
В них кипели другие страсти...
Я пришел под их солнечный кров
С непомерным избытком счастья...

Выгорая всю жизнь на огне,
Может быть, я стал грубым и черствым,
Но, придавленный грузом дней,
Я иду с их железным упорством.

И я знаю, что в эти вот дни,
Когда люди дерутся за падаль,
Мой уверенный шаг зазвенит,
Как и раньше сбивая преграды...

Знаю, жизнь гниет в мелочах,
Все теперь мы во власти буден...
Рассказать о простых вещах
Мне трудней, чем о солнечном чуде...

Понял я, что бессильны слова,
Рано петь о полной победе...
Черт возьми! Да кто ж виноват
В этой страшной и злой комедии?

Вы и я. Будь же проклят тот день,
Черный день рокового искуса,
Когда мы полюбили лень,
Когда мы оправдали трусость...

»

Горе тем, кто ослепли в огне
И завязли в будничной склоке, —
Никогда не забыть им о звонкой весне,
О звенящей весне на Востоке...

И когда на шумящие улицы
Робко падает день голубой,
Как мне хочется к ним вернуться
И тащить их вперед за собой...

Чтоб враги бубенцами не брякали,
Улюлюкать не смели на них,
Я хочу быть солнечным якорем
В эти новые, трудные дни.

Пусть всё старое злобой шерится,
С них довольно кровавых причуд,
Я свое истощенное сердце
Им, как факел зажженный, вручу...

Каждый камень кричит громогласно,
Что он видел в предутреннем сне,
Как Октябрь наездником красным
Пролетел на стальном скакуне...

Будут дни, беззакатное солнце
Нас напоит горячим вином,
Ведь недаром прошлое гонится
За умчавшимся вдаль скакуном! -

Ведь недаром костлявые пальцы
Простирает над нами Вчера,
Всё надеясь, что замертво свалится
Красный всадник у солнечных врат!

Никогда, никогда не сольются
День и ночь в одну колею,
Никогда не умрет Революция,
Не окончив работу свою.

Я хочу вам сегодня сказать:
Не пора ль из-под маски испуга
Посмотреть хорошенько в глаза
Без обмана и лжи друг другу?

Не пора ль перестать скулить
На огни из своих подворотен?
Мы из мгlistых туманов пришли
Для великой и трудной работы!..

Верьте мне — близок праздничный час,
Льется солнце по нашим дорогам;
Эта жизнь будет храмом для нас,
Труд — веселым и солнечным богом.

1921

* * *

Верю я — мы грядущее вынынчим
На своем трудовом горбу;
Не беда, если солнце не нынче
Запоет в золотую трубу.

Не беда, что на сердце ссадины,
Что расшиблено много лбов, —
Скоро к черту слетят перекладыны
Под напором с последних столбов.

Да, еще очень много старого,
Еще голод трясет за плечо,
Но не наше ли вспыхнуло зарево
Над Европой кровавым мечом!

Что ж бояться, что зубы оскалены
Побежденною ночью на нас? —
Перед нами сияют проталины,
Перед нами смеется Весна.

Напрягайте же разум и мускулы,
Закаляйтесь огнем трудовым,
Чтоб могло Воскресение русское
Воскресением стать мировым.

Мы возьмемся за труд не со стонами, —
В каждом есть сокровенное масс;
Будут звезды веселыми звонами
Перед утром приветствовать нас.

И когда перед нами открытая
Заалеет дорога к Весне,
Будет каждым достаточно выпито
Солнцепесенной радости дней...

Верю я — мы грядущее вынырчим
На своем трудовом горбу;
Не беда, если солнце не нынче
Запоет в золотую трубу.

<1922>

ЕСТЬ ДНИ

Есть дни — отточенные временем ножи,
Готовые вонзиться в наши спины.
Тогда, товарищи, — удвоенный нажим,
Тогда, товарищи, — да путь единый.
Мы, сжавшие в мозолистых руках
Лопаты, рычаги, стамески, пилы,
Открыли верный путь в горящие века,
Векам минувшим вырыли могилы.

Пусть прошлое не держится за нас, —
Оно не выдержит железного стремленья;
Вчерашний день безжизненно погас
Под тихий стон рассыпавшихся звеньев.
Бейте же в стену времен
Молотом, грудью, лбом:
Больше кровавых знамен —
Меньше плетей над рабом. . .
Что нам до воя пурги?
Что нам циклон и метель?
Тверже, упорней шаги —
Ближе заветная цель.
Слышать, что сталь говорит,
Видеть другое плечо,
Только тогда забурлит
Жизнь огнеструйным ключом: . . .
Есть дни — отточенные временем ножи,
Готовые вонзиться в наши спины.
Тогда, товарищи, — удвоенный нажим,
Тогда, товарищи, — да будет путь единый.

1922

НА ГРАНИ

Самых долгих четыре года
За разбитые звенья оков
Нас, обозванных именем «сброда»,
Распинали у сох и станков.

На заводах частушек не пели,
В деревнях не играла гармонь,
Только зубы от боли скрипели
И глаза высекали огонь.

Было больно, томительно, дико —
И блокада, и голод, и вши. . .
Только вера кровавой гвоздикой
Расцветала в потемках души.

Под тяжелым, мучительным грузом
Не поникли в кошмарные дни,

Знали мы: по замасленным блузам
Скоро солнце весной зазвенит.

И мы видим теперь, как сдаются,
Кто за горло вчера нас терзал,
Как победно растет революция
Из подполья «великих» держав.

Разомкнулось кольцо блокады
Под железной рабочей рукой,
И на Западе вновь раскаты
Нарушают ленивый покой.

<1922>

КРАСНОАРМЕИЦАМ

*Вам, непобедимым, —
от искреннего сердца.*

Семнадцатый, двадцатый, двадцать первый.
За годом год. А кровь поет, звенит...
Кто говорил — истрепанные нервы
Не выдержат в ответственные дни?!

В туманное окутанные люди,
Такие незаметные в быту,
Сказали миру властное: «Да будет!» —
И пригвоздили старое к кресту.

Колчак, Деникин, Врангель... Не сочтешь их...
И пусть... Им РСФСР не задушить...
В глазах, таких глубоких и хороших,
Во что бы то ни стало победить!..

Да, техника, французы, англичане...
У нас — старинная винтовка и наган,
Но посмотрите: чем горят в тумане
Глаза, пылающие на врага... .

Еще одно: пусть знает эта свора —
Мы не сдадим позиций Октября;
Кто был в огне, тот чувствует, что скоро
Всемирная расплещется заря... .

Семнадцатый, двадцатый, двадцать первый.
За годом год. А кровь поет, звенит...
Кто говорил — истрепанные нервы
Не выдержат в ответственные дни?!

<1922>

СТАРЫЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ

Обрывки фраз —
Изношенные тряпки,
Глаза по вывескам:
    Мануфактура.
    Трест.
В очках, как сын,
    Ворчит о беспорядках,
Всё тот же взгляд,
    Всё тот же жалкий жест,

Как не ворчать?
    Жизнь прокатилась мимо,
Плетись в хвосте,
    Хватайся и держись;
Объездил всю Сибирь
    И исходил пол-Крыма,
И всюду всё одно:
    Совсем чужая жизнь.

Повсюду мерзость:
    Главки, комъячейки,
Ревтрибуналы, ГПУ, печать.
Взор поневоле стал
    Трусливо-клейким;
И в «обществе»...
    Приходится молчать.

Не всё, забыл:
    Лидуюся машинисткой, —
Подумайте,
    Какая дичь и чушь!..

Дом —
Потолок облупленный и низкий,
И всем и каждому
Давно далек и чужд.

Идет по улицам
И думает усталый:
«Да, в Лондоне теперь
Банкеты и балы...
Собачья жизнь!..»
А флаг багряно-алый
Смеется неудачнику из мглы.

<1922>

МОЛОДЕЖИ

Вы, чей шаг отчеканен и гибок,
Чьи глаза — на полях васильки,
После всех неудач и ошибок
Не записывайтесь в старики...

День иной упадает, как камень,
И душа — с перебитым крылом...
Ничего, только руки с руками
Завязать надо крепким узлом...

Только помнить ежеминутно:
Нет ни жалоб теперь, ни тоски,
Что за далью угрюмой и мутной
Светят солнечные маяки...

Груз тяжел, но и силы же много,
Пусть всемирная темь глубока,
Но зато будет эта дорога
Отражать вашу поступь века.

Больше песен и больше улыбок,
Пусть шуршат о песок каблуки:
После всех неудач и ошибок
Не записывайтесь в старики...

30 сентября 1922, «Надеждино»

Когда на строгие, нахмуренные ели
Седая изморозь набросит седину,
Как остро чувствуешь, что дни повеселели,
Как предугадываешь новую весну. . .

Весь день хрустит под сапогами иней,
Весь день лучи косятся на меня;
Какая тишь, какой покой пустыни
В сторании серебряного дня.

В осинах синь, а луг весь белый-белый;
Душа легка — ни груза, ни тревог,
И лишь от счастья вздрагивает тело
На перекрестке матовых дорог. . .

Густеют сумерки. Уже огонь заката
Лесной рябины окровавил куст;
Как хорошо идти весь день куда-то
Под шорох листьев и звенящий хруст. . .

1922, «Надеждино»

В ГОЛОД

Дети — цветы земли. . .

М. Горький

I

Снуют без дум угрюмо и горбато,
Потерян счет однообразным дням,
И вдруг без слез заплачут татарчата,
Тоскуя по поволжским деревьям.

Их лица точно вымазаны глиной,
И пальцы лихорадочно дрожат. . .
Прилипли к окнам. С жадностью звериной
Глядят на блеск с шестого этажа.

И всё растут, растут на лбу морщины!
Там люди, лошади, огни... и хлеб...
Ведь сколько месяцев кураем и мякиной
Кормила их изглоданная степь...

Их сотни было здесь. Поодиночке
Уводят их, сгорающих в тоске,
То женщина в поношенном платочке,
То бородач в потертом пиджаке...

На них повеет лаской непривычной —
Глядят в глаза. Доверчиво идут.
И кажется уже законной и обычной
Вот эта жизнь, кипящая в бреду.

А завтра снова желтых и лохматых
Их, как дрова, с вокзала привезут...
О, не смотри в глаза... Ты будешь виноватым
За каждую упавшую слезу...

Не спрашивай о том, где их отцы и сестры,
Где звонкий смех и где румянец щек...
Былое — это сон, несвязно пестрый,
Он вечно близок — и всегда далек,

Оно всегда стоит за их спиной
И смотрит в души их из пустоты...
О солнце, солнце, вылейся весною
На эти хилые и смятые цветы...

II

В никуда тяжело и покорно
Смотрят ржаво-сухие глаза
У людей, запрудивших платформы,
У детей, уместивших вокзал.

Каждый стон — нестерпимая пытка,
Каждый голос — мольба о конце;
Это голод узорами выткал
Желтизну на бескровном лице.

Это голод с родного Поволжья
Их тащил по дорогам в мороз.
И тряслись они мелкою дрожью,
Поедая промерзший навоз.

Черт возьми вас, любимцы пирожного,
Поглядите на них хотя раз —
Даже ветер шальной, дорожный
Им не высосал сухость из глаз.

Даже иней, сухой и колкий,
Им не вытравил желчь из сердец.
И рыщут они, как волки,
По Москве из конца в конец. . .

А Тверская? . . . Здесь бесится ужас
В пьяном хрипе ночных голосов.
Это сифилис вышел наружу
Из «подвалов», кафе, кабаков.

С каждым днем здесь всё меньше и меньше
В сгнивших душах борьбы и огня;
Лишь стемнеет — накрашенных женщин
Каблуки по асфальту звенят.

Что же, пусть они оргией пьяной
Пир справляют во время чумы —
Никогда не забыть Октября нам,
Никогда не сдадимся мы.

Мы, чья гордость — стамески и втулки,
Молоток, винтовка, наган,
Что хоронит себя в переулке,
Чтобы лучше напасть на врага. . .

Если дни будут хилы и тощи,
Если душно покажется нам,
Будет грозно Советская площадь
Диктовать нашу волю врагам.

Никогда, никогда не сольются
День и ночь в одну колею,
Никогда не умрет Революция,
Не закончив работу свою.

1922

Я

Я выпил сотни солнц. И всё мне мало.
Всё мало мне. Но сердце не грустит.
Я никогда не рассыпаю жалоб
По пыльному и долгому пути.

Сегодня — даль, а завтра — плен и скорби,
Сегодня — тьма, а завтра — блеск и зной;
Но никогда своей спины не сгорбил
Я от усталости и тяжести земной.

Снега, и пыль, и терпкий запах гари. . .
Звонят шаги. Я дерзок и упрям.
Я — всеобъемлющий, чье имя Пролетарий,
Идущий к новым солнцам и мирам.

1922

СТАРАЯ РУСЬ

Разве тысячи лет, как варяги
Проходили по этим местам?
Те же степи, леса и овраги,
Те же сычи глаза из куста.

Что здесь нового? Церкви да водка,
Кандалы да кирпичный острог. . .
Всё такой же ленивой походкой
Русь плелась по изломам дорог.

Сколько горя, томления, муки
На твоих пересохших устах. . .
О страна, твой народ сухорукий
Никогда не сходил с креста.

Как забыть, как забыть эти зверства? ..
Я и сам в этой каторжной мгле
Вместе с кровью выплевывал сердце,
Задыхаясь в суровой петле. . .

Ты лишь слышала: «Не разговаривай!»
Ни свободы тебе, ни земли. . .
И вот только Октябрьские зарева
Твои складки разглядить могли. . .

Ты спасла свое счастье пожаром,
Русь — паломница с фонарем. . .
О, недаром, недаром, недаром
Мы гордимся своим Октябрем.

1922

ГРУЗЧИК

Говорят:
Много грязи и погани.
Говорят:
Вы зашли в тупик.
А у нас вот ни черта, ни бога нет,
Только мускулов бешеный крик.

Антон Поликарпов — грузчик
(В день от двести до триста пудов).
Сколько в жизни по сходням трясучим
Перенес он железа и дров!
И теперь на железной дороге
Точно камень гремит его мат,
И теперь он, упрямый и строгий,
Буйной силой певуч и богат.
Раньше, лишь промелькнет у Антона,
Что несчастьями жизнь густа,
Выпивал четвертями «казенной»,
А уж пива — ведрами ставь.
«Кто ж всему, как не ты, виновник?» —
В конторе смеялся сюртук. . .
И пот зеленым крыжовником

Снова скатывался на тюк,
И теперь бы вот должен быть отдых —
Пятьдесят. Не мешал бы уют,
А корявые губы воздух
Раскаленной руганью жгут.
Всё привычка. Как язва прилипла.
Труд не легче, еще тяжелей,
Но железо всю грусть уже выпило
Золотых и зеленых полей.
Пробежать по дымящимся шпалам,
Вот ступеньки: одна, две, три...
Для него разве этого мало?
Разве плохо, что кровь горит?...
А потом голубеющий вечер,
За обедом шальная артель...
Что ж? Пусть ноют широкие плечи,
Их разгладит до завтра постель.
Утром чаю горячего чашку,
И опять: поскорей, поскорей...
И полезут тяжелые ящики
На железные спины людей.

Говорят:
Много грязи и погани,
Говорят:
Вы ушли в тупик.
А у нас вот ни черта, ни бога нет,
Только мускулов бешеный крик.

<1923>

НА РАБФАКЕ

Голова переполнена кладью.
Перегрузишь — сорвется назад.
А у Тони поблескивают радугой
Большие, лесные глаза.

Нет, сегодня работать не сможется —
Голова нагружалась с утра;
И кивает ей ласковой рожницей
Со стены ее маленький брат.

В серой комнате пятеро, пятеро...
Тяжело так работать и жить, —
Ведь хочется вспомнить о матери,
О пьяном запахе ржи...

Не уйдет, подождет «финансовый»...
Разве памятью убежишь
От далекой, затерянной станции,
От плетней и соломенных крыш?

И частенько, разбитая, дряблая,
Не успеет за книгу засесть —
Осыпается белая яблоня
Под соловьиною песнь.

Но уже отвыкает от слабости, —
Город стер тишину деревень,
И клокочущим счастьем и радостью
Тоня новый встречает день.

Потому под тяжелою кладью
(Когда больше вместить нельзя)
У Тони поблескивают радугой
Большие, лесные глаза.

<1923>

ОНИ

От царских дней не сгладились рубцы, —
Трехлетняя война торчала костью в горле,
И в деревнях детишки и отцы
От голода и от болезней мерли...
Но пробил час. И думать не резон.
Еще в рубахах вшей не уничтожив,
Они тащились под знаменный звон
Сжимать в руках винтовочное ложе.
Тяжелый путь. Но не робел никто.
И эти «дикари и обормоты»
На площадях тысячезубым ртом
«Да здравствует» кричали до хрипоты.
Брезгливо улыбались буржуа:

— Помилуйте. Да много ли им надо...
— Они же не умеют взять ружья...
— Где дисциплина? Не солдаты — стадо...
Но тот, кто не однажды умирал
И всё же сердце не разбрызгал в буре,
Узнал, что он солдат и генерал,
Единственный оплот в рабочей диктатуре.
И, сбросив с плеч заботы о семье,
Под вой пурги, разутый и раздетый,
Он, как всегда неустойчив и смел,
Пошел отстаивать рабочие Советы.
О, слава вам, бессмертные в веках,
Вам, измерявшим сумрачные дали,
За то, что вы в мозолистых руках
Рабочие знамена отстояли.

<1923>

1923

Девятьсот двадцать третий.
Слава — с корявых губ.
Хлещет железный ветер
В черные горла труб.

В явь прорастает не сказка ли? —
По трудовому гудку
Снова цистерны заляскали
К северу из Баку.

В наших просторах синих —
Шире оскалы шахт;
Мы на шестой годовщине
Выровняли свой шаг.

В черном фабричном дыме,
У заревых ворот
Мускулами стальными
Приветствуем солнечный год.

1923

КУЗНИЦА ПРИ ДОРОГЕ

Вот кузница при дороге
Стоит, как гриб, разбухший под дождем.
Кузнец Игнат. Уже старик. Безногий.
Дрожащий над ухватом и гвоздем.

Глаза белесые. В заплатанной рубахе.
Уже с утра он под осадой баб.
Кричат, ругаются. Но жизнь — в тяжелом взмахе,
В презрении на высохших губах.

А на полу, среди плевков и сора, —
Заклепка к плугу, зуб от бороны,
Заржавленная, старая рессора
И штык с войны.

Игнат суров. Лицо в угрюмых складках,
Да и тяжел теперь он на подъем, —
Вот к непогоде колет под лопаткой.
Весь дребезжит. Пора уже на слом.

Но смерть молчит. А жить, так жить у горна.
Неделя, две — и захрустит ледок.
Всё так же равномерно и упорно
Заходит по подковам молоток.

И кузница стара. Вся на подпорках,
Но и она кряхтит, а не сдает.
Молчит Игнат. Он продымит махоркой
Неделю. Месяц. Может быть, и год.

Живет старик, живет. Седеет редкий волос.
Кряхтит и охает. Работает молчком,
Но всю мужицкую, соломенную волость
Он держит под железным молотком.

1923

ГОРН

КНИГА II—III-я

МОСКОВСКИЙ
ПРОЛЕТ-КУЛЬТ
1919.

* * *

Бешено,
Неуемно бешено,
Колоколом сердце кричит:
Старая Русь повешена,
И мы — ее палачи.

Слава солнечной казни,
Слава корявым рукам!
Кто в себя не вмещает Разина,
Пусть и мне даст кличку: хам.

А я и другие
Железным прыжком — в века,
Нервы — в узлы тугие,
Солнце — в карман и в рукав.

Ничего, если мы сомнем
Каблуками чахлые травы, —
Это жизнь запела огнем,
Это жизнь именины правит.

К черту старый, ненужный хлам,
Не волнует, не давит вчерашнее,
И в пути мне совсем не страшно,
Что в догонку засвищут: хам...

Бешено,
Неуемно бешено,
Колоколом сердце кричит:
Старая Русь повешена,
И мы — ее палачи.

1923

* * *

Ну да, люди все такие,
И я быть таким не стыжусь, —
Тот Нью-Йорк любит, этот — Киев,
Кто в Америку верит, кто — в Русь.

Каждый где-нибудь, чем-нибудь занят,
Солнце пьют и китаец и сарт,
Но ведь лучше быть нищим в Казани,
Чем в Париже иметь миллиард.

Эти степи, что дышат песками,
Эти роцци, что сеют грусть...
Кто же, кто же поднимет камень
На мою беззакатную Русь?..

Был Октябрь. Было шумно и дымно.
Была осень, а пахло весной...
Никогда не смог бы я выменять
Синеглазый свой край — на иной.

1924

* * *

Да, такие бывают напасти,
Что на сердце ложатся как ночь, —
У веселой уборщицы Насти
Умерла в понедельник дочь.

Я частенько захаживал к Вере,
И ко мне приходила она;
Палец в рот, и станет у двери
Или сядет на стул у окна.

(Знала, знала, что я скучаю:
Угадывала по лицу...)
«Вера, хочешь сладкого чаю?..»
И сквозь острые зубки:
«Хоцу...»

А когда я читал о Донбассе,
О финансах, о кровном враге,
Приходила и...
«Дядя Вася,
Покачай меня на ноге».

«Сколько лет тебе, Вера?»

— «Двести...»

— «Что сегодня?»

— «Сегодня — вчера...»

Сколько раз коротали мы вместе
Незаполненные вечера.

Да, такие бывают напасти,
Что на сердце ложатся как ночь, —
У веселой уборщицы Насти
Умерла в понедельник дочь.

1924

ПОЭМЫ

ВОССТАНИЕ

1

Тайна в глазах.
Взгляды порывисты, цепки.
Что-то растет.
Кто-то огромный идет.
Черные куртки и кепки
Плавают в сером тумане.
Втиснуты сжатые руки
В карманы.
В темных углах
Страх.
Мрут и рождаются звуки.
Там, на крутых поворотах,
Гаснут огни.
Плотно закрыли ворота
Грязные пасти домов.
Чу!.. Шепот шагов.
Это — они...
Зовы во мгле задрожали:
— Братья!.. Братья!..

Лязг беспорядочный стали,
Злые проклятья...

Ширится тайна. Растет.
Небо краснеет.
В муках Великое зреет,
Идет.

Выстрелы гулкие, четкие.
Стекла посыпались на тротуар.
Пороха запах.
Стоны короткие.
Резкие крики. Пожар.
Прошное будущим стиснуто в лапах,
Смерть ему! Смерть!
Улицы ревом наполнились.
Сроки исполнились,
Вспыхнула твердь.

2

Проклятое слово —
Измена —
Кривлялось, шипело кругом
И души одело, как пена
Прибоя.
Впивались сурово
Друг другу в глаза
И ждали:
Сейчас разразится гроза,
И вспыхнувший гром
Нас выбросит скоро из строя.
С какою бы силою сжали
Упругие руки
Преступное горло шпиона!
Томились.
Искали.
Под тяжестью муки
Хватались за нож.
И вдруг
Из-за темной колонны
Глаза засветились,
И ярко мерцали

В них ложь
И испуг.
Рванулись.
Схватили
Десятками рук,
И пальцы, как клещи, сомкнулись
И вмиг погасили
Испуганный звук.

Скрывались в тумане. Тайком.
Шуршали ногами усталыми...
А сзади оставленный дом
Окрасился лентами алыми.

3

Беспощадна смерть была
В ярком зареве восстанья,
Здесь сквозь злую боль страданья
Жизнь борьбой сердца зажгла.
В гуще серого тумана,
С свежей раной,
Перевязанной небрежно,
У ворот стоит рабочий,
Чутко вслушиваясь в мглу.
Завязался жаркий бой
Вновь.
И мятежно
Всколыхнулся воздух ночи.
В нижнем этаже к стеклу
Чья-то голова прильнула
И отпрянула: там кровь.
Зубы вдруг заскрежетали,
Точно ржавое железо,
Вспыхнул местью взгляд.
Волны гула
Трепетали
То усиленно, то реже,
Звали смелых
На защиту баррикад.
Окровавленное тело,
Как пружина,

Снова ринулось в туман, —
Цепи там рвались стальные
Молодого исполина,
Там тиран,
Что гнет ковал,
Умирал.

Золотые,
Огневые
Змеи жалили дома.
Тени таяли ночные,
Гасла тьма.

4

Хмурился вечер,
И в черных провалах
Снова росло оживленье.
В руки и плечи
С остервененьем
Стужа вонзала
Иглы.
Неутомимо
Всё мимо и мимо
Взвизглый
Свинец проносился.
Ржавел затвор
От осенних дождей.
Тихо сочился
В мгле разговор
Утомленных людей.
В центре горело.
Ударило в грудь
Красным испугом:
«Идут!»
И упруго
Винтовки уставились в муть.
Ждали.
Дрожали.
Враги?
А шаги
Множества ног
Четко дробили молчанье.

От ожидания
Проклят был дьявол и бог.
Сердце сжимала безжалостно боль,
Ветром стегало в лицо.
— Стой! Пароль!?
— Кольцо!
— Черт бы вас взял!.. Напугали.
Смена.

В мглу уходили. Молчали.
Пули визжали.
Сырьостью плакали стены.

5

Рассвет.
В людей превращаются тени.
И тайны в глазах уже нет,
В них светится жажда сражений,
Побед.
Справляет свой праздник Борьба.
Откуда-то звонко
Горниста труба
Запела во вражеском стане.
И тотчас же тонко
Свистнули пули
В тумане.
Как улей,
Народ всколыхнулся.
Мускулы рук задрожали.
Рванулся
Вверх окровавленный флаг.
Ждали:
Подступит ли враг?
Нет.
Не идет.
Так развернутым строем,
Братья, вперед!
На гребни побед!
Мы старое строем,
Раздавим,
И в этой борьбе

О себе
Мы вечную память оставим.

Враг сломлен. Разбит.
Сквозь полог туманный и дымный
Лучи свои солнце струит,
А толпы — восторги и гимны.

6

Знамена. Плакаты.
И лозунги, бурей рожденные:
«Вся власть Советам!»
«Долой соглашателей!»
Гимны. Оркестров раскаты.
В солнце влюбленные
Жизни ваятели
Розовым, утренним светом
Хмельны.
Кружатся в воздухе песни,
Как птицы,
Счастьем они рождены;
В улицах узких им тесно, —
К небу взвиваются.
Радость, великая радость на лицах, —
Праздник труда,
Красные флаги
Виснут с домов.
Машут из окон руками.
Дышат отвагой
Лица стрелков.
Красная арка
Цветами
Украшена,
Злоба, горевшая ярко,
Погашена.
Ныне крылаты
Души борцов.

Реют знамена, плакаты,
Гимны из солнечных слов.

Июль 1918

СИНЬ

1

Только синь, только синь в памяти,
Синь снегов и осиновых рощ...
Я учился в деревне грамоте
За истертый мужицкий грош.

Ах, теперь на меня уж не свалится
Столько радости, столько мук.
Отдувая замерзшие пальцы,
Выводил я каракули букв...

Когда школьники после уборки
Уходили в синий туман,
О, какие жестокие порки
Задавал мне отец Иван...

«Вот посмотрим, как это понравится,
На тебя ведь управы нет...»
Коновода, плута, мерзавца
Получал уж в девять лет.

«Для тебя это только наука...»
И он не был на прутья скуп,
Но и я ни единого звука
Не спускал с перекошенных губ...

О, счастливое дальнейшее время, —
Синий снег, голубой небосвод...
И на улице я надо всеми
Был действительно коновод.

Не умел и не знал я, как плакать,
И, когда вся деревня спит,
Первым лез я в горячую драку,
Первым был до бесчувствия бит...

Было просто всё и понятно:
Я его или он меня;
Дома молча кровавые пятна
Вытирал я дерюгой в сенях...

А потом, как ни в чем не бывало,
Мы обнявшись ходили с врагом,
А морозная синь расплывалась
На далекие версты кругом.

2

Душило лето мятой и полынью...
По целым дням то в поле, то в лесу,
А в сумерках, баюкаемый синью,
Я падал где попало на росу...

Тогда не думалось ни о каких поэтах,
Не знал, что жизнь моя зароеется в стихах...
О, сколько раз я просыпал до света
С соседнею собакой в лопухах...

Крылами били дни по пожелтевшим травам,
И ночи ощупью бродили по полям...
Не виделось конца работе и забавам,
И счету не было подругам и друзьям...

О, сколько радости и солнца было взято
(Недаром и сейчас в крови огонь звенит!),
Возились мы в реке, как поросята,
В воскресные и праздничные дни...

Когда зашамкала на ухо осень что-то,
Когда хлеба пересыпали в клеть,
Под звоны журавлиного отлета
Я сам собрался за лес улететь...

3

Я не хотел прожить без промаха,
Тянуть всё ту же тетиву,
И вот, пропитанный черемухой,
Поехал в дымную Москву...

Одиннадцать лет, а в сердце ссадины:
Деревня, драки, ночь, побег...
Жевал в вагоне хлеб украденный
И думал о своей судьбе.

Чем дальше ехал в даль косматую,
Тем сердцу было тяжелей;
Как вкусен хлеб, пропахший мятою,
Последний хлеб с родных полей...

Под утро я, измятый, скомканный,
Тарашил сонные глаза,
А люди жесткими котомками
Меня протиснули в вокзал...

4

Но здесь, где каждый камень жуток,
Нельзя преодолеть тоски
Тому, кто слушал всплески уток
В высоких зарослях реки...

Бродили люди, точно тени,
Из магазина в магазин;
Здесь вместо запаха сирени
Душил дымящийся бензин.

Давили стены и заборы,
Был беспокоен каждый час,
Здесь я, испуганный оборвыш,
Синь леса расплескал из глаз.

Дни бились точно в лихорадке,
И каждый — в каменном плену...
Бежать хотелось без оглядки
В проселочную тишину...

Там у меня — друзья подпаски,
Там дышит синью каждый куст,
Но уж в душе другие сказки
Огнем прорезывали грусть.

5

Я просыпался по гудку,
Такому зычному и злону;
Уже давно мою тоску
Переварил кипящий омут.

„Пролетарии всех стран соединяйтесь“

КУЗНИЦА

Гудение и вой машин,
И взмахи рук в железном визге;
Я знал теперь: я не один, —
Нас тысячи родных и близких.

Здесь у птенцов лесной Руси
Другие крылья выростали,
Другую огненную синь
Я видел в чугунах и стали...

Туда, оттуда ли спешишь —
И лишь восходы да закаты...
Скакали дни по ребрам крыш,
Как цирковые акробаты...

Ночами же, закрывши ставни,
Горя тревогой каждый миг,
Мы плыли в сказочные гавани
По знойным океанам книг...

6

Дни торопящиеся и хлесткие
Жизнь погоняли, влекли куда-то;
Но вот я встретил на перекрестке
Тебя, обрызганную закатом.

Каким предчувствием была подослана
Ты мне навстречу в этот час,
Полуребенок, полувзрослая,
С вечерней синью цветущих глаз?

И ты была гудками связана,
Машинами закалена,
Под Ермака и Стеньку Разина
В пыли цвела твоя весна.

Как я, нередко с подоконника
И ты, лесная тень Руси,
Под всхлипывание гармоники
Пила вечернюю синь.

А счастье вспенивалось выше,
И радостные дни пришли, —
Я в волосах твоих услышал
Дурманный запах конопли. . .

7

По воскресеньям мы — в Сокольниках,
Где вместо цоканья копыт
В оврагах пьяная гармоника
О жизни плакала навзрыд.

И здесь же, на лужайке узкой,
Под свист пронзительный и гик
Неизбываемую «русскую»
Откалывали сапоги.

Мы рано поняли, откуда
Под окна буржуазных дач
Слепая прорывалась удаль
И вымученный пьяный плач.

Кулак «блюстителя». . . Участок. . .
И снова непосильный труд. . .
О, как ты тосковала часто,
Что годы медленно идут.

8

А годы шли тяжелым шагом,
Меня — на фронт, тебя — в тюрьму;
Но вдруг заря кровавым флагом
Упала в северную тьму.

Мы встретились, чтоб распрощаться, —
Искали новых битв глаза. . .
Под музыку манифестаций
Вошли мы в сумрачный вокзал.

В душе и мгла, и сотни радуг,
Подтачивала сердце моль. . .
Какая выстраданная радость!
Какая радостная боль! . .

Глаза приклеились к вагону,
И вот короткое: динь-динь...
А там, вдали, у небосклона
Вечерняя густела синь...

9

Синь — это детство и ты,
Синь — это дальнее-дальнее...
Звон неугасшей мечты,
Звон наковальни...

Синь уплыла с тобой,
С юностью великолепной...
Вспомню и — сладкая боль,
Вспомню и — мускулы крепнут...

Июль—декабрь 1922

ПОЭМА О ПАХОМЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Ах, Пахом, черноглазый Пахом,
Мой земляк из Смоленской губернии!
Помню, помню тебя пастухом
В нашей деревне...

Помню старый шалаш за кустом,
Из него — заскорузлые ноги;
Я так часто твоим кнутом
Разворачивал пыль на дороге.

Славный парень, всегда под хмельком
(Ведь кабак-то почти что рядом!).
Заплетающимся языком
Разговаривал ты со стадом.

Иногда бабий смех зазвенит
(Ах, Пахом, озорной и лукавый!):
— Ну-ка, сбегай коров отгони
От канавы...

Много раз тебе мяли бока
Мужики за такие проделки,
Но смеющимся из кабака
Выходил ты после «похмелки».

А когда ты грустил — молчал,
Рта веревками так не свяжешь,
Словно ты на широких плечах
Поднимал непосильную тяжесть.

Мы всегда чем-нибудь горим,
Жизнь ведь это хорошая сказка.
И теперь тебя часто таким
Вспоминает подпасок Васька.

2

Дни, пропахшие сеном и медом,
Дни, поющие скрипом телег...
Мы с тобой поднимались с восходом,
И лучами звенел наш смех.

Дни как дни, а такие хрупкие,
Как хорош загуменный плен;
Трепыхались за стадом юбки,
Подоткнутые выше колен.

И лишь солнце, ликующий странник,
В кабаке дербалызнет винца,
На костре уж подсвистывал чайник
Пучеглазым дотошным скворцам.

Разгорится от выпитой водки
И пойдет куролесить вовсю...
— Постоять бы такой вот погодке,
Сенокос-то как праздник, Васюк!..

Дни звенели по крышам соломой,
Рыжий пьяница в небе плясал,
И горели глаза у Пахома,
И лохматились волоса...

8

Лунная ночь за окном,
Виснут со стен тараканы.
Клим-конокрад и Пахом —
Пьяные.

Спорят о божьих запахах...
Тысячу тысяч проклятий...
Черною кошкою страх
Прыгал ко мне на полати.

Плавал махорочный дым,
Тусклая лампа мигала...
Всем — и богам, и святым —
Попадало.

Ежился я и дрожал,
Тайно крестился в печали,
А за окном сторожа
Стучали...

4

Шли года. Захлестнутый огнями,
Я к другому роднику приник,
Превратил ржаное сердце в камень,
Робкий шепот — в первобытный крик.

Отошли и потускнели овцы,
Стали сны тревожны и темны;
В жизни все рабы или торговцы,
В жизни все холопы иль паны.

Было странно делать по указке,
Было страшно видеть всюду ложь,
И другие, огненные сказки
Осветили мой подвал светло.

Я из слов подпольных прокламаций
Пил огонь и спаивал других,
И зарею стали разгораться
Гнев и радость в мускулах тугих.

Что ж такого, если был и промах
И осадок горький на душе?
Но в чаду мне было жаль Пахома,
Губящего силу в шалаше...

5

Били снаряды по тучам медным...
В полк пополнение...

— Ты ли, Пахом?..

Кости да кожа. И бледный-бледный...
Полк за полком. За разгромом разгром.

Так-так-так...

— Пададь на пищу.

У-у-у-бах...

— Клюквенный снег.

Ветер ли, смерть ли за спинами свищет,
Дьявола ли, сумасшедшего ль смех?

Что на лице: кровь ли, пот ли?

Что впереди там: село ль, гора ль?

Славно сегодня mortarы работали —
Вновь за сто верст штаб удрал.

Слушай, Пахом:

— Жизнь дороже,

Жизнь дороже их барышей,

Пусть-ка сами жирные рожи

В этих окопах покормят вшей.

Слушай, Пахом:

— Нет на свете

К нам справедливости — их законы...

Слушай! Последних в черный ветер

Ты не бросай своих патронов!..

Так-так-так...

— В грудь попало.

У-у-у-бах...

— Нет руки...

Мертвые ждут рокового сигнала

Бросить на Питер свои полки.

6

— Эй, Пахом! Осторожней, Пахом! —
Кто-то смотрит в затылок со злобой,
Кто-то в тьму поскакал верхом
С донесеньем по черным сугробам.

Ни суда, ни допроса в снегу,
Пуля свистнет — и руки раскинешь,
На кровавую ленту у губ
Ляжет острый, нетающий иней...

Слышишь ветра февральского рев?
Видишь, тучи — какими буграми? ..
В этот час по снегам в Могилев
Буйным вихрем летят телеграммы.

Может быть, подорвется война,
Может быть, жизнь не будет копейкой? ..
Отчего побелел, как стена,
Перед царским вагоном Воейков? ..

— Тише, тише! .. Не нужно кричать,
Избегай подозрительных взглядов...
Что-то много ушло кумача
Из московских и питерских складов...

— Жизнь скомандует властно: кругом!
И пойдешь на Восток по сугробам...
— Эй, Пахом! Осторожней, Пахом! —
Кто-то смотрит в затылок со злобой...

7

Треплется красный флаг
Над проволокой колючей...

Что, разве *он* мне враг?
Разве *он* всю жизнь меня мучил?

Будет. Кончено. В землю штыки...
Ветер сердце теперь не раздражит, —
Для корявых и грязных таких
С неба солнце спустилось на праздник.

8

Ухали над переулками пушки,
Рушились на улицах дома;
И трупы — испорченные игрушки,
И пулями простреленный кумач.

Телеграф. Электрическая станция.
Пакеты в солдатских сапогах.
Всё ближе и ближе повстанцы, —
Железная хватка туга.

То тихо, то с грозными гимнами,
То крадучись, то бегом...
И дерзко с винтовкой у Зимнего
Стоит черноглазый Пахом...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Каждый старался вытрясти больше
Слухов и сплетен, злобы и лжи...
— Сто поездов провезли через Польшу
Золота немцам и тысячу — ржи.

Город губернский всегда недоверчив —
В каждом и каждой он видит врага,
Были бы карты да сельди из Керчи,
Всё остальное — к чертям на рога.

Ходят сутулясь по рынку пустому,
Шепчут сквозь зубы: — Пойдите жоу!..

Им хорошо — они в царских хоромах,
Нам же забавы их — в сердце ножом. . .

— Обыски. Обыски. Золото. Подкуп. . .

— Не комиссары — стоглазая вошь. . .

— Сами-то жрут они ведрами водку,
Ты же картошки нигде не найдешь.

— Слышали?.. Слышали?.. Слышали?..

Скоро. —

Брызжут слюною и дальше бегут.

Слухами, сплетнями, злобою город

Пухнет и ежится в синем снегу.

2

Предгубчека. «Дела». Окурки.

Трезвонят мухи о стекло.

Бессменно в кожаной тужурке

Пахом два года хмурит лоб.

Два года городскую нечисть

Просеивал сквозь решето;

Всё так же выпрямлены плечи

И чуть подергивает ртом.

Без сна томительные ночи,

Весь напряженный, как струна. . .

Солдат, крестьянин и рабочий —

Он выпьет эту жизнь до дна.

Как проволокой, телефоном

Прикручен за своим столом

И уж другим, железным тоном

Приказы отдает Пахом.

Рука не дрогнет с папиросой,

Но будто свалится гора,

Когда вполголоса он бросит,

Что вот такого-то убрать. . .

«Р» неуклюжее на «деле»,

А мысль остра и горяча,

Ведь так отчетливо звенели
Слова из писем Ильича...

Закурит вновь — и рюмку брому,
Еще так много, много «дел»...
И город чувствовал Пахома
И зорко на него смотрел.

3

И всё же весеннее солнце заманчиво,
И кровь по-иному вскипает весной...
Пахом торопливей работу заканчивал
И за город ездил за синью лесной...

И было так: когда с закатом
Он возвращался в губчека,
Кричало сердце злым набатом
И мозг туманила тоска...

Она проскальзывала мимо,
Как тень, уже в который раз...
Но ведь хотелось быть любимым
И отдыхать под зноем глаз.

И вечером, когда однажды
С глазами встретился он вновь,
Горевшими любовной жаждой, —
В нем буйно всколыхнулась кровь...

Закат, над лесом догорая,
Их облил золотым дождем,
И розовое имя Рая
Весною зазвенело в нем...

4

...Сегодня. Шесть часов. На даче...
Шифр бил по голове колом.
И снова по следам горячим
С отрядом двинулся Пахом.

Шесть месяцев любовных пыток,
Шесть месяцев он в тупике, —
Бандитам тайны все открыты,
Что были лишь в его руке...

Но кто же, кто? Идет сутулясь.
Он постарел на десять лет,
А зоркие провалы улиц
Глядят загадочно вослед...

И Раи нет... Уже неделя...
В душе и вьюга и гроза,
В глазах тревожно каруселят
Ее глубокие глаза...

Темнел в тумане лес знакомый...
Шептались. Осторожно шли.
На лбу отточенном Пахома
Морщины змейками легли.

5

Ворвались неожиданно и быстро,
Испуганные взвились голоса...
Перед Пахомом гулко крикнул выстрел
И ненавистью вспыхнули глаза.

Глаза глубокие, холодные, как ночь...
Звенели стекла. Выстрелы и стоны...
Вот у окна...

— Остановитесь, прочь!
Я сам из маузера выпущу патроны...

И резкий треск. Рука как плеть легла
И голова рванулась и застыла,
Но тотчас чья-то пуля из угла
Впилась Пахому яростно в затылок...

Вновь весна бьет в окна крылом,
Вновь томительны зори вечерние...
Ах, Пахом, черноглазый Пахом,
Мой земляк из Смоленской губернии...

1923, Москва

* * *

Ветер, ветер легкокрылый!
Я теперь вольней, чем ты.
Оживлен я новой силой
Гордо-пламенной мечты.

Я теперь — в счастливой доле,
Я тебе — свободный брат.
Разнеси же весть о воле
От Камчатки до Карпат!

Людам-братьям ты поведай,
Пролетая по полям,
Что увенчан труд победой,
Что конец пришел цепям.

Растолкуй им: в тьме глубокой
Пали тюрьмы, пало зло —
И над жизнью многоокой
Солнце красное взошло...

<1918>

КУЗНЕЦЫ КУЮТ

Точно призрачные тени,
Кузнецы снуют.
В душном сумраке до ночи
Всё куют, куют...

Дышат горна едким дымом,
Свет зловещий льют...
Что ж из стали с перезвоном
Кузнецы куют?

Не нужду ли, что гнетет их?
Иль ночной приют?
Гей, скажите... Что же, что же
Кузнецы куют?

Всё молчит... Но, ударяя,
Молотки поют:
«Счастье здесь с утра до ночи
Кузнецы куют».

<1918>

РУСЬ

В нужде гонимая веками,
Томясь в оковах злых, не ты ль,
Гремя стозвонно кандалами,
Шла, опираясь на костыль?..

В лаптях, в оборванной сермяге,
Полна страданий и утрат,
Ты утопала в горькой влаге
От городов до хмурых хат.

Твой бог дремал в далеких тучах,
Коснел в безмолвии простор,
А на костях твоих могучих
Судьбы решался приговор.

Но дни пришли... И в миг суровый
Ты, сбросив с плеч ярмо вериг,
Взорлила к солнцу жизни новой
И открылила красный сдвиг.

Во мгле народных суеверий
Движеньем бурь, под лязг мечей,
Ты распахнула тюрем двери,
Смела тиранов, палачей.

И там, где люди, изнывая,
Стонали, падая во мрак,
Не ты ли, Русь моя родная,
Зажгла немеркнущий маяк? ..

<1918>

ГРОЗА

Не пастух по темной туче
Хлещет огненным кнутом,
Рассекая вихрь летучий,
Рассыпая в небе гром, —

То гроза над жизнью сонной
Разразилась в вышине,
Чтоб развеять мрак бездонный,
Темь в родимой стороне.

Закружились в вихре птицы,
Застонал угрюмый лес...
И грохочут колесницы
В мрачном хаосе небес...

<1919>

ТЕСНЕЙ РЯДЫ!

Когда в дни огненной страды
Объята пламенем свобода,
Товарищи, борцы народа,
Тесней ряды!
Не нам бояться черной своры,
Как скалы, в битвах мы тверды,
Для нас и солнце и просторы...
Тесней ряды!
Еще гремят борьбы раскаты,
Враги не сломлены, горды...
Но близок красный день расплаты.
Тесней ряды!

Пусть пробежит под грудой гнили
Огонь расплавленной руды...
Наш дух заводы закалили,
Тесней ряды!

1919 (?)

НЕУМИРАЮЩИЙ ДУХ

Томясь под гнетом капитала
Неисчислимы года,
Душа народная пылала
Враждою к палачам труда.

И в дни войны, в раскатах гула,
Когда восстал весь Петроград,
Двойной грозой она сверкнула
Над цепью вековых преград.

В борьбе миров, в борьбе великой
Пусть вздрогнул воздух от пальбы,
И в ярости безумно-дикой
Встает Антанта на дыбы.

Грозой тройной сверкнет в грядущем
Неумирающий наш дух,
Чтоб в мире солнечном, цветущем
Исчезли все следы разрух.

1919 (?)

ПОД СЕНЬЮ ЗНАМЕН

Гудите напевней, заводы,
Аккордом стальных сирен!
Мечом огнеликой свободы
Разрушен стозевный плен.
Крестились мы в вашей купели,
Борьбою наш дух закален...
Никто нас, никто не разделит
Под сенью алых знамен.
Спаял нас голод черный,
А мезтью вспенили вы,

И стали в борьбе мы упорней,
Чем бурный разбег Невы.
Из недр земных достаем мы руду
И плавим, плавим в вагранках,
Чтоб хвалебный гимн труду
Зазвучал в наших пушках и танках.

<1920>

ИЗ ЦИКЛА «ПРИШЕСТВИЕ»

3

Деревня! Не с елейным чудом,
Чтоб ярче зацвела земля,
С заводским медногорлым гудом
Иду я на твои поля.

Угарно-дымные лачуги
И прокопченные светцы
В вагранках огнеупругих
Я переплавлю на дворцы.

Не застучит мороз в оконце
С седоволосою пургой:
Радиопламенные солнца
Взметну я над полярной мглой.

В сердцах огонь любви затеплю
Лучистой утренней зари
И на остывшем черном пепле
Воздвигну счастья алтари. . .

4

Проталин в снеговой постели
Глазами дню не перечеть.
Иду. . . Деревня, друг, тебе ли
О воле непонятна весть.

Не ты ли горбилась когда-то,
Кляня рожденья горький миг,

С серпом за мельницей крылатой,
С сохою на полях чужих.

Не я ли по твоим поселкам
С сумой оборванной бродил,
Но вот с вагранками и шелком
Иду к тебе я, полон сил.

Брюзгливо чавкают подметки,
Но сердце радостней цветет —
От солнечной улыбки кроткой,
От пения весенних вод.

Сощутив взор, смотрю: высоко
Плывет угольник серых птиц,
А в лужи огненное око
Роняет золото ресниц.

<1920>

* * *

И силы не измерить!
И счастья не избыть!
В простор открыты двери
Для сгорбленной избы.

Взрывай полей равнины,
Взрывай, кормилец-плуг!
Порог заклятый сдвинут,
Сжигают печки мглу:

В лучах алей Востока
Чтоб зацвела страна,
Кудластым нивам щеки
Расчешет борона.

Запенился гречиха,
Заколосится рожь,
И сгинут с гневным вихрем
И ненависть, и ложь.

<1921>

* * *

Не сплю, не сплю, не сплю всю ночь я...
Не сплю — плывут из тишины:
Поля, изорванные в клочья,
И призраки войны.

Один — в бреду о божьем рае...
Другой — меж тел с мечом к врагу...
И сердце, сердце замирает,
И голову взрывает гул.

Шрапнельной бурей урагана,
Зияют черной пастью рвы...
Не я ль в пороховом тумане,
Не я ль без ног, без головы...

Пожаром вихрят чернолесья.
Пылает мозг. Дрожит земля.
А ночь ползет... Туманит месяц
Изрытые войной поля.

<1922>

* * *

Глазными верстами ковыльные равнины
Я прошагал до сгорбленной скалы,
А надо мной кудластых туч овчины
Промчались, как стада, и клохчутся орлы.

И радостный, в восторженном объятии
Цветных ветров и солнечных ресниц,
Смотрю, кричу им: «Тучи, птицы... братья,
Туда, на зов пылающих зарниц!

Летите, смелые... Взвивайтесь выше, выше!
Лишь только мы над миром злым,
Свободные, под солнцем волей дышим,
Лишь только мы — могучие орлы.

<1922>

МЫ РАСТЕМ ИЗ ЖЕЛЕЗА

Смотрите! я стою среди них: станков, молотков, вагранок и горн и среди сотни товарищей.

Вверху железный кованый простор.

По сторонам идут балки и угольники.

Они поднимаются на десять сажен.

Загибаются справа и слева.

Соединяются стропилами в куполах и, как плечи великана, держат всю железную постройку.

Они стремительны, они размашисты, они сильны.

Они требуют еще большей силы.

Гляжу на них и выпрямляюсь.

В жилы льется новая, железная кровь.

Я вырос еще.

У меня самого вырастают стальные плечи и безмерно сильные руки. Я слился с железом постройки.

Поднялся.

Выпираю плечами стропила, верхние балки, крышу.

Ноги мои еще на земле, но голова выше здания.

Я еще задыхаюсь от этих нечеловеческих усилий, а уже кричу:

— Слова прошу, товарищи, слова!

Железное эхо покрыло мои слова, вся постройка дрожит нетерпением. А я поднялся еще выше, я уже наравне с трубами.

И не рассказ, не речь, а только одно мое железное я прокричу:

«Победим мы!»

ГУДКИ

Когда гудят утренние гудки на рабочих окраинах, это вовсе не призыв к неволе. Это песня будущего.

Мы когда-то работали в убогих мастерских и начинали работать по утрам в разное время.

А теперь, утром, в восемь часов, кричат гудки для целого миллиона.

Теперь мы минута в минуту начинаем вместе.

Целый миллион берет молот в одно и то же мгновение.

Первые наши удары гремят вместе.

О чем же поют гудки?

— Это утренний гимн единства!

1913

ВОРОТА

Я целый год вас не видал. Дрожу и бегу к вам, черные трубы, корпуса, шатуны, цилиндры.

Готов говорить с вами, поднять перед вами руки, воспевать вас, мои железные друзья.

Я полон утра, солнца, я в золоте юности, передо мной без конца несется чудесное.

Иду на завод как на праздник, как на пиршество.

Рабочий город залит, утонул в лучах. Ночная тьма плавится, и льется лавина, море, обвалы огня. — Пышущий, пылающий завод.

Линия корпусов послала огни в поле, к оврагам, зажгла холодную росу тысячами бисера.

Привесные фонари пробудили дремлющие болота. Вчера еще немые, они движутся, говорят, в осоках льется шепот светлых сказок.

А с башни прямо вдаль огненно-белая струя, как брызг раскаленного металла, как застывший выстрел, пронзила лес. В лесу заходили шальные тени, птицы подняли небывалый гвалт и бурлят, как люди на ми-

тинге; молодые голоса запели весеннюю песню, вдаль понеслось цоканье дизелей: это аплодисменты перед открытием занавеса; дороги загудели октавами подземного ропота... Вырвались сирены и сотней завывли над городом; вот-вот вырвется еще новый свет, необъятный, невиданный, невообразимый свет, свет!

Черным водопадом ввергается в заводскую пасть народ. Силачи ворота без страха, не мигая, берут, всё глотают, глотают.

Сотня... другая... третья...

Тысяча...

Другая...

И еще... И еще...

Мы на дворе.

— Осеняющая сила железа!

Только вошел, и уже полонен, покорен, закован весь без остатка стихией грома, движения, света.

Воздух гремит и восторженно стонет. Железная душа завода пронзила толпу. Грудь загудела металлической дрожью. В корпусах началась грузная возня. И всё тяжелее, всё громче.

Корпуса разорвутся, лопнут. Они сейчас снимутся с места, взорвутся. Разразится катастрофа, из земли вырвутся фонтаны раскаленного металла...

— Ну, да грянь! Грянь! Мы готовы! Мы на дворе, мы уже другие.

Толпа идет новым маршем, ноги уловили железный темп.

Руки горят, им нельзя без дела, им не терпится без молотка, без работы. Токи энергии надо разрядить.

— Бей же! Бей!

Да скорее, да чаще!

Руби, пили!

К машинам!

Мы — их рычаг, мы — их дыханье, замысел.

Тысяча работников, необъятная площадь станков.

— Песню!

— Железную!

Одну, единую!

Еще, еще быстрее мчитесь, колеса!

Камень, металл, работники — всё в вихре смешалось.

Стальной шквал. Огненный смерч. Ураган работы.

— Внимание!

На секунду! Только сразу, всей тысячей:

— Железный демон века с человеческой душой,
с нервами как сталь, с мускулом как рельса.

Вот он!

Он добьется, он дойдет, он достигнет!

Между 1913 и 1917

БАШНЯ

На жутких обрывах земли, над бездною страшных морей выросла башня, железная башня рабочих усилий.

Долго работники рыли, болотные пни корчевали и скалы взрывали прибрежные.

Неудач, неудач сколько было, несчастий!

Руки и ноги ломались в отчаянных муках, люди падали в ямы, земля их нещадно жрала.

Сначала считали убитых, спевали им песни надгробные. Потом помирали без песен прощальных, без слов. Там, под башней, погибла толпа безымянных, но славных работников башни.

И всё ж победили... и внедрили в глуби земли тяжеленные, плотные кубы бетонов-опор.

Бетон — это замысел нашей рабочей постройки, работу, подвигом, смертью вскормленный.

В бетоны впились, в них вросли, охватили огнем их железные лапы-устои.

Лапы взвились, крепко сцепились железным объятьем, кряжем поднялись кверху и, как спина неземного титана, бьются в неслышном труде-напряженьи и держат чудовище-башню.

Тяжела, нелегка эта башня земле. Лапы давят, пресуют земные пласты. И порою как будто вздыхает сжатая башней земля; стоны тянутся с низов подземелья, сырых необъятных подземных рабочих могил.

А железное эхо подземных рыданий колеблет устои и всё об умерших, всё о погибших за башню рабочих низкой железной октавой поет.

На лапы уперлись колонны, железные балки, угольники, рельсы.

Рельсы и балки вздымаются кверху, жмутся друг к другу, бьют и ловят друг друга, на мгновенье как

будто застыли крест-накрест в борьбе и опять побежали всё выше, вольнее, мощнее, друг друга тесня, отрицая, и снова прессуя стальными креплениями.

Высоко, высоко разбежались, до жути высоко, угольники, балки и рельсы; их пронзил миллион раскаленных заклепок — и всё, что тут было ударом отдельным, запертым чувством, возстало в гармонии мощной порыва единого... сильных, решительных, смелых строителей башни.

Что за радость подняться на верх этой кованой башни! Сплетенья гудят и поют, металлическим трепетом бьются, дрожат лабиринты железа. В этом трепете всё — и земное, зарытое в недра, земное и песня к верхам, чуть видимым, задернутым мглою верхам.

Вздохнуть, заслепиться тогда и без глаз посмотреть и почувствовать музыку башни рабочей: ходят тяжелыми ходами гаммы железные, хоры железного ропота рвутся и душу зовут к неизведанным, бóльшим, чем башня, постройкам.

Их там тысячи. Их миллион. Миллиарды рабочих ударов гремят в этих отзвуках башни железной.

Железо-железо!.. Гудят лабиринты.

В светлом воздухе башня вся кажется черной, железо не знает улыбки: горя в нем больше, чем радости, мысли в нем больше, чем смеха.

Железо, покрытое ржавчиной времени, — это мысль, вся серьезная, хмурая дума эпох и столетий.

Железную башню венчает прокованный, светлый, стальной — весь стремление к дальним высотам — шлифованный шпиль.

Он синее небо, которому прежние люди молились, давно разорвал, разбросал облака, он луну по ночам провожает, как странника старых, былых повестей и сказаний, он тушит ее своим светом, спорит уж с солнцем...

Шпиль высоко летит, башня за ним, тысяча балок и сеть лабиринтов покажутся вдруг вдохновенно легки, и реет стальная вершина над миром победой, трудом, достиженьем.

Сталь — это воля труда, вознесенного снизу к чуть видимым верхам.

Дымкой и мглою бывает подернут наш шпиль: это

черные дни неудач, катастрофы движенья, это ужас рабочей неволи, отчаянье, страх и безверье...

Зарыдают сильнее тогда, навзрыд зарыдают октавы тяжелых устоев, задрожит, заколеблется башня, грозит разрушением, вся пронзенная воплями сдавшихся жизни тяжелой, усталых... обманутых... строителей башни.

Те, что поднялись кверху, на шпиль, вдруг прожгутся ужасным сомнением: башни, быть может, и нет, это только мираж, это греза металла, гранита, бетона, это — сны. Вот они оборвутся... под нами всё та же бездонная пропасть — могила...

И, лишенные веры, лишенные воли,
падают вниз.

Прямо на скалы... На камни.
Но камни, жестокие камни
Учат!

Или смерть, или только туда, только кверху — крепить и ковать, и клепать, подыматься и снова всё строить и строить железную башню.

Пробный удар ручника..
Низкая песня мотора..
Говор железный машины...

И опять побежали от тысячи к тысяче токи.

И опять миллионы работников тянутся к башне. Снова от края до края земного несутся стальные каскады работы, и башня, как рупор-гигант, собирает их в трепетной песне бетона, земли и металла.

Не разбить, не разрушить, никому не отнять этой кованой башни, где слиты в единую душу работники мира, где слышится бой и отбой их движенья, где слезы и кровь уж давно претворились в железо.

О, иди же, гори, поднимайся еще и несись еще выше, вольнее, смелее!

Пусть будут еще катастрофы..
Впереди еще много могил, еще много падений,
Пусть же!

Все могилы под башней еще раз тяжелым бетоном зальются, подземные склепы сплетутся железом, и на городе смерти подземном ты бесстрашно несись.

И иди,
И гори,
Пробивай своим шпилем высоты,
Ты, наш дерзостный башенный мир.

Между 1913 и 1917

РЕЛЬСЫ

Всюду прошли, залегли, пробежали, кругом опоясали землю тяжелые, крепкие рельсы.

Быстрой стрелой порой поднимаются, в глуби туманные вдруг окунаются, пламенем белым блещут-загораются в тихих равнинах-степях.

Загудят, запоют заунывно по свету, тоскуют в ущельях холодные рельсы.

Говорят и звенят по лесам перепевом далеким больших городов.

И рокочат, рыдают схороненные, запертым эхом колес силачей паровозов по горным, наполненным тьмою, туннелям.

Песни и звоны стальные для одних хороши и вольны, другие боятся их: говор и бой закаленный пугают.

Ох, иногда загрузит и замечется скованный рельсами мир!

Но приходит задуманный в битве, рожденный в огне, из-под молота взятый, машиной вскормленный и гулом заводским взлелеянный, вечно растущий работник-творец.

Легким, свободным полетом вздохнет.

Гордо голову к далям еще не пробитым подняв, вдохновится и скажет:

— Дивно я сжал мою землю-планету стальнойю, прокованной волей. Дерзко на бой вызывал я земные, когда-то ужасные, злые стихии; я их победил, приручил, заковал.

— Пробивай же еще, отточенным резцом прорезай непробитую жесткую даль.

— Твердый металл закали, отшлифуй, доведи, огня из схороненных глубей земли принеси и грядь своим молотом верным, зубилом запроваленным метко вонзи и пытливую мысль в неизвестное взвей.

— Ты погибнешь?

— Умри хоть с одним покоренным безумным желаньем! Пусть не ты воплотил, но порывы труда боевого другим передай.

— Всё пытайся ковать и ковать, всё пытайся тяжелые рельсы стальные поднять и продвинуть в бездонных, безвестных, немых атмосферах к соседним, пока не разгаданным, чуждым планетам.

— Нельзя?

— О, много погибнет... Умрут без числа... Но я знаю, уверен: скуют, опояшут вселенную быстрыми, сильными рельсами воли.

То-то родится в усильях железных, то-то взойдет и возвысится, гордо над миром взвьется, вырастет новый, сегодня не знаемый нами, краса-восхищение, первое чудо вселенной, бесстрашный работник — творец-человек.

1913

КРАН

Земля задрожит... Приготовьтесь.

Многие годы, века строили мы кран.

Его станина была целым городом камня и стали. Под ним глубоко оседали толщи земли, заставляли вздрагивать работников и в душе оставляли ожидание силы, неизведанной силы.

Мы стали смелее, и мириады замыслов рождались каждый день у строителей.

Кверху неслись один за другим угольники, брусы и скрепы; кран вырастал, в воздухе понеслась горящая поэма о металле, слышался голос, идущий из земли через брусы за облака, к звездам; звезды и весь купол вселенной дрожали, замирая от чуда, готового разразиться, ослепить неработавших и открыть новые глаза работающим.

— Кран готов.

Подняли судно из моря, затонувшее сто лет назад и затянутое илом океана.

Подняли железный виадук и перенесли водопроводные башни с одного берега реки на другой.

Кран всё рос, всё смелел, горделиво возносился над землей и металлически шумно дерзил своей растущей силой.

По временам у него из-за плетеных балок и брусьев смотрели глаза, полные дальнего замысла.

И тогда-то в людских толпах загуляли восторженные легенды и повести о будущих подъемах, о еще больших, о тяжелейших.

Был разобран город и переправлен через океан.

Америка готовила для Европы целые новые государства из бетона и металла, кран их разбираал, поднимал, переносил.

В Азии транспортным постройкам помешали Гималаи. . . Никто и не подумал о туннелях: краном приподняли весь горный кряж и низвергли его в индийские болота.

Кран всё это перенес, осилил.

Конечно, не даром. У него были свои стоны, заглушавшие рыдание океанов в непогоду.

Напряженный металл крана грелся, горел, преображался. Весь кран слился, спаялся, нашел в себе новую, каленую, металлическую кровь, стал единым чудовищем. . . с глазами, с сердцем, с душой и помыслами.

Он дружески заразил своими железными думами миллионы строителей-работников.

И кран, и человеческий миллион небывало, невиданно задержали.

Мятежи мысли загуляли по земле.

Что нам затонувшие суда, рухнувшие виадуки, вокзалы, города и государства? Что гиганты горы?

Мы тронем. . . землю.

Мы испробуем.

Мы испытаем!

Пусть несутся быстрее эти дни мучительного мирового нетерпенья. В разных концах земли мы все думаем-думаем за железное дитя нашей планеты. Наша дума — удары, тоска и мученье — нажимы, подъемы и спуски.

Укрепим кран не на земле, а рядом с ней, магнитными токами укрепим его в эфире.

И, да! мы исполним грезу первых мучеников мысли, загнанных пророков человеческой силы, великих певцов

железа. Вавилонским строителям через сто веков мы кричим: снова дышат огнем и дымом ваши порывы, железный жертвенник поднят за небо, гордый идол работы снова бушует.

Мы сдвинем, мы сдвинем нашу родину-землю.

Эй, вы, тихие потребители жизни! Разве вы не видите, как неудобно посажена земля, как неловко ходит она по орбите? Мы сделаем ее безбоязненно-гордой, дадим уверенность, пропитаем новой волей.

Так не пугайтесь же, непричастные к работе, чуждые стройкам, не пугайтесь наступающих жутких мгновений.

Среди белого дня пройдут страшные ночные тени, рушатся храмы и музеи, раздвинутся горы, пронесутся непережитые ураганы, океаны пойдут на материки, солнце может показаться на севере, мимо земли промчатся новые светила.

Может быть, для атеистов проснутся боги Эллады, великаны мысли залепечут детские молитвы, тысяча лучших поэтов бросится в море...

Но пусть!

Мы сделаем великую пробу созданной силы.

Земля застонет.

Она... зарыдает.

Пусть!

Риск мы берем на себя. Всем своим миллионом мы верим в удачу.

Мы заранее ликуем и трубим.

И работу начнем уже с маршем победы.

Между 1913 и 1917

«МЫ ПОСЯГНУЛИ»

Кончено! Довольно с нас песен благочестия.

Смело поднимем свой занавес. И пусть играет наша музыка.

Шеренги и толпы станков, подземные клокаты огненной печи, подъемы и спуски нагруженных кранов, дыхание прикованных крепких цилиндров, рокоты газовых взрывов и мощь молчаливая пресса — вот наши песни, религия, музыка.

Нам когда-то дали вместо хлеба молот и заставили

работать. Нас мучили. . . Но, сжимая молот, мы назвали его другом, каждый удар прибавлял нам в мускулы железо, энергия стали проникла в душу, и мы, когда-то рабы, теперь посягнули на мир.

Мы не будем рваться в эти жалкие выси, которые зовутся небом. Небо — создание праздных, лежащих, ленивых и робких людей. .

Ринемтесь вниз!

Вместе с огнем и металлом, и газом, и паром нароем шахт, пробурием величайшие в мире туннели, взрывами газа опустошим в недрах земли непробитые страшные толщи. О, мы уйдем, мы зароемся в глуби, прорежем их тысячью стальных линий, мы осветим и обнажим подземные пропасти каскадами света и наполним их ревом металла. На многие годы уйдем от неба, от солнца, мерцания звезд, сольемся с землей: она в нас, и мы в ней.

Мы войдем в землю тысячами, мы войдем туда миллионами, мы войдем океаном людей! Но оттуда не выйдем, не выйдем уже никогда. . . Мы погибнем, мы схороним себя в ненасытном беге и трудовом ударе.

Землею рожденные, мы в нее возвратимся, как сказано древним; но земля преобразится: запертая со всех сторон — без входов и выходов! — она будет полна несмолкаемой бури труда; кругом закованный сталью земной шар будет котлом вселенной, и когда, в исступлении трудового порыва, земля не выдержит и разорвет стальную броню, она родит новых существ, имя которым уже не будет человек.

Новорожденные не заметят маленького, низкого неба, потерявшегося во взрыве их рождения, и сразу двинут всю землю на новую орбиту, перемешают карту солнц и планет, создадут новые этажи над мирами.

Сам мир будет новой машиной, где космос впервые найдет свое собственное сердце, свое биение.

Он несется. . .

Кто остановит пламя тысячи печей-солнц, кто ослабит напор и взрывы раскаленных атмосфер, кто умерит быстроту маховиков-сатурнов?

Планеты бешено крутятся на своих осях, как моторные якоря-гиганты. Их бег не прервать, их огненные искры не залить!

Космос несется. . .

Он не может стоять, он рождается и умирает, и снова рождается, растет, болеет, и опять воскресает и гонится дальше. . .

Он достигает, он торжествует! . .

— Упал, упал!

Тонет. . . Отчаялся. . .

Но огонь плавит всё, даже тоску, даже сомнение, даже неверие.

И снова жизнь, клекотанье, работа!

Будет время — одним нажимом мы оборвем работу во всем мире, усмирим машины. Вселенная наполнится тогда радостным эхом труда, и неизвестно где рожденные аккорды зазвучат еще о больших, незримо и немыслимо далеких горизонтах.

И в эту минуту, когда, холодея, будут отдыхать от стального бега машины, мы всем мировым миллиардом еще раз — не то божески, не то демонски, — еще сильнее, еще безумнее посягнем!

Между 1913 и 1917

«МЫ ВМЕСТЕ»

Я живу в самом лучшем городе мира. Работаю в самом большом, знаменитом заводе. Но утром, когда я еду воздушной дорогой с одной окраины города на другую, я вижу над этим городом еще большие города, а в городах бушуют и режут невиданные фабрики и заводы.

Чьи они? Эти города, машины, железные пути и поднебесные постройки?

Я не могу прочесть издали ни одной вывески, но из поезда видно, как мои товарищи, одетые в голубое, белое, коричневое, работают тысячами около тысяч машин, верстаков, тисков и сооружений.

А в стороне, где шумит город-проспект наших владельцев, всё играют, всё играют, всё кутят.

Они играют и проигрывают миллионы.

Мы едем по мосту, пересекая проспект.

И из вагона целой толпой кричим им в заплывшие лица:

«Продолжайте, господа!»

Они гордятся и говорят друг другу речи, пишут стихи

и поют хвалебные дифирамбы. И всё про то, что эти заводы, горы угля, дороги, это всё — их, это принадлежит им. . . Они ликуют от радости.

А мы опять:

«Продолжайте, господа!»

Наш поезд мчится. Нам хочется еще быстрее рвануться вместе с ним к заводам.

Мы входим. И первый наш привет, первый радостный салют — им, нашим друзьям, светлым машинам.

Они улыбнулись, вздрогнули. Крикнул гудок, и начался вихрь работы.

Завод всё расходился, расправлялся, собирал силы, в работу входили новые станки и люди, входили и солисты и хористы, поднимали всё выше, всё настойчивее железную браваду завода. Грянула песня и помчалась в выси.

Кажется, что завод уже невесомый, он легкий, он бегущее привиденье, оторвался от земли, несется от горизонта к горизонту и всё, что есть на пути — тоскующие поля, тихие селенья, молчащие города — всё разит, всё разносит и колет, наполняет спящие равнины канонадой молота и мотора, заставляет перекликаться вечно немые горы, заливаает пропасти озерами света и, весь полный своей стальной, непобедимой гордыней, угрожает стихиям земным. . . небесным. . . мировым, и трудно понять, где машина, где человек. Мы слились со своими железными товарищами, мы с ними спелись, мы вместе создали новую душу движенья, где работник и станок неразрывны.

И уж если наступает, то железо, орудия с нами.

Несутся потоки, мчатся ураганы стального движенья, уверенно бьются за будущее, и рожают непобедимые замахи, и всё растут, всё растут.

И вдруг завод на минуту замолчал, замер, и мы, работники, встали перед ним нашей человеческой толпой и крикнули громаде застывшего металла:

— Где ты? Ты с кем?

Мы кричали внизу, а эхо нашего голоса загуляло вверху металлическим гулом; человеческие слова родили железную песню, заставлявшую дрожать людей, и лишь только опустились и растаяли гулы, как снова поднялся и взвился к небу стальной хоровод станков;

ближе к земле завод гремел неслыханными обвалами жизни, а сверху дерзкие штормы машин отбивали свой решительный ритм:

— Мы с вами, мы с вами!

Без слов, без звуков, только в душе, мы в последний раз вспомнили тех, что пируют на проспектах, и вместо злобных проклятий с улыбкой кинули в сторону:

— Так продолжайте же, господа!

Между 1913 и 1917

ЭКСПРЕСС

Сибирь спит, одетая белой парчой снегов. Тихо качаются белые зыби полей, замерла скованная тундра, стонет ровным стоном тайга.

Но в ночь под Новый год тихие сны Сибири обрываются, и мятежные светлые грезы бурно несутся от океана к океану, от Урала до моря Беринга.

Тревожно и жестоко колотят сибирские морозы. На необъятных равнинах, на поднебесных вершинах гор гремят и гудят гигантские молоты.

Строят, строят!

На полярном небе из ледяных гор встает огненный занавес северного сияния.

Занавес трепещет. Низко по горизонту ходят светлые тяжелые столбы. Силы подземных замыслов несут их кверху. Гаснут исполины колонны, идут друг на друга, теснят небо, жгут и светят на всю Сибирь лавой огненной энергии.

Миг...

Колонны дрогнули, побледнели, и из-за них вырвался необъятный прожектор, весь готовый разлиться и затопить лучами и небо и землю.

Он ринулся! Ударил своими пламенными брызгами вверх, в холодных высотах зажег мираж облаков.

Минута — мираж зеленый, он смелая дума о будущем; минута — он красный, пылающий, он горящая верхняя мачта; минута — он фиолетовый, стальная, закаленная воля к победе, работе, усилию.

Занавес бьется, пылает, волнуется.

За занавесом kloкочет будущее.
Мгновенье. . .
Занавес взвился и растаял в небе.

Экспресс «Панорама» сорвался с уральских высот и реет к Кургану.

Курган, окруженный кольцом рельс, разросся в город масла, хлеба, мяса. Его давно уже зовут «кухней мира». Курган — город крепкого и вольного сибирского народа, не знавшего крепостной неволи. Сибирский народ создал великий город своими кооперативами, которых тысячи; усилиями, которых миллион. В центре, на берегу реки — гордость Кургана: Народный дом. Он занимает четыре квартала. Здание выросло в десять этажей. Окна дома идут цельным, непрерывным стеклом от крыши до самой земли, и дом кажется одновременно и тяжелым и легким, как всё великое. Надземную часть занимает кооперативный университет и кооперативные центры. Внизу под землю идут тоже десять этажей, где устроен целый город масляных погребов. На дворе знаменитая курганская маслодельня, работающая бездымными газами-двигателями. Сепаратрное отделение одето стеклянным футляром вышиною в двадцать сажен. . . По одному фасаду Народного дома проходит линия сибирской магистрали. Из вагона видна как на ладони вся чистота масляной работы. С воздушных экспрессов и платформ непрерывно делают снимки для реклам в «Народной газете». Газета — высшее создание сибирского гения. В ней нет ни одной бумажной клетки, которая не вышла бы из бумажного кооператива, в ней нет ни одной строчки, написанной и набранной не кооперативом. На углу Народного дома высится редакционный маяк, на котором днем и ночью горит слово «Единение». Маяк виден на добрую сотню верст, и из Европы часто поднимаются на уральские хребты, чтобы любоваться курганским великаном.

От Кургана экспресс мчится по залитым солнцем пашням, где всё лето бороздят и ровняют поля стальные чудовища — машины. Необитаемая прежде степь и тундра стали житницей всего света. Всюду видна рука людей настоящего поколения. Ничто не говорит о ми-

нувших столетиях, об их раздолбных, но ленивых песнях, об их сладостных, но пассивных молитвах. Вольные сибирские переселенцы создали новый тип селений, идущих прямыми линиями в два ряда домов на сотни верст, и из степей создали тысячеверстный хутор, прорезающий быстрыми, смелыми линиями Сибирь с юга на север и с запада на восток.

Экспресс быстро тормозит, но пассажирам кажется, что он врезался в ватные стены. Мелькает новый город с тысячью заводских труб, выпускающих вместо дыма только негоряемые газы.

Это — Сталь-город, который когда-то звали Ново-Николаевском. Поезд прыгает, ему надо миновать сотни три стрелочных переводов. Стальные пути идут вправо и влево, к югу и к северу — и все направляются к Оби. Обь плещет и бьет своим полным валом, но берега ее стиснуты гранитом, набережные скованы сетью подъездных путей. По обеим сторонам идут сотни подъемных кранов. Они вытянули свои стальные плетеные кронштейны и даже тогда, когда замирают после тяжелых речных нагрузок, кажутся руками гигантов, наступающих друг на друга с одного берега на другой. Сверху виден лес мачт океанских судов, которые давно уже ходят по углубленному фарватеру Оби. Это легкие пароходы компании «Барнаул — Канал», идущие от главных угольных центров Алтая к нефтяным районам Карских островов и Печоры, через Полярный канал и железнодорожные линии от Обдорска. А вот грузные теплоходы компании «Сталь-город — Нарвик», рассекающие грозные бури Карского моря и полярные льды океана.

Экспресс влетает на железнодорожный мост через Обь. Этот мост со своими крепкими дамбами, широкими и длинными пролетами и тяжелыми башнями — гордость сибирских строителей.

Не проходит минуты, чтобы по мосту не мелькнул поезд.

«Сталь-город» — главный форт сибирской индустрии. Вечереет, и он встречает экспресс миллионом огней, то красных, что рвутся из окон тяжелой металлургии, то снежно-белых, как день, равно идущих от механических

заводов. В воздухе над городом целый гомон света и звука — это новая человеческая симфония огня и железа.

Заводы идут правильными рядами корпусов, кочегарки вытянулись прямыми линиями, — это тысяча горящих бронированных сердец «Сталь-города», черные гиганты трубы угрожают самому небу. Частные здания идут квадратными кварталами: их плоские крыши соединены в одну площадь и образуют роскошный зеленый сад.

И все эти заводы, дома, башни, цистерны, мосты, элеваторы, рыбные погреба — анонимны, у них нет названий, они принадлежат компании и синдикатам, у которых нет фамилий, — голый капитал без лиц, без фигур.

«Сталь-город» зовут машиной Сибири. Оттуда идут водные и железные пути на восток, запад, север и юг. День и ночь идут грузы с орудиями земледелия на север, где земельная обработка уже подходит к семидесятому градусу, на запад и восток идут двигатели для маслодельных заводов, мельниц, консервных фабрик, а на юг, к Алтаю, — готовые части домен, краны, бурильные машины, трансформаторы.

От «Стали-города» до Алтая идет непрерывная промышленная стройка; она начинается заводскими трубами, идет через жилища рабочих, переходит в заводы-домны и кончается черными подземными городами-шахтами.

Но дальше, дальше по главной магистрали! Быстро минуем города без будущего. Они хотели быть острогами, но сами умерли, как необитаемые тюрьмы. . .

Красноярск!

Это мозг Сибири.

Только что закончен постройкой центральный сибирский музей, ставший целым ученым городом. Университет стоит рядом с музеем, кажется маленькой будочкой, но он уже известен всему миру своими открытиями. Это здесь создалась новая геологическая теория, устанавливающая точный возраст образования земного шара; это здесь нашли способ рассматривать движение лавы в центре земли; это здесь создали знаменитую лабораторию опытов с радием и открыли интернациональ-

ную клинику на 20 000 человек. Но истинная научная гордость Красноярска — обсерватория и сейсмограф. Здесь записываются не только землетрясения, но всё движение подземных огненно-жидких и паровых образований, публикуются их точные фотографии и диаграммы; и в течение последних десяти лет не было ни одного землетрясения в мире, которое не было бы точно установлено во времени и пространстве и предсказано Красноярском.

А вот прямо перед экспрессом точно растёт и летит прямо в небо блестяще-белый шпиль. Это дом международных научных конгрессов. Его фасад усеян флагами государств всего мира, теперь там заседает конгресс по улучшению человеческого типа путем демонстративного полового подбора. Если нужно выразить научно-смелую идею, то всегда и всюду — в Европе и в Америке — говорят: «это что-то... красноеярусское».

Там, на Енисее, высится мачта, на которой гордая надпись: «Красноеярусск — морской порт», но за ней на башне дамбы другая надпись: «Красноеярусск — верфь мира!» На север от моста больше чем на десять верст суда, всё суда. А по берегам, точно скелеты допотопных ихтиозавров, высятся эллинги судостроительных заводов.

Экспресс, однако, мчитса.
Иркутск!

Город транспортных сооружений, оптовой торговли, финансов, синдикатов, трестов, биржи.

Отсюда идут черные магистрали: одна врезается в сердце Китая прямо на Пекин, она давно уже вооружила трудолюбивых земледельцев резцом и зубилом; другая идет к Владивостоку, интернациональному порту, вся жизнь которого рвется через океан к Колорадо и Нью-Йорку; третья — на Амур, к его дивным виноградникам и садам; четвертая — к северу на Якутск — к разбуженной полярной стране.

Еще издали, верст за двадцать, с экспресса виден «верхний этаж» города, как называют воздушные платформы королей капитала...

Платформы укреплены на баллонах и поддерживаются непрерывной работой моторов. За десятки верст

по ночам эти платформы посылают целые бассейны света к Байкалу, и на железнодорожные пути, и в тайгу. Этим же светом, идущим параллельными лучами, затоплен весь город, который уже не нуждается ни в каком освещении — ни в уличном, ни в комнатном.

На воздушных платформах устроены станции радиотелеграфа и телефона; отсюда говорят и с материками, и с океанами, отсюда по незримым волнам капитал правит уже не только Сибирью, но через Владивосток целит в Америку, и кажется, над океаном временами ходят тучи, назревают небывалые грозы и прольются лавы не то стального, не то золотого дождя.

На платформах же находятся конторы и залы синдикатов с их краткими названиями: «Золото», «Радий», «Виноград», «Хлеб», «Полус», «Огонь», «Кислород».

Сверху, с платформ, правят землей. И на что уже сильны были в Иркутске международная биржа и банки, но они сдались «платформам», и кнопки биржевой игры теперь нажимаются вверху.

Фоногазета «Платформа» выходит непрерывно круглые сутки и осведомляет о всем весь мир. Она постепенно стянула все лучшие литературные и артистические силы и давно уже таксировала гонорары всех знаменитостей. Демократическая богема желчно острила: «Парнас переселился на „Платформу”».

Мы въехали на экспрессе в безбрежный океан света и движенья, мы в урагане жизни воздушного города и вдруг... Тишина.

Только здесь, в Иркутске, узнаешь, какая потрясающая сила в тишине.

Это мы въехали в подземный центральный вокзал. Едем под городом. Бархатные тормоза, бесшумный выход газа из локомотивов, скраденный шелест грузовых кранов, схороненные в земле моторы, папковые и бумажные крыши и стены, отсутствие служебного персонала. Всѐ делается автоматически, просто.

Множество кнопок, бесчисленные краны, к услугам публики всюду надписи и световые указатели. Но чаще — довольно только ступить ногой, чтобы бесшумно тронулся лифт и осторожно поднялась платформа или тротуар вокзала. И невольно пассажиры, загипнотизи-

рованные этой мощью молчащей постройки и беззвучного движенья, говорят друг с другом не громко, шепотом. Нервные люди надземного города прозвали иркутский вокзал фоно-ванной.

Экспресс летит дальше. Его не остановили ни для высадки пассажиров — вагон с ними на ходу отделился, — ни для почты — ее поймали и кинули, да ее так мало, — всё дается аэромашинами и радиотелеграфом.

Экспресс вынырнул из земли. Ему навстречу несется гул газетных рупоров и стереоскоп реклам. Но все они покрыты водопадом белого света, на котором фоногазета в воздухе черными буквами написала: «Три конгресса».

Деловые заседания этих конгрессов таят невиданную социальную схватку.

Конгресс сибирских трестов на одной из воздушных платформ решает прибрать к своим рукам интернациональный трест «Сталь»; синдикат «Руда», объединивший добычу Алтая, Саян и Яблоновых, давно уже подбирался к «Стали». Но силы мало. Теперь он хочет поставить «Сталь» хотя бы под контроль союза синдикатов. Голосования конгресса вызывают биржевую панику во всем мире; еще минута — и радиотелеграф известит о сотне крахов и тысяче самоубийств биржевых дельцов: «„Платформа“ проглатывает „Сталь“».

Конгресс сибирских кооперативов, созданный Сибирским народным банком, над зданием заседаний выкинул тревожный аншлаг: «„Платформа“ душит кооперацию». Конгресс принимает героическое решение — закрыть свой рынок для синдикатских изделий и кредита. Устанавливается кооперативный лэбель.

Кооперативный запад Сибири поднялся против синдикатского востока. Кто победит: будет ли прирвчена кооперация и будет снизу ждать лозунгов от воздушных платформ или платформы рухнут, не устоят против западной мобилизации? На платформах не дремлют — там по телефону слушают прения конгресса, там радость: на конгрессе намечается раскол, алтайцы обвиняют курганцев в симпатиях к синдикатам. «Курган сам завтра будет синдикатом!» — крикнул один из алтайцев. Но кооперативный конгресс делает гигантскую ставку: сн устанавливает миллионный штраф за нарушение лэбеля, штраф гарантируется районными союзами. Плат-

формы демонстративно переносят центральную организацию в Курган...

Третий конгресс — рабочий международный съезд; это первые заседания интернационала, когда прения ведутся на международном языке, который составился из комбинаций русского с американо-английским. Весь последний год во всех странах шли съезды и референдумы. И теперь интернационал спокойно принимает решение за мировой рабочий класс: он решил биться за немедленное образование международного совета, который должен объявить себя собственником угля, хлеба, кислорода и огня.

«Интернационализация».

Слово произнесено...

Мир живет накануне новых потрясений, смелых жестов, дерзких вызовов.

Но неутомимый экспресс мчится.

Экспресс летит.

К Якутску.

Здесь от Иркутска к северу по всему матерiku идет однорельсовая дорога; местами рельс идет внизу поезда, местами вверху. Этому пути не страшны снежные заносы.

На Витиме стоит золотая столица Бодайбо.

По одну сторону ходят черные рабочие поезда и великаны машины, бьющие почву и моющие золото; здесь пыль, грязь, сырость и стон... По другую сторону горят шпили домов золотой резиденции. На работу в Бодайбинский район согнаны китайцы, африканцы, индийцы, якуты, индусы, и сюда же доставлены партии закованных каторжан. Кто хочет знать, чем отличается рай от ада, пусть идет в Бодайбо и посмотрит сначала на один берег, потом на другой. Одно время в «раю» пронеслась тревога: заговорили о нападении на синдикат «Золото» со стороны «Руды», но государства не решились отступить от принудительного денежного курса, и «рай» опять зацвел, и опять появились золотые яблоки!..

Экспресс мчится сквозь горные хребты, катит с вершины на вершину.

Куда, куда ты летишь? Что это? семафоры или звезды?

Экспресс в Якутске.

Не город, а сказка.

Его теперь часто зовут «карточным домиком». Кто был в Якутске в начале двадцатого века — не узнает его. Нет проток, нет болот, улетучились озера; всё высушено, вымыто, прибрано. Город распланирован правильными домами, домами-кварталами, сделанными целиком из бумаги. — Город рекламы. Якутск стал бумажным центром. Необъятная тайга вся скуплена «Бумагой», и теперь на бумажных фабриках в Якутске делают из бумаги газетные листы, мебель, вагоны, суда, дома и дороги. С тех пор как Америка и Азия перешли к бумажной стройке, все металлы задрожали за свою будущность. И, может быть, этим объясняется, как легко иркутская «Платформа» расправилась со «Сталью».

От Якутска дорога к морю.

Охотск.

Здесь два чуда: искусственное озеро и аквариум где хранится и культивируется рыба Тихого океана. Летом здесь функционируют рыбные погреба с температурой двадцати градусов ниже нуля.

Дальше же, однако, дальше.

Город буржуазной неги — Гижигинск.

Зимой в Гижигинске собирается знать с платформ и занимается полярной охотой и спортом. Теперь у спортсменов нет высшего удовольствия, как гоняться на оленях, собаках, моторных санях по северной тундре и занесенному снегом океану. Летом в Гижигинске собирается цвет буржуазного общества для лечения в горячих источниках. И как-то не по вкусу пришлось королям злота, когда союз сибирских печатников построил в Гижигинске дом для своих членов — больных туберкулезом.

Еще несколько взмахов экспресса, и мы в новом городе «Энергия», основанном на пустом месте. Здесь скрещиваются двадцать железнодорожных путей, идущих из Камчатки. Все ее сопки давно одеты стальными асбестовыми кожухами, жар земли собирается, немед-

ленно трансформируется и переводится в энергию. Камчатка, в которой нет ни одной квадратной версты без рельсовых путей когда-то называлась кочегаркой мира: тогда здесь добывалось только тепло. Теперь «Энергия» переводит теплоту во все виды механической энергии.

Кто хочет видеть новые великаны строительного дела, кто хочет знать величие и мощь огня — пусть едет на Камчатку. Но туда должен поехать всякий, кто интересуется новой битвой «Огня» с «Углем». Это к «Огню»-то подбирался конгресс интернационала в Иркутске. И носятся слухи, что заправила «Угля» экстренно установили высокие пенсии горнорабочим и шахтерам. . .

Между тем назревают новые битвы: по всему берегу Великого океана, по всей линии сопок, в Америке, Китае, на Зондских островах началась постройка тепловых гигантов, и все они бросили вызов Камчатке.

А экспресс уже умчался от этой океанской драмы, взял курс на самый север и грезит новыми сказками.

Экспресс весь земной, весь человеческий. Он бурлит, он просит неслышанного стального топота, взмаха подземных кипящих морей, дыхания лавы.

Ох, он хочет прорезать всю землю, облить ее своим жарким дыханием, отдать ей всю огненную страсть свою; он хочет вселить в нее беса холода и беса жара и заставить их вечно биться, он хочет утопить человека в металле, расплавить маленькие души и сотворить одну большую; он хочет заразить камни человеческим говором, заставить мерзлую землю петь гимны огню.

И потом всё смешать, включить исполинские токи, дать волю, неслышанную по безумству и отваге, и самому умчаться дальше.

Дальше! На самые рискованные зыби, на край, на дальний-дальний край!

Город Беринга.

Он знает только два лозунга: «К полюсу» и «В Америку». На его дне воздвигаются новые города. Открытые залежи угля на дне океана теперь пока брошены и забыты: ведь «Уголь» дрожит теперь за свою участь. Но

зато воздвигнуты настоящие хрустальные дворцы из морского янтаря. Система ползущих кессонов давно уже позволила подобраться к Северному полюсу снизу, водным путем. А завод, работающий для полюса в Беринге, мечтает о том, чтобы согнать снега с полюса, изменить направление теплых течений в океанах и смягчить весь полярный климат. Теперь в Сибири много говорят о грядущей революции земледелия и садоводства, и на стороне Беринга стоят сельскохозяйственные кооперативы и «Энергия» Камчатки... Кооперативы говорят, что рабочий интернационал не вовремя стал шутить с «Огнем», величайшие мечты Беринга могут застыть... Завязывается новая социальная схватка.

Экспресс же хоронит, хоронит скорее полярные бури. Ему тесно. Он несется к закруглению высокой насыпи, как развернутое верхнее знамя, рокошет по рельсам, с бушующей стальной песней влетает на мост, с моста в морской тоннель — от Беринга в Аляску.

Постройка тоннеля стоила двух тысяч жизней: полтысячи погибло от полярных холодов, и полторы пожрал океан в подводных работах. Победа индустрии заставила весь рабочий класс одеться в траур. Но теперь уже нет границ между Старым и Новым светом. Тоннель стал символом рабочего единения.

Перед тоннелем у Беринга маяк. Экспресс мчится прямо на него.

Гигант, превосходящий все высоты земли и сделанный из бетона, металла, бумаги и льда, предохраненного от испарения.

Маяк направил свои прожекторы на экспресс. Экспресс вольно купается в красных, синих и белых лучах полярного смельчака.

Невольная дрожь охватывает пассажиров. Что будет? Кажется, что маяк всё идет, всё наступает к полюсу растущим памятником человеку, его движению, его воле.

Мгновение — и экспресс в тоннеле. Тихий, ровный свет, тихие тона красок... Но бурно и гулко дышат моторы, накачивающие воздух, и тоннель дрожит, как стальной пульс, в спящих океанских водах.

Полчаса — и Америка...

Жизнь мелькает. Люди входят и выходят, умирают и рождаются, расцветает, отцветает весна, гибнут и снова воскресают надежды.

Светлый экспресс летит. Его дорога бесконечна, но и бесстрашие его безгранично. Порой он рушится с мостов в воду на всем ходу. Стоны, крики. смерти... Но снова из глубин бешено вырывается неугомонный поезд, дышит пламенем, поет сталью, колотит и режет камни, врывается прямо в утесы, сверлит их грудью.

Он весь изранен, он полон горя, но, железно-суровый, он скрыл, схоронил в своем пламенном сердце всю боль небывалой дороги... и поет, мятежный, он поет совсем не о былом, совсем не о тяжелых надрывных часах, а о грядущих радостных подъемах и полных отваги и риска уклонах.

Между 1913 и 1917

МЫ ВСЮДУ

Нас небольшая толпа.

Но мы всюду.

Мы избороздили тысячи верст по болотам, лесам и говорили с живущими в юртах. Мы им рассказывали много чудес о пароходах и дамбах.

Ох, как они были довольны.

На прощанье мы им сделали идолов.

Таких, каких они просили.

Но в глаза мы всадили рубины, а головы идолам подняли.

Идолы смотрят через тайгу вдаль.

Туземцы обезумели.

По тайге и болоту зашумели новые песни.

«Надо выше поднять наших идолов. Идемте искать гор для наших богов», — запели живущие в юртах.

Вот смотрите: они идут с запада к востоку, к большим горам. Они верят, что найдут эти горы. Они взойдут на вершины и водрузят там богов своих.

Мы скоро убежали от них и не сказали им, что с восточных гор будет виден океан и Новый свет.

Мы бежали и в долинах нагнали полки солдат, идущих на битву. Мы, сорванцы, без шапок, в одних блузах,

Бросили их барабаны в воздух, оборвали команду, оставили армию: «Товарищи, стоп!»

Армия замерла. Но не вышла из строя. Самый младший из нас схватил рубильник, который всегда носил с собой, и начал включать.

Армия снова пошла.

Миллион людей, без барабана, без музыки шел в ногу.

Наш мальчишка крикнул им: «Верите ли вы, что пройдете с своим миллионом сквозь хребет, что растет перед вами?»

— «Мы не верим, мы... знаем теперь», — загремели старики солдаты.

А мальчишка радостно хохочет и кричит им, уходящим в гору: «Это я сделал из вашей груди железо, а из армии великана-машину!»

Мы убегали от солдат и издали им пели:

«А винтовки ваши ни при чем».

Через полчаса мы всей нашей тысячей летели в одном поезде через Европу и прямо правили на океан.

По пути всюду, особенно в селах и полях, нам выкидывали тревожные сигналы: «Остановитесь! Через океан нет мостов, и туннель еще не прорыт».

Но мы были влюблены в свой поезд.

И что же?

Мы заставили весь мир поверить в железный призрак: поезд несся по воздушным рельсам.

Нас встретили миллионы товарищей в Новом свете.

Мастерские там тянулись на целые мили. В них делали всё, начиная с мостов и кончая оптикой.

Директора завода собрали всех нас на митинг и говорили о новой индустрии:

— Мы гордимся Новым светом. Мы создали новую машинную пластику, недоступную древним. Мы создали работников, любящих резец и микрометр.

Директора знали, что мы по-своему привязаны к машине.

«Мы тоже приверженцы этого мира!» — крикнули мы к эстраде.

— Да? Попробуйте это доказать.

Мы не заставили себя ждать: наши молодые сорванцы в тот же вечер кинули из Чикаго депеши всему

Старому и Новому свету, и на другой день во всем мире в одну и ту же минуту прогудели сирены.

Это была первая мировая музыка.

А теперь смотрите: есть ли уголок земного шара, где дремлют и не говорят о чудесах переворота?

Между 1913 и 1917

НАШ ПРАЗДНИК

Мы хотели, чтобы наш выход из земли был чудом.

В подземные ходы мы заложили горы мелинита.

О, мы уверены, что взрыв был слышен на Марсе.

Земной шар застонал и бился в агонии. Весь мир на мгновение замер. Но через лаву, пепел и дым мы вырвались своим быстрым миллионом из подземелья.

Были бешены, рвали и метали. Залили целые мили нашей толпой.

В рабочих куртках, в синих костюмах, в нашем защитном индустриальном цвете.

Мы смеемся, мы молодо хохочем. Покрыли землю тысячью прожекторов. Пусть знают во всей вселенной: на нашей планете едут по миру посланники чудес и катастроф.

— Песни!

— Музыки!

— Оратора! — загремели было толпы.

— Ни песен, ни музыки! — заревели железные мосты и постройки.

Наши создания — башни, рельсы, виадук — подняли гул:

— Мы просим слов, слов: новых, вековых... железных.

— На эстраду! На эстраду! — закричали мы.

Минута, и по воздушным рельсам, за небеса, выше гор, на неведомую трибуну мира помчался силач локомотив.

Он несся, пылая...

Впереди он воздвигал молнии и радуги синего дрожащего света.

Радуги строились в небосклоны. Купола новых небес теснились друг на друга, в эфире выростал лучезарный

тоннель и всё манил, всё манил нашего железного делегата выше, всё выше.

Локомотив рычал, радостно стонал и бил по воздушным рельсам.

И чудо: он не уменьшался, он рос.

Железные лязги всё громче.

Каскады железного рева заглушали смерчи и бури, схоронили весь гомон ярмарок, заводов, военных снаряжений, заставили забыть землетрясения и вулканы.

Вверху гремел над нашими толпами агитатор труда.

Он бил по рельсам, как по струнам.

С железного монблана неслась в наши рабочие толпы воздвигнутая нами поэма... восторженный крик машины, торжествующая песня кованого металла:

— Миллион!

— Мой отец и ученик мой.

— Мое дитя и родитель.

— Я... угрожаю!

— Твоим именем, стальной душой твоей, твоим смелым телом, бесстрашным чудесным мозгом твоим, твоей пылающей улыбкой и железным замахом твоим...

— Я угрожаю!

— Ко мне, ко мне, миллион, твое внимание.

— Я знаю, чего ты ждешь.

— Ты хочешь переворота... катастрофы.

— Я — делатель, я автор катастрофы!

— Она — пришествие.

— Она — крушение.

— Провал миров.

— Явление новых.

— Но, миллион мой, ратник инструмента, мой гений рычага, мой друг.

— Гордый и спокойный.

— Я гремлю на весь мир твоим голосом и всему дрожащему, всему паническому грожу своим железным, неумолимым расчетом.

— Катастрофу я рассчитал до секунды и до миллиметра...

Тише.

Считайте секунды.

Огонь доходит до светопреставления...

Пар грозит безумием взрыва и грохота...

Смотрите: на небе — манометр. Он победно говорит
о решительном кануне.

Мгновенья. . .

Последние. . .

Локомотив мгновенно титанически и мятежно вырос.
Он восстал.

Рельсы загремели радостью и ужасом риска. . .

— Мальчик, мальчик, выключи!

Выключи.

Это пока репетиция. . .

— Сделано! . . — произнес малютка среди полной ти-
шины и картавым детским голосом спокойно сказал:

— Теперь мы готовы к этому чуду в каждое мгно-
вение.

Между 1913 и 1917

ИЗ РАЗДЕЛА «ВОРОТА ЗЕМЛИ»

ОРАТОРУ

Оратор кончил, а мы ему всей толпой отвечаем:

— Нас целый новый легион. Мы несем тревогу всему
миру, но ему же и радость.

Мы пришли с новой вестью, достоверной, как железо,
и бодрой, как звуки мотора в пустыне.

Песен небывалых и сказок нерасказанных мы хотим.

Не тех пропетых, говоренных человеческих слов. —
Хотим выше.

Лязги молота и штампы, трепет приводов и транс-
миссий, грохот кузниц, звон ударов, шепот пил — слова
и призывы.

Ненасытный бег колес — наше знамя.

Мы их поднимем, возвеличим, механизмы!

Пусть же тревожней и выше загудят валы.

Стремглав ударят миллионами рук кузнецы.

И прервут.

Прольется лавина чугунного грохота.

Дрогнет земля под паровыми молотами, зашатаются города, стальные, машинные хоры заполнят все пустыри и дебри рабочим трепетом.

И прервут.

Промчатся огненные вестники подземных мятежей.

И еще прервут зловеще.

Загогочут черные пропасти.

Выйдут силачи-чудеса-машины-башни.

Смело провозгласят катастрофу.

И назовут ее новыми днями творения.

Оратор, замолкни.

Певучие легенды, застыньте.

Ох, послушаем, —

Заговорят возведенные нами домны.

Запоют вознесенные нами балки.

Между 1917 и 1919

НОША

Монархисты, апаши, республиканцы, попы, спекулянты, рентьеры, — слушайте.

Воздух заряжен.

Приверженцы стального гула, партизаны удара, вожатые тяжелого подъема, строители высоких труб, творцы точного штриха.

Мы здесь во всеоружии.

Мы назовем вещи простые и обыденные, но торжественно скажем: вот чудо!

Мы хвалимся, черт возьми.

Наши повести знают миллионные пыльные толпы.

О нас догадывается мировой труд.

Мы открыто, на площади зажигаем печи.

Мы идем волнами: миллион на миллион.

Наши волны дышат сожжением.

Но они же гудят и созданием.

За темные столетия тоски.

За ваших богов и палачей.

За города смерти.

За государства нищеты.

Клянем.
И расплавим.
Мы — пока делегаты.
Мы вызов.
Но... загудим, и начнется.

Между 1917 и 1919

ЧУДЕСА РАБОТЫ

Он рушится, он падает... мир.

В прошлое взглянем и кинем:

«Отрицаю!»

Миллионы взоров к будущему и громко, всем голо-
сом:

«Строю!»

— Мы все на работе.

Дадим людскую шеренгу в сто миль на криках
Урала.

Идемте стальной толпой по копиям Уэльса.

Грянем железный гимн под сводами заводов Рейна.

Трансвальцы, на горы!

Механики Чикаго, вы достроили чудовищный мост
для канала. Пустите по нем поезд, — мост заиграет, как
арфа.

А потом веселым маршем на сходку, на сходку ми-
ровую.

На лучшую площадь Европы.

Бежим, задыхаясь.

И ударьте хором: «Люди, гудки, клопочите, печи,
пойте, каменные дамбы».

— Отставить. Учитесь прерывать свой гомон во
мгновенье.

И кверху же руки, механики-рабочие.

— На полюсе созданы стропила. Выше гор.

Там волшебники...

Летом на полюсе нет ночей, черные стропила в синем
свете играют, как призраки, ходят за небом и встают
черным миражем над раскаленной Сахарой.

Сильнее... Сильней по стропилам.

Ломим.

Дымим.

Закаляем.

— Это дома. Дом на дом, колонна на колонну, ворота на ворота. Выше неба, до звезд.

— Это шахты.

— До лавы, до самого жаркого безумия земли... роем.

— Княжеский город... Толпы дворцов...

— Снести их немедленно. По нашим планам здесь проходит аллея с вишневыми садами по бокам... Через всю Европу.

Прогулка через материк будет недурна для уставших.

— Там болота.

— Нам не до шуток: разрыть их, осушить, поставить домны, осветить леса.

— Что за странность: тут нелепая насыпь, железная дорога.

— Подать ее верст на сто.

Но тише — священная минута: надеваем рабочие блузы.

Гудим враз на весь мир.

И заносим удары мгновенно.

По убогим мастерским везде ли, везде ли заложен динамит?

— Взрывайте бесстрашно.

Хороните вместе с ними тухлые города без дыма и грохота.

А потом собирайте все лучшие чудовища — заводы, бурлящие домны, смелые мосты, вызывающие краны, необъятные корпуса, собирайте их на каменный, на железный митинг.

И в тысячу верст длины.

В сто верст ширины.

Скандально громадный сверхколосс.

Построим завод.

Его постройка — мировой радостный конгресс работников.

Он сам ошеломлен собой.

Вот он, он вырос, он построен.

Он в дыму: горячий и родной смрад его подземного сердца уже дурманит миллионы.

Целые тысячи выбегают из мастерских смотреть на центральные крыши. «Беса. Беса силы и напора мы хотим».

Наивная молодежь, раззадоренная песнями труда, хотела спорта работников.

Крыша рухнула.

Из глубины кузниц вставали налитые работой серые бетоны, грузно задрожали, и весь живой миллион завода наполнили трепетом мускулов.

— Шатунов, шатунов нам! — немедленно переменяла фронт молодежь.

— Стальных! Мы хотим отдаться этим мгновеньям.

— Силы и подъема.

В воздухе пронесся гигант — коленчатый вал, и с ним яркие, налитые синеватой кровью шатуны.

Они взбесились и каленым шепотом заполнили своды, двери и туннели завода.

Толпа застыла, а потом враз закричала, безумствуя:

— Все.

— И нажим,

— И удар,

— И подъем —

Всё людское отдаем как награду, как приз, как душу...

Вам,

Шатуны.

Толпа прибывала.

Торжество почувствовали, почувствовали даже мастерские с тяжелой, горячей работой.

— Страсти. Безудержной страсти.

Не святоши же мы, черт возьми.

С края толпы поднялся чумазый, потный дядя и хриплым голосом закричал толпе:

— Как раз я делегат оттуда!

Часть публики засмеялась. Это были чудачки черно-рабочие, работавшие на переносках внутри двора.

— Не грохочи. Сюда. Идите!

Ворота сталелитейных мастерских с ревом раскрылись и уплыли.

Плавильные и калильные печи ревели, как сказочные псы-великаны.

Нефть сгорала во рту изрыгающих феев и рвалась

в наполненные пламенем печи, и, казалось, жрала сама себя.

Мастер махнул рукой, жерло печи раскрылось, масса сарахнулась от жары и света.

Она не смотрела, мучилась, билась в жарких снопах воздушной лавы.

В адском шуме нельзя говорить, но мускулы лиц мгновенно сыграли одни и те же слова у всей громады: «Сжечь — расплавить — донять — победить».

— Молитвы! Молитвы! — закричала иступленная толпа, и торжественным хором направилась в просторные и чудесно высокие котельные мастерские.

По дороге толпы были встречены нигилистами-проповедниками:

— Неужели вы снова поверили в бога!

— Чепуха; мы новые идолопоклонники, мы хотели поклоняться и воспевать созданное нами.

Входили в котельные мастерские.

Шум людского рассыпанного разговора под черными сводами — тысяча ударов по железным струнам.

Потушили все фонари, кроме двух верхних.

И сразу — тихо.

Мрачная торжественность колонны.

Черные распластанные тени.

Встревоженные строгие швеллера и балки.

Ни слова команды, ни звука призыва. Толпа склонилась перед холодным городом железа.

И были слезы.

И была радость.

Между 1917 и 1919

МАНИФЕСТАЦИЯ

Нет сил.

Мы валимся на работе.

Хлеб остается только в музеях.

Надо решиться: мы манифестируем!

С юга на север.

И путь держим на леса.

Впереди — черная дивизия голода.

Мы ставим на широкие колеса кочегарки все станции огня, тепла, электричества, газа.

Двадцатисаженные трубы — лобовая колонна. Линией в государство они двигаются наступлением к северу.

Лобовая колонна беспощадна. Через горы, реки, дёбри, водопады нарастающее:

Идти —

Ломить —

Разить —

Уничтожать.

Пожрать по пути все леса, весь уголь, торф, обречь на смерть заснувшие города, погосты, усадьбы.

Всё жечь.

Всё жечь.

Жечь!

Кочегарки, котлы, цилиндры не знают ни минуты покоя. Миллион манометров стережет их огненную жажду. . .

Трубы рабочим маршем идут день и ночь. Двадцать городов кочегаров, двадцать городов машинистов вместе с ними.

Дивизия голода не знает сражений, но клочок печей дал новый пульс всей земле: она гудит от Урала до Вашингтона, и океаны бредят кипящими приливами.

Трубы голодной дивизии дымят непрестанно. Они шествуют в дымовом кессоне. Солнце завешено. Многомильный суровый мрак — знамя дивизии голода.

«Что там, под черным шлемом? У них будет взрыв. Катастрофа неминуема. Они голодны до безумия. Они решительны, как перед смертью».

Но черная дивизия шествует с упоительной дерзостью.

Режет, жжет, заливают мраком.

Черная дивизия порой устает, трубы дают перебой, надрывно пыхтят и кашляют.

— Оркестры! Оркестры! — кричат тогда с башен.

Вперед выступают двести отборных силачей котлов, настраивают хор сирен, хор ударяет мгновенно, и звуковые залпы мчатся вперед дивизии.

Музыка, рассчитанная на города, департаменты, государства.

Трубы вытягиваются.
Хмурая гордость растет.
Огненные станции бушуют.
Вспыхивают великаны прожектора.
Потом гаснут. Обрываются сирены.
Сигнальная тишина...
Две минуты.
Минуты как эпохи.
...Взрыв света и музыки.
Ураганная открывается работа.
Плуги-ихтиозавры в тысячу челюстей. Впиваются.
Жрут застывшую землю и тут же, испелеленную, изрыгают.
Всё хоронят и мелют.
Стелют мягкое поле для хлеба.
Ровные бригады плугов идут под командой блестящих бригадиров — будок.
Там машинисты.
Но правят не они.
Правят токи, пар, воздух.
А, Б, В... алфавиты-линии будок.
Первые алфавиты дробят землю.
Задние шлифуют.
Земля просит посева.
На железную молитву взвиваются кронштейны.
Толпами мчатся по вспаханному полю.
Плетеными руками бросают зерна.
Железный сеятель сеет.
Бассейны нагружены.
Живительный ливень несется по команде.
Земля благодарно дышит.
Взвиваются ракеты.
Котлы-музыканты гремят «Зеленые всходы».
— Голодному поезду браво!
— Тысячтрубный паровоз — наш привет!
— Вагон-землерой-ихтиозавр — наш восторг!
— Вагоны-полировщики-бороны — слава!
— Кронштейны-сеятели — наша надежда — ура!
— И грузные бассейны — еще раз наш салют!
— И всему голодному поезду — браво!
..... Смолкните гимны: тревога!
Крадутся тучи. Небо шалит не вовремя.

Готовит ливень.

Гроза уже гремит. Поля размоются и погибнут.

Готовьтесь.

— Пальба немедленно!

— Мортиры, вниманье!

— В небо на двадцать пять градусов к зениту — пли!

Циклон начинается. . .

— Залпы на залпы!

Тучи шарахнулись.

— Не давайте опомниться: пальба. Непрестанно пальба!

Рухнули сорок домн, и свалились ажурные башни.

Пусть!

Тучи несутся экспрессом и дадут ливень впереди паровозов.

— Трубы, дымите торжественно. Ваш смрадный труд не потерян. Дымите.

— Котлы, продолжайте ваш гимн.

— Мастерская композиторов — немедленно симфонию пушкам!

Но не слишком танцуйте, товарищи.

Опасности снова.

Солнце палит и дурманит поля, жжет департаменты хлеба.

— Пушки, вниманье!

Этот мучительный штиль разогнать немедленно.

— Десятитысячные залпы, бейте!

— В сорок пять градусов — пли!

. . . Треснула земля, на реках выступили пороги, забурлили водопады.

Пустьяки: зато циклон победоносно веет над полями.

Котлы, гремите «Победный».

Гремите «Победный», но незаметно перейдите в «Тревожный».

Хлеб еще не снят. Урожай еще не собран.

А работникам плохо.

Валяются тысячами.

Играйте «Тревожный», котлы.

Пусть думает, мучится в думе вся голодная дивизия.

— Красные прожектора, на каждой вышке выжигайте:

«Двадцать часов работы».

— Те, которые могут проработать без устали сорок
восемь часов, — на экстренные поезда!

И бесповоротно:

делаем,
работаем,
достигаем.

Выхода нет: умереть или изобрести.

Хлеб зеленый.

Чтобы он налился.

Пожелтел.

Чтобы дозрел.

И был убран.

Через неделю!

Иначе смерть дивизии и всем, кто ждет ее. Смерть
департаментам и государствам.

Бесповоротно же.

Двигаем!

Химики, механики, инженеры, слесаря, котельщики,
организаторы, политики, станки, пресса, конструкции.

Включите всё, что есть: руки, рычаги, мысли, песни,
взрывы, жару, непреклонность.

И — ну!

И — еще!

Невиданный чудище-динамо.

Кованый, грузный.

Миллионы щупалец, шестерни, башни, печи, синие
блузы, бессонные ночи.

Давит.

Сдается.

Встает.

Говорит.

Низвергает.

Взрывает.

Летит.

Пламенеет.

Рушится.

Замирает.

...Открывает!

Храм изобретений.

Фабрика мысли.

Мозг из железа.

Творимый — творящий.

Три дня кошмарных железных вдохновений...
В корнях зеленого хлеба задрожали растительные
токи.

И солнцем управляют, как плавильной печью...

Хлеба наливаются часами, минутами.

Несется радостный ветер, полный запахов пряного
свежего хлеба.

Долой голодное оцепенение.

Котлы — «Победный»!

Трубы — маршем!

Церемониальным.

Дым, к небесам.

Руки земли.

Машите черными жемами!

Да здравствует праздник!

Заводы, в хоровод!

Ударяйте же в нефтяные баканы!

Паровыми молотами — бейте!

Манифестанты, к башням!

Начинается раут.

Между 1917 и 1919

ВЫХОДИ

В этот город — сто железных дорог.

Мы высадимся сразу.

На дома, на заводы, на колонны, —

Всё соединим вместе.

Будет дом в три миллиона жителей.

Наверху зажжем неистовый жертвенник:

Факела,

Урагано-печи,

Прожекторо-пожары.

П-пах. Сразу потушим.

Ослепим материки...

Трехмиллионный дом, утонувший во мраке, взорвем.

И заорем в трещины и катакомбы:

Выходи, железный.

Выходи же, бетонный.

Высотой в версту.

Нога его — броненосец.

Ступня его — как Везувий.
Глаза его — домны.
Руки его — виадуки.
Иди.
И молча,
Ни звука.
Тяжеленными бродами.
Прогуляйся по свету.
Твой путь:
Европа, Азия, Тихий океан, Америка.
Шагай и топай средь ночи железом и камнем.
Дойдешь до уступа,
Это Атлантика.
— Гаркни.
Ошарашь их.
Океаны залязгают, брызнут, к звездам.
Миссисипи обнимется с Волгой.
Гималаи ринутся на Кордильеры.
— Расхочись!
Чтобы все деревья на земле встали дыбом и из хол-
мов выросли горы.
И не давай опомниться.
Бери ее, безвольную.
Меси ее, как тесто.

Между 1917 и 1919

ПЕСНЬ О ЖЕЛЕЗЕ

В железе есть стоны,
Кандалные звоны
И плач гильотинных ножей;
Шрапнельные пули
Жужжаньем плеснули
На гранях земных рубежей

В железе есть зовы
Звеняще-грозовы,
Движенье чугунное масс;
Под звоны металла
Взбурлило, восстало,
Заискрилось в омутах глаз.

В железе есть чистость,
Призывность, лучистость
Мимозово-нежных ресниц;
Есть флейтовы трели,
Зажглись и сгорели
В улыбках восторженных лиц

В железе есть нежность,
Игривая снежность,
В шлифованном — светит любовь;
Закатная алость,
Порыв и усталость,
В изломе заржавленном — кровь.

В железе есть осень,
Холодная просинь
В заржавленных ветках сосны,
Есть знойное лето,
Миражем одето,
Горячим цветением весны.

В железе есть жгучесть,
Мятежность, певучесть
У скал раздробленной волны,
Напевность сирены
В кипучести пены,
Где тела извивы вольны.

В железе есть ковкость,
Проворность и ловкость
Есть в танцах мозолистых рук;
Есть ток в наших жилах,
В звенящих зубилах,
Вагранками спаянный круг.

В железе есть сила —
Гигантов взрастила
Заржавленным соком руда;
Железною ратью
Вперед, мои братья,
Под огненным стягом труда!

1917

ВОЖДЮ

Философ, социолог, гений,
Рожденный меж фабричных труб,
Пророк невиданных стремлений,
Живых лесов могучий дуб.

Великий Маркс! С набатной силой
Твой голос бьет, могуч и строг,
Над буржуазною могилой,
Над дряхлым миром трубит в рог.

Твой голос там, где гул машины,
Проклятье нищенской судьбы,
Рабочих согнутые спины
Ты распрямляешь для борьбы.

Ты первый, кто взлетел над бездной,
Чей дух над фабрикой витал,
Один проник в «закон железный»,
Постиг всеильный капитал.

И не проклятья, не молитвы,
Не жертвенный кадильный дым,
Зажег ты буйно пламя битвы
Над миром дряхлым и седым.

Учитель, мужественный, мудрый,
Ты другом был в тяжелый час,
Твой образ, лик твой среброкудрый
У баррикад бодрили нас.

Мы верили — за этой кровью,
За тронем Биржи и Царя,
Весь мир труда одев любовью,
Взойдет вселенская заря.

1917

* * *

Труба как посох исполина
В его мозолистой руке,
Через моря, через долины
Он с ним шагает налегке.

Его шагов стальную силу
Ковали долгие века.
Его порыв не угасила
Войны кровавая рука.

Рожденный под полярным кругом,
Могуч, суров и закален,
Как водопад над вешним лугом,
Так он стремительно волён.

В пути великом многолик он,
И жезл в его руке — труба,
Его многоязыким кликом
Встречают пленники труда.

Трубой заводской искры сеет
В сердца рабочих и крестьян, —
Мы знаем — пламя скоро взреет
Над далью чужеземных стран.

Разлей над миром свет рубина,
Подобно огневой реке.
Труба, как факел исполина,
В железном сжата кулаке.

1917

* * *

Вся — жизнь, вся — в бронзовом загаре,
Вся — смехоструйный хоровод,
С игрою глаз призывно-карих,
К нам поступила на завод.

Тебе, как маю, были рады
И пением твоим пьяны,
Но вот чугунные снаряды
Твоей рукой заряжены.

Валов, ремней гудящих струны
Напевы грозные поют,
А там возлюбленных и юных
Твои гранаты бьют и бьют.

Нет, я не мыслю, не поверю,
Чтоб ты переменилась вдруг
И чтоб была служеньем зверю
Дрожь этих стебельковых рук.

Ты, как и мы, сжимаешь крылья
И скорбные свои глаза,
Пороховой покрылась пылью
Их огневая бирюза.

Была цветком над росной далью,
Окроплена степной пылью.
Теперь, овьюженное сталью,
Сгорает скорбное лицо.

Мимозой золотой апреля
Ты расцвела в ветвях стропил,
Но лепестки твои истлели
В железном зареве горнил.

1917

* * *

Я не в разнеженной природе,
Среди расцветшей красоты, —
Под дымным небом на заводе
Ковал железные цветы.

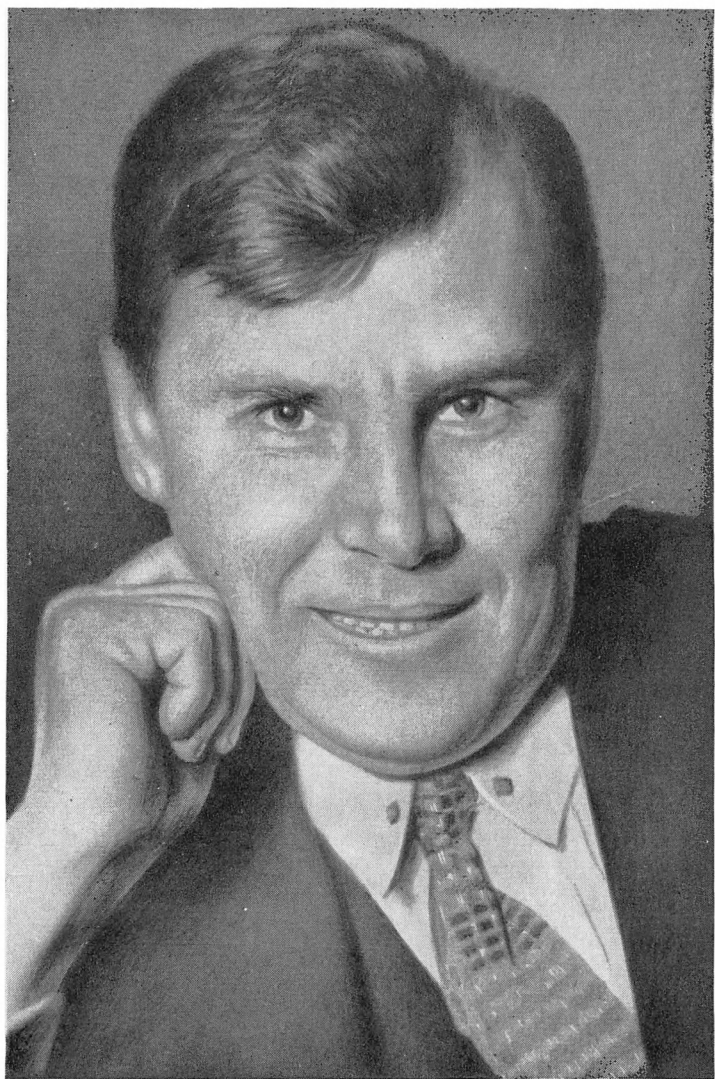
Их не ласкало солнце юга
И не баюкал лунный свет —
Вагранок огненная вьюга
Звенящий обожгла букет.

Где гул моторов груб и грозен,
Где свист сирен, металла звон,
Я перезвоном медных сосен
Был очарован и влюблен.

Не в беспечальном хороводе —
В мозолях мощная ладонь,
Неугасимый на заводе
Горел под блузою огонь.

Вдувал я горн рабочим гневом
Коммунистической мечты
И, опьянен его напевом,
Ковал железные цветы.

1917

Вот осень в шорохах и звонах
Тоскливо бродит по селу.
По перелескам красных кленов
Туман мохнатый зыбит мглу,

Рябин зализывает раны
И умирающих берез,
Он окровавил лапы рдяно
О раны листопадных лоз.

Осенний вечер горько сгорбил
Коленопреклоненный сад,
И сколько неизбывной скорби
В соломенных морщинах хат.

Кадимый клубами тумана,
Осин рыдает хоровод.
Лишь ярко на груди кургана
Веселый искрится завод.

Природа всхлипывает тихо
Над блеклой плащаницей нив,
А он посвистывает лихо,
Багрянца шапку заломив.

Грозит во тьме трубы высокий
Железно-мускульный кулак,
Вагранок огненные щеки
Зыбучий раздувают мрак.

Как ярки золотые брони,
Как бодро льется стали звон,
Как пламенна на черном фоне
Резьба сияющих окон!

Огнем труда сердца согреты,
Все мускулы волнует дрожь,
Как ветерок горячим летом
В полях животворящих рожь.

Пускай туман клубится зыбкий,
Печаль полей ползет без сил,
Мы видим — огненной улыбкой
Завод ненастье опалил.

1917

* * *

Мы всё возьмем, мы всё познаем,
Пронижем глубину до дна.
Как золотым, цветущим маем
Душа весенняя пьяна!

Нет меры гордому дерзанью:
Мы — Вагнер, Винчи, Тициан.
Мы новому музею-зданью
Воздвигнем купол, как Монблан.

В кристаллах мрамора Анжело
И всё, чем дивен был Парнас,
Не то ли творческое пело,
Что током пробегает в нас?

Воспитывали орхидеи,
Качали колыбели роз;
Не мы ли были в Иудее,
Когда любви учил Христос?

Мы клали камни Парфенона
И исполинских пирамид,
Всех сфинксов, храмов, пантеонов
Звенящий высекли гранит.

Не нам ли на горе Синая,
В неопалимой купине,
Как солнце, Красный стяг, сияя,
Явился в буре и огне?

Мы всё возьмем, мы всё познаем,
Пронижем неба бирюзу.
Как сладко пить цветущим маем
Животворящую грозу!

1917

* * *

Вешний ветер дышит
Вишеньем с полей,
На вечерней крыше
Митинг голубей.

Воркотня и крики
У трибуны труб,
Свежей земляникой
Веет старый дуб.

С музыкой и песней,
Сбросив снежный сон,
Льет река чудесней
Ледоходный звон.

Лес, зарей одетый,
Машет и зовет,
Свеял свитки света
Пламенный завод.

Вдохновенны ржанья
Зубчатых колес,
Вешние желанья
Ветер нам принес.

Синеблузой птицей
Каждый рвется вдаль.
Как сияют лица,
Как сверкает сталь!

Месяц в синем своде
Пригвожден звездой,
Ночь зарю уводит
Звездною уздой.

1917

* * *

Люблю я зарево вагранок —
В нем небо звездное ясней,
Люблю куски стальных болванок,
Меж вальцев превращенных в змей.

Люблю, когда под паром молот
Сжимает сталь в снопах лучей,
Люблю ковать, силен и молод,
У пасти огненных печей.

Люблю парить в полете смелом —
Ведь я волён, ведь я ничей, —
Железным извиваться телом,
Как домны золотой ручей.

Люблю я труб заводских струны,
Гудок, будивший паром медь.
Я знаю — красный флаг коммуны
Над миром будет пламенеть.

<1918>

* * *

Следи, мой друг, как ночью бледной
В гранитах движется Нева,
Как вдохновенно всадник медный
Над ней рванул на острова.

Он не застывший, окрыленный
Безмерно устремлен вперед,

Как мой народ освобожденный,
Как мой проснувшийся народ.

Народы братские, дивитесь,
Как он могуч, как он волён,
На бранном поле алый витязь
Из пепла к жизни воскрешен.

Он не застывший, а победный,
Разбил над миром цепи он.
Дивитесь все, как всадник медный
К заре зовущей вознесен!

<1918>

* * *

Мы победим, клокочет сила
В нас — пролетариях всех стран.
Веками скрыто, что бурлило,
Воспламенилось, как вулкан.

Мы, огнемечущая Этна,
Сорвали пыльный шлак оков.
Душа рабочая, бессмертна,
Воскресла из гробниц веков.

Зарей крылатою одеты,
Мы в небо дерзостно взлетим,
Громокипящую кометой
Прорежем млечные пути.

Космические миллионы,
Вонзимся в старый мир Стожар,
В созвездьях белых Ориона
Взвихрим восстания пожар.

Мы проведем на кратер лунный
Стальные стрелы красных рельс,
В лучисто-млечные лагуны
Вонзится наш победный рейс.

Мы рук мозолистых спаяньем
Меридианы облегли,
Солнц электрических сияньем
Полярность неба обожгли.

Взрастили под полярным кругом
Цветущих тропиков леса,
И стали благодатным югом
Растопленные полюса.

Воздвигнем на каналах Марса
Дворец Свободы Мировой,
Там будет башня Карла Маркса
Сиять, как гейзер огневой.

Мы победим ударом взрыва
Рабочей армии всех стран,
Мы — вихрь невиданного взвива —
Воспламенились, как вулкан!

<1918>

ЗАРЕВО ЗАВОДОВ

Грохочут грозно гром и гуды
Иных бряцающих времен,
Вон туч раздробленные груды
Долбит копыт железных звон.

То скачущие легионы
От дымных фабрик и станков,
Стальное ржанье, топот, звоны
В горнах рожденных табунов.

Подковы сталью кремень сизый
Туч нарастающих секли,
А ночи звездотканной ризы
Заводы заревом прожгли.

Сорвали с сердца рабства вздохи,
С чела — терновые венцы,

Свободы огненные сохи
Куем мы, песен кузнецы.

Врезают молньевые плуги
Туч продымленный чернозем,
Заводов заревые дуги
Над светлой Русью вознесем.

И тройкой огненной Россия
Клубит в пророческую даль,
И брызжет искры золотые
С копыт рубиновая сталь.

Трубой заводской свод расколот
И млечной пылью распылен,
А месяц — покрасневший молот —
В вагранках звездных раскален.

За изгородь заводской калды
Шагаю светел и могуч
И лунной золотой кувалдой
Дроблю я льды прозрачных туч.

Трубой стальной, словно ломом,
Полночный прободил восток,
Над продымленным небосклоном
Зари кровавой брызнул сок.

И эти огненные капли
На плитах плещут площадей.
Сгребают трубы, словно грабли,
С полей соломенных людей.

И каждый в заревой кольчуге
Вскрылил на вихревом коне,
И небо огненные плуги
Врезают в буре и огне.

И трубы боронили тучи,
От них в междымное окно
Рабочий огненно-могучий
Рассеял звездное зерно.

Из горнов ярче и безмерней,
Прокованные встали мы,
Дробили иглы зимних терний,
Снега расплавили зимы.

Вагранки северным сияньем
Снега полярные прожгли...
Завод в знамёновом плесканьи
Осветозаренной земли.

Узоры звезд знамена ткали
На занимавшейся заре,
Всё величавей проступали
Слова: Ро Со Фе Со и Ре.

<1919>

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

Как ярко угли-звезды тлеют,
И неба синего слюда!
Но всех чудесней, всех светлее
Красноармейская звезда.

Она над миром пятикрыло
Нам новым сердцем расцвела,
Сколько бодрости и силы
В рабочие сердца влила!

Над снежной степью заблестала,
Вонзая стрелы в белый стан,
От Мюнхена и до Байкала.
Взвихрила красный ураган.

Мечети Турции облиты
Ее грозной красотой,
Египетские пирамиды
Венчались красною звездой.

Свой свет в подземные глубины
Вливает в рурских рудниках,
Винтовки, бомбы, карабины
В шахтерских вспыхнули руках.

Всё светозарнее и выше
Мерцают красные крыла,
На башне Эйфеля в Париже
Вдруг вспыхнула и зацвела,

Горящим молотом и плугом
Альпийские дробила льды,
Над Роной, Рейном и над Бугом
Звезды рубиновой следы.

Звенит в международной песне
Над синей армией труда,
Всех звезд ясней и всех чудесней
Красноармейская звезда.

<1919>

МИНИН

Как вольно над Москвой-рекою
Взлетают вешние стрижи.
А Минин с поднятой рукою
Стоит у роковой межи.

Глядит на главы золотые,
На эти раны лобных мест, —
Россия, как в года седые,
Пригвождена на красный крест.

Он слышит колокола вече
Огнемерцающий набат.
Как волны возгласы и речи
Толпы у каменных палат.

Он видит в зареве кольчуги:
Как встарь, богатыри встают
И на мечи, серпы и плуги
Стальные мускулы куют.

Народ восстал из диких хижин,
Из недр одебранных лесов,

И каждый, подвигами движим,
Летит на веча вольный зов.

Рабочих волн прибой чудесен,
Краснеет стягами земля,
И сколько силы, сколько песен
У стен зазубренных Кремля!

Грохочут труб заводских зовы,
Рабочих рек гудящий вал.
Пред каждым горном Минин новый
В железном пламени восстал.

Победно грани рабства минем,
Смелей рубинный стяг развей,
Пусть каждый будет словно Минин
Советской родины своей!

Вот солнце красный марш запело,
Звенит лучистой тетивой,
Стрижей мелькающие стрелы
Поют над каждой головой.

<1919>

ИЗ ПОЭМЫ «ОКТЯБРЬ»

XI

Ногами труб уперлись в горны,
И кудри туч спадают с плеч;
Мы цепи с рук мозольно-черных
Бросаем в солнечную печь.

Расплавим голубую тину
Небес, где золото и лазурь,
И облак пепельные спины
Раздуем мы мехами бурь.

Взвихрили прах с седого света
И копоть всех церковных свеч,
Пусть блещут пули, как кометы,
И свищет молньевидный меч!

Дух разрушенья — созиданья
Могучий и творящий дух,
Гори, земля, пылайте, зданья,
Чтоб пламень сердца не потух!

Сияйте, заревые латы,
В них грудь как сталь закалена,
Сгребем мы лунною лопатой
С мундира неба ордена.

Метнем в вагранки и вулканы
Короны звезд и Млечный Путь,
Чтоб солнцеструйным ураганом
Их в небо бледное плеснуть.

Звени, снаряд, сверкайте, пули,
Кипи, железо и руда, —
Ковшом Медведицы черпнули
Мы счастье Вольного Труда!

1919

МСТИТЕЛИ

Мортир, орудий хохот гулкий
И лай снарядов и гранат
Всплеснули пламенные руки
Над головами скорбных хат.

Рвут пули пальцами стальными
Соломенные волосы,
Над ними в орудийном дыме
Молниевидная коса.

Какою дикою ордою
Разгромлена, Россия, ты?!
Над Волгой, Доном и Невою
Пожаров рыжие цветы.

Нагаек, шашек визг неистов,
Под виселицами дикий свист,
И над телами коммунистов
Казацких шпор звенят мониста.

Орлами, мстители, летите,
Неся на перьях стрел звезду,
Стальными крыльями метите
Златопогонную орду.

<1920>

* * *

У храма Христа, на кровавом граните,
Когда умолк орудийный салют
И солнце остановилось в зените,
Ленин заложил памятник
«Освобожденный труд».

Он говорил так крепко и ясно,
Сплавлялись с сердцами его слова.
Над толпой и над Москвою красной
Шаром планетным качалась его голова.

Он поведал миру
О великой победе Труда.
Собор златоглавый снял митру
И склонился навсегда.

1920

* * *

Я не нежный, не тепличный,
Не надо меня ласкать,
Родила на заводе зычном
Меня под машиной мать.

Пламень жгучий и хлесткий
Надо мной свисал,
Я электрическую соску
Губами жадно присосал.

В стальной колыбели качался
Баюкал бодрый гудок.
У ног загорелых плескался
Неугасающий гудок;

Динамо, как волк, над люлькой
Скалил огненный клык,
Металл расплавленный булькал,
Клубился вой и рык.

Заматерелая ругань
Шестерен и валов, —
В них звучал мне голос друга
И материнский зов.

Только люди в синем сыном звали,
Я запомнил навеки ласковый лик,
Смеясь, игрушки давали:
Цилиндры, шатун, маховик.

Когда подрос и с тачкой
Мог один гулять,
Дали ружье, патронов пачку
И пошли с баррикад стрелять...

Я не тепличный, не хрупкий,
Опален пороховым огнем,
Борьбы горящие кубки
Хлебнул Октябрьским днем.

1920

* * *

Деревня древняя всё так же
Горбится гробами ларей,
И жуткий ветер вяжет пряжу
Ее соломенных кудрей.
Коленопреклоненно молятся
Колодезные журавли,
И петушиным криком колется
Тишина, прикорнувшая в пыли.
Душа, обутая в лапти,
Стонет в чешуе плетней,
Зыбучие хлебные гати
Полынной пылью кадят над ней.
Оглобельными рогами.

Бодает рыдванный плач,
Замазывает кизяками
Заревой кумач.
Когда же гром освежающий хрустнет,
Взвихривая сонь и лень,
И над дремотною Русью
Вспугнет стада деревень?
Когда железною плетью —
Рельсами расхлестнет пастух,
Над златосоломной повестью
Загорланит медный петух?
Довольно капала в святцы
С глазниц и лучин вода,
В сердце избы вонзятся
Электрические провода!
Солнце зимой не остынет,
Сверля вековую мглу,
Светоточащие дыни
Повиснут в каждом углу.
У вымощенного тракта,
На гранитном току,
Раздавит раскатистый трактор
Насмерть раскоряку соху.
Блеснут оросительных чанов
Глаза в ресницах ржи,
И засмеются фонтаны
Над засухой каждой межи.

Я верю: будет, будет
Электрификация душ,
Вскрылят деревенские люди,
Взрезая пропеллером глушь.

1920

ИЗ ПОЭМЫ «ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ»

Никогда не была так кроваво вспенена
В неудержимой скачке
Россия Петра и Ленина,
Вздыбленная от спячки.

Вихрит чугунными копытами
Огненно-красный конь,
Стелются с Запада пылью слеδοкопытную
Черные волки погонь.
Но конь стальными ногами лягает
По толстым мордам узколобым,
И они, как с пожарища головашек стаи,
С шипеньем вонзаются в сугробы.
Он летит, с живота заревого
Хлещет хлопьями пена облаков
И кипит пургой полевою
Под электрические вспышки подков.
И где ступит — старое комкает,
Тушит горькие слезы лучины доброй,
Застекленных молний обломки
Всаживает в бревенчатые ребра.
Над волжской ледяной равниной
Долбанет грозовое копыто —
Вскипает тысячесильной турбиной
Прóрубви незамерзающее корыто.
Тощие мужики уже не ищут в чашах
Сох и деревянных рогов,
Ток арканами проводов тащит
Сотни стальных плугов.
Седок не под шапкой Мономаха,
Седок — в рабочей кепке,
Но не оборвут никакие взмахи
Медных поводов кабель крепкий.

1920

* * *

Я пришел с «Вешними зовами»
И цистерной буквенных зерн
Громовыми песнями новыми
Вздувать набухающий горн.

Рассеял солнечное семя
В глыбы синих блуз,
«Железных цветов» беремя
Сбросил светлый груз.

Я писал на листах котельных,
Макал в вагранку трубу,
Меня лишь птицы хмельные
Звали в даль голубую.

Земля зельями тлений
Была еще напоена,
Но вот расцвел мой «Завод весенний»,
Мимозой и маем душа пьяна.

Солнце светлой лапой
В ветви ржавых труб.
Железные желуди капал
Огненный дуб.

От шлака корявые строки
Рашпилем сердца пилил,
Солнечный свиток соки
В чернила мои пролил.

Когда с «Монной Лизой»
В осенних туманах брел,
Сжигая звездные ризы,
«Октябрь» мой маем расцвел.

Я растопил кровью железной
Пласты залежалых слов.
Черпай, черпай чудесный
Колчедан чеканных стихов!

Я не один, нас много, много
С поэмами на «Фронт Труда»,
Выходим огненной дорогой,
Где пламенеют города.

И над полями тощими,
Где ранние чахли пустыри,
Прорастают стальными рощами
Красные богатыри.

Мельканья молний смелых
Над лесом труб и голов.
Это — стрелы
Наших огненных строф.

1920

СТАНОК

Да, невозможное возможно,
Возможно невозможное, —
Говорю я, рабочий,
Бронзовокожный
От закала.
Никогда не горюя,
Кровью своей зарю я напоил,
Когда она взалкала.
Нет, было проще,
Ведь это не сонеты.
Вышел на площадь,
Конечно не Согласия
В Париже,
А ближе,
Ту, что звалась Россия;
А может, шагнул на другую планету.
Ветер синюю блузу неба полощет,
Свет брызжет,
И какая сила!
Октябрь, а глаза слепило,
Словно в мае сверкало светило.
Вижу — вдали стоит махина,
Думаю: что за зданье?
Тянет запахом винным
Свежей мякины,
Или масла машинного.
Чьих это рук создание?
Подхожу.
Вертится, крутится,
Железный кожух
Весь озарен.
Сверкают тугие круги шестерен,

Зубья и зубчики.
Может быть, другим
Сквозь тучки кажется,
Что это звезд играют лучи и лучики.
Опять не просто,
Как будто собираюсь писать
Сонетов венки,
Что поэты узкие из млечности вьют.
Но я ведь хочу песню спеть простую.
А тут в вечности
Вижу трансмиссии без нагрузки,
Вхолостую
Вертятся шкивами планеты
За кругом круг.
А гигант световой
Это — мой чугунный друг,
Простой токарный станок,
Правда, не обычной силы.
— Милый, милый,
Как давно я тебя забросил!
Я думал, что твою грудь
И шлифованные оси
Изгрызла ржа,
А тут всё блестит и горит.
Пожар зари
Обжег,
И кто-то,
Роняя капли пота,
Млечный Путь перебросил
Приводным ремнем
И развесил фонари Стожар.
У станины закаленной
Горят опилки хрусталины,
Целые созвездья
Передо мной,
И лежит огромный шар
Зеленый,
Обвитый паутин лианами.
Это — шар земной,
Весь исчерченный меридианами,
Весь в малахитовой плесени,
Кое-где проросла трава.

И такой тусклый,
Что зудом налились мускулы.
Вспыхнув, засучил рукава,
Запел рабочие песни,
Грубые и нежные,
Рассыпал слов колючие тернии.
Накренил
Накрененные полюса снежные,
Зажал ключом в станок,
В упор подвел суппорт,
Включил.
От неслыханной нагрузки
Северным сиянием вспыхнул мотор.
Задрожали небесные стены узкие,
И целые мировые системы.
С шипеньем брызнули
Молниевые стружки,
Запламенели кометами,
Обжигая простор
Громовыми перезвонами,
Извиваясь, заплескали
Исполинскими знаменами.
Мы всё можем,
Мы должны сметь,
Мускулы налиты верой!
Под резцом солнечной радостью
Вспыхнуло золото и медь.
Срезал Ривьеру, Романтику;
Из Великого в Атлантику
Пробороздил второй Панамский канал;
Везувий дрогнул, упал.
Друг за дружкой
Стружкой стекали поля Шампанские,
Гроздь винограда
Вспененно капали,
Под резцом сочилось
Из лоз и вен вино,
Как из гигантского точила.
Просто — еще усилие,
И мы отшлифуем тебя, земля.
Вырвем везувийные гнойники,
Прыщи старого и наросты.

По невиданному плану
Я срезал целые горы,
Белые Монбланы
Стекали от упорного суппорта.
Но дрогнули нервы
В тысяча девятьсот двадцать первом,
Хрустнул резец,
Осколком по пузу
Саданул кожу,
Окровавив неба синюю блузу.
И вот над опилковой позолотой
Капли пота и крови звездно горят,
Рана сочится и течет плачами,
А многим кажется, что это
Просто летом
Над галифейными дачами
Вечереет заря.

<1922>

ПАМЯТИ НЕВЕРОВА

Иссякла золотая жила,
И отцвело твое лицо.
Ты жил и креп народной силой,
Как Ломоносов и Кольцов.

Поило то же чернозёмье,
Ты так же к сокам солнца ник.
Могильные сковали комья
Огнесверкающий родник.

Ковыльный ветер песней долгой —
Рыдания с родных полей,
Величавая Волга
Качала на груди своей.

В страницах просквозила сила,
Стала в строках буйно биться.

Образ женский, голос милый
Проплыл, прошелестел пшеницей.

Верны твоему завету,
Неосуществленным зовам,
Мы смело вспашем землю эту,
Засеем семенем и словом.

Декабрь 1923

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

— Спи, мой мальчик,
Спи, мой сын, —
Папа шепчет сквозь усы. —
Завтра раненько гудок
Сон твой оборвет чудок.
Я опять в завод уйду,
Жарить красную руду.
Только поздно воротясь,
Я возьму тебя, мой язь.
Тихо на своих плечах
Буду я тебя качать.
Нежно ты с моих волос
Сгладишь копоть,
Сгладишь гарь.
— Папа, а железный царь
Больше не кусал тебя? ..
— Спи, мой винтик,
Спи, мой вьюн,
Баю, баюшки, баю!
— Папа, а твои машины
Живые или без души?
— Спи, мой чижик,
Спи без дум,
Завтра я опять приду.
— Папа, не мешай мне думать
О розовых цветочках в поле,
Над ними птички тинькают.
Я видал их на картинках.
— Спи, мой мальчик,

Спи, мой свет,
Сон твой охранит Совет.
Спи, мой дизель,
Спи, силач,
Баю, баюшки, не плачь!

<1924>

* * *

Едва прорвался лепет тонкий
И детский крик плеснул едва,
Меня в железные пеленки
Сковала жесткая судьба.

Лизал и резал пламень белый
Мою стальную колыбель,
Факелом дымилось тело,
И кровью капала капель.

С детских лет стальным закалом,
Насквозь упорством прокален,
Электрическим жалом
Заряжен и опален.

Каменными плечами
Небо подпирал века.
Кричал я днями и ночами
Громовым голосом гудка.

Вот почему мы были жестки
В октябрьские дни,
Кровью брызгал ветер хлесткий,
Из глаз и дул рвались огни.

В пушечных зарницах быстрых
Навзрыд раскальвался гром,
Электрические искры
В сердца врывались напролом.

Пенилась, вскипала сила,
Как половодная река.
И кто не видел, как грозила
Трубы железная рука!

<1924>

ПОЭМЫ

НА ФРОНТ ТРУДА

1

Солнца изранили жилы
Сотни снежных пуль,
Но ты не застыло —
Бьется огненный пульс.

Солнце, довольно в постели
Под синей ватой спать!
Звонко кличут капли
Землю лучами копать.

От зимнего угара,
Солнце, на фронт Труда!
Ждет твоего удара
Льдов порыжевших руда.

Сверкай по придорожью
Рубанком золотым,
Развей с весенней дрожью
Опилек светлый дым!

Строгай поля и крыши,
Печаль с угрюмых лиц,
Взлетайте, стружки, выше
От солнечных ресниц!

В колодцах улиц узко
Размашистым рукам,
И вздрагивает мускул
По снежным верстакам.

Теши тесины тела,
Сучки сухих сердец,
Чтоб жизнью закипело
Всё под его резец.

Взрезай земную залежь,
Нарывы старых дум,
Пролей в лесные дали
Свой светлоструйный шум.

Сочись по жилам, сила
Стволов и ковылей,
Сверкай, сияй, светило,
Над таинством полей!

Все, кто юн и молод,
Вздымайте сгоряча
Свой раскаленный молот
На огненных плечах!

О солнце, выше взлеты,
Разбрызни лед литой
О снеговые соты
Кувалдой золотой!

Чтоб творчеством одетый
Горел в глазах огонь,
Коловоротом света
Сверли людскую сонь.

Пролей лучей Ниагары,
Солнце, на фронт Труда!
Ждет твоего удара
Живых сердец руда.

Глаза весны фиалкой первой
Дрожат с кургановых вершин,
Но яро ветер треплет нервы
Моей невспаханной души.

Ветер, довольно прыгать,
Скакать с холма на холм.
Ждут иного сдвига
Взлеты волжских волн.

Надуй стальные щеки,
Рванись из туч, вода,
Пролей живые соки
На фронт полевого труда!

Где жаждут жданной влаги
Жилистые кусты,
Иссохшие овраги
Раскрыли жадно рты.

Изребренные крупы
Ласкайте зеленыя,
Скликай грозный рупор,
Раскатным трактором туч звеня.

Ветер, оставь из тумана
Посвистывать в тиши,
Бороды сонных курганов
Огненным гребнем чеши!

Вспаша пугливый шепот
Проснувшейся души,
Мы слышим шум и топот
От ветровых машин.

Буря, дуть довольно
В дождевую муть,
В бор многоствольный
Дубовые дуги гнуть.

Красным криком дебри кроем,
Свистом топоров,
Щепки-искры к солнцу взроем
Из-под тел стволов.

Слышен смех и сочный скрежет
Сотен свай, стропил,
Железный ветер жадно режет
Свистом светлых пил.

С метлой грозиво-грозною,
Ветер, — на фронт Труда!
Сметай опилки звездные
И молний провода!

Млечный жемчуг ихний —
Метлой мировых комет,
Солнца второго вспыхнет
Негасимый свет.

В снежную митру Монблана,
В лысины льдистых голов,
В дымные пасти вулканов —
Мортирами громов!

В недрах рушимых вскроем
Россыпь звездных руд,
Дворцы иные строит
Освобожденный Труд.

Ветер, железные крылья
Вздымай от стен Кремля,
Перья молний выльет
В миры иные земля!

3

Солнечный ливень, слушай,
Льдинками не звени, ручей,
Сугробов последние туши
Вздымайте вилами лучей!

К нам, перелетные стаи!
Фронт трудовой велик.
Снег последний стает
Под взмахом миллионов мотыг.

Птицы, довольно чиликать —
Личинки паразитов клюйте,
Чирий с земного лика
Вскрыли фабричные люди.

Трубочисты галки
И черномазые грачи,
Точите клювы о балки
И красные кирпичи!

Довольно поэты вас пели,
Царственные орлы, —
К нашей солнечной цели
С крылом железной метлы!

Сахарный страус, тоже
Впрягись в тяжи лиан,
Нежную кожу может
Закалить трудовой ураган.

Звезды, золотые нити
Прядите у млечных межей,
Заревые знамена тките,
Мелькающие челноки стрижей!

Поблескивать очками,
Совы, пора перестать,
Смыкайтесь с нами
В трудовую рать!

Крики, песни, звон и клетот,
Всюду грохот, всюду стук,
Сочно бьющей жизни рокот,
Взлеты крыльев, взмахи рук.

Люди, птицы, звери,
Селения и города,
Для всех открыты двери
Вселенского Труда!

1919

О ПАРОВОЗЕ

Заброшенный без ремонта паровоз —
Черный накрененный гроб.
Мудрый лоб
Сморщен гарью,
Вылезли темные кудри дыма.
Дышла — вывихнутые руки,
Бессильные на гулком
Ржавом животе кожуха.
Выпавшие суставы — втулки —
Притулились жалко
К обнаженным сухожилиям
Медных трубок.
Люди приходят,
Грубо рвут и лаются:
Бедный, бедный, разлагается. . .
— Не терзайте!
Это я лежу железным трупом,
Когда-то ржал и фыркал
В лицо полей,
Чугунным обвалом срывался
В грохотаньи и шуме,
Но вот заболел и умер. . .
Из черного незакрытого гроба
Тлений металла
Выпирают обугленные колени,
Упираясь в склеп пустого депо.
Слепой фонарь
Качается на вывернутой шее.
Вытек глаз его осколками на рельсы,
Стеклянеет зрачков слюда.
— Это каждый из вас расколот.
Слесаря, сюда,

Ташите молот!
Скрипливо кричит лист,
Скрепленный одной заклепкой,
Он ржавый и шершавый,
Как вырванный язык,
Скрежещут железные зубы
Ущербленных колосников.
В раскрытом черепе трубы
Галки свили жалкое гнездо.
Прутья, солома
И лоскутья от ветра шевелятся,
Как черви,
Сползая на чугунный, в шрамах, лоб.
В июльские ночи
В раме пустой топки
Светит гнилушка —
Неугасшая душа.
Вырвана кишка змеевика —
Варить кислушку.
— Рабочие, слушайте,
Не растаскивайте части!
Какое нечеловеческое несчастье
Знать,
Что люди терзают смело и дерзко
Больное железное тело,
Рвут чугунные мускулы.
В июльские ночи —
Тусклые зарницы и грозы,
Дождем набухает воздух
И хлещет слезами в черный гроб.
Скука вьется и вихрем юлит.
Приползает под тендер сука
С перебитым задом
И скулит, слизывая с шерсти слезы...
— Ночами непрерывных странствий
Я рассекал не раз пространства
Огненными мечами
Прожекторов глаз,
Но вот ослеп
У входа деповского склепа.
Вперед,
Вперед летел когда-то быстро

Звонящим железным зверем
Мой верный друг.
В мерных клубах искр и дыма,
От Мурмана до Крыма,
Связывал с югом полярный круг.
Трубил трубой
И рупором гудка будил губернии, —
И вот бездыханный и в терниях труп
Мой одряхлевший друг.
Окровавленной плащаницей
Покрыла заря.
— За операцию, слесаря!
Токаря, не точите лясы!
Пусть брызнут под ланцетами зубил
Искры костей и нервов.
Отваливаются густые пласты
Испорченного
Ржаво-желчного мяса.
Напильники залижут грозные раны.
Лейся из-под сверлильного станка,
Чугунная, венозная кровь.
Тащите домкрат,
Стройте леса,
Как я буду рад вытащить
Отекшую в песке ступню колеса.
— Товарищи, труд любите!
Смело вырвите сон
И тление лени из тела.
Залечите раны,
Рукою подъемного крана
Вздыбите меня из гроба.
Еще может играющим румянцем
Лака и меди
Вспыхнуть дряблая
Ржаво-оспенная кожа,
Чтобы воскрес обновленный
И мог вновь дышлами властно мерить
Просветленное пространство
Красной России.

1919

О ДЕТСТВЕ

1

О детство,
Солнечное детство —
Золотой весенний ливень,
Что может быть тебя чудесней,
Ароматней и счастливей.

Обвитый материнской песней,
Облит степным журчаньем птиц,
Я помню, первое сознание
Мелькало вспышками зарниц.

В лицо дышали росы ранние,
И зори улыбались мне.
Я слышал мудрое звучание
Копыт, сверкавших на гумне.

Золотыми ресницами
Щекоча и маня,
Колосья пшеницы
Целовали меня.

Рыдванов колыбели звонкие
Качали снопы и ребят.
С вожжами в цепких ручонках
Я сразу засыпал на возу.

Не грезил о феях —
Снилась родная скотина. . .
Отец веял и веял,
За спиной трепыхались крылья,
С растрепанной бороды мякина
Курилась цветочною пылью.

И я, крылатый,
Хватал лопату
За душистый липовый черенок.
Журчало зерно и солома
Ручейком у босых ног.

Отец из всей силы
Вскидывал
За облачком облачко,
Выше всех птиц.
Казалось, небо цедило
Золотой дождь пшеницы.

Он веял до ночи черной,
О хлебе думая всласть.
Вброшенные зерна
Вспыхнули звездами в небе
И не хотят на землю упасть.

О, сумерки ранние,
О, кувырканье в траву,
Месяц рожками бараньими,
Играя, бодал синеву.

Ночное в лугах поемных,
Песен пьяный мед,
Пьем учащенным дыханьем
Душистый лошадиный пот.

О детство,
Солнечное детство —
Теплый весенний ливень,
Что может быть тебя ясней,
Прозрачней и счастливей!

2

Помню: была девочкой
Всех резвее
В юркой босоногой стайке,
Свежо щебетала и реяла,
Как та острокрылая чайка.

Ласково море плескало
Пылью тонкой
В загоревшую густо кожу.
Шлепали звонко
Ступни и ручонки —

Мы месили пирожные
Из сырого песка
И взбитой морской пены
У нашего подножья.

— Какие красивые сливки. . . —
Сказала однажды барыня
В шелке зеленом.
А я знала точно и крепко —
Песочные пряники липки,
Как слезы, горьки и солены.

Мы глядели жадно, несмело
На кружева светлых платьев,
Как другие дети
В перчатках белых
Ели настоящие сласти.

Вечером солнце, как мать,
Рассыпало золотые волосы
По волнам, парусам и лицам;
Мы прощались с морем
Голосами громче чаек
И морских птиц.
Так хотелось его целовать!
Потом привычно брели домой
Вместе с морской свежестью
В каменные ущелья
Сырых фабричных предместий.

За скудным ужином —
Ах, сколько было жаркой муки! —
Дрожали у отца недужно
Обожженные кочегаркой руки.

— Не стало хватать хлеба. . . —
Говорил строго и трезво.
Часто подзатыльник спугивал
С глаз синеву неба
И мою морскую резвость.

Было столько горя
В лохмотьях и крошках.
Только большие глаза матери
Немножко влажнели у окошка —
Кусочки моря
С мерцающими ресницами волн.

Папа, папа!

Засыпая, улыбалась весне,
Струящей с тряпок
Цветочный зной.
Маяк даже во сне
Кланялся мне золотой головой.

1922

* * *

Я подслушал эти песни близких радостных веков
В гулком вихре огнеликих, необъятных городов.
Я подслушал эти песни золотых, грядущих дней
В шуме фабрик, в криках стали, в злобном шелесте
ремней.
Я смотрел, как мой товарищ золотую сталь ковал,
И в тот миг зари грядущей лик чудесный разгадал.
Я узнал, что мудрость мира — вся вот в этом молотке,
В этой твердой, и упорной, и уверенной руке.
Чем сильнее звонкий молот будет бить, дробить, ковать,
Тем светлее будет радость в мире сумрачном сиять.
Эти песни мне пропели миллионы голосов,
Миллионы синеблузых, сильных, смелых кузнецов.
Эти песни — зов могучий к солнцу, жизни и борьбе,
Это — вызов непреклонный злобной, тягостной судьбе.

Сентябрь 1917

ЗАРУБЕЖНЫМ БРАТЬЯМ

Мой зарубежный товарищ и брат,
Бедный, усталый солдат,
Ты, в крови утонувший по грудь,
Оглушенный гулом гранат,
Слушай:
Надо радость миру вернуть,
Вольною грудью вздохнуть...

Разве я тебе враг,
Я, чье богатство лишь пара рук,
Изнуренный от рабских мук,
Разве я тебе враг?
Смотри, во что превратился мир:
Он весь — израненный труп,
А война касаньем страшных губ
Пьет кровь людей, как вампир.
Красной стала в колодцах вода,
И в небе сочится кровь,
Гибнут в огне города,
И смешным стало слово «любовь»...
Но светлый уж подан знак,
Что ужас идет к концу,
Возьми в свои руки алый стяг —
Он больше тебе к лицу.
Еще молот возьми стальной!
О брат мой, довольно страдать,
Надо позорную цепь разорвать,
Сковавшую шар земной.
И пусть не будет в просторах земли
Нищих и жалких калек;
Смотри, из туманной дали
Грядет к нам пленительный век...
Перестань же колоть, убивать,
Отвергни черный обман.
Нам, угнетенным всех стран,
Вся земля — единая мать.

Осень 1917

МЫ

Мы несметные, грозные легионы Труда.
Мы победители пространства морей, океанов и суши,
Светом искусственных солнц мы зажгли города,
Пожаром восстаний горят наши гордые души.

Мы во власти мятежного, страстного хмеля;
Пусть кричат нам: «Вы палачи красоты»,
Во имя нашего Завтра — сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы.

Мы сбросили тяжесть наследья гнетущего,
Обескровленной мудрости мы отвергли химеры;
Девушки в светлом царстве Грядущего
Будут прекрасней Милосской Венеры...

Слезы иссякли в очах наших, нежность убита,
Позабыли мы запахи трав и весенних цветов.
Полюбили мы силу паров и мощь динамита,
Пенье сирен и движенье колес и валов...

О поэты-эстеты, кляните Великого Хама,
Целуйте обломки былого под нашей пятой,
Омойте слезами руины разбитого храма, —
Мы вольны, мы смелы, мы дышим иной красотой.

Мускулы рук наших жаждут гигантской работы,
Творческой мукой горит коллективная грудь,
Медом чудесным наполним мы доверху соты,
Нашей планете найдем мы иной, ослепительный
путь.

Любим мы жизнь, ее буйный восторг опьяняющий,
Грозной борьбою, страданьем наш дух закален.
Всё — мы, во всем — мы, мы пламень и свет
побеждающий,
Сами себе Божество, и Судья, и Закон.

Декабрь 1917

РОССИИ

Россия, долго ты слыла
Врагом, душителем свободы;
Твоих степей глухая мгла
Пугала вольные народы.

Ты рисовалась их очам
Монгольским всадником свирепым,
Грозой мирным городам,
Кошмаром страшным и нелепым,

Но мы, сыны твои, мы знали
Твой лик прекрасный, лик иной,
И грезы светлые сплетали
С тобой, поруганной, святой.

Мы знали долгий и кровавый
Твой путь ночной, тернистый путь,
Когда терзал орел двуглавый
Твою страдальческую грудь,

Когда без страха и боязни,
Приняв терновые венцы,
В Сибирь, тайгу и к месту казни
Шли светоносные борцы...

И мы томились чудной верой,
Что час пробьет и сгинет мрак
И над равниной хладно-серой
Свободный развернется флаг...

И вот свершилось: цепи пали,
Повержен идол золотой...
Какие сказочные дали
Теперь открылись пред тобой!

И обновленную, Россия,
Ты в спор вступаешь мировой,
Как солнцеликий бог — Мессия,
С поднятой гордо головой.

И вот от края и до края,
Чрез горы, доли, ширь морей,
Труба запела громовая,
Вещая радость новых дней.

И угнетенный мир взирает
На пламенеющий Восток
И с верой светлою сплетает,
Россия, для тебя венок.

1917

ЗАВЕТ

Не всё ль равно, куда кружит планета,
Куда влечет истории поток, —
Конечный смысл не явит песнь поэта,
Пред тайной тайн безмолвствует пророк.

О чем скорбеть? Любимый сын вселенной,
Цвети и пой в садах твоих долин
И, все дары приемля равноценно,
Вскрывавай и множь соковища глубин.

Благослови сиянье зорь жемчужных,
Цветенье звезд, венчание полей,
Пожатые рук, скрещенье взоров дружных
И всё, чем жизнь прекрасна в смене дней.

Благослови вседневные заботы,
Восторги встреч и горести утрат
И всё, что знал, — падения и взлеты,
Весну любви и благостный закат.

Дитя земли — живому будь созвучен,
И мудро прост, и солнечно могуч,
Как горный ключ с землею неразлучен.
Будь многогранен, ярк и певуч.

Не всё ль равно, куда кружит планета, —
Бессмертна жизнь и сладок каждый миг.
С тобой весна, любовь и песнь поэта,
Твой звездный путь безбрежен и велик.

1917

* * *

Гремят мятежные раскаты,
Гудит набата красный звон,
Мир угнетенья, мир проклятый
До основанья потрясен.

И в грозном вихре разрушенья,
В кровавом ужасе войны

Уже цветут, горят виденья
Великой Мировой Весны.

И близок день: вернется воин
С полей войны под мирный кров,
И будет Новый Мир построен —
Мир без тиранов и рабов.

И разноликие народы,
Разрушив сети злобных пут,
Под сенью Братства и Свободы
Легко и радостно вздохнут.

12 января 1918

ПЕРВОМАЙСКИЙ ГИМН

Славьте Великое Первое Мая,
Праздник Труда и паденья оков,
Славьте Великое Первое Мая —
Праздник Свободы, весны и цветов.

Сестры, наденьте венчальные платья,
Путь разукрасьте гирляндами роз,
Братья, раскройте друг другу объятия —
Пройдены годы страданий и слез.

С фабрик, заводов и дымных окраин
Все выходите наш праздник встречать;
Шествуй, земли полновластный хозяин,
Ты, пролетарская честная рать.

Громче — оркестры, выше — знамена,
Славьте Великий Рабочий Союз,
Славьте всемирных борцов легионы,
Армию синих замасленных блуз.

Славьте Великое Первое Мая,
Праздник Труда и паденья оков,
Славьте Великое Первое Мая —
Праздник Свободы, весны и цветов.

Конец апреля 1918

ЖЕЛЕЗНЫЙ МЕССИЯ

Вот он — спаситель, земли властелин,
Владыка сил титанических,
В шуме приводов, в блеске машин,
В сиянии солнц электрических.

Думали — явится в солнечных ризах,
В ореоле божественных тайн,
А он пришел к нам в дымах сизых
С фабрик, заводов, окраин.

Вот он шагает чрез бездны морей,
Непобедимый, стремительный,
Искры бросает мятежных идей,
Пламень струит очистительный.

Где прозвенит его властный крик —
Недра земные вскрываются,
Горы пред ним расступаются вмиг,
Полюсы мира сближаются.

Где пройдет — оставляет след
Гулких железных линий,
Всем несет он радость и свет,
Цветы насаждает в пустыне.

Новое солнце миру несет,
Рушит троны, темницы,
К вечному братству народы зовет,
Стирает черты и границы.

Знак его алый — символ борьбы —
Угнетенных маяк спасительный;
С ним победим мы иго судьбы,
Мир завоюем пленительный.

Апрель или май 1918

КАРЛУ МАРКСУ

Пророк грядущих радостных веков,
Крылатой мысли пламенный титан,
Ты бросил в мир мятежно-страстный зов:
— Восстаньте, угнетенные всех стран!

Чудовищу, чье имя — капитал,
Ты, мудрый, дал испытать смертельный яд,
И старый мир от боли застонал,
Предчувствием мучительным объят.

Как молнии сверкающей излом,
Как солнце, побеждающее мрак,
В учении пленительном твоём
Открылся нам спасительный маяк.

Твои мечты, как стаи алых птиц,
Дыханьем радости над миром пронеслись, —
Навстречу им, как зарево зарниц,
Костры восстаний к небу поднялись.

Над ужасом московских баррикад
В тот страшный час не твой ли реял дух?
Париж... Коммуна... Красный Петроград —
Еще не раз взволнуют братский слух.

Пророк грядущих солнечных веков,
Могучей мысли пламенный титан,
Ты бросил в мир великий, властный зов:
— Восстаньте, пролетарии всех стран!

Май 1918

ГРЯДУЩЕМУ ПОЭТУ

Иных времен могучий, светлый гений,
Поэт восторженный грядущей красоты,
Крылатый бог певучих вдохновений,
Тебя приветствуя, поют мои мечты.

Когда-нибудь, исполненный желанья
Понять минувшее, волнением объят,
Ты воскресишь далекие сказанья
Дней, обогранных кровью баррикад.

Быть может, многое твой чуткий слух поэта
Суровой правдою невольно оскорбит,
На многое ты не найдешь ответа,
Что нас теперь волнует и томит.

Но есть одно, пред чем склонишься ты,
Исполнен радости и жгучего волнения,
Чему отдашь ты лучшие цветы
Певучих грез, восторгов вдохновенья.

То — страсть мятежная, то — буйство гордых сил,
Что смерти час с улыбкою встречали,
Что над гнетущим сумраком могил
Венки бессмертные грядущему сплетали.

И ты поймешь, с каким безумством мы
Бросались в вихрь борьбы ожесточенной,
Чтобы скорей сорвать покровы тьмы,
Приблизить день, любовью озаренный. . .

Как счастлив я, что мне дано вкусить
Из чаши дней, покрытых вечной славой,
И в песнях огненных восторженно излить
Их думы гордые, их трепет величавый.

Май 1918

МАТРОСАМ

Герои, скитальцы морей, альбатросы,
Застольные гости громовых пиров,
Орлиное племя, матросы, матросы,
Вам песнь огневая рубиновых слов.

Вы — солнце, вы — свежесть стихии соленой,
Вы — вольные ветры, вы — рокоты бурь,
В речах ваших звоны, морские циклоны,
Во взорах безбрежность — морская лазурь.

Врагам не прощали вы кровь и обиды
И знамя борьбы поднимали не раз,
Балтийские воды и берег Тавриды
Готовят потомкам пленительный сказ.

Как бурные волны, вы грозно вливались
Во дни революций на невский гранит,
И кровью орлиной не раз омывались
Проспекты, панели асфальтовых плит.

Открытые лица, широкие плечи,
Стальные винтовки в бесстрашных руках,
Всегда наготове для вражеской встречи, —
Таковыми бывали вы в красных боях.

Подобно утесам, вы встали, титаны,
На страже коммуны, на страже свобод
У врат лучезарных, где вязью багряной
Сверкает бессмертный Семнадцатый год.

Герои, скитальцы морей, альбатросы,
Застольные гости громовых пиров,
Орлиное племя, матросы, матросы,
Вам песня поэта, вам слава веков!

Весна 1918

ПОЭТАМ РЕВОЛЮЦИИ

Мы обнажили меч кровавый,
Чтоб гнет разрушить вековой,
И с верой светлой в жребий правый
Мы вышли на последний бой.

И в страшный час борьбы и муки,
В кровавом вихре грозных битв
Мы услышали чудо-звуки
Благословляющих молитв.

И вы, что нежностью питали
Ожесточенные сердца,
Вы под знамена наши встали,
Чтоб вместе биться до конца.

О, светлый час благословенный,
Велик наш огненный союз:
Союз меча борьбы священной
С певцами легковейных муз.

1918

НАБАТ

Ты слышишь звон тревожный и мятежный,
Товарищ, брат,
На смертный бой, кровавый, неизбежный,
Зовет набат.

Жестокий враг над юною свободой
Занес булат.
На вольный край опять идут невзгоды...
Гудит набат.

Кто к звону глух — кует себе оковы,
Тот рабству рад;
Товарищ, друг, ты слышишь эти зовы?
Гудит набат.

«Восстань, пора», — вещает голос медный,
Ты слышишь, брат?
На грозный бой, последний и победный,
Зовет набат.

1918

МИРОВОЙ КОЛЛЕКТИВ

Сплетенье миллионов рук,
Стальные звенья братских уз,
Сердец согласный, слитный стук,
Великий творческий союз.

Несметность яростных валов,
Единый, грозный океан,
Железный, четкий ритм шагов,
Могучей воли ураган.

Все заодно, и все за всех.
Кто остановит буйный бег
Освобожденных вешних вод,
Что мчатся яростно вперед?

Стальные звенья братских уз —
Великий творческий союз.
Железно-каменный массив —
Несокрушимый коллектив.

1918

В ЛЕСУ

И широк и высок изумрудовый бор,
В красном золоте сосен стволы,
Льется жаркий, густой аромат смолы,
И поет несмолкаемый хор.

Что за дивная песнь широко и вольно
Рассыпается, брызгами пены звеня,
И пьяно и хмельно золотое вино
Золотого весеннего дня.

Хорошо позабыться в душистой траве,
Устремив в высоту пламенеющий взор,
И смотреть, как на зыбкой зеленой канве
Вышивается неба узор.

И, качаясь на крыльях безбрежной весны,
Отдаваться певучим мечтам,
И, легко погружаясь в бессмертия сны,
Славить жизнь и молиться цветам.

1918

♦ЖРЕЦАМ ИСКУССТВА♦

Нужда и горе — наши ясли,
Подвальный сумрак — колыбель,
Где зори отрочества гасли
И пела вьюжная свирель.

Сирены зычные заводов
Нам рано указали путь
Под сень сурово-гулких сводов,
Где напряженно дышит грудь.

И в неразрывно-слитном хоре,
В размерном беге шестерен,
Мы разгадали чудо-зори —
Сиянье солнечных времен.

И день кровавого восстанья,
Грозу великих мятежей,
Как деву в брачном одеянии,
Мы ждали в сумраке ночей.

И час настал. И вихрь громовый
Оковы рабские расторг.
И солнце блеск явило новый,
И души обуял восторг. . .

Раскрылись радужные дали,
Зарделся ало небосклон,
И наши песни прозвучали
В багряном шелесте знамен.

В покровах синетканной блузы,
В сияньи заревых гвоздик
Суровый облик нашей музыки
Вам непонятен был и дик.

За то, что огненные струны
Смутили лепет слезных лир,
Вы дали нам название — «гунны»,
Пришедшие разрушить мир».

Да, нам противен звук ненужных
Жемчужно-бисерных стихов,
Узоры вымыслов недужных
И призраки могильных снов.

И нам ли, в бурях закаленным,
Рожденным для великих битв,

Внимать напевам легкозвонным,
Стихирам сладостных молитв.

Ночные филины, кукушки,
Не вы избранники богов,
Он с нами, лучезарный Пушкин,
И Ломоносов, и Кольцов...

Певцы труда, певцы машины —
И знаменосцы и бойцы —
Семье трудящихся единой
Готовим звездные венцы.

Мы — миру весть освобожденья,
Мы — буйно-радостная новь,
И, славя смерть и разрушенье,
Поем Вселенскую Любовь.

Рожденные бессмертной силой,
Мы не погибнем, не умрем.
И сквозь гроба и мрак могилы
К вратам грядущего придем.

1919

* * *

К нам, кто сердцем молод,
Ветошь веков — долой!
Ныне восславим молот
И Совнарком мировой.

Боги бывшие истлели.
Нам ли скорбеть о том?
Резких пропеллеров трели,
Радио мы воспоем.

Трактором разума взроем
Рабских душ целину,
Звезды в ряды построим,
В вожжи впряжем луну.

Новые дали измерим
Взором прожекторов-глаз,
Мы никому не поверим
В сказочный райский Шираз.

Здесь, на земле будем биться,
В терниях, розах, крови,
Знаем, здесь загорится
Солнце Вселенской Любви.

Что нам до мудрости тощей —
Пепельной пыли веков.
Нашей бунтующей мощи
Нет и не будет оков.

К нам, кто сердцем молод,
Счастье возьмем борьбой!
Ныне восславим молот
И Совнарком мировой.

1920

КРАСНЫЙ КРЕМЛЬ

Паруса золотых куполов,
Мачты древних, причудливых башен.
Дремлет былль ураганных веков...
Ты плывешь, кумачовым сияньем окрашен,
Осененный грядой парусов.
И плывут над тобой облака,
Словно дальние гости с поклоном,
Чтоб упиться твоим чудодейным звоном,
Над тобою плывут облака.
Нагруженный сокровищем сказочных цен —
Бриллиантами слез и рубинами крови,
Ты купаешься в зареве пен,
Полон мудрости предков и солнечной нови,
Опоясанный панцирем стен.
Ленин, светлый провидец-пилот,
Смотрит зорко прищуренным оком
На игру расплясавшихся вод
И числит заветные сроки.

А даль величаво цветет.
И радиоптицы летят и летят из открытых бойниц
За моря, океаны и горы,
Где братья в оковах, где ржавые тяжки затворы,
Где лица опущены ниц, —
Там яростней клекот огонь источающих птиц.
И падают, падают слов метеоры-ракеты, —
Ловите, ловите дары непомерных щедрот —
Кометы посланий и звездные строки декретов,
Восстаньте, спешите, вас Кремль краснозвонный
зовет...

Израненной Индии стоны
И вопли несметных раскосых рабов
Гнездятся под сенью твоих куполов,
Где молнии бурь начертали вселенной законы.
О Новая Мекка, о Ноев ковчег
Бушующих дней мирового потопа,
В крови и смятеньи Восток и Европа,
Но смел и уверен твой огненный бег.
Плыви, о, плыви, златокрылый корабль-исполин,
Уж голубь несет долгожданную ветку спасенья,
И колокол древнего веча с твоих нерушимых вершин
Вещает народам, что близится день Воскресенья.
Паруса золотых куполов,
Мачты древних, причудливых башен,
Ты плывешь, кумачовым сияньем окрашен,
К берегам величавых веков.

1920

ПАМЯТНИК ТРУДА

Подземный рокот цѣментных артерий.
Тяжелый взлет двадцатых этажей.
Как вымыслы причудливых поверий,
Цветенье электрических огней.

Безгласный хор гранитных изваяний,
Застывший гимн тревоги и труда, —
Каких веков здесь пресекались грани,
Кем создан, сотворен, когда?

Кто скажет здесь: «мое» — и дерзостно отторгнет
От общей музыки своих усилий звук?
Здесь тысячи творцов в проклятьях и восторге
Сплели живую вязь из чудотворных рук.

Прислушайся, и ты услышишь внятно,
Как дышат площади и говорит гранит,
На ржавых кирпичах увидишь крови пятна.
Горячий пот на плитах заблестит.

О памятник Труда, ты величав и вечен,
О, глыбы тяжкие, о, плиты площадей!
Здесь каждый камень огненно отмечен
Бессмертным подвигом неведомых людей.

1920

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

М. Герасимову

Черных дней оборви причалы
И парус мечты подними!
Мореходец морей небывалых,
Все сиянья к груди прижми —

Дальний гром, пространств литургию,
Голубых созвездий созвон;
С ног упали путы тугие,
И веков опрокинут сон.

Только нам доступно искание,
Мир былой облысел и зачах,
Непокорное брызжет сияние
В наших жадных звериных зрачках.

Будет праздник: чудесные страны
Забредут к нам в сети стихов,
Евангелия и Кораны
Создадим из электрослов.

Смейтесь песни, гимны звените,
Жгите дней былых бурелом.
Это мы сегодня в зените
Созвездием Лиры встаем.

Между 1920 и 1923

РАЗГОВОР С УЧЕНЫМ

Нет, вы неправы, мудрый мой профессор,
Когда из круга точных слов и мер
Меня выводите как праздного повесу,
Творца причуд, фантазий и химер.

Я так же, как и вы, изобретатель зодчий,
Хотя пишу стихи, а вы трактат,
Но вместе ищем мы путей короче
В сад Человечества — благоуханный сад.

И вот, когда в тиши лабораторий
О тайнах атома вы ставите прогноз, —
Чудесное я вижу в каждом взоре,
В сияньи звезд и дуновеньи роз.

В толпе людей я библии читаю
Неявленных и отзвучавших лет,
Биенье сердца я соединяю
С движеньем солнц, кружением планет.

Когда ж суровыми, упорными трудами
Вы рабства древнего порвете сеть, —
Всех радуг радостней я загорюсь стихами,
Чтоб вечно вы могли цвести и молодеть.

Между 1920 и 1923

РАЗГОВОР С РОЗАМИ

Древней клятвою, давним обетом
Нам дано нераздельно расти,
Мне без вас не родиться поэтом,
Без меня же и вам не цвести.

Розы, розы, избранницы росные
Заревого совета цветов,
Пусть проходят глухие и косные
Мимо песенно-алых шатров.

Вот и я... ни одежды, ни золота
От моих исступленных строк,
Только сердце в крови, но молодо,
И лицо всегда на восток.

Говорят, не нужны, не полезны мы, —
Розы праздны, бесцельны мечты...
«Все цветы заменить железными!
И совсем запретить мечты».

Розы, розы, любимые, древние,
Да минует нас чаша сия.
Будут песни еще напевнее,
Будут розы бессмертно сиять.

И недаром в блаженстве и горестях,
Когда мало слез и слов,
Расцветают звездные повести
И поют лепестки цветов...

Древней клятвою, давним обетом
Нам дано нераздельно расти,
Мне без вас не родиться поэтом,
Без меня же и вам не цвести.

Между 1920 и 1923

ПОЭТУ

И всё, что мудрыми дано уму,
Забудь, — оно не нужно никому.

Всё позабудь, к чему давно привык,
Младенческим да будет твой язык.

Взгляни на мир зрачками жадных глаз,
Как будто всё ты видишь в первый раз.

Между 1920 и 1923

Не слова, — это призраки слов.
Смолкли звуки, угасли цвета.
Словно звенья ржавых оков
Давят мозг и сжимают уста.

Разве это сказать я хотел,
Что сказалось в намеках глухих? ..
Бурный пламень сиял и пел,
А родился обугленный стих.

Ах, тяжел этот жребий, суров —
Пламенеть и взывать: пойми,
Что за темной оградой слов
Сад цветет и поют соловьи.

Между 1920 и 1923

ГРОЗА В ПЯТИГОРСКЕ

Томительно и долго наступала
На мирный город армия грозы,
В колонны строилась и гулко грохотала,
Гася предел небесной бирюзы.

Тяжеловесной, дымною фалангой
На горных кряжах громоздились тучи,
Таинственно охватывая с флангов,
Ползли по склонам, впадинам и кручам. . .

И вот удар. . . И молнии кинжал
Пронзил грозовый сумрак небосклона,
И вихрь взгремел, и ливень заплясал,
И стон прошел в акациях и кленах.

Как хищником настигнутое стадо,
Испуганно шарахнулись кусты,
А вихрь летел, не ведая пощады,
Срывая ветви, листья и цветы.

И падали тяжелые плоды
В садах, смятеньем, трепетом объятых,
И, с диким ревом прыгая по скатам,
Неслись потоки пенистой воды.

Между 1920 и 1923

ДРУГУ КРИТИКУ

Ты говорил: Владимир Тимофеев
Кириллов, тридцати годов,
Вот этих песен золото развеял
И книгу написал стихов.

Какая чушь! Какой мудрец грошовый
Всё это выдумал, — не верь, мой друг,
не верь, —

Я очень стар, я тридцативековый,
Древней, чем Новгород, Москва и Тверь.

Недаром лоб мой многодумье гложет
И зрелым яблоком свисает голова,
Вот эта пышная звезда, — быть может,
Там я запомнил первые слова.

Жизнь непрерывная во мне цветет и зреет,
И не одна меня ласкала мать,
А ты сказал: Владимир Тимофеев
Вот этих песен написал тетрадь.

<1921>

ТРУДУ

Тебя не воспели поэты в одах,
Жрецы не сжигали душистых огней,
Хоть был ты в истории темных водах
Христа и Будды святых.

Славишь тех, кто сталкивал лбами
Народ с народом в безумии войн,
А твоих сыновей, заклеив рабами,
Стадом позорным вели на убой.

Им, пепелившим поля и селы,
Блеск пантеонов, величье пирамид,
А тебе, одевшему плотью долы, —
Рубцы нагаек, бичи обид.

Ты — чьи мозолистых рук ладони
Землю подьемлют, как мальчик мяч, —
Смотрел, извечно в нужде, в загоне,
На праздности сытой безумный скач..

Тебе ль воздвигать монументов мелочь,
А если и строить — надо с Монблан,
Чтоб вся история мира пела
О крови и муках безмерных ран.

1921

* * *

Флаг кумачовый на скудном шесте,
Грубая надпись: «Вся власть Советам!»,
Но каждое сердце в палящей мечте,
И знамя горит мировым рассветом.

Топот тяжелый натруженных ног,
Серые блузы, кепи да блузы,
Но крепче железа рабочие узы, —
Каждый изведаль из сотни дорог
Только одну: суму да острог.

Взоры упорны, упрямы лица,
Прямо с заводов, прямо с работы —
В сытую роскошь праздной столицы,
В пышный проспект мишуры, позолоты.

Встревоженный Невский привстал на дыбы,
Знамя маячит знаком судьбы..

Прыгнули нервно стекляшки лорнетов:
Что там? «Советы... долой кадетов»...
В струйках фиалок — звериная злость:
На фонари бы черную кость...

Шляпы, пенсне, золотые погоны,
Шепот струится: «Вот они, вот,
Большевики, дезертиры, шпионы. . .
Что же по ним не строчит пулемет?»

В жирных мозгах шевелится, должно быть,
Греза: на белом коне генерал.
Только бесплодна и греза и злоба —
Вот надвигается огненный шквал.

Флаг кумачовый на скудном шесте,
Поступь упруга, не гнутся колени.
Каждое сердце в палящей мечте
Лелеет весеннее слово «Ленин».

<1922>

* * *

Полыхая красным кругом,
Солнце выплыло над лугом.
День желанный, день весенний
Брызнул розовой росой.
Сонный мрак полей разбужен.
Над полями коршун кружит,
Кропотливо копошится муравейник трудовой.
Щелк не слышен соловьиный,
Замутился взор совиный,
Прогорланили-пропели на деревне петухи.
Вышли пахари на пашню, заблестели лемехи.

. . . . .
Вспыхнул город в блеске алом.
Звонким солнечным сигналом
Сон расколот.
Бодр и молод
Пробудился тяжкий труд;
От шагов звучат панели,
В вышине поет прочеллер,
Дымный полог трубы ткут.
В час привычный, в час урочный
Взмах размеренный и точный,
Зашипят, скользя, приводы,

Закружат маховики,
Чу, поют, поют повсюду звонкогрудые гудки.
Слава солнцу огневому,
Упоению трудовому,
Всем полям и городам.
Слава мускулам упругим
И мозолистым рукам.

<1922>

ТОВАРИЩУ

Всё пережить и превозмочь —
Гремящий день, глухую ночь,
Не отойти, не сгнать прочь,
Не променять на бубенцы
Борьбы высокие венцы.

Закон вещей — закон людей:
Расцвет, отцвет, прилив, отлив;
Но не покорный, как массив,
Зажженный пламенем идей, —
Храни посев великих дней.

Зовет покой, манит уют,
И пошлость ставит там и тут
Седые сети паука.
Слабеет воля и рука...

Но крепче мысль, и тверже шаг!
Пусть взор упорный встретит враг.
Знай, переменчив лик судьбы,
Но не изменчив стяг борьбы.

1922

ШАГИ

По всей земле — где пальм узор резной
И сонный зной, и там, где вой пурги, —
Они звучат как крепнувший прибор,
Тяжелые рабочие шаги.

Я слышу их, как сердца мерный бой,
Их грозный гул вздымает города,
Они звучат как голос роковой,
Неотвратимые шаги труда.

Вот рыщет страх и полночь, как палач.
Молчат дворцы. Погасли фонари.
Звучат шаги. . . Кровавится кумач,
Кто там дрожит за дорогим драпри?

Дробь пулеметов, пушек перезвон, —
Судьба дворцов решится до зари.
В смертельной схватке мускулы туги,
Огнем и кровью город обогрен. . .
Тяжелые рабочие шаги.

Настанет час, их громовой раскат
Наполнит мир. Падут во прах враги.
По всей земле победно прозвучат —
Тяжелые рабочие шаги.

1922

25 ОКТЯБРЯ

Есть дни величавей столетий. . .
Играй, моя песня, гори!
Этот день осенний светит
Светом неумирающей зари.

Дни брели бродягами хилыми,
Пропадая в тумане и мгле,
Этот встал над седыми могилами
Женихом невесте-земле.

Никогда не забудут потомки
Бурный Смольный с жужжаньем улья,
И сжигавшие страх и потемки
Пламя слов и костер патруля.

Каждый был на голову выше,
Каждый был окрылен и силен.

Верю: даже созвездия слышат
Этих дней полыхающий звон.

Были пьяны, хмельны без водки,
От зари до зари без сна;
Было новое даже в походке,
В каждом взоре — огонь и весна.

1922

ИЗ ПОЭМЫ
«О ДЕТСТВЕ, МОРЕ И КРАСНОМ ЗНАМЕНИ»

Продлись воспоминаний сон...
Тебя ль я позабуду, море,
Твоею волею вспоен,
Я рос на голубом просторе.
Я знал твое непостоянство,
Как безрассудно ты порой
Меняешь нежное убранство
На плащ тревоги боевой.
Глядишь... и нет уж тихих снов,
И взор, еще вчера лазурный,
Уже мрачится страстью бурной,
И темный зыблется покров.
И вот уже свистящий вихрь
Вздывает клочья белой пены,
И в безднах мрачных и седых
Перекликаются сирены.
Рангоут стонет и гудит...
О, звуки адского органа!
В груди щекочет и щемит,
Никто не пил, а точно пьяны.
Корабль то встанет на дыбы,
То упадет под волн напором,
А там, где небу надо быть, —
Седые, взмыленные горы.
Вот налетит и грохнет в борт
Живая дымная громада,
Не увернешься — так в упор
Ударит солью водопада.

Винты то смолкнут под водой,
То, вверх подброшенные, взвоят,
И, словно сердце перед боем,
Прерывно бьется вал стальной.

1922—1923, Москва

ЛЕТЧИК

Когда вдали слышу пение —
Пропеллера железный бас,
Во мне вскипает радость гения
И расцветает сумрак глаз.

Земной, приниженный, заплеванной
Вседневной жалкой суетой,
Я вдруг вперяюсь очарованный
В простор, встревоженный тобой.

Слежу, как дерзостно врезаешься
Ты в глуби голубых ветров,
Стальным рычаньем огрызаешься
На сон встревоженных веков.

Так вот она, глухая, древняя
Овеществленная мечта,
Уже не спящими царевнами
— Легенд — лучится красота.

Здесь всё рассчитано, измерено,
И страху недоступен взор,
Рука на руль легла уверенно,
И сердце включено в мотор...

Лети, взвивайся, гордый сокол,
Всё выше, выше и смелей,
До жизни вольной и высокой
Без слез, лохмотьев и цепей.

Тебе дарю свои стихи я
И уступаю первенство, —
Пусть непокорная стихия
Узнает наше торжество.

Я, только в муках изнывающий,
Взлетал в надземное мечтой,
А ты паришь живой, сверкающий
Над городом и надо мной.

Я верю — дерзкими усильями
Из праха, пота и крови
И мы взмахнем стальными крыльями
В недосыгаемую высь.

<1923>

ПОЭТАМ «КУЗНИЦЫ»

Жизнь рабочая, ты ли сладка?
Всех ущелий пути твои уже,
За пятак покупали с лотка
И обед и скудный ужин.

И кому, как не нам, знакома
Дней голодных звериная жуть,
Ночь глухая была нам домом,
И земля — материнская грудь.

Но отрепья бродяги святее
Желтых лап ожиревших гусей.
И от Сены до Енисея
Есть следы от наших ступней.

И в стихи загляделись страны:
Вот Чикаго бетонная мощь,
Вот отлетная грусть океана,
Перезвон кораблиных рощ.

Вот идет пастушок с отарой,
Песнь тиха, а степь широка.
Вот железо цветет под ударом
И на руль налегает рука.

Мы из бездны былого восстали
Огнекрылою бурей стихов,
Но струится в шлифованной стали
Лепестковая нежность слов.

За грядою Карпат и Алтая
Слышен молота песенный бой,
Это спорит жизнь молодая
С шепелявой старухой судьбой.

Пролетарии и пророки,
Мы пришли в предрассветной мгле
Раскаленные выковать строки —
Светлый гимн грядущей земле.

<1923>

БОДРОЕ УТРО

Приоткрыл глаза, проснулся —
Блеск какой!
Прямо в окна так и плещет
Розовой волной.

Быстро встал, взглянул на небо —
Голубая сень.
Ах, какой сегодня будет
Бодрый, добрый день.

Вышел — розами пахнуло...
Белый, белый снег.
Сердце слышит — солнце кличет,
Серебрится смех.

Эй, мальчишка краснощекий,
Баловень бутуз,
Обожди, потянем вместе
Заповедный груз.

Ничего, пробьемся, выйдем
В светлые года,
С нами солнце, радость, утро —
Торжество труда.

<1923>

НА РОДИНЕ

Тихий мир дремучих преданий,
Золотое приволье полей,
Колокольчик в вечернем тумане
И колдующий шепот ночей.
Выйдешь в поле, и взор цепенеет...
У зеленой, заглохшей межи
Материнскою ласкою веет
От душистых разливов ржи.
Грезы ль детства с игрою, покосами
Или юности сон золотой:
Вдруг пахнёт ароматными росами,
И звенит и поет за рекой.
Окликает знакомым голосом
Тишина перелесков глухих,
А в душе, как в высоком колосе,
Наливается солнечный стих.

<1923>

ИЗ ДНЕВНИКА 18-го ГОДА

Посвящается Н. К.

Был вечер розов, город необычен
Тревожной радостью бушующих событий.
Июльским ветерком колеблемые тихо
Плескались пламенные флаги на местах,
Сочилась золотом, играла в хрусталях
Проспекта Невского роскошная аллея.

Я с другом шел, олонецким поэтом,
Струилась пестрыми излучинами речь,
Он говорил о Китеже воскресшем,
О красном боге бунта, о коммуне...
Я слушал странные, дремучие слова,
И гулко отдавались по асфальту
Его олонецкие, в сборках сапоги...

Но вот качнулась звонко тишина,
Расколота музыка оркестра,
Знакомый марш торжественно и бурно
Взметнулся стаяй медных голосов.

Под парусами огненных знамен
В цветах и стали двигалась пехота,
За нею конница. . . Тяжелый чок копыт,
И пушки в зелени, и легкие двуколки,
Алели ленты в челках лошадей,
Качались розы в шелковистых гривах,
В петлицах розы, розы на штыках,
И вечер веял розовые блески. . .
И друг сказал: «Багряное причастье —
Народ вкусил живую кровь Христа. . .»
Овеян сказкою, встревоженный мечтами,
Я для ответа не открыл уста. . .
Вдруг всадник красочный на жарком жеребце
Отдал поклон, и я узнал мгновенно
Вчерашнего молотобойца на седле.
Он так сидел уверенно и прочно,
Казалось — он родился на коне.
Мы обменялись краткими словами:
«Куда?» — «На фронт! . .» — «Счастливого
пути!»
— «Мы счастье выкуем, а ты воспой нас. . .»
И я сказал, что напишу стихи.
Вскипела молодость, и пенилась отвага,
Взор каждого — две пламенных свечи,
Под музыку Интернационала
Шагали непреклонные ряды. . .
Последняя проехала двуколка,
А мы стояли молча у стены,
И я запомнил музыку вдали,
И флаги жаркие, и в розовом сияньи
Слезу, застывшую у друга на щеке.

<1923>

ИЗ ЦИКЛА «СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД»

1

Был вечер, его не забудешь скоро,
Морозный и хрусткий, но пахло весной.
Ефрейтор Ефремов, отправленный в город,
В казарму ворвался, как ветер шальной.

- Берут Петропавловку. Стали заводы.
- Одни «фараоны» остались с царем...
- Волынский и прочие части с народом.
- В ружье, ребята. Идем!

Так движется смерч по равнине водной,
Вздымая кипящие пеной столбы,
Так полк закружился поротно, повзводно
В пьянящем порыве свободы, борьбы.

Ровнялись ряды, получали патроны,
Пылающим флагом струилась заря,
Закатное солнце казалось короной,
Кровавой короной убийцы-царя.

Вот марш заиграли уверенно-четкий,
И вихрем свободным взгремело «ура»,
И полк, покачнувшись, стремительно-ходко
Походным порядком пошел в Петроград.

2

Ночью вступили в город,
Влажно дышали снега,
Настороженные взоры
Всюду искали врага.

Мрачно глядели трубы,
Залпы гремели вдали,
Словно сухие срубы
Рушились. Молча шли.

У Шлиссельбургской арки
Первый ночной привал.
Было светло и жарко,
Рядом участок пылал.

Прямо на улице горкой
Тлел полицейский архив,
Пели, курили махорку
Дети полей и нив.

Заревом даль сияла,
Радостно и светло,
Словно былое сгорало,
Будущее — цело.

3

Утром в облаву ходили
На полицейских. Живьем
Где-то троих захватили,
Переодетых бабьем.

Был унизительно жалок
Пристав, одетый в салоп.
Женский цветной полушалок
Падал на бритый лоб.

Вот он, гроза предместий, —
Где ж твоя сила и власть?
Не было даже мести —
Уж насмеялись всласть.

4

Идет солдат по улице,
Папаха сбита набекрень,
Хоть пьян, а не сутулится, —
Такой счастливый нынче день.

Бутылкой давится карман,
Сверкает сабля весело,
«Вчера — болван, сегодня — пан.
Эх, две деревни, два села».

В петлице розовый лоскут,
Солдатик улыбается,
А улица и там и тут
Вся в кумаче качается.

И вдруг милиция. Бог весть
Откуда. Но уж тут она.
— Товарищ, волю не бесчесть,
— Еще не всё распутано.

— Эх, милые, свобода всем.
— Гуляй, душа солдатская.
— Ты прав, товарищ, не совсем,
Свобода не кабацкая.

И что сказать, и где ответ?
Шумит, играет улица,
И нет бутылки, сабли нет,
Идет солдат, сутулится.

В петлице розовый лоскут,
Солдат не улыбается.
А улица и там и тут
Вся в кумаче качается.

<1923>

МОЛОДЕЖИ

Бурями смятый, измолотый
Молотом тяжких лет,
Тебя окликаю, молодость,
Тебе, молодежь, привет.

Буен, размашисто-звонок
Дней раскованных бег,
Мир распахнул спросонок
Радугу — путь для всех.

В прошлом плелись закоулками,
Там что ни шаг — овраг.
Звонами мерными, гулками
Ваш раздается шаг.

Прошлое насмерть заколото,
Новому сказано: быть —
Солнечно, весело, молодо;
Дряхлое всё — в гробы.

Юношам — пенные, полные
Чаши кипящих дней,
Девушкам — алые молнии
В шелк шаловливых кудрей.

Смейтесь весенним гомоном,
Плавьте последний лед.
Всё, что томило, — сломано,
Молодость, выше взлет!

Книгою, циркулем, молотом
Бей лихолетье лет.
Тебе эта песня, молодость,
Тебе, молодежь, привет!

Первая половина 1923

В ТЕ ДНИ

Валерию Брюсову

В те дни я отдан был снегам,
Был север строг, был сумрак долог,
Казалось — никогда ветрам
Не распахнуть свинцовый полог.

Мой темный, низкий потолок,
Иная жизнь здесь только снится. . .
И вот на золотой песок
Выходит гордая царица.

Царица — жаркая мечта,
Я бедный раб, нубиец черный,
Мне не обрести ее уста
И не расторгнуть плен позорный.

И только в звонком полусне
Благоуханные баллады. . .
Но вот иная даль в огне,
И гнев вздымает баррикады.

И каменщик, подняв кирпич,
Над стройкой тягостной, острожной
Задумался, услышав клич
Свободы близкой и возможной,

Любовно закрываю том,
Уж ночь, но не могу уснуть я:
За далью даль, чудесным сном
Встают «пути и перепутья».

Декабрь 1923

ПАМЯТИ А. С. НЕВЕРОВА

Мы пришли от васильковых снопов,
От зеленых шелестов и горнов,
Были мы в борьбе упорны,
А в любви не знали берегов.

Чернозема черствого пласты
Мы поили звонкими струями;
Песнями, весенними огнями
Просияли в сумрак нищеты...

Древняя, родная, не забудь
Тех, кто души выплакал в страданыи.
На твою ведь, на твою лишь грудь
Мы падем в последнем испытаныи.

И замолкнут вещие уста,
Поздней славы вспыхнет свет прощальный
Над покоем белого креста,
Тишины холодной, безначальной...

«И жалеть и не жалеть нельзя»
Тех, кто жизнь расплескивал для жизни.
Не померкнет в пламенной отчизне
Радугой горящая стезя.

Декабрь 1923

ГОДЫ МИНУВШИЕ

Годы горя, голода и славы,
Можно ль вас не помнить, позабыть,
И теперь мне снится сон кровавый —
Бедные несчетные гробы.

Смерть и гибель, горы темных трупов,
Ярый свист карающей косы,
У зловонных лошадиных крупов
Одичалые рычали псы.

Паровозов ржавые кладбища
Хоронили пламенный разбег,
Вот когда узнал ты цену пищи,
Не сбиравший зерен человек.

Только пела юная отвага,
Отдавая жизнь свою как дар,
И за жарким кумачовым флагом
Полыхал слепительный пожар.

Выли пушки, тонко пели пули,
Города тонули в полумгле,
На панелях изнемогших улиц
Продавались девушки за хлеб.

Но чредою приходили весны,
Ничего не помня о былом,
Город пыльный, луг зелено-росный
Заливался светом и теплом.

И дрожал, и таял призрак лютой,
Уступая жизни молодой,
И глаза весенние малютки
Улыбались песне голубой.

1923

ВОЖДИ

Под грузом изнемогшим кораблям
В свирепых штормах легче мили числить,
Чем избранным глядеть в лицо векам
И в бурях дней дерзать и мыслить.

Квадрат стола — держава, класс, народ,
Глухие цифры, диаграммы, планы,
Движенье цен, провалы, недород,
Вопрос о ближних и далеких странах,

Там прошлое глядит зрачками сов,
А новое — в огне противоречий.
Всех накормить, имея «пять хлебов».
И глубже голова уходит в плечи.

Ползет слепая, липкая молва,
Из-за угла — беззубый, древний ропот,
И вот — найти решенья и слова,
    Взнуздать стихий табунный топот.

Распутать дней тяжелые узлы,
Многообразию единый выбрать стержень,
Быть струн отзывней, быть металла тверже —
    И ненавистным не прослыть.

Под грузом изнемогшим кораблям
В свирепых штормах легче мили числить,
Чем избранным глядеть в лицо векам,
    И в бурях дней дерзать и мыслить.

1923

ПЕСНЯ О ЛЕДОХОДЕ

Россия представляется нам полупогибшим, полузатонувшим кораблем.

(Из буржуазных газет)

Пусть гады в беспомощной злобе
Шипят: «Потонул пароход!»
Товарищ, ты видел на Оби
Могучей весной ледоход?

Не льдины — хрустальные горы
Теснят бесконечный простор,
Следят с содроганием взоры
За битвою пляшущих гор!

Сшибаются, тонут громады;
Повсюду — и хаос, и смерть...
(Что гром боевой канонады
Пред этим, колеблющим твердь?!)

Неслыханной ярости полны,
Таранят бойцы берега.
И рушится в черные волны
С высот неоглядных тайга.

И думаешь в ужасе диком:
Мы смерти во власть отданы!
И криком, мучительным криком
Встречаешь удары волны.

Всё падает, гибнет и тонет;
Кругом — разрушенья и топь...
Весь мир, торжествуя, хоронит
Старуха косматая Обь!

Но вот ледяные громады
Умчались в седой океан,
Утихли громы канонады,
Растаял угрюмый туман.

И, вздувши могучие воды,
Синя, полноводна, легка,
Течет средь воскресшей природы
Воскресшая к жизни река.

Забыты невзгоды лихие;
Где смерть? Всё ликует! Взгляни!..
Не так же ль, друзья, и Россия
Воскреснет в грядущие дни?

Душою весь мир обнимая,
Друзей озираю ряды...
Да здравствует Первое мая!
Да сгинут последние льды!

1 мая 1918

НОВАЯ МЕТЛА

Грязи, сору — без числа
В обновленной хатке...
Ну-ка, новая метла,
Наведи порядки!

Гоц, Керенский и другие
Всё загадили в краю...
Помогите, дорогие,
Выместь родину мою.
Всех бездельников банкиров,
Трудовой семьи вампиров,
Что шипят на новый строй,

Тунеядцев, невских франтов,
Финансистов, фабрикантов —
В шею новою метлой!

Грязи, сору — без числа
В обновленной хатке...
Ну-ка, новая метла,
Наведи порядки!
Точно так же не мешало б
Чистку книжную начать —
Чересчур уж много жалоб
На панельную печать.
Все журнальчики и книжки
Про скандальчики-интрижки:
«Стрекозу», «Весь мир» гнилой,
Пинкертонов приключенья —
Мародеров развлеченье —
В шею новою метлой!

Грязи, сору — без числа
В обновленной хатке...
Ну-ка, новая метла,
Наведи порядки!

Подмести немедля надо
И казенные места —
Проползло немало гада
К нам украдкой в ворота!
Всех подложных комиссаров
Из вчерашних земгусаров,
Грязных взяточников рой,
Ради выгоды корыстной
Строй признавших ненавистный, —
В шею новою метлой!

Грязи, сору — без числа
В обновленной хатке...
Ну-ка, новая метла,
Наведи порядки!

Весна 1918

ПЕСЕНКА О РУССКОМ ИНТЕЛЛИГЕНТЕ

1

Корреспондент,
Лови момент,
Скандал неслыханный случился:
Краса Руси — интеллигент
В ковше чуть-чуть не утопился!
Всю жизнь, бедняжка, промечтал
О долгожданной буре.
И вот, желанный час настал —
Весь в тучах свод лазури.
Вой ветра, ливень, грохот, треск,
Блеск молний, жгущих очи,
Прибойных волн зловещий плеск
И ужас черной ночи!
Ползком пробравшись под брезент,
Сидит-дрожит интеллигент,
Заткнувши уши ваткой,
И крестится украдкой.
Увы, бедняк про бурю знал
По маленькой брошюре:
«Екатерининский канал
В минуту гроз и бури»!

Корреспондент,
Лови момент,
Скандал неслыханный случился:
Краса Руси — интеллигент
В ковше чуть-чуть не утопился!

2

Весь век кричал он о любви
К «несчастному» народу,
Тонувшим в мраке и крови
«Нес» солнце и свободу.
Как в темной норке жалкий крот,
В покойном кабинете

Творил свой собственный народ —
По книжке и газете.
Считаясь истым знатоком
Селянского уклада,
Благоговел пред . . . «мужичком»
Тургеневского склада
И, широко разинув рот,
Глушил собранья тостцем:
«Пью за великий наш народ! —
Свободу богоносцам!!»

И вот свершилася мечта:
Предмет горячей страсти
Интеллигентного крота
Могуче стал у власти!
Но . . . ах! он сходства не имел
С Калинычем и Хорем!
«Знатор деревни» онемел,
Сраженный лютым горем.
А отдышавшись, поднял вой,
Став враз белее снега:
«Ой! . . . Караул!! Го-ро-до-вой,
Спаси от печенега!!!
Я рад народ возвесть на трон,
Покрыв порфирой плечи,
Но . . . *при условии*: если он —
Касьян с Красивой Мечи!»

Корреспондент,
Лови момент,
Скандал неслыханный случился:
Краса Руси — интеллигент
В трех жалких соснах заблудился!
Весна 1918

ГАДЮКА

Бойтесь гадины, сбросившей гнет,
Будьте к ней беспощадны и строги:
Улизнет и немедля начнёт
Жалить насмерть рабочие ноги!

Придавите ее каблуком,
Крепче голову стисните. . . Ну-ка!
Дохни, бешено вьющийся ком!
Нет тебе снисхожденья, гадюка!

Конец мая или начало июня 1918

ДРУЗЬЯМ-ЧИТАТЕЛЯМ

Забавно жить на свете этом!
Пока для бар звучал мой стих,
Я был «талантливым поэтом»;
Теперь же, судя по газетам,
Мой стих. . . увы! слинял и стих!
Увял талант и еле дышит. . .
И вряд ли кто-нибудь в стране
«О, как талантливо он пишет!»
Напишет ныне обо мне.
Но в деревнях и на заводе,
Везде, где песней люд бужу,
В живоотзывчивом народе
Себе я отклик нахожу.
В своих гореньях независим:
Пою — чем на душу пахнёт.
И ежедневной грудой писем
Меня приветствует народ!

Июнь 1918

ДРУЗЬЯМ МОЕЙ «КОЛОКОЛЬНИ»

И благовест мирный, и красный набат
Ты слышал отсюда, о милый мой брат,
В годину тяжелую эту.
Порой приходилось, тревогу звоня,
Работать часами среди дыма, огня. . .
Товарищ, ты веришь поэту?

Судьбою дарован мне песельный дар;
Ждала меня слава и деньги у бар,
Но, дедову верен завету

(Он был коммунар — Высоцкий, мой дед¹),
И славу, и деньги отринул поэт...
Товарищ, ты веришь поэту?

Тебе отдаю я всю душу мою,
Заветные самые песни пою,
Твою оживляя газету.
Не плата питает мой творческий жар —
Раз в десять бы больше имел я у бар!..
Товарищ, ты веришь поэту?

За то, что посмел я к рабочим пойти,
Захлопнуты все предо мною пути!
И если удастся кадету
На время развеять и зной и жару —
Я с голоду вместе с семьею помру...!
Товарищ, ты веришь поэту?

Ведь вот и теперь: не проходит и дня,
Чтоб свора газет *не травила* меня,
Бесчестя по целому свету.
«Он куплен! — горланит какой-то подлец. —
Алтынная совесть!.. Продажный певец!!»
Товарищ, ты веришь поэту?

За то, что покинул я смрадный их мир,
Меня *сумасшедшим* ославил их клир;
И новость великую эту
Уже обсуждают по всем кабакам,
Заочно шельмуя меня по щекам...
Товарищ, ты веришь поэту?

Я волен, как птица, что свищет-поет
Чем только ей в знойную душу пахнёт!
Явясь к коммунарам в газету,
Я вольным поныне остаться сумел,
На тему чужую ни разу не пел!
Товарищ, ты веришь поэту?

---

¹ Конст. Ник. Высоцкий, мой дед по матери, основал в г. Тюмени, Тобольской губ., в семидесятых годах коммуны. Членами ее были: Тюмофенко, В. И. Князев (мой отец) и прочие.

И если в грядущем несчастье придет —
Под натиском вражьем наш Питер падет,
Рабочих потянут к ответу, —
Бок о бок с тобою, о брат мой, пойду!
И рядом с простреленным сердцем паду...
Товарищ, ты веришь поэту?

А веришь, так вот тебе братский завет:
Стой грудью за наш коммунарский Совет
В годину тяжелую эту!
Проклятие черным иудам-лгунам,
Что путь прочищают царям и панам.
Все к нам,
Кто верит поэту!!

Июнь 1918

ИЗ «КРАСНОГО ЕВАНГЕЛИЯ»

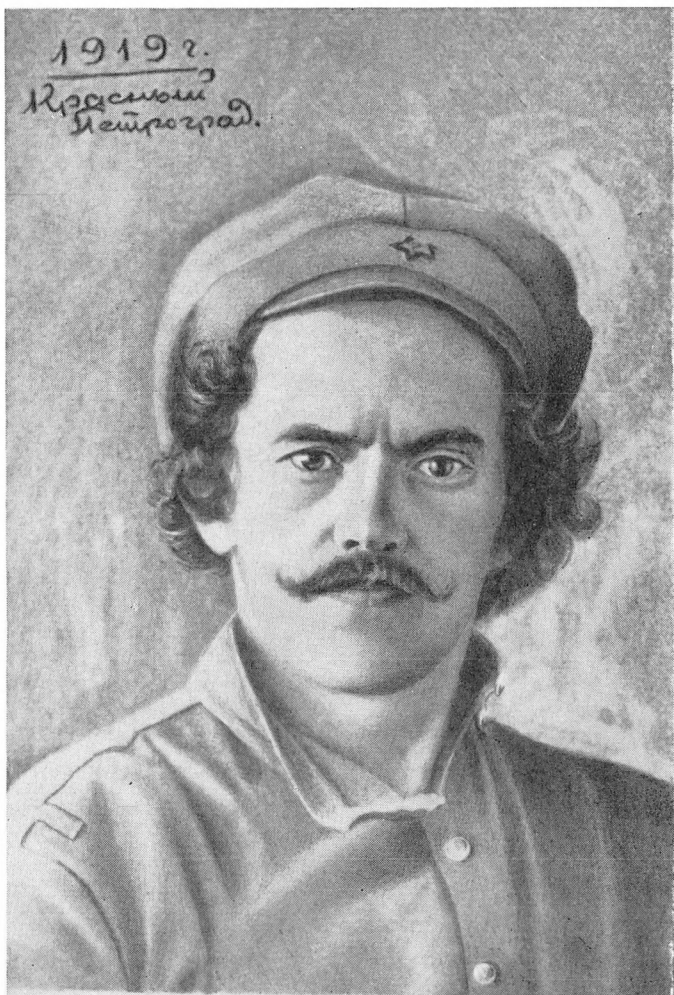
* * *

Мы будем добрыми, товарищ,
Но не во дни,
Когда лишь зарева пожараищ
Кругом одни.
Мы пощадить злодея рады,
Но не сейчас,
Когда повсюду без пощады
Враг душист нас!

* * *

Не такая пора, чтоб витать в облаках:
Смертью враг угрожает свободам!
Или — против народа, с оружием в руках;
Или — с тем же оружием — с народом.
Всё ж, что мечется, бьется меж двух берегов,
То горит, то надежды хоронит,
Не имея ни братьев, ни лютых врагов, —
Неизбежно потонет!

Июнь 1918

Василий Красавец

НАБАТ ЗА РУБЕЖИ

Всех стран земли товарищи и братья,
Прочь мирный сон — хватайтесь за мечи!
На помощь к нам: влекут нас на распяты
Проклятые вампиры-богачи!
В ком дух живой, кто грез мятежных витязь,
В грозу привык не тратить лишних слов —
Бряцанием оружия отзовитесь
На смертный крик моих колоколов!
Прочь власть царей, холопов капитала!
Долой рейхстаги, дворню богача!
Пора настала сбить их с пьедестала
Ударом пролетарского меча!

Рабочие Британии и Рима!
Французы, сербы, Бельгии сыны!
Развейте мрак порохового дыма,
От вас таящий лик моей страны.
С коммунной все, кто ведал плуг и молот.
С коммунной все, кто гнет бесправья нес,
Сквозь лютый мрак, лишения и голод
Незагашенным огонь души пронес.
С коммунною — рабочие завода,
С коммунною — селений беднота,
Мильоны пролетарского народа,
Страдавшего от барского кнута!

Америка! страна свобод и... трестов,
Миллиардеров и... рабов машин,
Не верь реченьям лгущих манифестов
Царизм восстанавливающих дружин!
Всё вольное — вокруг Кремля столпилось,
Он — жизни центр в растерзанном краю:
Вся беднота слилась-объединилась,
Чтоб победить иль пасть костями в бою!
Идут на нас холопы капитала,
Над миром власть несущие панам;
На помощь к нам! Во что бы то ни стало!!
На помощь к нам!.. Скорей!!.. На помощь
к нам!!!

Пусть меди рев ваш сладкий сон нарушит:
Товарищи, кровавая рука,
Нас задушив, и вас потом задушит!
И будет ночь на долгие века!!
Прочь власть палат, попов и государей,
Столетия державших мир во тьме.
К оружию, вселенский пролетарий!
К оружию, товарищ по тюрьме!
Кто духом жив, заветов красных витязь,
В грозу привык не тратить лишних слов —
Громами канонады отзовитесь
На крестный вопль моих колоколов!

Лето 1918

ПЕСНЯ КОММУНЫ

Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда,
Рок капризный не властен над нами, —
Никогда, никогда,
Никогда! никогда!
Коммунары не будут рабами.

Всё в свободной стране
Предоставлено мне,
Сыну фабрик и вольного луга;
За свободу свою
Кровь до капли пролью,
Оторвусь и от книг, и от плуга!

Пусть британцев орда
Снаряжает суда,
Угрожая Руси кандалами, —
Никогда, никогда,
Никогда! никогда!
Коммунары не будут рабами.

Славен красный наш род,
Жив свободный народ —
Все идут под знамена Коммуны.

Гей, враги у ворот!
Коммунары — вперед!
Не страшны нам лихие буруны!

Враг силен? Не беда!
Пропадет без следа,
Коли жаждет господства над нами, —
Никогда, никогда,
Никогда! никогда!
Коммунары не будут рабами!

Коль не хватит солдат,
Станут девушки в ряд,
Будут дети и жены бороться;
Всяк солдат-рядовой,
Сын семьи трудовой —
Все, в ком сердце мятежное бьется!

Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда,
Рок капризный не властен над нами, —
Никогда, никогда,
Никогда! никогда!
Коммунары не будут рабами!!!

Лето 1918

СЫН КОММУНАРА

Промчится вихрь с неслыханною силой...
Сиротка мальчик спросит мать свою:
«Скажи, родная, где отец мой милый?»
И сыну мать, склонившись над могилой,
Ответит гордо:

«Пал в святом бою!
Он призван был в дни черной непогоды,
Когда враги душили край родной,
Грозя залить кровавою волной
Светильники у алтарей свободы.
На их удар ответил он ударом
И пал, от братьев отводя беду...
Отец твой был солдатом-коммунаром
В великом восемнадцатом году!»

Привет и ласку ото всех встречая,
Сын коммунара спросит мать свою:
«Не понимаю. Объясни, родная:
Я — мал и слаб; за что мне честь такая
В родном краю?»

И мать ответит маленькому сыну:
«К тебе горят любовью сердца
За крестный подвиг твоего отца,
Погибшего в тяжелую годину.
Стонала Русь под вражеским ударом,
Грозилась смерть свободному труду...
Отец твой был солдатом-коммунаром
В великом восемнадцатом году!»

— «Но почему мы не в каморке тесной,
А во дворце живем с тобой? .. Взгляни —
Какой простор! какой уют чудесный!
За что был отдан бедноте окрестной
Дворец царей? Родная, объясни».
И мать ответит, мальчика лаская:
«Раскрыли перед вами дверь дворцов
Заслуги ваших доблестных отцов,
Что пали, за свободу погибая.
Шел враг на Русь с мечами и пожаром,
Неся с собой смертельную беду...
Отец твой был солдатом-коммунаром
В великом восемнадцатом году!»

И смолкнет сын, в раздумии глубоко
Взирая на могильный холм борца
И думая о доблестном далеком...
Гигантом пред его духовным оком
Восстанет тень почившего отца.
И даст он клятву — тою же тропую
Всю жизнь свою безропотно идти
И не сходить с отцовского пути
Неколебимо-гордою стопою:
«Клянись быть честным, доблестным и ярым,
К насильникам всю жизнь питать вражду!
Отец мой был солдатом-коммунаром
В великом восемнадцатом году!»

Лето 1918

НАД ГРОБОМ УРИЦКОГО

Вновь враги направляют удары
В стан апостолов красных идей.
Берегите вождей, коммунары!
Берегите вождей!

Мы залпами вызов их встретим —
К стене богатеев и бар! —
И градом свинцовым ответим
На каждый их подлый удар.
Довольно миндальничать с ними,
Пора обескровить врага —
Топите в удушливом дыме
Враждебные нам берега!
Клянемся на трупе холодном
Свой грозный свершить приговор —
Отмщенье злодеям народным!
Да здравствует красный террор!

Вновь враги направляют удары
В стан апостолов красных идей.
Берегите вождей, коммунары!
Берегите вождей!

Мягкотелые, прочь! Наступила
Беспощадных расстрелов пора!
Глубже впейся в гнилые стропила,
Смертоносная сталь топора!
Коммунары, удвойте старанья,
Рвите порохом стены и свод —
Пусть проклятое старое зданье
Градом каменным наземь падет!
И под этим дробительным градом
Легионы народных иуд,
Класс за классом, отряд за отрядом,
Массовую могилу найдут!

Вновь враги направляют удары
В стан апостолов красных идей.
Берегите вождей, коммунары!
Берегите вождей!

Дробите терпения чашу,
Довольно и жестов и слов!
За каждую голову нашу
Да скатятся сотни голов!
Друзья, не жалейте ударов,
Копите заложников рать,
Чтоб было кому коммунаров
В могильную сень провожать.
Прочь жалкие лепеты-речи,
Гнилого бессилия бред —
В кипеньи решительной сечи
Пощады противнику *нет!*

Вновь враги направляют удары
В стан апостолов красных идей.
Берегите вождей, коммунары!
Берегите вождей!

1 сентября 1918

ЗВОН ПЕРЕД БУРЕЙ

С вышки, вышки поднебесной,
Распахнув чугуны дверей,
Выпускаю в мир окрестный
Стаю медных голубей.
Разлетайтесь, брызги меди,
Теша сердце звонаря,
Уносите о победе
Весть за синие моря:
Завтра, завтра рухнут своды
Черных тюрем мировых,
И обнимутся народы
На гнилых обломках их.

Жизнь несется ураганом,
Как упущенный экспресс, —
Каждый день дарит неожиданным,
Каждый час — родник чудес.
Что вчера душило, ныне —
Тает воском на глазах;

Неприступные твердыни
Рассыпаются во прах.
Где вы, замыслы титанов?
Потеряв терпенье, люд
В карлов жалких великанов
Превращает в пять минут!

Где незыблемые троны
И покорный им народ —
С каждым днем сильней короны
Вихрь с голов венчанных рвет!
Где державные палаты,
Мол, спасающий залив —
Волны яростью объаты,
Без конца растет прилив!
Ночь висит над синим морем...
Правьте к западу смелей!
«Будет буря, мы поспорим
И поборемся мы с ней!»

С вышки, вышки поднебесной,
Распахнув чугун дверей,
Выпускаю в мир окрестный
Стаи медных голубей.
Разлетайтесь, брызги меди,
Теша сердце звонаря,
И несите о победе
Весть за синие моря:
Завтра, завтра рухнут своды
Черных тюрем мировых
И обнимутся народы
На гнилых обломках их!

1918

БЕССМЕРТНОЕ

Дни героической защиты
Октябрьских вольностей гнезда
Не будут миром позабыты.
Пройдут несчетные года,

И гордо встанут из гробницы
Дружины красных львов столицы,
Чтоб на границах площадей
Держать надменно и сурово
Звеняще-бронзовое слово
О подвигах великих дней.

Близ серораморных окопов
Артель бессмертных землекопов,
Обильно льющих медный пот,
Мужчин и женщин изнуренных,
Блокадою изнеможенных,
Двухтысячный увидит год.
Воскреснут людные райкомы
Незабываемых недель:
Кровати-стулья, пыль соломы —
Пятиминутная постель
Дежурных членов тройки красной,
Что сна не знали в миг опасный,
Храня свободы колыбель.
И вы, работницы, орлицы
Краснопредместных чердаков,
Перелетев чрез тьму веков,
Опуститесь в сады столицы,
Чтоб миру диктовать страницы
Поэм о подвигах своих,
Из бронзы высекая стих!

1919. Дни Юденича

ПУГОВИЦА ОТ БРЮК

№ 1-й

*В Домкомбед. Председателю,
Эдуарду Петровичу Пукк.*

Дорогой сосед
И горячоуважаемый друг!
Оборвалась у меня пуговица от брюк,
А ниток нет.
Нельзя ли дать выписку на сей предмет!
Петр Саввич Бравич.

№ 2-й

Домкомбед свидетельствует, что у гр. Бравича
Действительно оторвалась пуговица давеча
От его новых брюк,
И в нитках он остро нуждается,
Что приложением печати и подтверждается!

Преддомкомбеда:

Э д у а р д П у к к.

№ 3-й

*В Петрокоммуну.
Отдел распределения.*

П р о ш е н и е.

Прилагая при сем выписку из Домового комитета,
Прошу обратить вниманье на это

Прошение

И дать соответствующее разрешение.

(Прошу поторопиться,

Ибо брюки могут свалиться!!)

Петр Саввич Б р а в и ч.

№ 4-й

*Градкоммуна. Отдел распределения
Предметов среди населения.*

№ талона —

4 биллиона, 44 миллиона

В склад,

Где нитки лежат.

Выдать гр. Бравичу катушек ниток — одну.

Он^{ый}.

Сей.

(И еще — 11 000 подписей).

Ну и ну!!

№ 5-й

*Петрокоммуна. Склад,
Где нитки лежат.*

Счет

№ (не сосчитаешь в год!)

На основании талона

4 биллиона, 44 миллиона

Выдано гр. Бравичу катушек ниток ...одна.

(На копии):

«Катушку ниток получил сполна

Петр Саввич Бравич».

№ 6-й

*Петрокоммуна. Склад,
Где нитки лежат.*

Пропуск № ...

(Еще длиннее номера счета!)

Выдано на предмет проноски одной катушки ниток
через ворота:

Завед. складом: Федот...

(а далее сам черт не разберет!)

э п л о г

Тети и дяди!

Не верьте тому, кто говорит, что

бумаги нет в Петрограде!!!

1919

ВСЕ НА ХОЛОДНЫЙ ФРОНТ

То не белых злая рать
Из Эстонии наперла —
Холод мертвенный опять
Петроград схватил за горло.

Белых бешеный налет
Обескрылила столица;
Холод Питером идет,
В двери Смольного стучится!

Не у Пулковской горы —
В самом центре Петрограда
Фабрик зданья и дворы
Отбиваются от гада!

Не один уже завод
После долгих битв оставлен;
Производственный приход
Смертью топок обезглавлен!

В поле лютая орда —
Снегопад, пурга, морозы —
Полоняет поезда,
Поражая паровозы.

И, врагами осажден,
Умертвив за зданьем зданье,
Красный Питер принужден
Сократить свое питанье.

Что ж, сдаваться? Опустить
Буйны головы на плечи?
В мертвых зданьях мертво стыть,
Оградясь стеной от сечи?

Сдать твердыни Октября?
Ожидать в когтях развала
Возрождения царя,
Возвращенья капитала?!

Нет, товарищи, в набат
Да ударят все заводы —
Непоколебим Петроград!
Негасим очаг свободы!

Вся Россия знает нас,
Прославляя дружным хором.
Неужели в этот раз
Мы покроемся позором?!

За три года огневых
Гроз мы видели немало —
Без числа отбили их!
В бой во что бы то ни стало!!!

В бой, товарищи! Вперед!
На плечо топор и молот!
Нас лишение не убьет!
Не осилит лютый холод!!

1921

ПОДЗЕМНАЯ ВОЙНА

Героические годы,
Титанические дни —
Как циклонов буйных воды,
Вдаль умчались они.

Громы гроз отгрохотали,
Змеи молний расползлись,
Отуманенные дали
Мирным полымем зажглись.

Рев полночного набата,
Сотрясая небеса,
Уж не будит, как когда-то,
Нивы, села и леса.

Но всё так же, неустанно
Бьются насмерть два врага,
Два раскованных титана —
Океан и Берега.

Нет меж ними примиренья:
В глубине подземных нор
День и ночь кипит боренье,
Вековечный длится спор.

Волны берег подмывают,
Гложут, лижут и сверлят,
Разрушают, низвергают
Неприступный ряд преград.

И, как встарь, на вышке красной
Пролетарский часовой,
Отмечая миг опасный,
Зажигает факел свой:

«Отшумели ураганы,
Сломлен ратный пыл врага,
Но не спится, о титаны, —
Берегите Берега».

Лютый враг тайком их точит,
Под землю, по ночам:
Отвоеванное хочет
Отобрать по мелочам.

Горе дремлющим на ложе
Без печали и забот!
*Будь, товарищ, настороже:
Спор не кончен, бой идет!!!*

1922

К ВОССТАНИЮ!

Волнуемый, как океан безбрежный,
Я вам кричу в час битвы роковой:
Откликнитесь на призыв мой мятежный,
Вы, с детства обожженные грозой...

Я младше всех, но в пламени пожара
Окреп мой дух для новых битв и ран.
Для грозного, последнего удара
Сбирайтесь, угнетенные всех стран!

Горит весь мир в объятиях железных,
А новый мир — в восстании труда.
Всех ваших сил, всех ваших душ мятежных
Смыкайте огневые провода.

О, если молот ваш в тревоге повседневно
Заставил шар земной испуганно дрожать,
Ужель у вас не хватит силы гневной,
Чтоб рабские оковы разорвать...

Волнуемый, как океан безбрежный,
Я вам кричу, сжимая свой клинок:
К восстанию! И в стан ваш зарубежный
Бросаю ран моих пылающий венок!

<1918>

СКЕПТИКУ

Хоть следы тяжелой муки
На лице твоём усталом,
Хоть твои немеют руки
В смертной битве с капиталом,

Не смотри с тоскою жгучей:
Верь, проснется Запад сонный...
Нарастает шквал могучий,
Грозный, революционный.

Продержись еще немного:
В грозном пламени пожара —
Грянет братская подмога
Со всего земного шара...

Не к лицу тебе, товарищ,
Сыпать жалкие упреки:
Мир еще в дыму пожарищ,
И не все промчались сроки.

Чтоб тростник качнулся гибкий,
Будь, как буря, непреклонный,
С иронической улыбкой
Не смотри на Запад сонный...

Он, израненный, избитый,
Плачет огненной кровью...
Не насмешкой ядовитой,
Обогрей его любовью.

Обогрей родные груди
Ярким пламенем восстанья.
Там давно испили люди
Чашу горького страданья.

<1918>

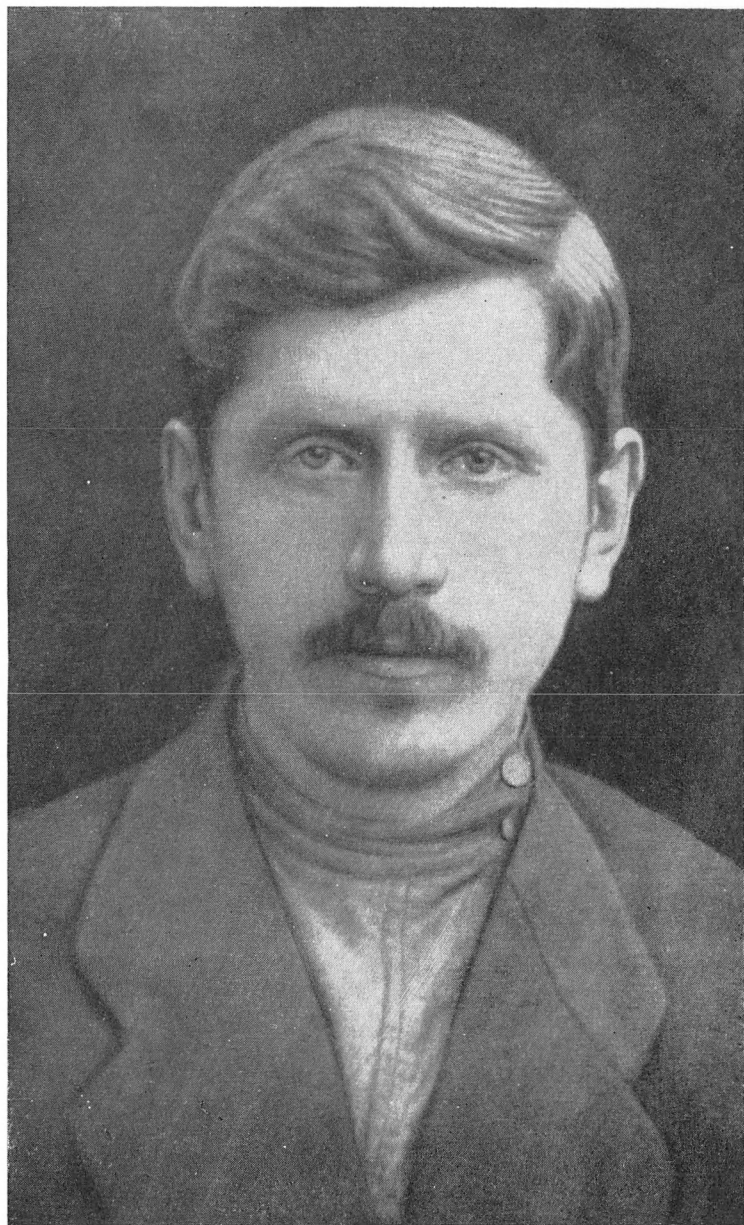
КРАСНЫЙ ЦВЕТОК

О солнечно-бурный
Октябрьский набат,
О нежно-пурпурный
Цветок баррикад!
В раскатах восстаний
Твой пламень могуч,
Народных страданий
Серебряный ключ.
Он солнечным светом
Звенит, как живой:
«Советам, Советам
Вся власть над землей!»

Вращенный в невзгодах,
В приволье родном,
На гневных заводах,
В подполье глухом,
В кровавые ночи
На бранных полях,
В призывах рабочих,
В солдатских сердцах,
Он вспыхнул с расцветом
Зари огневой:
«Советам, Советам
Вся власть над землей!»

И светлым зигзагом
Сверкнули штыки,
Уверенным шагом
Проходят полки.
На север, восток,
И на запад и юг,
Чтоб красный цветок
Взять под огненный круг.
Несется приветом
Их клич боевой:
«Советам, Советам
Вся власть над землей!»

<1918>

Когда исчерпан весь запас угля,
Стихает гром кудесника-завода.
С душой машин сроднилася природа,
Железный гул свершеньем окрыля.

В суровой битве сердце закаля,
Наш дух не сломит встречающая невзгода.
В горниле мук рождается свобода,
Отживший мир дыханьем пепеля.

Крепись, товарищ! Радостного дня
Недолго ждать в стремлении мятежном!
В дыханьи бурь, в свистящем вихре снежном

Озимые взрастят зеленыя...
Лишь только б вечно был запас огня
В рабочем сердце, пламенном и нежном.

<1919>

ДРЯБЛОМУ ДУХОМ

Не зовись коммунистом,
Это — вредная ложь...
В твоём сердце кремнистом,
Словно в сумраке мгlistом,
Путеводной звезды не найдешь.

Как печальные свечи
Эти встречи с тобой:
Надломилися плечи,
Угнетенные речи
Ранят сердце тоскливой мольбой.

Каждый раз торопливо
Молчаливый вопрос:
О, когда ж наша нива
Зацветет горделиво
Без борьбы, без страданий и слез?

И отравленным жалом
Сердце ранит мольба.
Но ответным кинжалом —
Бранной песни закалом —
Я сверкну над сомнением раба.

Эй, колодник острожный,
Кандалами звеня,
Ты отравой ложной,
Клеветой придорожной
Губишь радость грядущего дня!

Кем замкнулось оконце
В предвечерней тиши?
Только черное солнце
Светит в черное донце
Твоей дряблой, мертвящей души.

В безнадежном безволье
Свои силы сгубя,
Ты грустишь о приволье...
А давно ли в подполье
Не таким мы встречали тебя!

Возвращенный из башни
На простор красоты,
Ты нам клялся бесстрашной
На заброшенной пашне
Поднимать вековые пласты...

Жизни сеятель новый,
Богатырь молодой,
Вышел с нами, готовый
Плуг направить суровый, —
И за первой устал бороздой!..

И уж сумрак бездонный
Над твоей головой.
И в душе утомленной
Плачет марш похоронный
В этот праздник грозы мировой...

Не зовись коммунистом,
Это — вредная ложь.
Но в крещеньи огнистом,
Но в бою бескорыстном
Разбуди свою совесть, встревожь!

Только труд плодотворный,
Воли кованый дух,
Путь проложит узорный
К жизни светлой, просторной
Сквозь преграды всемирных разрух.

<1919>

* * *

Память погибших героев священна...
В мирной ли жизни, в грозный ли год,
Всюду над нами звенит и поет
Клич их орлиный, завет неизменный:
«Смело по нашим могилам вперед!»

В битве за счастье в борьбе переменной,
Может, из нас не один упадет...
Будем же биться, чтоб в должный черед
Бросить отставшим наш клич неизменный:
«Смело по нашим могилам вперед!»

<1919>

* * *

Будет время, у солнечных врат
Вспомнят гордый, лавинный север —
Красный Питер, львиный Кронштадт,
И душа зацветет, словно клевер.

И поклонятся славным мечам,
Старым мукам, оплаканной вобле,
Серым блузам, могучим плечам,
Своротившим неволи оглобли...

Будет время — на братских костях,
Разгораясь душой буревестней,
О минувших, волнующих днях
Вдохновенной откликнутся песней.

<1919>

ЗА НАМИ!

О братья, невзгоды стальную подковку
Мы дружными сломим руками.
За плуг трудовой, за станок, за винтовку,
К заре возрожденья, за нами!

Сквозь ржавую мудрость истлевших тетрадок
За нами, кто смел, бескорыстен.
Мы — вестники встречных невиданных радуг,
Герольды волнующих истин.

Пусть робкие души дрожат перед бурей
И стонут на горах развалин,
А мы — к мировой пролетарской культуре
Под звон золотых наковален.

Там пламенный труд палачами не вздыбен,
Там гордого духа основы,
За каждым станком возродится Кулибин,
В полях отзовутся Кольцовы...

О, знаю, недаром, враждой ослепленный,
Тюремщик гремит кандалами...
Сверкает, как солнце, наш мир окрыленный.
За нами, за нами, за нами!

<1919>

РОССИЯ

Страна родная! В грозный год
На грани, кровью разогретой,
И ты сверкнула в свой черед
Новорожденную кометой.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

1917—ОКТАБРЬ—1919

Оборона революции—оборона Октябрьских завоеваний, оборона власти Советов.

**Красный Октябрь
будет днем укрепления
Красной
Армии.**

**Все в ряды
защитников
Революции.**

**Да здравствует Рабоче-Крестьянская Советская
Россия и мировая коммунистическая культура!**

РОССИЯ.

Страна родная! В грозный год
На грани, кровью разогретой
И ты свернула в свой черед
Новорожденною кометой.

В твоим крещенье огнем
Гремит серебряные трубы.
И разбудил машинный гром
В полях бревенчатые срубы...

Советов кованая власть
Горит, как солнце, горделиво.
Страна грозная, тебе ли пасть
Под гнетом злобного порыва?

О, нет! Твое призванье—жить
И в грустных сумерках Европы
К любви и братству проложить
Меунирующие тropy

Напрасно бешенством врагов
Куеть злобная стихия.
Горит средь северных снегов
Воспламененная Россия

Самобытник

ЗА НАМИ!

О, братья, невзгоды стальную подложку
Мы дружными слоним руками
За плуг трудовой, за станок, за винтовку,
К заре возрождения, за нами!

Сквозь ржавую мудрость ислелавши тетрадом
За нами, кто смел, бескорыстен
Мы—вестники встречных нежданного радуг.
Герольды волнующих истин

Пусть робкие души дрожат перед бурей
И стонут на горах развалин!
А мы—к мировой пролетарской культуре.
Под звон золотых наковален

Там пламенный труд палачами не вздыбен.
Там гордого ауха основы
За каждым стенком возродится Кулибин.
В полях отзовутся Кольцовы...

О, знаю, неварон враждой ослепленный.
Тюрениши гремит кандалами...
Сверкает как солнце, наш мир окрыленный
За нами, за нами, за нами!

Самобытник

В твоём крещении огнем
Гремят серебряные трубы,
И разбудил машинный гром
В полях бревенчатые срубы. . .

Советов кованая власть
Горит, как солнце, горделиво.
Страна громов, тебе ли пасть
Под гнетом злобного порыва?

О нет! Твое призванье — жить
И в грустных сумерках Европы
К любви и братству проложить
Неумирающие тропы.

Напрасно бешенством врагов
Куется злобная стихия,
Горит среди северных снегов
Воспламененная Россия.

<1919>

ВЕСЕННЕЕ

Горечь прошлого измерена,
Чарка выпита до дна. . .
И пошла вперед уверенно
Возрожденная страна.

Что нам шепоты змеиные?
К солнцу вольному легко
Крылья смелые, орлиные
Расправляйте широко!

Жизнь текла веками косными,
Но звенит весенний след,
Между сумрачными соснами
Вспыхнул синий первоцвет.

Пусть еще враждой остуженной
Нам грозит ночная мгла,
В жизни, радостью разбуженной,
Много ласки и тепла.

Веет холодом от Ладоги,
В белом саване Сибирь.
Но и там советской радуги
Зреет солнечная ширь.

В черный год для почек розовых
Сил не будем мы жалеть,
Чтоб в громовых вешних созовах
Разом всем зазеленеть.

Прочь трясина — думы дряблые,
Ржавой мысли перелет!
Расцветайте, счастья яблони,
Завивайся, жданный плод!

Весна 1919

НАШ ОТВЕТ

Черных врагов катакомба
Чертит кровавый след.
Брошена злобная бомба —
Верных товарищей нет...

Что же, тоской похоронной
Их мы оплачем судьбу?
Нет! Но сомкнутой колонной
Ринемся снова в борьбу.

К царству грядущего, стройно!
К солнцу, по мертвым телам!
Будем суровы, спокойно
Скажем бессильным врагам:

«Слушайте, черные звери,
Наш пролетарский завет:
К прошлому заперты двери,
Места в грядущем вам нет!

Мы о пощаде не просим,
Вас мы в борьбе не щадим.
Ждет вас печальная осень —
Свянуть, исчезнуть, как дым...

Ждет вашу черную силу
Мудрой истории гроб...
Мы же придавим могилу
Камнем проклятий и злоб».

1919

В ВОЛЬНОЙ ГАВАНИ

Всю жизнь мы были взрослыми,
Вся жизнь — тревога нам,
Ударим дружно веслами
По солнечным волнам.

Нужна нам сила львиная, —
Бодришь, кто изнемог!
Темнеет зыбь глубинная,
Но берег недалек!

Пускай волна голодная
Крутит песок морской —
Крепка корма народная,
И зорек рулевой... .

Мы — братья гордых плаваний,
Соперники орлам...
Дружнее к вольной гавани,
По солнечным волнам!

<1920>

БУДЕТ РАДОСТЬ

В золотокованных солнечных восходах
Рдеют розы грядущего дня...
Будет радость в прибойных заводах,
В полутемных слепых деревнях.

Распрямится горбатое поле,
Загрохочет машин перезвон,
И кровавые станут мозоли
Ярче звезд и почетней икон.

Будет внятн пророческий голос,
Беспокойного времени гром.
И задумчивый бронзовый колос
Породнится с железным станком.

<1920>

МАШИННЫЙ РАЙ

Весь овейный цветами, солнцем, воздухом росистым,
Ты мне шепчешь умиленно про былинный сонный край,
Но в ответ поет мне властно с гордым грохотом

и свистом
Мой любимый, мой железный, мой родной машинный рай:

«Лишь в моих гудящих сводах храм мечты безумно
смелой:
Всё во мне живет и дышит; тронь колдующий рычаг,
И под властною рукою загремит стальное тело,
Грудью черною, голодной песнью творчества рыча...»

Что мне древние поверья, расписные небылицы,
В непрерывном достиженьи я творю живой рассказ.
Захочу — и к солнцу смело воспарят стальные птицы,
Захочу — и ком железа засверкает, как алмаз.

Захочу — по дну морскому загремит язык железный,
Мир неведомый встревожит сетью звонких проводов.
И, по рельсовым извилам прогремев над самой бездной,
Вас ожгу палящим зноем, переброшу в царство льдов.

Не моей ли силой в башне бьют жемчужные фонтаны
И горят и блещут зори от заката до утра,
И морей седые волны взбороздили великаны,
Грудь разрезана земная до вулканного нутра.

Не на мне ль чело сияет ослепительного века,
И на нем горят три солнца — три закона естества:
Сила древняя природы, труд упорный человека
И его горящий разум, светлый разум божества.

Торжествуй, греми победно, возрожденная природа,
Славь Железного Мессию, новых дней богатыря!
В этих сумрачных ладонях — безграничная свобода,
В этих мускулах железных — человечеству заря.

<1920>

РАБОЧИЙ КЛУБ

В раскатах будничного гула
Мне отдых сладкий мил и люб.
Недаром сердце потянуло
В родной очаг — рабочий клуб.

Сегодня там огромный митинг:
Колчак разбит на Иртыше. . .
Какие песни загремите
В моей взволнованной душе? . .

О, в тихом зале, тихо рея,
Забрезжит Красный Петроград
В просторах страждущей Кореи,
В огне парижских баррикад. . .

— Кто жаждет солнечных сверканий
Сквозь гнет кровавого дождя,
За мной! . . — И гул рукоплесканий
Покроет старого вождя.

А после — шум и разговоры:
— Билеты? Есть. А кто поет?
— Антанту ждут переговоры. . .
— Эх, увеличить бы паек!

— Борьба и творчество — наш лозунг!
— Ты прав, да, трудно воевать.
Но, не изранив рук, и розу
В саду весеннем не сорвать. . .

— Семейство здесь? Давно в деревню
Отправил, горе с лишним ртом. . . —
Беседа музыки напевней
Вокруг рокочет, а потом. . .

К буфету двинется, качая
Меня, толпа, чтоб в свой черед
Добыть стакан несладкий чая
И скромный, скромный бутерброд.

Но грянет музыка, и дальний
Утихнет гул в живой волне. . .
А я в задумчивой читальне
Один останусь в тишине,

Чтоб у забытого мольберта,
Достав заветную тетрадь,
Под гул далекого концерта
Стихи для «Правды» набросать.

<1920>

В БОРЬБЕ

О, полюби сквозь гул тревожный
Борьбы торжественные дни!
В сомненьи злом и в скорби ложной
Живой души не схорони!

Пойми, сквозь облачность раската
Наш подвиг ясен, труд высок.
С бывшего поля жатва снята,
Из почвы прежней выпит сок.

В преобразующих дерзаннях
Так много счастья и любви.
В горниле светлого страданья
И ты свой разум обнови. . .

. . . . .

Не верь обманчивой надежде,
Слепой враждой не порти кровь!
Всё, что прошло, дышало прежде,
Теперь не возвратится вновь.

Люби любить иное поле,
Растить иные семена,

Чтоб новой жизни светлой воле
Твоя душа была верна.

Но если в радостях зачатъя
Угасший дух не возродить,
Сумей без злобы и проклятья
Наш мир живой благословить!

<1920>

СВИДАНИЕ

Всё горячей и сокровенней
Свиданья солнечная цель,
А дождик ласковый, весенний
Кропит походную шинель.

В домах отворенные окна,
Толпится весело народ,
А радость светлые волокна
Мне в сердце ткёт: она придет...

О, неужель в размолвке странной
Мы разойдемся, как враги?..
Звучат, звучат во мгле туманной
Ее знакомые шаги.

По лужам дождь запрыгал шибко,
Качнулись тополей листы.
Как светлый луч твоя улыбка.
В руках прощальные цветы.

Как хорошо родимым взглядом
Рассеять сумрак впереди...
А утром боевым отрядом
Шагать с надеждою в груди

И на полях грозы военной,
За волю проливая кровь,
Хранить в душе как дар бесценный
Твою улыбку и любовь.

<1920>

Вы новых истин не расскажете,
 Пророки дряхлого «вчера»,
 И не для вас созрели пажити,
 Заветная пришла пора.
 Где б в руки взять серпы звенящие
 И выйти дружно на заре, —
 Вы в этот миг, как псы смердящие,
 На заднем воеете дворе.
 В живое творчество не верите,
 Боренье сил погребено,
 Но вы коварно лицемерите:
 «Мы с вами вместе, мы — одно»...
 О, если б так — отбросив жалобы,
 Вражды отравленную ложь, —
 В снопах тяжелых зашуршала бы
 И вами срезанная рожь.
 Перетерпев душою любящей
 Все муки крестного пути,
 Русь вышла к воле в ветхом рубище,
 Чтоб вечный рай свой обрести...
 А вы смеетесь над заплатами,
 Над пламенем кровавых ран
 И пред громовыми раскатами
 В позорный прячетесь бурьян.
 А ведь и вас манил алмазами
 Наш путь лучистый, путь борьбы —
 Не быть глухими и безглазыми,
 Спрямить души своей горбы.
 Но, обойденные природою,
 Вам не понять иных времен,
 И не пленительной свободою
 Ваш гордый разум возмущен.
 Свобода любит кровью спянных
 И доблесть творческой руки,
 В рабочих сумрачных окраинах
 Она нашла свои полки.
 Свобода любит знамя алое,
 Чья грудь отвагою тверда,
 Кто поднял солнце небывалое
 Над миром скорби и труда.

А вы, как совы, безотрадными
Встречаете звенящий день
И ловите руками жадными
Раздробленного рабства тень...

<1921>

РЕВОЛЮЦИЯ

1

Тебе б гигантским, тяжким ломом
Дробить унылой жизни льды
И поднимать мятежным громом
Суровых пахарей труды.

Тебе б дождей веселых бусы
Рассыпать на землю, любя...
Но робкие душою трусы
Позорно предали тебя.

Идя с опущенным забралом,
В борьбе кружась, как муравьи,
Они пред гордым капиталом
Склоняли головы свои.

И лживым, сумрачным покровом
Тебя сковали на заре,
Но ты рванулася, и снова
Весной запахло в Октябре.

2

Не ты ль на злобные утесы
Взметнула гневные полки?!
Как волны, движутся матросы,
И мечут гром броневики.

Дрожит земля победным гимном,
«Аврора» гордый шлет снаряд —
И падает надменный Зимний
К ногам рабочих и солдат.

А ты в лицо стальным декретом
Бросаешь весело врагам:
— Я вновь жива, вся власть Советам,
Вся власть мозолистым рукам.

Да будет дух твой вечно молод,
Как в море пенистый прибой, —
А в стяге красном над тобой
Горят, как солнце, серп и молот.

<1921>

РОЗЫ ТРУДА

Еще борьбы не стихли грозы,
И ветер снасти жизни рвет.
Но радость алой, алой розой
В сердечной глубине цветет.

Мы розы огненные срежем
И, к творчеству любовь тая,
Их бросим, бросим на железо
Пылающего бытия.

Взойдут, взойдут сквозь сумрак дальний
Взлелеянные солнцем дни.
Животворящей наковальной,
О новый мир, звени, звени. . .

Неисчислимые потери
Несут нам грозные года,
Но мы безумно верим, верим
В победу алых роз труда.

<1921>

* * *

Эти мощные, грубые глыбы
Мы ворочаем гордым векам,
Там миллионы творцов могли бы
Дать волю искусным рукам.

Нам же первым киркой и лопатой
И стучать и ворочать вновь.
О, какую безмерною платой
Оправдается наша кровь!

<1921>

КРОНШТАДТ

Кровью доблестных — вечной святыней —
Вновь разрушен предательский ад.
И опять пролетарской твердыней
Станет мученик — красный Кронштадт.

Грудь залечится вольного флота,
Будет витязю страх незнаком,
И запрутся морские ворота
Еще крепче надежным замком.

Вам же, воронам черным, проклятье,
Предрекавшим нам гибель в бою.
Будет миг, осветленные братья
Вспомнят с грустью ошибку свою —

Как враги им шептали: «Терпите,
Не свобода — вам саван готов...»
И лукаво на сумрачный Питер
Наводили орудья фортов.

Но, как воин, нахмуренной бровью
Он повел — и не выдержал враг.
Только ярче окрасился кровью
Мировой революции стяг.

И стоит он, как прежде, готовый
Встретить грудью вражду и напасть.
Видно, крепче твердыни суровой
Трудовая Советская власть.

1921.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

■ МОСКОВСКИЙ ■
ПРОЛЕТКУЛЬТ

* * *

Октябрьский ветер стонет глухо
Над перекрестками дорог,
Бредет ворчливою старухой,
Усталым шагом дряхлых ног.

Рукой морщинистою шарит
В шершавой заросли кустов
И в околдованном угаре
Рвет с воем телефонный столб...

Раскачивает ставень сбитый,
И с хохотом стучит в окно,
И с дикой злобой гложет плиты
В ночь настороженной Страстной.

И суетливо шепчет в уши
Красногвардейцу на углу:
— Товарищ!.. Слушай, чутко слушай
Вокруг глухую, злую мглу...

1919

Т Р И Б У Н

Посвящено Н. Ленину

От Желябова. От Степана Халтурина
Ты пришел к нам в дымные окраины,
Ты пришел к нам в избы курные
С новой Истиной, с раскрытой тайной...

Позабыв о молитвах и книгах Будды,
Магомета, Христа и прочих,
Вслушиваются страны в коммунистические
гуды
Восставшей Европы рабочей...

Это ты разбудил, Трибун,
Наших душ сокровенные струны...
    Это ты, Трибун,
    Неумолчно звал
    На борьбу
    За Интернационал.

Боль и рана груди твоей —
Боль и рана наших грудей...
Но, товарищ, даль светлеет...
Верь: Грядущее Настоящим будет...

Скоро сбросит Мир мозолистой рукою
С плеч последний королевский герб...
Солнцем вспыхнет над Старою Землею
Коммунистический Молот и Серп...

Это ты разбудил, Трибун,
Наших душ сокровенные струны.
    Это ты, Трибун,
    Неумолчно звал
    На борьбу
    За Интернационал...

<1920>

НА ФРОНТ

Полно сомненьями печалить!..
Вспыхнувшим сердцем в борьбе не лгу:
Нам ли кричать о причале
К мертвому возвратному берегу?

У сердца — звезда пятигранная,
Ноги в рыжеющих гетрах...
Не о нас ли буйными ураганами
Пропели северные ветры?..

Знамя!.. Над боевой дорогой
Красной вестью вейся!
Мать!.. Не тумань тревогой
Сердце красноармейца!

Знаем: пыткам и ранам
Борьба не ведет счет...
Бейте сбор в бой, барабаны!..
На... пле-чо!..

1920

III ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Пусть взвизгивают на рубежах пули —
Сбрасывайте хмурых дум груз!..
Сегодня покроем Будни улиц
Лазурью праздничных блуз...
Земля! Не довольно ли стонала
Грудью загрубелой в оковах?
Молотом Интернационала
Бей в рабскую седину веков!
Сжигай вулканами восстаний
Гниль, Страх, Лень, Сось...
На полдороге не встанет, не встанет
Революций огненное колесо!..
А вы, мечтающие о Христе,
Разбивающие у икон лбы,
Разве не видите: это он на кресте
Борьбы...
Слышите: трубами бурь кличет
Над голодом и болью воспаленных ран:
— Взрывайте троны Их Величеств,
Пролетарии всех стран!..
Разрушим Старое и на его костях
Мозолистым Октябрем
Мирового Совдепа стяг
Взметнем!..

1920

СДВИГ

Сдвиг просветленный славя,
Душа не приемлет покоя.

В. Александровский

Это мы, это мы вскинем
Сегодня Грядущему мост! . .
Солнце в бездонности синей —
Наш пылающий мозг. . .

К нам, к станкам, аппаратам! . .
Партия мозолистых рук,
Слышишь: верным братом
Отзывается Запад и Юг.

Там, где под бег олений
Северные огни цветут,
О Коммуне, о Марксе, о Ленине
Заговорил якут.

И китаец к плечам Урала
Взором раскосым приник:
Интернационала
Поступь завидел старик.

В Америке, Англии, Франции,
В мире звучит о труде
Аппаратами радиостанций
Марсельеза наших сердец.

Бросим зовы в ток Эдиссона:
И Австралии в огне гореть,
Африка знойно-сонная
Впишет в знамена «Со-Ре». . .

«Сдвиг просветленный славя»,
Старое рушь и жги!
Всё низвергающей лавой
В мире наши шаги.

1920

ЗАВОД

1

Полгода, скованный покоем
И холодом бетонных стен,
Молчал с глубокою тоскою
Над ржавчиной железных тел.

В тумане дней тревожных брошен,
Застыл, подслушивая, как
Октябрь промокшею подошвой
Волочился на площадях.

И дни брели глухой походкой
По настороженной земле.
Манометр цепенел над топкой
На холодеющем нуле.

Лишь тишь машин, заводской глушью
Прохаживаясь не спеша,
Будили стуком колотушек
Полуночные сторожа.

Зимой же вьюга, снежным комом
В забитые ходы стуча,
Рвала приказы Военкома
С морщинистого кирпича.

Стоял суровый, многодумный,
Покорный году, нем и глух. . .
Всё чаще над станком бесшумным
Стальные сети вил паук. . .

2

И вот однажды, в день весенний,
Запоры сбросила рука,
И, с свистом взвит, приводы вспенил
Победный бег маховика.

Полгода голодом и мором
Был обессилен, мертв... и вдруг —
Гудят моторы за мотором
Под взмахами сердец и рук.

Вновь огненные рельсы режут
Зубами пил и там и тут;
И там и тут, под крик и скрежет,
В поту, в чаду, куют-куют.

Чугунные дрожат стропилы:
Был с каждым взмахом крепче взмах;
И о победе пели пилы,
И над вагранками меха
Поддакивали впопыхах.

Вновь полон неумным звоном,
Над знойным гулом площадей
И над вздыхающим бетоном
Был улыбающийся День.

Раскованный рукою жаркой,
Завод, сжигая немощь лет,
Встал торжествующий и яркий
Весенним солнцем на земле...

1920

ОСЕННИЙ ЗВОН

Над рощей, над глухой слободкой,
Над проседью предзимних дней —
Осенний звон, сухой и четкий,
Всё торопливей и шумней.

Где у проселка куст рябины.
Горит покинутым костром,
Звенит червонный лист осины
Дорожным долгим бубенцом.

Где опаленной головою
Поникли низко тростники,
Звенит кочующей листвою
Серебряная рябь реки.

Под перекличкой журавлиной,
Под свист синиц, со всех сторон
Звенит осенний, переливный
Хрустальный, стройный перезвон...

Когда неярко и убого
Туманы озарит заря,
Оледенелою дорогой
Проскачут кони Ноября.

На облучке — старуха Осень,
Широкий путь — во все концы,
В дуге — сияющая просинь,
А под дугою — бубенцы...

И мнится мне, в машинном звоне
И в снежном шелесте ремней —
Всё те же кованые кони,
Всё тот же звон осенних дней.

1920

ПЕТРОГРАД

1

Всё тот же, призрачно-туманный
И величавый Петроград,
Гранитной поступью с утра
Стремительный и неустанный.

Шурша лощеною панелью,
Всё так же Невский суетлив,
Цилиндр и смокинг заменив
Рабочей кепкой и шинелью.

С надменным взором властелина,
Мечтающая на пути
Со скипетром Петра пройти,
Над площадью — Екатерина.

Туманя золотые латы,
Над Шлиссельбургом и Невой
С незазвучавшею трубой
Всё тот же серафим крылатый.

И, тучи пенистую накипь
Чертя линияющим крестом,
Застыл над бронзовым Петром
Грузноколонный Исаакий.

И, ветром без конца влекомый
И ветром вьющийся в лучах,
Республиканский реет стяг
Над Петроградским исполкомом.

2

Всё тот же, с той же былью Город...
Но в поступи его шагов,
В взволнованном значеньи слов,
И в этих воспаленных взорах,

И в этих почернелых лицах,
И в ранней мудрости детей —
Проникновенней и светлей
Иная жизнь и мысль лучится;

Жизнь, где в единстве жизней сладость,
Где солнечные города,
Где в достижении труда
Есть безболезненная радость.

Иная жизнь — сквозь боль отравы,
В угарном зареве огней,
Над голодом и скорбью дней,
Над беззаборною заставой...

И нет мучительнее боли —
Читать о трауре потерь,
О Феврале и Октябре
На лентах Марсового поля.

И гордости нет величавей,
Когда, откинув сеть оград,
Толпокипящий Петроград
Пылающей подобен лаве.

Когда, рукою заскорузлой
Диктуя огненный Декрет,
Над ветошью державных лет
Он — Властелином синеблузым,

Готовый первым взбросить лозунг
И первым первой жертвой пасть
В жутко зияющую пасть
Смертельно-роковой угрозы.

И эту гордость силы слитной
Он в каждом камне затаил,
И в шелесте знаменных крыл,
И в поступи шагов гранитных.

1920

ОКТАБРЬ

Это ты, синеблузый, миллионоголовый! . .
От стен седеющего Кремля
Под грузной поступью тяжелой
Закачалась земля. . .

И, забыв о молитвах и книгах Будды,
Магомета, Христа и прочих,
Вслушиваются страны в ураганные гуды
России рабочей.

И рыщет по дорогам Европы,
Не смыкая в огне воспаленных век,
Голодный миллиардоротый Ропот,
И бьется в городах громоголосый Мятеж. . .

Знаю: задыхается сердце Венгрии стоном,
Знаю: когтистой окровавленной лапой
Смят, сдавлен порыв Неаполя, —
Но вздрогнул трон золотого Дракона!

Но всюду, в судорожно извивающихся пожарах,
В дыму Нью-Йорка, Токио, Парижа,
На лондонских туманных тротуарах,
На древнеримской мостовой —
Октябрь, взор пламенеет твой! . .
И мускулы и блуза к блузе ближе. . .

1920

* * *

Дредноут тих вдали на рейде мгlistом,
И горизонт за рейдом мертв.
Недвижн на корабельной пристани
Прогуливающийся Петр.

Стой и молчи. И слушай, как на страже
У берегов зари иной
Перекликаются форты. И страшен
Норд-ост над черною страной.

Но радостней рассвет ночей суровых.
И только Петр, *смятенья полн*,
Угрюмо хмурит бронзовые брови
На беспокойный митинг волн.

1920, *Кронштадт*

ИЗ ПОЭМЫ «РОССИЯ»

Х

В язвах, в тифу, в холере —
Тысяча сотый день. . .
Но чем же, чем измерить
Пройденных высот ступень?! .

Мускулы голод гложет,
Сердце на знойном костре...
Но первым камнем заложено
Грядущее в Октябре...

Сравнивайте и мостите
Пропасти наций и рас!
Евангелие старых истин
Срывайте с прозревших глаз!..

Сердце кричать не устанет,
Ураганами не задушить
Ползающий крик восстаний
И взлет окрыленной души.

Сердцем Интернационала — Кремль,
Красным исходом — Москва.
Как в море, в мире не дремлет
России Девятый Вал...

Октябрь 1920 — август 1921

ИЗ СТИХОВ О ГОЛОДЕ

*Памяти отца, матери и сына
Вадима, от московского голода
умерших в 1918—1919 гг.*

1918

Трава как плесень в мостовую улиц.
С утра, с дрожащими ладонями,
С изглоданным цингою ртом,
Поступью жуткой разгуливая,
Проходит Голод городом.

А вокруг — двери с петель сорваны,
В черных язвах окон — копошащейся вошью
тиф.

Над городом дни как зловещие вороны
Над умирающим в пути.

В небе схваткой костенеющей
Над заводским ржавым корпусом кран —
Как вцепившиеся в тучу клещи,
Чтоб солнце выдрать крайнам.

По ветру с утра рукой митингующего
Бьется со стен полусодранный плакат.
Кто-то на углу брызжет яростью в Грядущее.
Кто? .. Любимая? друг? брат? ..

Кто-то безумный, кому-то мстящий,
С хохотом и злом
Солнце в лужище искрящееся
Затаптывает сапогом.

И слышу сквозь крик базарный и грубый —
За стеной, беспечны, как ручей и весна,
По складам читающие губы
Разучивают «Интернационал».

И вечером, за разобранным забором,
За худым окном, не так страшна
С голодом и городом
Шамкающая тревогой тишина. . .

1921

ИЗ ЦИКЛА «ГОЛОД»

1

Не от скорби ли жгучей и долгой,
Как протянутая к подаяню рука,
Помутнела и высохла Волга
В пожелтелых запалых берегах?

Знойных дней неподвижность пустыни,
Тусклый блеск неподвижной струи. . .
Точно с плеч котомками пустыни
Виснут баржи с пристаней своих.

Знать, недаром, когда самогонкой
Задышалась песнь рыбака,
Точно мать над родным несмышленком,
Убивалась над краем река.

Знать, недаром глухою тревогой
В астраханских ржавых камышах
Всё шептала о голоде Волга,
Лохмотьями волн шурша...

Июль 1921

КОШМАР

Необозримые просторы.
Необозримая печаль...
Дико блуждающие взоры,
Лохмотья хмурые с плеча.

И черны, четки и зловещи
Обглоданные ребра крыш.
С ножом и петлей каждый вечер
Ждет притаившаяся тишь.

Беспомощен и безответен
Голодный хрип, смертельный крик.
Сойдутся к изголовью дети,
И будет взор их так же дик.

Недвижна мысль... забыто слово...
Что завещать им? Что сказать?..
Заглянут глухо и сурово
В оледенелые глаза...

Изба могилой на погосте.
И жутки избяные сны:
В постели мерзлой чьи-то кости,
И пес, и мутный луч луны.

1921

* * *

И вот — покой, и в берег опустелый —
Ни гнева волн, ни звона волн.
И над рекою день заиндевелый,
День медленный — как тот тяжелый вол.

Еще вчера лучами и лазурью
Волна звучала над веслом
И, взор взволнованный нахмуря, в бурю
Ломала молний пламенный излом.

Еще вчера тревожный, буйный, пенный,
Толпою волн кричал поток —
И вот затих, как под ножом измены
Из-за угла застигнутый врасплох.

И скачет, каркая, по льду с добычей
Ворона сытая, скользя,
И в синий лед зловещим клювом тычет,
Как в бледные сомкнутые глаза...

И ты пройдешь своей дорогой мгливой,
Окутав сердце в тряпье забот,
И не расслышишь за тишью льдистой
Движенье вечное весенних вод.

Ноябрь 1921

ОКТАБРЬ

1917 — 1921

Четырехлетье голода и пыток,
Под улюлюканье, и свист, и вой...
Лохмотьями и язвами покрытый,
Октябрь с винтовкой и киркой.

Горланьте дни, кричите будни шалым
Базаром пошлости и лжи!
Как змеи, вейтесь и острите жало
На солнечные рубежи, —

Рожденное в огне не тлеет слово...
Несметны мы! Мы вечны, как огонь!

Мы, выкорчевывая пни бывшего,
Громовым трактором взрываем сонь...

И каркайте, и каркайте над нами, —
Не потускнеет в смутные года
Пропитанное потом знамя
Труда!

1921

ТКАЧИХА

С утра, румяная спресонок,
Весна-ткачиха у села:
Малиновыми перезвонами
Звенит лучистая игла.

И бор над сброшенной сермягой,
И степь за лентою речной —
Зазеленели тканью яркой
Под жаркую ее ручкой.

Прошла с громовыми раскатами
И, рассмеявшись ручейком,
Светло-голубеньким цветком
Осыпала овраг лохматый.

А в полосатый ситец поля,
На бурую кайму межи
Вплела узором колокольчики
И васильки в полосу ржи.

И к нам во двор: под хрип мотора,
В углу, где рос чертополох,
Гниль мусора и копоть города
Вдруг одуванчиком прожгло.

Потом ушла, такая тихая...
Лишь прошуршала пыль дорог,
Да ниже пала повилика
Под зноем загорелых ног...

1921

ШАХТЕР

Полдня, без солнечных улыбок,
С настойчивостью крота,
Сжат, сдавлен черной лапой глыбы,
Дроблю глухую грудь пласта.

Лишь смятое воспоминанье
Еще со мной, во тьме, во мне:
О русом солнце, о журчаньи
Ручья с лучами, о весне.

Окончен день. Сигналы к смене...
Подъем недолог... Стоп! И вот —
Как добрый пес, к больным коленям,
Ворча, вечерний ветер льнет.

Идем дорогой почернелой.
Истома отдыха сладка.
Речь коротка. Отяжелела
В плече железная кирка.

Усталостью туманны мысли.
Туманами задымлен взгляд,
И на закатном коромысле
В огне повисшая бадья.

Туман в лугах, у черных гор,
Овечьим стадом пал на пахоту,
Где Вечер, сумрачный шахтер,
Идет в полуночную шахту.

Эй, Вечер! Лунною киркой
Рой и дробь руду потемок,
Чтоб, взорванный к утру зарей,
Был Полдень солнечен и емок...

1921

В ТЕАТРЕ

Так прост убор: флажки и пролетарский
По ситцу выписанный клич,
Заговорить готовый Луначарский
И улыбающийся Ильич.

О галунах лакейских в блеске знатном,
О пьянстве бар, о бирже цен —
Молчат невысохшие пятна
Недавно выкрашенных стен.

Звонок... Взволнованного ожиданья
И суетня, и разговор.
И нетерпение таит дыханье
И в занавес вонзает взор.

И вот идет тупым, голодным шагом
В двух актах жизнь: лохмотья... крест...
А там — взор вспыхнувший... протест...
А там — казаки... сходки по оврагам
И — с красным над толпою шест.

Глаза горят вокруг в полупотемках,
И мускулы напряжены.
Вдруг — вздох и всплеск тысячекрылый, громкий
Пред занавесом расписным.

Конец... А завтра — будни и завод;
Нашепчет день сомненье и тревогу.
Пусть шепчет!.. Знаю: сердце не отцветет,
Не позабыв пройденную дорогу...

1921

МОСКВА

Пожаром, мором, голодом томима,
В застенках взвита на дыбы,
Так далека и так неизгладима
Кнутом иссеченная Быль.

От Калиты, от Грозного Ивана
Как приговор — терпи, молчи.
Была заря закована в туманах,
И где-то за морем ключи. . .

Как в летописи темной и суровой,
Здесь в каждом камне — стон и вихрь
Сквозь задыхающийся, тяжелый
Вопль сдавленных мостовых.

Когда, грозя над мшистыми зубцами
Красноармейским шишаком,
Встает рассвет, нам кажется, над нами
Кремль с бунтующим стрельцом.

Над Лобным утренние туманы —
Не толпы ль бледные на заре?
Не кровь ли Стеньки и Емельяна
Та ржавчина в дикаре?

За годом год и боли, и позора.
Смяв смутные твои бунты,
Сияли золотом соборы,
Чернели виселицы и кресты.

Подслушай Пресни и Замоскворечья
Бред в полузабытьи ночном —
И Пятый год с нагайкой и картечью
Кровавым встанет палачом.

Сочилось небо жуткой рваной раной .
Над обессиленной Москвой;
Как призраки, дома во мгле туманной.
Толпились улицей пустой.

Но боль покорности, и пытки ужас,
И горечь сердца заостря,
Вдруг тусклых дум зальдиневшие лужи
Разбила поступь Октября.

Был потревожен пьяный крик Арбата,
Покой дворянской Поварской,

Звон акций над Лубянкою горбатой
И триумфальный шаг Тверской.

Так, ломом сбросив барство с пьедестала,
В безумной задыхаясь мгле,
Усталая, Интернационала
Мысль буйную внесла земле;

Внесла, и вновь над сердцем с петлей мертвой
Под улюлюканье и свист
Все призраки ночей сошлись, но взор твой,
Москва, всё так же горд и чист!..

1921

* * *

Так пыльны, будничны, обычные дни.
Часы ли шамкают в углу старухой?
Иль в паутине будней жизнь звенит
Запутавшейся глупой мухой?

И взор тупел в лохмотьях плесени... И вдруг,
Когда последнее воспоминанье пало,
В толпе, под грузом тусклых мук —
Вдруг сердце вновь затрепетало.

Платочек синенький — лазурь весны;
И встречи у ворот и смех ручьиный...
Не юность ли от вьюжных и ледяных
Дней лебедем прощальным мчится?..

О зорька, не твое ли золото волос?
Не твой ли зарумянившийся шепот?..
Затрепетало сердце, зацвело
Сквозь будничную пыль и копоть.

Так солнце в ноябре разгонит облака,
К полям падет полуденным поклоном,
И, ранний лед взломав, осенняя река
Вдруг прозвенит весенним звоном...

1921

ПРОЛЕТАРСКИЕ ПОЭТЫ

Полно говорить о соловьях, о луне
По транспаранту Надсона и Фета,
Когда корчится в роковом огне
В муках земная планета. . .

И вот пришли — не в покорном трауре,
На площади боль прошлого расплескав,
Буйные, в дыму и зареве —
Синеблузные поэты от станка.

В ритме — крик баррикад, строфа —
Знойных лозунгов выстрел,
Верных, как аппарат фотографа,
Как радио — стремительно-быстрых.

Слышите ль в громовом прибое строк
Разрушающее и созидающее «Мы»? . .
Это слитность сил, как млечный звездный поток
По черному асфальту тьмы.

С грудью и взором загрубелым,
Славьте Мускул и Солнце в граните!
Сонью обросшее тело
Жгите пылающим словом! . . Жгите! . .

Слава — в творчестве быть юным,
Радуюсь зорям, горну, поступи площадей,
И пасть пророком, творцом и трибуном
Под шелест знаменных лучей. . .

<1922>

СИНЕБЛУЗНИКИ

Прошрое! . . Греми гранитом Парижа,
Лондона, Нью-Йорка, Токио!
Золотись, серебрись на биржах,
Кади у богов и киот!

Не услышишь стон отчаяния! . .
Знаю — листопадом жутким

Вьются по бульварам и окраинам
Безработные и проститутки.

Знаю — в полях одичалых
В те же борозды, что сам вспахал,
Последним тяжелым зерном усталый
Пахарь, шатаясь, пал.

Жизнь — ленивая кляча,
Жизнь не взвихренный верный конь.
Но настойчивей поступь, и ярче
Беспокойный во взорах огонь.

Через тюрьмы, будни и бездны,
Растоптав и боль, и мглу,
Сегодня мой крик железный
Всем, кто не слеп и не глух;

Чье сердце еще не завязло
В лохмотьях, в чаду и в плесени;
Всем, кто в мозолях и в язвах:
— На площадь восстаний и песен! . .

И, забыв о молитвах и книгах Будды,
Магомета, Христа и прочих,
Вслушиваются страны в ураганные гуды,
В песни и корчи.

И рыщет по дорогам Европы,
Не смыкая в огне воспаленных вежд,
Миллиардоротый Ропот,
Громоголосый Мятеж.

Эй! Поденщики мировых плантаций,
Фабрик, полей, каменоломен,
Синеблузники всех рас и наций:
Прочь бессилье соломенное!

Сегодня Земля, *вся* Земля, рабочие,
Розовея в улицах и зорях,
Сбрасывая черную блузу ночи,
Нашим песням звенит и вторит . .

Знаю — шаг наш мучителен и страшен,
Шатающийся с голодовки;
Но задымленный взор на страже,
А сердце — заряд винтовки...

1922

ЛЮБОВЬ

Встретились. Шуршала травами
Ткань в станке сквозь гул и мглу.
Незабудками лукавыми
Цвел электромотор в углу.

К рычагу склоненная, усталая,
Вздогнула запыленная бровь.
Видели: в чаду затрепетала
Светлым голубем любовь.

Утром радостные вместе шли мы
От полуночных ворот.
Ласково кивал кудрями рыжими
На заре вздыхающий завод.

Только — каждый взор встречной насмешкою,
Каждый шепот — плетью вслед:
«Глупый! Над мгновеньями не мешкай!
На земле любви и счастья нет...»

Но взревели гневом камни города,
Горечью позора и обид;
За толпой настойчивой и гордой
Стих завод, покинут и забит.

Были дни: от холода и голода
Трепетные прятали слова.
Был за каждым уходящим годом
След дымящийся кровав.

Ржавчиной сочилась по окраинам
Скорбь заводская, и тлела новь.
В схватках счет теряли дням и ранам,
Берегли — винтовку и любовь.

И, усталостью охвачен и любовью,
Тело истомленное ласкал:
Видел ту же боль в глазах земную, кровью
Рта зияющий оскал.

И когда родился сын и кротко
Миру посмотрел в глаза,
Знали мы — тяжелою походкою
И над ним прошла гроза.

Но зачатое во чреве тягостных
И кровавых, и священных лет
Безболезненную любовь и радость
Встретит на раскованной земле.

1922

ДНИ

Горланьте, дни, кричите, будни, шалым
Базаром пошлости и лжи,
Как змеи, вейтесь и вонзайте жало,
Выковывайте, как враги, ножи!

Рожденное в огне, бессмертно Слово.
Несметны Мы! Мы вечны, как огонь!
Тысячелетний груз, тяжелый и суровый,
Познало это сердце и ладонь.

Над вами — тьма ночей. Над жизнью нашей,
Как это солнце, Творчество цветет.
Так листья дерева мертвеют каждый год,
Но каждый год оно сильнее и краше. . .

<1923>

ПРОПЕЛЛЕРА ПЕСНЬ

Пели пропеллеры о далях иных;
Рей и взрывавай,
Рокотун,
Широту.

Зори иные нам суждены,
Крылья недаром
Дали кроту.

Мускулы —
На рычаг руля.
Город гудками
За нами
В простор.
Темной толпою склонились поля,
Вспыхнули гордо глаза озер.

Старое —
Клячей вслед.
Старое — смято, в пыль, в быль.
Красноармейской звезды свет
Сегодня
В покоях голубых.

Вестником грозным Труда и Борьбы
Над городами
Взлет-ураган:
— Эй, пролетарии всех стран,
Жгите жизни рабыи гробы...

В мертвую петлю скрутить
Разгул
Бирж и царей —
И в солнечные пути
К иной заре...

Нашему взлету — нет границ,
Рой и взрывай,
Рокотун,
Широту.
Крылья стальных непокорных птиц
Дали недаром прозревшему кроту.

<1923>

УТРО

В тысячелетние дали
Тысячелетних дорог
Брызнул поющей сталью
Горн — раскаленный восток.

То же солнце и та же
Синь на плечах земли;
Так же закатом ляжет
День в крови и пыли.

Перед зарей понурой
Прошелестит туман,
Будто звериные шкуры
С плеч загорелых и ран.

Мнится — в лохмотьях туманных
Жизни иной в упор
Вспыхивает неустанный,
Гордый, пыливый взор.

Предок, далекий предок,
Кочевник пещер и пустынь!
Через века — победой
Крик мой в усталую синь!

Мускулы славят утро.
Радуюсь, солнцем звеня,
Плоти твоей мудрой,
Первой искре огня!

В камне, в былинке каждой
Кровь и твоей зари.
Слава звериной жажде
Жить, любить и творить!

1923

РЕЙС

В. Кириллову

Вновь затерян лебедем прибрежным
Парус рыбака вдали,
И безумней любим мы и нежим
Пыльные берега земли.

Чайка вслед земною болью стонет;
Грусти издали дымок.
Вновь на мускулистые ладони
Груз иных, неведанных дорог.

Тишь — и сумеречным приливом вечер,
Волн мерцанье, трепетный закат.
Вихрь — и в шторм шагающий навстречу
Через бездны призрак баррикад.

Вихрь — и в гул под паруса и реи
И любовь земную и покой.
Что ж, что в криках и в крови звереет
Сердце над житейскою волной.

Суждено нам в пристани столетий
Кладь суровую перенести,
Всем дорогам, всем векам ответить
Крепким и коротким: «ЕСТЬ!»

1923

РАЗВЕДЧИК

Из поэмы «Явь»

1

Четыре атаки в ночь любовых.
Батальон в бреду.
Батальон изнемог.
Хмур командир: кровь с головы,
Труп политрука у ног.

Сблон
В бога, в гроб, в маяту
Красноармейский мат.
«Пятой атакой быть на форту, —
Выронил по окопу комбат. —

Разведке — дорогу бором... в обход...»
Ни отклика.
И когда глушь
Стала вязче, мучительней болот,
Кошкой тень за окоп и мглу...

Болотные тропы — темней судьбы.
В бору —
Не звериный рык:
У каждой болотной лесной тропы —
Взор,
Слух,
Штык.

Не кружит риск,
Не карежит страх
Кошачий шаг,
Когда —
Позади в тифу, в корчах, в ночах
Голодающие города.

Шарил прожектор бледной рукой:
Высота — пуста, и простор — пуст.
Мешкал мгновенье:
Тайной тропой
Будто полз из бора болотом куст...

2

Бродил вдалеке,
Клубил дымком
В серой шинели рассвет.
Тревожно вытягивались над фортом
Жирафы шеи ракет.

Болотные тропы — судьбы темней.
Батальон!
Разведчику верь!..
В черные головы кочек и пней —
Ни птица, ни гад, ни зверь.

И когда расступилась тропа и мгла
И такой желанной мелькнула жизнь, —
С плеч — не отрепья,
А вихрь крыла —
На оскаленные блиндажи. . .

Трепало знамя над фортом огоньком;
И качало болото на зыбкой груди
Полбатальона перед фортом
И разведчика
Впереди.

Каждому день заглянул в муть
Опрокинутых глаз;
Над разведчиком — стих:
Весенняя синь,
Девичья грудь
И с девичьих губ — бескрылый крик. . .

1924

ДУБ

Из цикла «Марьина роща»

Как не помнить! Он темным кряжем
В наш ребячий заглядывал сон.
Верно, был он первым на страже
У разбойницы Марьи в притон

Отгремели дубы и разбои.
Плетью рельс — вокзалы, хрипя.
Только он синеву запоем
Пил и пил, облака торопя.

Над легендами и заставой
Одинокие вечера.

В понедельник пьяной оравой
Пели песни под ним мастера.

Жизнь — копейкой затертой и черной,
И под песнь, засыпая в пыли,
Те корявые голые корни
И ласкали, и берегли.

По утрам — над лачугами зори,
На вершине — игра соколят.
Билось сердце, как пес на запоре,
И мерцали глаза у ребят.

Подойдет ли черной и шаткой,
Злой походкой в полдень гроза, —
Нахлобучит он темную шапку,
Негодую в кошачьи глаза...

Два столетия он калечил
И ломал крыло у бурь;
И однажды, в закатный вечер,
Задрожали зеленые плечи, —
Старый сокол взлетел в лазурь.

Тяжко старому под ударом
В ноги пыльные трупом пасть:
Может быть, человеку даром
Дан топор и над жизнью власть? ..

Рухнул. Глупым щенком ветер
Осторожно обнюхал листву.
Ветви вытянув, на рассвете
Он лежал недвижим во рву.

Знал ли он, что кирпичным кряжем
Ляжет фабрика в наши сны,
Встав, как дуб легендарный, на страже
Подвигов и веков иных! ..

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Знамен кровавых колыханье
На бледно-синих небесах,
Их слов серебряных блистанье
В холодных и косых лучах.

Рядов сплоченных шаг размерный,
И строгость бледно-серых лиц,
И в высоте неимоверной
Гудение железных птиц.

Не торжество, не ликованье,
Не смехом брызжущий восторг —
Во всем холодное сознание,
Железный, непреложный долг.

7 ноября 1918

ИЗ ГЕРМАНИИ

Бегут, ни с кем не говоря.
Видать: в Москве бывали прежде.
И резкий ветер ноября
Их хлещет по чужой одежде;

На лицах черных и худых
Глаз диких белое блужданье,
Кричит, сверкает голод в них,
И тускло теплится сознание.

Бегут, ни с кем не говоря,
В солому, в дымные закуты...
И хлесткий ветер ноября
Не свалит их и не закрутит...

1919

* * *

Горят все в золоте ручьи,
Бегут, гремят, звенят весною,
На кочках черные грачи
Кричат, ругаются с водою.

Уж в глубине дворов везде
Снег почернел, ослаб и тает;
Мальчишки, по пояс в воде,
Галдят, грачам не уступая;

Всё льет, и хлещет, и горит
Неизъяснимыми огнями,
И всё поет, всё говорит,
Всё полно голубыми днями.

Весна, вся в ярко-голубом,
На тонком на девичьем стане,
За оглушительным станком
Ткет ослепительные ткани.

Ой, как играют, как снуют
Повсюду золотые нити,
Как хочется на вольный труд,
На солнце из подвала выйти.

Пусть жаром вешнего огня
Лучи пронизывают тело —
Как высь, как жизнь кругом меня,
Как жизнь моя заголубела!

1920

Всю ночь весенняя вода
Мне не давала спать сегодня,
И всё шумней, всё полноводней,
Всё исступленней я рыдал.

Как злился я на темный свод,
Где золотые гвозди вбиты;
Казалось, это он мне шлет
Туман сырой и ядовитый.

С расписанного потолка
Он грязь и муть весны смывает,
А нас в туманах потопляет,
Где боль, и злоба, и тоска.

И, ослепленный пьяной мглой,
В грязи передвигая ноги,
Усталый ветер, злой, больной,
Всё мечется, и нет дороги.

Мой мал и робок молоток,
Мне нужен здоровенный молот;
И душный этот потолок
Мной был бы вдребезги расколот,
Чтобы на нас, как частый дождик,
Посыпались золотые гвозди.

Всю ночь весенняя вода
Мне не давала спать сегодня,
И всё шумней, всё полноводней,
Всё исступленней я рыдал.

1920

МОЙ СТИХ

В глубоком омуте, на голубых полях,
Где муть яснится, шум утих,
На тихих, на безветренных полях
Родится, и цветет, и зреет стих.

Но, чтоб ёго из глуби той достать,
Я долго жду, пока утихнет омут,
И опускаюся в немую гладь,
Куда лучу не проглянуть дневному.

И долго там ныряю, и ловлю,
И оправляю в звонкую оправу;
Я берегу мой стих, люблю,
Я не пущу к нему отраву.

Вот почему бряцанье слов немых
Так мало говорит другому,
И только тот сорвет живой мой стих,
Кто в свой нырнет оледенелый омут.

<1921>

ПРЕДВЕСЕННИЕ

И продымленный потолок,
И плесень стен гнут меня;
Как нудный вечности намек,
Часы по голове звенят.

А на дворе такая прель
И грязь —
И как осмелился апрель
Вниз с голубой горы упасть!

Пошатываясь под хмельком,
Усталый ветер снег гребет,
На голове тяжелый ком
Не сразу солнце расшибет.

Дождь золотой бьет в голубей,
А мы в тоске, а мы в грязи.
Кричу на солнце: «Эй, скорей,
Скорее, рыжий, вывози!»

1921

Вот почему, когда окошка сеть
Втянула голубя ко мне в подвал,
Мне хочется о соловьях вам спеть,
О соловьях, которых не слышал.

1921

ИЗ КРЫМА ДОМОЙ

Жарой и камнями измученный,
Я вдруг обрадовался так:
Навален лист сырыми кучами,
И тротуары все в цветах.

Наш переулок словно в золоте,
Домишко драный вырос вдруг,
Он будто выровнялся в холоде,
В борьбе с привычной этой сыростью.

А вечер загремит гармоньями,
Собачей гавкнет перекличкой,
А я спросонья будто в тон ему
Ожгу сырую темень спичкой.

Люблю я с детства дрожь осеннюю
И холод в нашем переулке,
Когда, брюзгливый и рассеянный,
Дождь словно барин на прогулке.

Всему здесь как ребенок радуюсь,
Привык я жить на крепком севере,
Ловлю я золото и радугу
На каждом кривобоком дереве.

1923

ПОЛЕТЫ РАНЬШЕ И ТЕПЕРЬ

Я с детства рвался плавать в небе,
В недостижимой вышине,
Но мысль зудящая о хлебе
Подтачивала крылья мне.
Бывало, стиснет сердце злора,
Сомнет бессильная тоска —
И вдруг сорвутся крышки гроба,

И гроб летит за облака.
Я забывал нужду и горе,
Что слаб, заброшен, бос и гол,
И плавал, плавал на просторе
Средь голубых и ясных волн.
Со мною облака и звезды,
Во мне поют, звенят миры...
Но редок, резок вольный воздух
Для жителя гнилой норы —
И я с звенящей звездной выси
На землю упал стремглав,
И нудных календарных чисел
Меня охватывала мгла.
Я зубы стискивал до боли,
Когда наваливали груз,
А в уши пела синей волей
Звездами крапленная грусть.
И вот теперь, когда пропеллер
Вдруг затрещит над головой,
Я рад, как будто сам всё сделал
«Своею собственной рукой».
Как будто сам приделал крылья,
Ввинтил винты, связал концы,
Чтоб вам без страха и усилья
Лететь на звездные венцы.
Летите выше, выше, люди,
На Марс, на Орион, на Льва —
Но чтоб дышали вольно груди,
Чтоб не кружилась голова.
Спознайтесь вы с наукой гордой,
Как спознавались с молотком,
И в вольном небе стойте твердо,
Как у себя за верстаком.

1923

АЭРОПЛАН И ВОРОБЕЙ

Басня

И я, и воробей — одно,
Но воробей был выше,
И он с насмешкою в окно
Смотрел с высокой крыши.

«Возись, товарищ, мол, в грязи,
Марай стихи, вымарывай,
Ну, где там переделать жизнь
Словесным бредом, маревом».

Что ж, воробей — всё ж воробей,
Летал он выше дома,
И я, признаться, оробел
От этакого грома.

«Куда нам небо, в облака, —
Смирненно говорил ему, —
Ты, правда, глуп, но как-никак
Всё ж обладаешь крыльями».

А рядом жил со мной столяр,
Простой столяр, но гордый —
И он ужасно как страдал
От этой наглой морды.

Не мог переносить столяр,
Как воробей выдразнивал,
И что-то всё стучал, строгал
В свободный день по праздникам.

Зашел я как-то к столяру,
Чтоб горем поделиться,
Да так и ахнул, не совру:
Столяр столярил птицу.

«Орудуй, брат, стихи плети,
Печатай, агитируй:
На той неделе полетим
На удивленье миру».

К чернилам я всегда готов,
Стихи валились грудями,
И вот сто тысяч столяров
Принялись птиц орудовать.

Летим, и, как половики,
Под ноги облака нам.

Летим, и тысяча других
Летит аэропланов.

Что ж воробей, где ж воробей?
Его внизу не видно уж —
Прислушивается, оробев,
Он к рокоу обидному.

1923

* * *

Портретов Ленина не видно:
Похожих не было и нет.
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет.

Перо, резец и кисть не в силах
Весь мир огромный охватить,
Который бьется в этих жилах
И в этой голове кипит.

Глаза и мысль нерасторжимы;
А кто так мыслию богат,
Чтоб передать непостижимый,
Века пронизывающий взгляд?

1923

ПЕСНЯ РАЗБИТОГО ПАРОВОЗА

Забытый слесарями,
Разбитый паровоз,
Я долго за дверями
Депо родного мерз.

Не мчал в немые дали
Слепого ковыля,
Навстречу не бежали
Полосками поля.

· Не кутал шапкой сивой
Косматых деревень,
Не полз ко мне крапивой
С бугра худой плетень.

Проснитесь, подымитесь,
Зарей я ржаво ржу,
Калите и палите,
Сгоните боль и ржу.

Налейте мне мазутом
Железные бока,
Помчу к родным закутам
Разбойного сынка.

Прорежу зычным свистом
Соломенную грусть,
Чтоб маком в поле мшистом
Зардел полынный куст.

Разрежу мрак глазами
И брызну искры в темь,
Привозными зубами
Взгрызу тугую земь.

И поле разгудится
Сплошное, без полос,
И в золоте, как жница,
Железный паровоз.

1923

С АЭРОПЛАНА

Пусть враги колотятся и бесятся —
Не помешали
Ни хмель,
Ни сырость.
Целый город
За четыре месяца
На болоте,
На помойной яме
Вырос.
Вся страна,
Страна моя громадная —
Как на блюде на каком:
Лен, верблюды,

Деревья виноградные;
Я — страны громадной
Предместком.
Эй!
Симбирские, зарайские!
Все — на выставку
Хозяйства сличать.
Выставка — наши глаза хозяйские,
Крепкая рабочая печать!

1923

САД

Мой сад с каждым днем увядает —
Помят он, поломан и пуст.

Бывает, хуже бывает,
Когда у вас — собственный сад,
А смотрите, как мой расцветает
И какая на нем роса.
Где мой сад? На всем белом свете,
Всё, что дышит, цветет, поёт,
Что нуждается в жарком привете, —
Всё — любимое, всё — мое.
Я не строю вокруг сада ограды,
Чтоб тенистый не пах тюрьмой.
Да и знаю: всякому надо
Отдохнуть в томительный зной.
Вы не бойтесь осени, гости, —
Как ни хмуры её небеса,
От её беспокойной злости
Ярче вспыхнет чудесный сад.
Пусть рыдают вьюги глухие —
После них только небо ясней,
Пусть срывают ветки сухие —
Расчищают пути весне.
Этот сад никогда не увянет
И не будет поломан и пуст.
Без ухода, без всяких стараний
Расцветает в нём каждый куст.

1924

II

КНИГОНОША

На одной ноге сапог,
На другой калоша...
Торговал весь день, промок
Юный книгоноша.

Сумка книжек за спиной,
С корками котомка;
Ходит Русью он родной,
Выкликает громко;

Ездит он по городам,
Ходит по базарам:
«Книги! дешево отдам,
Книги — чуть не даром!..»

Эй, товарищ, посмотри,
Ну, чего ты трусишь?
Неучен — так буквари,
Грамоту раскусишь!..»

Ох, как долго на Руси
Мы впотьмах сидели!
Купишь — скажешь: приноси
Новых на неделе!..»

<1919>

ПОХОД

1

Звонкими копытами
Топчут наши кони
Широкий шлях.
Весь мир мы полоним
Душами, слитыми
В едином взмахе!

Назад — дороги нет!
Земля под копытами стонет.
Ржут на весь белый свет
Наши косматые кони!

Топчут кони
Степной ковыль.
Полки за полками — как буря.
Ветер гонит
Клубами пыль.
Солнце яро в лазури.

И сердца цветут ярим цветом,
И с алыми значками фуражки.
Эй, бойцы! За шашки!
Рубка будет с кадетом!

Сизый, сизый туман в поле пал.
Едет полем молодчик удал,

Полям едет казак на заре.
На ём шашечка вся в серебре,

На ём лихочко — рваный чекмень,
Со звездой киверок набекрень.

Сизый, сизый туман в поле пал.
Едет полем боец, — заскучал.

Ой ты, память-змея, отвяжись:
Пропадем — да за вольную жисть!

Ой, и мать и отец — нипочем:
На весь свет раззудилось плечо!

Туман унылый
В поле пал.
Товарищ милый!
Что заскучал?
О чем забота?
Али вспомнил что-то?

Али сердце сжалось?
К родному отрезан путь.
Что сзади осталось —
Плохо и забудь!

Топчут кони
Степные травы.
Плюнь на смерть и на разлуку!
Эй, пики в руку,
Панов погоним!
— Даешь Варшаву!

Подобно буре,
 Степями, холмами и нивами
 Полки за полками идут.
 Кони ушами прядут,
 Косматыми гривами
 Машут,
 Вьются и пляшут,
 Как черти.

В знойной лазури,
 В безумной тверди,
 Солнце чертит
 Беспощадный круг.

Идут полки, неустанны,
 Всё дале, на юг.
 Вдали, до самого края земли,
 Оружье сверкает в пыли.

Едут красны бойцы — партизаны,
 К седлам приросли.
 Конь послушный рысит — не устанет.
 Эй, малина — развеселое житье!
 Едут — песни горланят,
 Перекинув ружье
 На передню луку.
 Рысий глаз начеку,
 Обожженная грудь нараспашку.
 Лишь моргни — и за шашку!

Исписана шкура их рубцами и ранами,
 Огонь в их жилах ничто не потушит:
 И под шинелишками драными
 Кипят воинственные души!
 Сердца их недоступны милосердию,
 И совесть как снег чиста.
 Пред лютой смертию —
 Все на местах.

Топчут кони
 Степные травы.
 Впереди, на горках —
 Разъездов зыбятся лавы,
 Жадных до погони,
 Быстрых и зорких.

Серые тучи
 Обозов, несметных, скрипучих,
 Ползут без пути-дороги.
 Ревут стада круторогие,
 Серые овечьи отары.
 И пыль — черная хмара —
 Над степью клубится...

Эй, смотри в оба.
 Враги коварные не считаны...
 Эх, сердца наши, как губка, напитаны
 Ненасытной мужицкой злобой.

Сердца — словно ярая губка,
 Точно багряное солнце в зените.
 Эй, шашки точите —
 Будет с кадетом рубка!

Топчут кони
 Полынь и мяту.
 Солнце клонит
 К закату.
 Ветер прохладный дует,
 Трава — мягче пуха.
 Конь устал — не танцует.
 Ой, сладка хлеба краюха!

Ой, деревня кулацкая, толстобрюха,
 Открывай околицы —
 Едут красны бойцы добровольцы!

Животам мироедским — аминь...
Эй, богатеи, купцы, кулаки,
Отмыкай замки,
Отпирай чуланы, сундуки и скрины,
Принимай гостей бесперечь,
Да пожарче растапливай печь!

Уж как с купецкою женой
Сладко мы поварим...
Уж как сабелькой стальной
Все углы обшарим:
Нет ли опасности какой
Тут пролетариям?

Нет ли тут лихова врага,
Масла, творога?
Не видать ли кулацкой затеи,
Сукна, бумазеи?

Эй, деревенская голь,
Беднота крестьянская!
Вылезай наверх, царствуй, ори,
Выливай вековую мужицкую боль!

Гори,
Богатство панское!

6

Топчут буйны кони
Травы-ковыли.
Клонит, клонит
Лен кудрявый
Шелк свой до земли.

Непогода закипела,
Катит в небе гром.
Всем народом
Свету белу —
Бью челом!

Эх, домашность моя — горе,
Сгинь да пропади!
Зашумело
Море сине
Впереди.

7

Черное море пустынное
Катит за валом вал.
Крым! Гнездо осиное!
Твой черед настал!

Дымятся балки от зною,
Синеет мертвый Сиваш.
Кадеты! Идем стеною
На оплот последний ваш!

Степь цветами покрыта,
Вьется коршун над ней.
Чей черед под копыта
Наших красных коней?

Кто еще? Не Европа ль,
И не весь ли базар мировой?
Эй, умрем — за советский строй!
— Даешь Севастополь!

8

Топчут кони
Зеленую ширь.
И всё, что есть в мире, —
Перед нами как на ладони.
Всё, всё, что было досель,
Нам запрещено и заповедано, —
Сказочная мира карусель,
Все края земли неизведанной,
Невиданные державы,
Страны диковинные!
Топчут кони
Некованные
Степные травы.

И в нашей рабочей ладони,
В пятерне корявой —
Весь белый свет!
Вся жизнь вековая, неизменная
Под нашей пятой!
Свой старый хребет,
Свой уклад святой
Распростерла
Вселенная!
Под мужицкой пятой.
Эх, где ж твое горло,
Толстопузый Шар Земной,
Мировая Корысть?

Полки за полками, как буря, движутся вдаль.
Эй, белоручки, обреченные, роковая шваль, —
Дорогу очисти
Первородной мужицкой кости!
Кто там впереди!
В гости нас жди. . .
Жди нас в гости,
Ты, цивилизация,
Весь табун царств и наций!
Готовь харчи нам,
Старый мир.

9

По холмам, лесам и равнинам,
Как буря,
Полки за полками идут.
Впереди — герои вожди,
Красны знаки на груди,
Брови нахмурия,
Полки ведут.

Комиссары и начдивы,
Командиры полковые и взводные —
Пролетарии природные,
Чистой крови бедняки —
Через степи, леса и нивы
Ведут легкоконные полки.

Товарищи командиры, шевели мозгом!
Глянь зорчее кругом!
Сам вперед выскочи с разведкою,
Оглянись вокруг по широким долинам,
Всё охвати взглядом соколиным,
Пронзи мыслью меткою!

Насмерть сбей дворянскую спесь!
Всё тонко рассчитай и взвесь.
Прикинь по картам,
Подготовь, обмозгуй —
И обрушь удар там,
Где и не чаёт буржуй!

Гибкий фронт натяни тетивой.
Как пружину разверни
Порядок боевой.
Верней нацель,
Камнем метни
Железный полк, что бросишь первым!
В ложбины, в балки, в темные щели
Стяни грозные резервы!
Как секирой, ими замахни
Над вражьем тылом!

Обойди, замани,
Охвати кольцом.
Ударь, как гром,
По кадетским силам,
По дворянскому строю!
Эй, шашки к бою,
Пики наклоним!
— Даешь Кавказ и Сибирь!
Топчут, топчут буйны кони
Зеленую ширь...

Ой, любо ворваться на ярых конях
В толпу ревущую,
В самую гушу
Врагов ошалелых!
Любо пасть, как гроза,
На полчища белых!

Лютым страхом,
Красною смертью
Грянуть в глаза,
Прорвать, разметать, рассеять прахом.

10

Нет слаще — расплаты.
Святей нет — злобы.
Полки крылаты!
Врубайтесь в утробы
Их городов!
Нависни, конная туча,
Вырасти лесом дремучим
На всех площадях,
По всем улицам, рынкам, бульварам!

Наше почтенье купцам и барам...
Уют и покой господский — в прах!
Довольно вам всласть
Спать, есть и пить,
Да сдобных сударок любить, —
Пришла советская власть...
Эй, прибери свое барское мясо,
Да напоследок мадам поцелуй!
Ни дня своего, ни часа
Не знаешь, товарищ буржуй...

Эй, да не сумеешь ли и нам пообедать
На твоём, барин, серебре и злате?
Понежиться на твоей кровати?
Покружиться в твоей палате?
С твоей миленькой переведать —
Сахарны ль уста?

11

Эй, командиры и бойцы,
Все на места!
Хитрый враг присмирел неспроста...
Выслать разъезды во все концы,
На картечь зарядить пушки,

Буржуйские окна держать на мушке,
Ухо остро, красный патруль!
В погребочке, купец, лежи,
Ни словечка, богач, не скажи,
В окошечко носа не кажи, —
Не уйдешь от советских пуль...

Эй, волю коням!
По гулким площадям,
По шикарным проспектам да скверам
Жарь карьером,
Вейся, как бес!
Топчи копытами,
В крови омытыми,
Паркет и мрамор!
Вздымайся до самых небес,
Наш ярый дух!
Завывайте, буржуа, высокородные хамы!
Пляшите, биржи, дворцы и храмы!
Гуляй, Красный Петух!

12

Полки проходят, как буря, без конца и начала,
Насквозь всю вселенную.
Даешь родину? — мало...
Утроим жадность священную!
Смирно,
Парад всемирный!
Слушай нашу команду, род человеческий!
Здесь голь — всех старше...
Эй, жадность нашу утроим,
Сомкнутым строем,
Яростным маршем —
Всемирному зареву навстречу!

Подобно буре
Идут полки за полками
И сверкают в лазури,
Рвут небо над нами
Знамен молнии яркие.
Эй, шабаш культуре!

Старый мир — на сигарки!
Вселенную раскурим
В наших мужицких трубках!
Слышишь топот наш тяжкий?
Эй, за пики и шашки!
Будет со всем светом рубка!

Как буря, полки за полками идут.
Бешены кони ушами прядут,
Косматыми гривами машут,
Вьются и пляшут,
Как черти.

Полки за полками идут
По степям, холмам и оврагам —
Яростным шагом,
Навстречу смерти!

Сентябрь 1920, Кавказский фронт.

ТИШЕ, ТОВАРИЩИ

Тише, товарищи,
Шапки долой —
Красноармеец
Погиб молодой. . .

Шел он на битву
Без страха в глазах,
С другом-винтовкою
В крепких руках.
Смело он бился,
Не ныл, не роптал;
Слова не молвил
О том, что устал.
Свято исполнил
Священный свой долг
И беспробудно,
Навеки умолк.

Тише, товарищи,
Шапки долой —
Красноармеец
Погиб молодой.

1918

КОТЕЛЬЩИК

Измятое рябью лицо,
И грязные струйки пота,
Обрызгана блуза свинцом —
От трудной, тяжелой работы.

Огнями наполненный взгляд,
Батрацкие, сильные руки
Без слов за него говорят,
Что это котельщик. И стуки

В котлах это он громоздит,
Согнувши могучую спину,
И молотом мерно стучит,
И новую строит машину...

И носятся стуки кругом,
Шипят раскаленные клещи;
Работу в котле мировом
Ведет наш могучий котельщик.

<1922>

ДАЙТЕ ПЕСЕН!

Мир стал узок, мир стал тесен!
После рабства и оков
Дайте новых, светлых песен,
Огневых, узывных слов!

Ваши речи устарели.
Песня ваша — перепев.
Звуки плачущей свирели
Заглушил народный гнев...

Тьма исчезла... Нет ненастья...
Пали башни и дворцы...
Песен радости и счастья
Дайте, новые певцы!..

1917

ХОРОВОД РЕВОЛЮЦИЙ

Сотрясаются троны, ниспадают короны.
Низвергается в море за тираном тиран.
Льются красные звоны. И звучат уж не стоны,
А победные клики. Враг сдыхает от ран.

Во вселенной безбрежной дух витает мятежный,
Революций кровавых уж гудит хоровод.
И бунтарь неуслежный рвется в мир зарубежный,
И несет неустанно огонь восстаний вперед.

Зашумели народы, словно вешние воды.
Скоро огонь революций жизнь изменит всех стран.
Позабудутся годы древнеликой невзгоды.
Близок час, когда сгинет в мире поздний тиран!

1917 или 1918

ПТИЦА-ЖАР

Прилетела Птица-Жар,
Сыплет перья огневые.
И от перьев тех Пожар
Охватил концы земные.

· Разрушает тот Пожар
Древнеликие Строенья,
Властелинам шлет удар,
Неимущим — восхищенье.

Красный пламень, словно зверь,
Гложет остовы Строений.
Бедняку открыта дверь
В мир небывших вдохновений.

Закружился хоровод
Всенародного сплоченья,
Хмель волнующих свобод
Всех объял без исключенья.

А вещунья Птица-Жар
Сыплет-сыплет огнелики,
И бушующий Пожар
Заревит весь мир великий.

1917 или 1918

КРАСНЫЙ ПРАЗДНИК

Мир в багряной опояске.
Зори — красные цветы.
Праздник жизни. Песни. Сказки.
Лики новой красоты.

Ленты, банты как цветенье.
Флаги-птицы. Лес голов.
Трубогласность. Песнопенья.
Солнцеватость пылких слов.

Благовестные трибуны
На пути и там и тут.
Возбуждая слух, как струны,
Речи звучно нить прядут.

Им в ответ манифестанты
Рукоплещут. Рокот, гром.
Туш играют музыканты.
Шум восторженный кругом.

Даже сумрачные зданья
Вторят эхом, словно лес.
И смятенно восклицанья
Рвутся в синь немых небес.

1917 или 1918

1918 ГОД

Там, где бури завывали,
Заметали путь метели, —
Закружились, засверкали
Огневые карусели.

Замелькали хороводы
Мировых перестроений,
И восставшие народы
Стерли царство утеснений.

Ясноокая свобода,
Словно солнышко, смеется.
Восемнадцатого года
Лик вовеки не сотрется.

1918

РЕШИМОСТЬ

*Матери моей
Г. А. Власовой*

Стою я у порога
Великих слов и дел.
Далекая дорога!
Неведомый удел!

Невзойденные кручи
Угрюмых, хмурых гор,
Маячит из-за тучи
Мне солнечный узор.

Не знаю, что теряю,
Не знаю, что найду,
И к аду или раю
Приду я, но — пойду!

<1919>

НЕБО, ЗЕМЛЯ И ЧЕЛОВЕК

С. Н. Зайцеву

Земля прекраснее небес:
На ней могучий человек —
Творец неслыханных чудес —
Собой за веком красит век.

Тоскливо было б небесам,
Когда бы не было земли,
Когда б по нивам и лесам
Цветы и травы не росли.

Печально было бы земле
Без человека-мудреца.
Она томилась бы во мгле,
Как в каземате, без конца.

<1919>

МОЗОЛИСТЫЕ РУКИ

Во славу Коллектива,
На радость беднякам
Поем мы эту песню
Мозолистым рукам.

Мозолистые руки
С создания земли
Все тяжести работы
Без устали несли.

Веками эти руки,
Лопатой и сохой
Взрыхляя матку-землю,
Кормили мир людской.

Умело управляя
Пилой и топором,
Они взрастили в мире
Лес хижин и хором.

Порою эти руки —
Могучие творцы —
Невольню созидали
И тюрьмы, и дворцы.

Нередко те же руки
Томились в рудниках,
Родилось всё, что ценно,
В мозолистых руках.

И нивы, и заводы,
Сливаясь в общий звук,
Выносят в мир творенья
Могучих, крепких рук.

Всё держится на свете
В мозолистых руках.
Вся в мире ценность жизни
Лежит на бедняках.

Не будь на свете мощных
Мозольных, черных рук,
То как бы в мире жили
Служители наук?!

Поэтому на радость
Вселенским беднякам
Поем мы эту песню
Мозолистым рукам!

<1919>

К ТРУДУ!

Работа, работа, работа,
Упорный, настойчивый труд —
Они, лишь они нас в ворота
Невиданной яви введут.

Упорной работой строенье
Великое мы возведем.
Трудами и рук и мышленья
Подлунь, как невесту, в цветенье
Небывшее мы уберем.

Трудитесь, кто может, руками,
Трудитесь, кто может, умом,
Сохою, пилой, молотками,
Кирками, ланцетом, смычками,
Резцами, кистями, пером.

Пусть будет одна лишь забота
У тех, кто к расцвету идут:
Работа, работа, работа,
Упорный, настойчивый труд!

<1920>

ОТВАЖНЫЙ ЛИШЬ СЧАСТЬЕ НАИДЕТ!

Идите, бесстрашно идите
Дорогою новой вперед,
От жизни что можно берите:
Отважный лишь счастье найдет!

Не ждите, когда улыбнется
Вам счастье, само к вам придет, —
Оно не приходит, берется:
Отважный лишь счастье найдет.

Итак, не страшитесь ненастья
И жизненных бурь и невзгод,
Спешите создать себе счастье:
Отважный лишь счастье найдет.

<1920>

КРАСНЫЙ ВЗМАХ

По всей Вселенной Красный Взмах
Рассеял сети дряблой Хмури.
Но и в Долинах и в Горах
Еще звучат напевы Бури.
Умолкнет гневный Ураган,
И — из-за Туч, как сквозь оконце, —
На возрожденный Океан
Свои лучи уронит Солнце.

11 сентября 1920

ПРИКАЗ КОМАНДИРА

Третий день напрягает глаза
Четвертый эскадрон на разведке.
Командир эскадрона перед боем приказал
Пулеметчику Беседкину:
— Ты со своим пулеметом
Должен быть впереди.
Если мы и уйдем там,
Ты, смотри, не уходи.
Старайся как можно близко
Подпустить к себе врагов,
И бей наверняка, без риска,
На четыреста — пятьсот шагов. —
Бой был в тот день к вечеру.
Красный эскадрон бежит.
Остановить врага нечем —
Пулеметчик первым убит.
Красная конница летела,
Летела без удержу вперед,
А позади на дороге лежало тело
И около него — пулемет.
И когда до белых коней
Оставалась всего верста,
Приказ командира помня,
Мертвый пулеметчик встал.
И, глядя невидящими глазами
На белых, летящих ливнём,
Пулеметчик исполнил приказание
И остановил их огнем.

А потом, у пулемета сидя,
Второй раз навеки смолк.
Это весь эскадрон видел,
И об этом знает весь полк.

<1924>

ПОДНЯВШИЕ ЗНАМЯ

Дорогие товарищи Ивановы и Сидоровы,
Пришедшие к власти из рабочих кварталов,
Куете радость рабочего мира вы,
Зажигаете пламя мировых пожаров.

Дорогие товарищи из советов районных,
Из рабочих советов провинции дальней,
Рабочие фабрик кожевенных и макаронных,
Металлисты, шахтеры, рабочие швальни,

Вы, рабочие и беднота деревни,
Социальной революции поднявшие знамя,
Вы, капитал победившие гнева,
Захотевшие править собою сами. . .

Знаю, что от Сидорова жена сбежала,
У Иванова — вечно больные зубы.
Иванов живет недалеко от вокзала,
У Сидорова ребята — беспризорны и грубы.

Знаю: руки у вас — что за руки!
И носки ваши стирки давно не видали.
Но сколько любви в вас было и муки,
Когда вы Бессмертное знамя держали.

Братья мои в запачканных блузах,
Известно ли вам, как бессмертно прекрасны —
Вы, безвестные члены рабочих союзов,
Члены семьи трудовой и красной.

Вам, открывшим безбрежные дали
И серых буден презревшим границы,
Написавшим новых законов скрижали,—
Хочу в восторге до земли поклониться...

<1918>

РОДНАЯ ДЕРЕВНЯ

Та же: убогая, грязная, серая;
Хижины в землю вросли, пригнулись;
Полосы-грядки в полях растянулись;
Песня всё стоном звучит устарелая...
Крик вырывается с прежнею верою:
— Пахари, вправду ль вы всё не проснулись?

Взором пытливым обводишь строения,
Улицы, стены, углы избяные...
Та же...

Но нет... вот и песни иные:
«СЕЛЬСКИЙ СОВЕТ»
«КОМ'ЯЧЕЙКА»
«Для чтенія книги даюцца»...
«Спехтакль в воскресеніе»
«ЗАФТРА СУБОТНИК»
«За дело живые!»...

Углями, дегтем, рукой неумелою
Вывески сделаны в разных местах
На лоскутах, на измятых листах
Иль на дощечках. Но книгою целою,
Волею мощною, твердою, смелою
Надписи эти горят на устах.

Снова окину равнину печальную
Зеленью чахлой покрытых полей,

Там — среди грядок-полос, пустырей —
Вижу широкую гладко-зеркальную,
Ярко-зеленую полосу дальнюю —
Труд коллективный людей.

1921

ЧТО ВОЛНЫ ГОВОРЯТ

Мы в грозном шквале многочисленных гребней
Сливаем слабые отдельные удары,
И в блесках-брызгах искры призрачных огней
В сиянии солнца кажутся пожаром.
А одинокий плеск — не жалок ли пред штормом он,
Где мы кричим единым мощным зыком...

— — —

И каждый человек лишь спайкою силен,
И в коллективе он становится великим.

<1921>

ВОССТАНИЕ

Варшава...
Париж...
Берлин...
Львов...
Вена...
Мадрид...
Петроград...
Обрывки паролей летят.
Тревога средь вражьих фортов.
— Эй, кто идет? Кто?
Мильоны в ответ голосов:
— Про-ле-та-ри-ат!
Забегали тени солдат.
В страхе. В надежде. Без слов.
Пушка рыгнула снаряд...
Тревожно несется с фортов:
— Эй, кто идет? Кто?
Ответом мильоны громов:
— Про-ле-та-ри-ат!

Над грозной стеной баррикад
Взметнулось багровое знамя.

- Восстаньте!
- Вперед!
- В бой!
- Ни шагу назад!
- Восстаньте!
- За нами!
- За нами!

Ужаса крик за стенами:

- Пролетариат... Пролетариат...
- Безумцы, вы ищете новых сражений...
- Оставьте раздоры!
- Зачем вы пришли?
- Вы гибель несете в заводы!
- В деревни!

Чтоб реки кровавые вновь потекли...

- Не крови!
- Нам воли!
- Нам хлеба!
- З-е-м-л-и!
- Да здравствует Ленин!
- Солдаты, оставьте посты и секреты:
Вы братья нам, вас обманули!
- Поймите насильников злые наветы!
- Врагам нашим шлите свинцовые пули!..
- И тени солдат в темноте потонули.
- Да здравствуют наши Советы!

<1921>

* * *

За камнем камень
Кладем в стену
И вечно векам
Смену несем.
Все, день за днем,
Камень за камнем
Кладем...
Идем...
И в вечность канем.

Стена свяжет
Обрывки веков,
Наш камень без слов
О нас расскажет.

<1921>

МАТЬ

Посвящую своей матушке Праксодье Ивановне, провожавшей меня так весной 1919 г. на Колчаковский фронт, где я мог сойтись как с противником с родным братом, жившим в Сибири.

Ревела старая, ревмя ревела:
«Али на это тебя вспоила?..»
Как будто тела моего жалела,
Жалела, что меня родила.

И причитала всё так тоскливо:
«На свете есть ли тебя милее?..»
Ты мой хорошой, ты мой красивой!..
Меня, старуху, кто пожалеет?..»

Когда же поезд пришел к перрону,
Спросила, словно с ножом в гортани:
«И брата станешь?..»
— «Нет, мать, не трону!..»
Потом добавил: «Как он не станет...»
И вся забилась, и, как в припадке,
На мне, казалось, застыть решилась:

«Вот так-то, так-то вы все о матке!..»
И сразу молча к ногам свалилась...

. . . . .
Когда, прощальню платком махая,
Смотрел я из окна купе,
Она вдогонку: «Жду... жду письма я...»
Потом: «Холодной воды не пей!..»

<1921>

К 19 ФЕВРАЛЯ 1920 ГОДА¹

Слава героям, поднявшим
Алое знамя труда,
Слава на битву восставшим,
Сбросившим иго врага!

Кончилась ночь вековая,
Рабства кошмарного гнет,
Празднует рать трудовая
Нового солнца восход.

В свете рубиновых далей
Искрятся полюса льды, —
Счастье и волю достали
Снова Поморья сыны.

Луч огнезарной Коммуны
В край наш суровый проник;
Радуйся, старый и юный, —
Кончились черные дни.

Слава героям, поднявшим
Алое знамя труда,
Слава на битву восставшим,
Сбросившим иго врага!

1921

---

¹ Освобождение Архангельска от белогвардейского засилья.

С Е Р Г Е Й З А Р Е В О Й
(С. Н. К О Ш К А Р О В)

НА ПАШНЕ

Сто лет не пахан пласт ядерный,
Крепка ты, барская земля!
Поджарый мерин замореный
Идет, ушами шевеля...

Согнул хребет, все ребра кажет,
Хрипит и тяжело тащит плуг;
Душа болит — вот-вот он ляжет,
Всё дело выпадет из рук!

Набух водой мочальный лапоть,
Трещит сермяга на спине...
Ну, ну, родной!.. Не время плакать!..
Гори в работе, как в огне!..

Пусть баре плачут от безделья,
А мы с тобой господский лог
На диво вспашем... Ведь досель я
И подойти к нему не мог.

Ну, ну, родной!.. С голодным брюхом
Работать, знамо, нелегко...
Упрись сильней, сберися с духом,
Плуг режет землю глубоко...

С тех пор как наше стало поле,
Я стал к труду ретив и лют...

Ослабнем мы — конец всей воле!
Нас снова в цепи закуют!

Сто лет не пахан пласт ядерный,
Крепка ты, барская земля!
Поджарый мерин замореный
Идет, ушами шевеля.

1918

НА БАРЖЕ

Нет, то не сваха — хмельная и шалая —
Песню поет, возвращаясь домой, —
Это баржа, нагрузившись, усталая,
Снявши причал, выплывает, вся алая:
С грудью расписанной, с красной каймой.

Солнце весеннее, солнце полдневное
Золотом блещет на желтом борту,
А над кормою, где место пригревное,
С звонкой гармошкой песня напевная
С гиканьем-пляской летит в высоту!

Парни и бабы с цветными узорами,
Платья, рубахи, что диво-парча;
Ширится песня, звенит над просторами,
Лихо гармонья берет переборами,
Гикают, пляшут, в бубен стуча!

Воды лазурные блещут, кровавятся,
Вспыхнул в воде ал-малиновый плат,
Бьется в воде, белой пеной кудрявится,
Алое, синее золото плавится,
Плещет, дробится под песенный лад...

С гиканьем-свистом, да с песнею вольною,
С топотом радостным пляска гремит,
Жизнь развернулась красою привольною,
И над весеннею ширью раздольною
Сердце и душу ничто не томит!

Грузно и плавно, вся солнцем облитая,
Барка плывет на простор голубой...
Рдеет и блещет корма цветовитая...
Песня веселая, смехом обвитая,
Дышит разгульною, буйной гульбой.

1918

ПЕСНЯ КОЛОСЬЕВ

Посвящается товарищам коммунистам

Нас много, нас много поднялось на ниве!
Под радостным солнца лучом
Кольшутся волны, горят в переливе
Колосья веселым огнем!

Нас много, нас много, ряды за рядами...
Куда бы ни кинули взор,
Мы всюду сплотились, смеясь над врагами,
И заняли поля простор!

Нас много, нас много... На пашне мы встали,
И дружно мы песню поем:
Не страшны нам бури, и нет нам печали,
Что срежут нас завтра серпом.

Нас много, нас много! Пусть вяжут жгутами...
Погибнем, нам смерть не страшна!
Мы снова поднимемся дружно рядами,
Лишь только вернется весна.

Нас много, нас много! Кольшутся нивы,
Повсюду простерлись ковром...
И дружно в ответ нам кричат переливы:
«Нас много, нас много кругом!»

1918

ОТ УРАЛА

Солдатская песня

От Урала до Дуная —
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
Двигутся полки.

Веют красные знамена,
Как лесной пожар;
Отражать идут колонны
Вражеский удар.

Ярко блещет острый, длинный
Пролетарский штык,
И железною лавиной
Мчится броневи́к.

Берегись, кулак богатый,
Нас победы ждут, —
Красной Армии солдаты
С песней в бой идут.

Умереть мы все готовы
За рабочий флаг.
Где Деникины, Красновы?
Берегись, Колчак! . .

Нет преграды нашим силам,
Наступил наш час.
Ни кулак, ни поп с кадилом
Не удержат нас . .

Ведь недаром, побеждая,
Двигается вперед
От Урала до Дуная
Трудовой народ.

1919

СИБИРЬ

В те дни, когда царей насилье,
Всё унижая и губя,
Над нами распластало крылья, —
Мы ненавидели тебя!

Для тех, кто с материнской лаской
Свободы свет в себе зажгли,
Сибирь была ужасной сказкой —
Тюрьмой закованной земли!

Там в рудниках и дни и ночи
Стонали вольности борцы —
Друзья труда, вожди рабочих,
И деды наши... и отцы!..

Костры горели в поле чистом,
Светили по ночам огни
И нашим предкам — декабристам,
И нашим братьям в наши дни...

Шли... умирали тут же в поле...
Шли без конца... и вдоль и вширь...
И кровью мучеников воли
Цари покрыли всю Сибирь!..

Но пробил мощный час свободы,
И, зову вольности внемля,
Дала невиданные всходы
В крови окрепшая земля.

Напрасно в темных казематах
Искал себе оплота враг —
В тех казематах, где когда-то
Трехцветный развевался стяг!

Напрасно вольному народу
Грозил опричник-генерал!
Сибирь восстала за свободу,
И красным сделался Урал.

И вместо пытки и насилья
На яркий свет из тьмы тайги
Свободы распростерлись крылья,
И никнут в ярости враги. . .

Горит огнем Сибири небо,
Растет пожар со всех концов. . .
Нам шлет Сибирь вагоны хлеба —
А мы ей шлем своих борцов.

И отдается всюду в мире
Наш клич: «Рабочий — богатырь!»
Нет больше каторжной Сибири —
Живет Советская Сибирь! . .

<1920>

* * *

В крепких пальцах судьбы
Я согнувшийся лук,
И готов для борьбы,
Для приятия мук.
Близок радостный миг
Моего торжества,
Вольной радости крик
Припасла тетива.
Буду грозен и смел,
Если в душный покой
Сноп сверкающих стрел
Я спущу огневой;
Буду низок, как трус,
Буду жалким рабом,
Если только сломлюсь
Полусгнившим прутом.
Эй, судьба! посильней
Натяни же меня,
Чтобы стрелы светлей
Засверкали, звеня.

<1917>

В ОДИН СОЮЗ

В один союз, народы мира!
Вложите в ножны тесаки,
Вернитесь к пашням опустелым,
Всех стран уставшие полки.

Смените стяги боевые
На знамя алое труда,
Пусть стихнет злоба и навеки
Умрет кровавая вражда.

Сотрите волею мятежной
Тысячелетние межи,
Чтоб под огнем не погибали
Колосья трепетные ржи.

Пусть там, где пушки грохотали,
Спокойно сеятель пройдет
И мирно утреннюю песню
Рожок пастуший пропоет.

Во имя равенства и братства,
Германец, русский и француз,
Сойдитесь с миром и сомкнитесь
В один союз!

<1917>

НА ЗАВОДЕ

Взметнулись к потолку стальные лапы крацов,
На тросах приподняв готовый паровоз,
И, кажется, сейчас взлетит он, гордо канув
В сплетеньях галерей, приводов и колес.

Горят холодных солнц бесчисленные дуги,
На бронзе мускулов рождая бликов рой.
И плавны, и легки, как рати древней струги,
Вагранки носятся пылающей змеей.

У рельс, как муравьи напряжась, копошатся
Чудес невиданных бесстрашные творцы...
И руки крепкие уверенно ложатся
На черных рычагов горячие концы.

Великий, вечный труд! Хвала тебе, омывший
Росой свою нас в горниле заводском
И властною рукой в одно биенье сливший
И сердца тихий стук, и наковальни гром.

Быть может, кто-нибудь под тяжестью удара
Падет среди грохота и говора станков,
Но тем дружнее мы усилим мышц и пара
В земное претворим узоры пышных снов.

Под ленью острых сверл и свист локомотива
Мы труд упорный наш согласно доведем
До той поры, когда под звук иных мотивов
По новому пути мы к новому пойдём.

<1918>

ОДНИМ ПУТЕМ

Дай руку мне... В густой толпе
Рабочих лиц и рук
Пройдем по жизненной тропе,
Мой нежный, милый друг.
Нам всем одна звезда горит —
Свобода, труд, любовь...
Наш общий плуг плодотворит
Одну и ту же новь.
Для нас, как тем, кто день за днем
Кует, пилит и жнет,
Одна заря святым огнем
За гранью гор встает.
Посмеет нам чей дерзкий шаг
Дорогу перейти?
Падем, но вместе с нами враг!
Мы не свернем с пути.
И если нам один удел
Готовит рок в борьбе,
Мы будем с теми, кто был смел,
Не изменив себе.
Дай руку мне... В густой толпе
Рабочих лиц и рук
Пройдем по жизненной тропе,
Мой светлокудрый друг.

1918

КРАСНЫЙ ЛОКОТИВ

Справа, слева снег и горы,
Крут дорог шальной извив;
Сквозь буранные заторы
Мчится вдале локомотив.

Мерен гул колес крылатых,
Гулок свист сторожевой...
На отлогих льется скатах
Дым волнистою струей.

Бьется с мраком глаз задорный,
Путь и черен, и тернист;
Смел и зорок непокорный,
Закаленный машинист.

Стонут сосны вековые,
Стерегут в ночи враги,
Но верны ему стальные
В крепких пальцах рычаги.

Всё быстрее ход опасный,
Ярче искры, дым и гарь...
Впереди маячит красный
Пламенеющий фонарь.

Чу! Тревога! Наметает
Вьюга горы на пути,
То покажет, то скрывает,
Как проехать или пройти.

Но, пробив свой путь по логоу,
С силой врезан вверх таран;
И сдается понемногу
Разгулявшийся буран.

Снова даль видна, как прежде,
Громче гул стальных колес...
Полон веры и надежды
Мчится огненный колосс.

<1919>

ГРЯДУЩЕЕ

Над миром светлым и свободным,
Горнилом вечного труда,
Горит огнем международным
Красноармейская звезда.

Ее лучи неугасимы,
Алеют ровно сквозь туман,
И к ней, как древле пилигримы,
Идут рабочие всех стран.

С нубийцем черным породнился
Крестьянин волжских берегов,
И братски в гул единый слился
Напев различных языков.

Один над всеми стяг багряный,
И все во власти тех же чар:
Вражды и злобы истуканов
Испепелил святой пожар.

Горят сверкающие знаки:
Колосья, молот и серпы,
И, словно огненные маки,
Пестреют дети среди толпы.

Конца не видно караванам
Великих рыцарей труда,
К чьим многолетним тяжким ранам
Коснулась лаской осиянной
Красноармейская звезда.

<1919>

РОССИЯ

По ниве жизни конь крылатый
Волочит тяжело красный плуг,
За ним с трудом идет оратай,
Коня и плуга верный друг.

Дымится пена под шлеею, —
Земля упорна и суха,
Но под железною рукою
Рвут пашню жадно лемеха.

Храпит и гнется конь упрямый,
Что шаг, то хвощ иль лебеда,
Но всё ж ложится прямо, прямо
За бороздою борозда.

За ним с берестяным лукошком,
С боков отмеченным звездой,
Великий сеятель сторожо
Идет нехоженой тропой.

Грозит им небо ежечасно
И мечет молнию-копье,
И с криком злобным и опасным
Кружит над ними воронье.

Но конь могучий и крылатый,
Сверкая пеной, всё идет,
И всё упорнее оратай
Свой острый красный плуг ведет.

<1919>

КОММУНИСТЫ

*Посвящаю членам Российской
Коммунистической партии.*

Стремясь к одной великой цели,
Не знаем страха мы в борьбе,
Лишь мы в годину бед посмели
Наперекор пойти судьбе.
Когда на нас враги точили
Исподтишка свои ножи,
Мы святотатственно разбили
Законов древних рубежи.
Под знамя наше мы собрали

Семью коммуны трудовой
И путь великий начертали
Резцом по карте мировой.
Тот путь далек... Пусть будет круче
К вершинам солнечным подъем —
Сквозь холод, мрак, туман и тучи
Мы факел красный пронесем.
Уж видно с вышек наших башен:
Перешагнув через моря,
Над гладью иноземных пашен
Зажглась восстания заря.
Меж Нью-Йорком и Москвою
Бежит певучая волна
И невидимкою-рукою
Стальные пишет письма:
«Во имя общей братской доли,
Вы, пролетарии всех стран,
Порывом мощным твердой воли
Сомкните свой великий стан.
Грядите в помощь коммунарам,
Рубите рабства кандалы,
Пусть старый мир одним ударом
Сметут мятежные валы».
Подхвачен клич за океаном,
Раздался первый гулкий звон,
Вот-вот суровым ураганом
Восстанет гордый Альбион.
Мы не одни... Смотрите, братья,
Горит за морем тот же герб:
Переплелись в одном объятьи
Колосья, молот, плуг и серп.

<1920>

КРАСНЫЙ КОРМЧИЙ

Владимиру Ильичу Ленину

Руками сжав штурвал железный,
На красной вышке броневой
Стоит и держит путь свой звездный
Мятежный, гордый рулевой.

Горбами вздулись смоляные
Под ветром свежим паруса...
Смешались с плеском волн стальные
Команды красной голоса.

Плывут к земле обетованной
Язоны наших славных дней,
И блещет им в дали туманной
Колхида прелестью своей.

Глаза горят у рулевого...
Надвинув серый капюшон,
Колосса он ведет стального
Под тяжкий град со всех сторон.

Упорных рук не опуская,
В мечтах о вольности морей,
Не спит команда боевая
У огненосных батарей.

Фрегат ли, бриг бежит навстречу,
Пылая жалкою враждой,
Он гибнет сразу в жаркой сече
И прочь уносится волной.

Гроза сменяется грозой,
То в тучах небо, то ясно,
Но неизменною рукою
Всё управляется судно.

Уже над водною пустыней,
Сверкнув, как выстрел, с корабля
Прогрохотал в просторе синем
Многоязычный крик: «Земля!»

Завыли зычные сирены,
Как чайки взмыли выпела,
Дождавшись светлой перемены,
Заря свободная взошла.

И кормчий, светом озаренный,
По успокоенным волнам
Повел стальные легионы
К далеким, чудным берегам.

<1920>

БЕРЛИН

Еще от ран Германия страдает,
Еще дымится кровь на мостовых,
Но барыши Берлин уже считает
И жнет хлеба, не сеяв, для других.

Горят огни Аполло и Маскотты,
Торгаш кутит в закрытых кабаках,
И, выгодно утроив обороты,
Он алкоголем заливает страх.

А там вдали, до вод багровых Рейна,
Где пики труб вонзились в небеса,
Там, на равнинах Рурского бассейна,
Еще видна кровавая роса.

Она горит... Цветы грядущей мести,
Впитав ее, таинственно растут...
Бьет грозный час, когда илот предместий
Начнет творить свой справедливый суд.

И в этот раз ворота Бранденбурга
Не остановят красный вал труда:
Велик пример мятежный Петербурга,
Узду царей порвавший навсегда.

О, пусть скользят бесшумно лимузины,
Пусть фейерверк веселия горит...
Жестокий бой на улицах Берлина
Спор разрешит.

1920, Берлин

ДВЕ ПОЛЬШИ

Есть Польша Белая. Ей дороги наряды
И внешний блеск фальшивой красоты.
Ей ненавистны грозных масс мечты
И сила тех, кто строил баррикады.
Ее пленяют прелести дворцов,
Звон золота ее пьянит и манит.
Но будет день — и эта Польша канет
В глухую пропасть отжитых веков.
Разбив ее прибоем огненным,
Иную Польшу выведем из ночи.
Владыкой жизни, мощно-молодым,
В ней будет пробудившийся рабочий.

<1920>

ВСПОМНИ!

Кто покинет красный стан?
Только раб!
Если ты в борьбе ослаб,
Вспомни прошлого туман:
Вспомни пытки, глубь тюрьмы,
Непосильный гнет труда.
Не вернемся в царство тьмы
Никогда!
Путь лежит к цветам побед,
Нам иной дороги — нет!

<1920>

ТРУСАМ

Позор вам, трусам двоеликим,
Кто гонит правду, любит ложь,
Кого пред подвигом великим
Боязни охватила дрожь!

Не вам восторги вдохновенной
И несмолкающей борьбы.
Вам вечно быть добычей пленной
Седого призрака судьбы.

Мечтой о сереньком покое
Живете вы — толпа рабов,
Пугаясь красного прибора
И грома юных голосов.

А этот гром растет, как лава,
И чуем мы: сквозь вихрь и вой
Идет немеркнущая слава
К борцам за лучезарный строй!

<1920>

СТАРОМУ МИРУ

Зверь умирающий, бессильный, темный зверь!
Напрасно смотришь ты так мстительно и дико
На тех, кто, не щадя себя в борьбе великой,
Открыл в грядущее блистающую дверь!

Былое не вернуть. Кровавый, мутный взгляд
Погаснет навсегда под дуновеньем бури.
Найден борцами путь к немеркнущей лазури.
Знамена зорь пленительно горят.

Напрасно ждешь спасения себе:
Не избежать бесславного удела
Тебе, сраженному в борьбе.
Труба суда последнего пропела.

Уйди, уйди в забвенья злую ночь!
Не возбудишь отныне сожалений
Ты, на пути несчетных преступлений
Всё светлое отбрасывавший прочь!

Проклятый зверь! Ты слишком обогрен
Чужою кровью — чистой и невинной.
Позорных дел ужасен список длинный,
И для тебя безжалостен закон.

Погибнешь ты под крыльями зари,
И о тебе навек погибнет память.
Угрюмый зверь, ты видишь это пламя?
Умри!

<1920>

КРАСНОЙ АРМИИ

Красная Армия! Стройно иди.
Красная Армия! Враг впереди.

С тайною злобой в угрюмой ночи
Новые цепи куют палачи.

Слышишь совиный обманчивый стон?
Слышишь далекий трепещущий звон?

Слышишь, как служат молебны тому,
Кто отошел в непроглядную тьму?

Хищные вороны реют вдали...
Кровью дымятся просторы земли...

Жертвенных трупов чернеет курган...
Вражеской злобы густеет туман...

Белые с черными в дружестве злом
Ныне сроднились под красным крылом.

Им ли уступишь победы венец,
Братского счастья дивный дворец?

Им ли на трупах людских пировать,
Знамя насилия вновь поднимать?

Сбрось их с дороги! Сомни! Размети!
Будь непреклонной на грозном пути!

Помни: за красной твоею стеной
Братья стоят истомленной толпой.

Бледные лица, страдальческий взгляд
Гневно насильникам карой грозят.

Братья надеждой прекрасной живут —
Верой в восставший и пламенный труд,

Верой в гранитную стойкость колонн,
Вскинувших крылья горящих знамен!

Ты ли обманешь уверенность их,
Дрогнув на славных путях заревых?

Разве не молнии в грозных руках?
Разве не юность в горящих глазах?

Разве не солнце восходит в груди?
Красная Армия! Враг впереди.

<1920>

* * *

Нет, не в оковах, не в келье
Мне погасать без любви!
С детства ветрами запели
Вешние зори в крови.

С детства, как травы, как нива,
Солнце текучее пью.
С мощным апрельским разливом
Звонко смеюсь и пою.

Жизнь безудержным потоком
Хлынула в юную грудь.
В вешних просторах широко
Лег уплывающий путь.

Землю ласкаю шагами.
Ветер ласкает меня.
Золотом выткано знамя
Незаходимого дня!

<1920>

ТРУД

Один удар миллионов молотов,
Один взмах миллионозв коз —
И вспыхнет светлое золото
Грядущего счастья рос.

Миллионы брошенных лопат угля —
И загорит ликующими огнями
И зацветет радостно земля
Счастья солнечными цветами.

<1921>

ДЕТЯМ ПОВОЛЖЬЯ

Голод шагает Поволжьем,
Смерть смотрит нагло в глаза...
Что же, рабочий, ты должен,
Что же ты должен сказать?..

Там увядают и дети —
Жизни грядущей цветы:
В месяцы трудные эти
Их не забудешь ты!

Вспомнишь про детские слезы,
Вспомнишь про детский плач...
— Прочь, ненасытный и грозный
Голод — слепой палач!

Мало всего у нас, мало,
Но коли час их приспел —
Крови по капельке алой
Выльем для них из тел.

1921

ДЕКРЕТЫ

По лужам, по грязи смешная девчонка
Бежит, предлагая газеты.
Как воробей, заливается звонко:
— Декреты! Декреты! Декреты!

Вся власть Советам — декрет номер первый,
Мир всему миру — декрет номер два...
От крика — у барынь мигрени и нервы,
У генералов — кругом голова.

У генералов дрожат эполеты,
От страха? от смеха? — никак не понять.
Фыркают франты: «Собачьи Советы»,
И уверяют, что на три дня.

Девчонке нет дела, базарит газеты
Налево, направо... Смешная, постой!
Ты прочитай и пойми, что декреты,
Эти декреты — для нас с тобой.

Отец — на войне, задыхаясь от газов,
Мать — на табачной, чахоткой дыша, —
Слышат твою равнодушную фразу
И за газеты приняться спешат.

Читая, подумают оба, что станет
Их дочка наркомом страны трудовой...
Пойми же, девчонка, пойми же, смешная,
Что эти декреты для нас с тобой.

♦АВРОРА♦

В черный, глухой, притаившийся город
Неотвратимо вступила «Аврора»;
Вымпелом красным, как гневом, горя,
В город вошла голубая заря.

Пугаясь в царском изодранном гимне,
Заледенел от предчувствия Зимний, —
В окна орбиты орудий глядят,
По колоннадам снаряды летят.

Штормом с земли поднимается город
На баррикады... «Аврора», «Аврора»,
Крепость, огни, мосты, Нева...
Кружится сердце и голова,

Кружится небо и мостовая, —
В новую, светлую жизнь голубая
Входит «Аврора», подняв якоря,
Городу, миру — заря! заря!

1917

ЛЮБОВЬ

Словно бисером, солнце панели
Осыпало, лаская людей...
Это было в веселом апреле
На одной из больших площадей.

Ты меня, одинокого, взглядом
Озарила, как солнце, вдруг...
И пошел я с тобою рядом,
Словно старый, испытанный друг.

Я не помню, о чем говорили...
Я не знаю, куда мы шли...
Мы во взглядах признанья открыли,
Мы в улыбках ответы нашли.

И когда я домой возвращался,
Всё кружилось и пело, звеня,

Даже камень чему-то смеялся,
Каждый встречный смотрел на меня!

Словно девичьи щеки, краснели
Стекла окон в закате лучей...
Это было в веселом апреле,
Накануне бессонных ночей!

1917

СВОБОДНОЙ РОДИНЕ

Мне всё равно, в какой стране томиться,
Мне всё равно, кто будет надо мной
Стоять с кнутом, насильничать, глумиться —
Английский ли палач, германский или свой.

Не всё ль равно, где под ярмом сгибаться
И получить за труд возможность лишь поесть,
А если нет работ... голодному скитаться
Не всё ль равно: в Берлине или здесь?

Когда ж страна, где я слепой родился,
Перевернула весь наемнический строй, —
Я полюбил ее... я сердцем с нею слился,
Как с сердцем матери родной.

Но Родину мою, как тело Прометея,
Враги и хищники на части злобно рвут...
Ее, свободную, от ярости пьянея,
Они клеймят, насилуют и жгут.

И кровью Родина безмолвно истекает,
Судьбою скованный безумец Прометей...
Но сердце красное в груди ее пылает
Всё ярче, всё сильнее...

И искры сыплются, а ураган, бушуя,
Несет их по земле, роняет там и тут...
Они зажгут весь мир... И в нем восторжествует
Свободный, вольный труд!

1917 или 1918

МЫ — ОДНО

Я и ты... Громче, сердце, стучи!
Пусть два слова сольются в одно.
В наше сердце, глубокое дно,
Вольной воли запали ключи.

Капля к капле — шумит водопад,
Камень к камню — сверкает дворец,
Сердце к сердцу — и брызнет свинец,
Загудит, загрохочет набат...

Звонкий звук в золотое звено
Сердце с сердцем навеки сольет.
Вот он, слышите, слышите, бьет:
Мы — одно, мы — одно, мы — одно...

1918

БЕССМЕРТИЕ

Кто скажет: «Я достиг», тот — труп окаменелый,
Кто вымолвит: «Довольно!..» — тот умрет...
Бессмертен взлет безумный, дерзкий, смелый,
Вперед, всегда вперед, без отдыха — вперед!
Бессмертно бурное, стихийное движенье;
Бессмертна мысль, горящая огнем,
Огнем желанья, восторга, вдохновенья,
Горячим, трепетным, сверкающим огнем...
Желаньям нет конца, восторгам нет предела:
Еще, еще узнать... еще, еще постичь...
Кто скажет: «Я достиг», тот — труп окаменелый,
Его не шевельнет кипящей жизни клич!

1918

БЕЗ ОСТАНОВОК

Разрезая пылающей грудью черную тьму,
Грохотом,
Свистом,
Шипеньем
Тревожа молчанье холодных полей,
Как вызов,

Как пламенный вызов
В бездонное небо — снопы красных искр,
Он мчится, Железный гигант,
Из мрака,
Из бездны,
Как вихрь!

Эй, машинист!
Крепче сжимай регулятор.
Эй, кочегар!
Еще угля в железную глотку котла,
Остановки не будет!

За тендером грузным, как звенья цепочки,
сцепились вагоны,
Блестящей змеєю светящихся окон пугают
холодную ночь,
Гудят в ожиданьи:
Покажется город гигантский,
Тот Город, куда с нетерпением стремятся они,
Тот Город, куда их могучей рукою ведет
Машинист.

Еще, еще угля в утробу железную!

По стрелкам гремя,
Мимо станций,
Без остановок,
Мчись, Железный гигант!
Без остановок!
Не хватит воды —
Мы собственной кровью наполним котел,
Не хватит угля —
Телами накормим железную глотку,
Вперед!

Горизонт побледнел...
Там, во тьме беспроглядной, ласкающий свет
показался,

Растет...
Всё шире,
Всё ярче...

В пепел —
нужды и насилия цепи!
Рынки рабов безработных —
в пепел!
Храмов и тюрем решетки —
в прах!
Крах
нефтяным королям и банкирам,
папам и пасторам — страшный суд!
Только трудящиеся живут,
только рабочий владеет миром!

Литейщик тогда для себя и для всех
выплавит легкий и звонкий смех;
с песней веселою каждый ткач
радости выткет яркий кумач;
каменщиков непрерывные смены
заложат фундамент
и стройные стены,
перекликаясь, взведут...

Товарищ! Войди в небывалый строй,
где солнцем горит над зеленой землей
свободный и радостный труд.

1918

ПРИЗЫВ

Не коршунов туча, не стая волков —
Мундиры, кресты, эполеты,
Готовя оковы и яд пауков,
Кольцом окружили Советы.

Хотелось ли нам безобразной резни...
Хотелось ли крови и спора...
Мы мир всему миру и счастье несли,
Мы труд выше солнца и звезд вознесли,
Но мира не хочет звериная свора,
А труд ей страшнее позора...
Так что же... молчать... или снова упасть
И ползать пред ней на коленях...

Кормить ненасытную барскую пасть,
Горбаться в презренных именьях?
Сгибаться под старым ярмом и кнутом...
Рабами вернуться в заводы...
Дружнее... знамена свои развернем
И с песней в последнюю битву пойдём
Во имя труда и свободы...

<1919>

ЧАС НАЗНАЧЕННЫЙ

Дави проклятой силой золота,
Дави, покудова молчу...
Молчу... И только гордым молотом
Желаний пламенных стучу.

Стучу... Но близок час назначенный...
Еще удар... Последний... Эй!
Барышник, жадностью охваченный,
Эй, сторож нажитых рублей,

Смотри: проснулся изувеченный,
Восстал задавленный судьбой
И над тобой, свободой встреченный,
Приподнял молот роковой!

<1919>

* * *

Не пойте, не пойте печальных песен —
Печали так много было, —
Тропинку в глухом, неисходном лесе
Свобода для нас прорубила.

Были унылы, угрюмы и хилы —
Стали исполнены жизненной силы,
Крылья свободы у нас за плечами,
Крылья свободы мы создали сами.

<1920>

ГРАНИ ГРЯДУЩЕГО

Н. В.

Из гордых городов — аэропланы,
Стальная стая солнечных стрекоз,
В надзвездные миры, в неведомые страны
Живой, колеблющийся мост.
Энергия труда по радио лучится,
Как аромат весны... Впивай ее, впивай!..
Слепые небеса — разбитая божница,
Земля зеленая — обетованный рай,
Земля — наполненное счастьем блюдо
Для жаждущих влюбленной влаги губ...
Пусть все сердца одним биением бьются!..
Венки лавровые на шпиль фабричных труб!

<1920>

НЕ ОТВЕЧАЮТ

Эй, воробьи востроносые,
Веселый апрель наступает,
Береза зеленые косы
Медленно распускает.

Навстречу любимому руки
Белые заломила...
А мне после зимней доуки
Кто будет милым?

С кем за лето нарадуюсь досыта,
От чьих поцелуев растаю?..
Эй, воробьи востроносые?
— Не отвечают.

1922

КРОНШТАДТ

(Рассказ курсанта)

...Не верилось сперва:
Кронштадт восстал? — Нелепо, дико!
Не может быть, чтобы Кронштадт восстал!
Уже орудия мятежников гремели,

А мы еще всё не решались проливать
Товарищеской крови. И три раза
Мы предлагали сдаться им. . . Когда ж
Отвергнут был и третий ультиматум,
Закрыв сердца, вожди нам приказали:
«На штурм! Во что бы то ни стало — взять!»
И ночью в белых балахонах
Мы по льду шли. Начальники вперед,
Бесстрашием и мужеством вселяя
В бойцов геройство. Полпути,
Прошли благополучно мы, но лапой
Задел прожектор нас, и вдруг —
Посыпались, залопались гранаты,
Заколыхался, зашатался лед. . .
Что было! — Тьма, вода и брызги
Снарядов, рвущихся в клочки,
И клочья человеческого мяса,
И груды трупов подо льдом, и крик,
Крик бешеный, неистовый: «В атаку!»
И разом бросились навстречу смерти мы,
И через смерть перешагнули разом.

1922

КВАДРАТЫ

Этот панельный квадрат,
Такой простой и обыкновенный,
По которому ноги небрежно скользят,
Будет памятником во вселенной.

На него кровавая роса
С казацкой нагайки стекала,
Простреленная голова отца .
В этой росе лежала.

Рассказала бы черная ночь,
Если бы говорить умела,
Как четырнадцатилетняя дочь
Здесь торговала телом;

Как роса, разливаясь, росла
На квадратных, на каменных плитах
И какую мечь принесла
За поруганных, за убитых.

«Кровь за кровь!» — и кровью полки
Смывали угрюмые знаки,
И на плиты красные лепестки
Сеяли красные маки.

Чтобы светлое слово «брат»
Лепестками сплелось неизменно,
Надо помнить, что каждый панельный квадрат
Будет памятником во вселенной.

1922

ОПИЛКИ

Ой, задумал, ой, затеял пилку
Злой мороз по облакам,
И веселые пушистые опилки
Полетели к нам.

Уж засыпали, покрыли, облепили
И меня, и улицу, и мост. . .
А сверху — всё пилит, пилит, пилит,
Не напилится мороз.

<1924>

РАДОСТЬ

Не белая птица машет крылом, —
Радость моя поет за окном.

Бесшумную радость ночь напролет
Радость моя о тебе поет.

А люди по улицам белым идут,
Говорят: соловьи поют.

Смешные. Не знают, что соловью
Я отдал радость свою.

ВПЕРЕД

Свищут пули, кровь струится,
Буря стонет и ревет...
Но свободный поезд мчится,
Всё вперед, вперед, вперед!
«Смерть врагу», — стучат колеса,
Развивая скорый ход,
Всё сметая под откосы,
Что преградою встает...
В буре мести ярко блещут
Красным светом фонари...
Поезд мчится... Враг трепещет,
Видя свет иной зари...
Свищут пули, кровь струится,
Буря стонет и ревет...
Но свободный поезд мчится
Всё вперед, вперед, вперед!

<1918>

ТОРЖЕСТВО РЕВОЛЮЦИИ

Вот брызнули волны электричества
На Красный Петроград —
Это стройно идет его величество
Пролетариат...
Не в порфире, горящей золотом,
Как бывало в темную старь, —
С гордым серпом и молотом

Проходит правды царь...
Звуки «Марсельезы» гремят и волнуются,
Блещет ружейная сталь.
Знамена с ветром целуются
И плывут в голубую даль.
Вот на мрамор Лассаля-борца
Старушка, луны седей,
Долго и набожно крестится
За всех убиенных вождей.
«Память вечная соколам ясным,
Пострадавшим за грешных нас», —
И по щекам морщинисто-красным
Грустных слез засверкал алмаз.
А площадь в гудящем хоре
В необъятных тонах растет.
В каждом зажженном взоре
Радость победы цветет.

1918

СЛАВА ОРЛАМ БОЕВЫМ

Грозно бушуют валы огневые,
Море в лучах златотканых поет:
Слава и честь вам, орлы боевые,
Несшие Красное знамя вперед!

Вздвинул и пятится враг пораженный,
Чуя бессилье и гибель себе, —
Слава героям за подвиг свершенный,
Вечная память погибшим в борьбе!..

Кто же, смельчак, против огненной лавы
С красным матросом в борьбе устоит?
Гей вы, герои, достойные славы, —
Слава о вас по вселенной гремит!..

Грозно бушуют валы огневые,
Море поет в златотканых лучах:
Слава и честь вам, орлы боевые!
Вечная слава погибшим в боях!..

<1919>

ЗДРАВСТВУЙ, ЦАРЬ-НАРОД

То ли дело в светлой воле,
После долгих, тяжких бед,
Разгуляться в чистом поле,
Поглядеть на белый свет!..

Сбросив тяжкие оковы,
Позабыв печаль и гнет,
На приволье жизни новой
Сердце юное вздохнет...

Светлой жизнью опьяненный,
Дух торжественно поет:
Здравствуй, край мой обновленный,
Здравствуй, царь царей — народ!..

<1919>

ГИМН СВОБОДЕ

Солнце горит величаво...
Сердце в восторге поет.
Славься, увенчанный славой
Русский свободный народ.

Стройно под стягом Коммуны
Шествуй, глашатай любви,
Пылкой душою и юной
К братству народы зови.

Красные братья, ликуйте,
Пойте о счастье судьбы,
Сестры, душой торжествуйте:
Мы не рабы, не рабы!..

Солнце горит величаво...
Музыка мощно поет.
Славься, увенчанный славой
Русский свободный народ.

<1919>

В ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ

Тучи солнышко завесили,
Дождик плачет за окном.
Почему ж сегодня весело
Мне работать за станком?

Дождик утром брызгал лихо,
Шел я хмурый на завод,
С Катей, девушкой-ткачихой,
Повстречался у ворот.

Расстреляли в сердце скуку
Кати синие глаза,
Мне пожав с улыбкой руку,
Побежала к корпусам.

Всюду хмуро, всюду тени,
Тучи скрыли небеса;
Не жалею... их заменят
Милой девушки глаза.

<1922>

ПОСЛЕ РАБОТЫ

Призадумался вечер румяный
Над окраиной дымной, усталой, —
Вышел с завода я пьяный
От грохочущих песен металла.

Загорелись зрачки фонарей,
Я, усталый, шагал не спеша,

А волны приводных ремней
Плескались в моих ушах...

Поработал я нынче здорово!
Мокрой стала рубаха от пота,
Так и тянет прилечь у забора —
Отдохнуть-то мне очень охота!

Спрессовались на улице сумерки,
Стало всё мне кругом незнакомо,
И зарницы на западе меркли,
Когда подходил я к дому.

Ночь в темно-синем плаще
Сменила задумчивый вечер,
А дома, за чашкой шей,
Сладостно ныли плечи.

<1922>

РАДИОБАШНЯ

В синеву на полтораста метров,
Откуда видно далекие пашни,
До туч, гоняемых ветром,
Выросла радиобашня.

Сжималось кольцо блокады,
Когда наши рабочие плечи
Поднимали эту громаду
Над Замоскворечьем.

Не беда, что она немного
Эйфелевой башни ниже,
Всё же тучи, воздушной дорогой
Пробегая, ей голову лижут...

Нашей работы упорной
Что может быть бесшабашней!
Когда нас душили за горло,
Мы строили радиобашни.

<1922>

КАЖДЫЙ ИЗ НАС — МАТРОС!

Это мы,
Это мы, комсомольцы, —
Шефы Красного флота,
Каждый день
Поутру
Вместе с солнцем
На заводы выходим работать.
Ну и что ж,
Что кораблей и моря
Большинство не видали в глаза.
Об этом
Не стоит вздорить,
Когда многие могут
Сказать:
А разве каждый из нас не моряк?
Разве трубы завода
Не мачты?
И мы на фронтах Октября
Вынесли бури и качки.
И нас
По утрам сирены
Вызывают
На вахту к станкам,
Где до вечера
Черною пеной
Плещет завод
В облака.
Разницы нет —
Сухопутный, морской ли,
Бурей каждый из нас упоен.
Доплывем мы,
Хотя и не скоро,
К маяку
Грядущих времен.

<1923>

В МОРОЗНЫЙ ДЕНЬ

По морозу гулять неохота...
На углах извозчики стынут,
А я шагаю домой с работы,
На затылок фуражку сдвинув.

Кровь моя зябнуть не может:
Человек рабочий не даром;
И примером для всех прохожих
Поскрипываю по тротуару.

А мороз-то веселый и грубый
Щиплет и щиплет уши,
Целует и в щеки, и в губы,
Того и гляди — задушит.

Чуть не бегом до дому,
Молодецкая сбита спесь,
И, ухо прикрыв ладонью,
Отдаю морозу честь.

<1923>

РАБОЧИМ ПОЭТАМ

Все мы, все мы пережили многое,
Что и за сто лет не пережить.
Только как всё виденное дорогою
В строчки песенные вложить!

Позабыв про отдых, сон и дрему,
Позабыв страданье, смерть и страх,
Написали мы великую поэму,
Но пока лишь кровью на полях.

Мы несли тяжелое беремья
Много дней, и славных и лихих.
Ничего, братишки, будет время,
Мы научимся писать стихи.

<1923>

1

Ночь на улицах электроточки
Порасставила и, кончив дело,
Поднялася кверху и надела
Звездами усыпанный платочек.

Но, не в обиду этой ночи,
Я бы мог самой ей доказать:
Мне милее девушка в платочке
Алом и со звездами в глазах.

Хорошо брести по улицам знакомым,
Огоньки нас манят впереди.
Вот у этого большого дома
Мы на каменном уступе посидим.

Ночь весенняя проходит скоро,
Но до самой утренней зари
Мы послушаем, как сонный город
Тихим гулом будет говорить.

2

При товарищах ли быть случается,
Мы такие, как и все, с тобой,
И едва ли кто и догадается,
Что в сердцах у нас запряталась любовь.

А когда, неся с собою радость,
Ты приходишь вечером ко мне,
Почему от слов и жгучих взглядов
Начинаем оба мы пьянеть?

Словно змеи, обовьются руки,
И не вырваться из их колец.
Всё быстрее, сильнее перестуки
Наших вспыхнувших сердец.

И когда сердечные пожарища
Ненадолго ласкою потушены,
Мы по-прежнему с тобой товарищи,
И ничто меж нами не нарушено.

<1923>

НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Когда сегодняшнее станет вчерашним,
А город стихает во власти сна,
Куранты на Спасской башне
Вызванивают «Интернационал».

И, срываясь с башни старой,
Над пустынной площадью проревя,
Летят певучие удары
И в Америку, и в сонную Корею.

И каждый удар, оставаясь звонким
За тысячи верст от кремлевских башен,
Королям и банкирам в барабанные перепонки
Прозвучит ненавистным маршем.

А для тех, чьи жилистые руки
Творят на фабриках и в глубях шахт,
Под гул машин кремлевские звуки
Им о борьбе пропоют в ушах.

И будет время:
На башнях и Англии, и Испании,
А не только в Москве у нас,
Будет такое же вызванивание.
Ведь недаром —

Каждый раз,
Когда сегодняшнее станет вчерашним
И укутается в тучах луна,
Минин с Пожарским под музыку башни
Поют «Интернационал».

<1924>

1 МАЯ 1919 ГОДА

Оживает прошлое в глазах...
Помню, с первомайскими знаменами
Мы шагали стройными колоннами
Несколько лет назад.

Было пусто в желудках у многих,
Только в сердце зато полно,
И песни, бодрость вливая в ноги,
Перекатывались волной.

Но тогда под страхами беды
Были мы на всё готовы,
И щетинились рабочие ряды
Стальными иглами винтовок.

И со всеми равным братишкой,
С дрожью голодной в ногах,
И я, пятнадцатилетний парнишка,
Тоже с винтовкой шагал.

Гордостью билось сердце.
Думал: «Не страшна напасть,
Ну что теперь нам до белогвардейцев,
Если у нас оружие и власть».

С неба падали пропеллеров трели...
Было это несколько лет назад,
Кругом сдвигалася гроза,
А мы шли с винтовками и пели.

<1924>

* * *

День уйдет, утихнет город,
Улыбнется месяц за окном.
Каждый раз в такую пору
Я сижу задумчив за столом.

Месяц, месяц, ты любимец ночи,
Будь хорошим, подкажи,
Как в стихов размеренные строчки
Сердце мне свое вложить.

Не ответит месяц на мои вопросы,
Самому придется разрешить.
Вьется дым кудрявой папиросы,
Я сижу задумавшись в тиши.

А пока гуляет ночка
До утра по улицам пустым,
Я кусочки сердца в виде строчек
Положу на белые листы.

<1924>

МАТЬ

Когда зорька гаснет над домами
И затихает города шумиха,
Я грущу такими вечерами,
Вспоминая мать свою, ткачиху.

Умирая, мать мне не оставила
Ни локона и ни портрета,
И лицо ее как облачко растаяло
Под лучами солнечными летом.

Годы детства, серые, убогие,
Мне не были жизненной весной,
Сохранилось в памяти немногое,
Как обрывки смутных снов.

По утрам, когда гудок-крикун
Звал за стеклами оконными,
Видел часто: уходя на фабрику,
Мать склонялась пред иконами.

Целый день с ребятами балую,
Ночь придет — свернусь под одеялом,

А сонный, чьи-то поцелуи
На щеках я чувствовал, бывало.

В дни воскресные за швейною машинкой.
Сядет, распуская волосы,
И звенит печальным голосом,
Словно в день весенний льдинка.

Помню день (не мог он обождать!)
И со мною плачущую осень.
Горсть земли, сырую от дождя,
Я в могилу материну бросил.

Мало знал я ласки и привета,
И лицо родимой в памяти растаяло.
Умерла, а сыну не оставила
Ни локона и ни портрета.

<1924>

ЛЕНИНЕЦ

Электромеханику М. Калашникову

Каждый раз, когда вечер алый
Уходит уснуть за город,
Он приходит домой, усталый
От гудящих электромоторов.

За день усталость грузом
Засела в его плечах,
А он в синей рабочей блузе
Садится за том Ильича.

На бульварах электроточки,
Дамы, духи, наряды,
А он по дорожкам строчек
Бродит упорным взглядом.

Жизнь не раз разразится громом
И не раз еще бурей вспенится,
Но от слов дорогих и знакомых
Закаляется сердце ленинца.

Стол залит электрическим светом,
В углах притаились тени,
И беседуют чуть не до рассвета
Он и Ленин.

<1924>

ПАМЯТИ ПОГИБШИХ

(Коллективное произведение литературной студии Московского пролеткульта)

Удар из-за угла — не первый. . .
Теснее вновь ряды сомкнем
И наши проволочные нервы
Сегодня закалим огнем.

Из-за угла удар позорный —
Обычный вражеский прием,
Но мы, железные, упорно
И неуклонно вдаль пойдем.

Товарищи. Нас миллионы. . .
В мятежных бурях огневых
Мы растоптали их короны,
Теперь растопчем их самих.

Мы на посту своем, и, что бы
Ни ждало нас в победный год,
Мы на призыв звериной злобы
Ответим грозovým: «Вперед!!»

1919

ЭС-ЭРОВСКИЙ КАПРАЛ

(По Беранже)

В ногу, эс-эры, идите;
Знайте, что мы не одни...
Все как один затыните:
«Боже, буржуев храни...»
С нами идут и кадеты —
Партии нашей канва.
Так же морально раздеты...
В ногу, эс-эры! Раз! Два!
Землю и Волю!
Барскому полю!
Раз! Два! Раз! Два!

После царя Николая
Был на Руси и царек.
Жаль, что семья трудовая
Встала ему поперек.
Но не беда, что солдаты
Нынче — всему голова.
«Бабушки» наши богаты...
В ногу, эс-эры! Раз! Два!
Землю и Волю!
Барскому полю!
Раз! Два! Раз! Два!

Два миллиончика ровно
Партии нашей дано,
Чтоб мы плелись поголовно
С черным ка-де заодно.

Выше знамена-тряпицы!
Лейтесь рекою слова
По переулкам столицы!
В ногу, эс-эры! Раз! Два!
Землю и Волю!
Барскому полю!
Раз! Два! Раз! Два!

29 ноября 1917

* * *

Вековую мораль
Всепрощенья Христова
Мы расплавим, как сталь,
На огне мятежа мирового.
Формы новые миру дадим.
Для вагранки угля раздобудем.
Если надо — и жизнь отдадим,
Но Европу разбудим!

21 января 1918

* * *

Эти годы, месяцы и сутки,
Ночи, дни, часы, минутки,
Миги —
Наших песен о грядущем звуки
С похвалой запишут внуки
В летописей книги.

Январь 1918

ВЕСНА ВЕСНЫ

Первое Мая 1918 года —
это весна весны.

А. Луначарский. «Пламя»

В мир поддельный рождества
Мы не верим, как и в пасху,
Трудовые празднества
Сбросят с них сегодня маску.

Лжепророки не нужны
Пролетарию вселенной,
Нам милей Весна Весны
Всей поповщины презренной.

22 апреля 1918

ВЛАСТЬ СОВЕТСКАЯ ТВЕРДА

Советская власть — это твердая
власть, увь, не с того лишь боку.

Вл. Пуришкевич

Власть советская тверда,
Но с конца совсем другого:
Без особого труда
Отшвырнула Милюкова.

Власть советская тверда
С пролетарского лишь боку:
Победила навсегда
Паразита-лежебоку.

Власть советская тверда,
Только с левой лишь сторонки:
Не воскреснут никогда
«Коалиции» подонки.

Власть советская тверда —
Кто сравняется с великой:
Не осталось и следа
От корниловщины дикой.

Под знаменами Труда
И от масс неотделима,
Власть советская тверда
И в бою непобедима.

5 мая 1918

ЗОЛОТЫЕ СЛОВА

Борьба продолжается

*(Из последней статьи
тов. Володарского)*

Золотые слова!
И не год, и не два
Будем мы у станка вспоминать.
Если нас перебьют —
Наши дети споют,
Чтоб те песни векам передать.

Июнь 1918

* * *

Мы — первые раскаты грома
Грозы мировой,
И нет в Европе такого дома,
Избы такой,
Где бы нашему голосу не внимали,
Дух затая.
Мы первые в мире восстали...
Европа, очередь твоя!
<1919>

ТУДА

Туда,
Где снаряды рвутся,
Пусть ежедневно несутся
Литературные поезда
С пищей духовной,
Коммунистической, кровной.
В этой пище на фронте большая нужда.
Туда,
Для красных геройских полков
И вы, поэты труда,
Несите больше стихов...
Слагайте гимны и оды,

Чтоб распевали их всюду народы
Во веки веков.

Туда,
Где решается участь рабочего класса,
Где красные взводы берут города,
Не медля ни часа,
Айда!

<1919>

НАБАТ

Пусть моралисты и эстеты
О нашей «грубости» кричат,
Но мы, рабочие поэты,
Еще сильнее бьем в набат:

Когда республика Советов
Окружена со всех концов,
Не до лирических сонетов,
Не до лирических стихов!

В красоты матери природы
Тогда влюбиться может стих,
Когда все страны и народы
Повязку сбросят с глаз своих.

Когда республика Советов
Окружена со всех концов,
Не до лирических сонетов,
Не до лирических стихов!

Тогда мы будем петь лагуны,
И шум лесной, и говор рек,
Когда под красный стяг Коммуны
Придет строитель-человек.

Когда республика Советов
Окружена со всех концов,
Не до лирических сонетов,
Не до лирических стихов!

<1919>

НА УРАЛ!

В ногу, товарищи, в ногу!
Духом не падать! Вперед!
Красным полкам на подмогу
Долг пролетарский зовет!

Дали отставку мы богу
И рассчитались с попом...
В ногу, товарищи, в ногу!
Все на борьбу с Колчаком!

В ногу, товарищи, в ногу!
С песней могучей вперед!
Нашим полкам на подмогу
Запад рабочий идет.

Массы ль Европы не смогут
Свергнуть, как мы, капитал?!
В ногу, товарищи, в ногу!
Все как один на Урал!

Весна 1919

В ДЫМУ ПОЖАРОВ

Над Русью зарево пожаров,
В дыму далекие поля,
Дрожит от яростных ударов
И сотрясается земля.

Идут вперед за взводом взводы
С винтовками наперевес,
Чтоб враг восторженной Свободы
Погиб, развеялся, исчез.

Пусть мы в стальном кругу зажаты,
К нам явится на помощь брат;
Наступит грозный час расплаты
В огне мятежном баррикад.

И будет в знойном вихре боя
И в грохотании пальбы
Звенеть прекрасное, святое:
— Отныне люди — не рабы!

<1921>

МАЛЕНЬКИЙ ФАКТ

Братишка мой — из «фабзайчат»,
Парнишка шустрый и ловчага,
Паял, и клеил, и стучал,
Планы чертил и рвал бумагу.

Стучал неделю, сохраняя
Сосредоточенность и важность,
Потом к себе втащил меня,
Как взрослый забасил, протяжно;
Ко мне придвинул чертежи,
Куснул рассеянно краюшку
И гордо руку положил
На самолет — модель — игрушку:
«Хочу устроить так завод —
Мотора нет, вот в чем всё дело! —
Чтобы дала пружина ход,
Пропеллер завертела».
— «Какой системы? — я вскричал, —
Ведь это, черт возьми, занято!»
И он мне важно пробурчал:
— «Системы Юнкерса, понятно!»
Прищурил глаз: «Еще не всё —
Остался хвост, к пружине крышки...
Его мы в Детский дом снесем —
Пускай играют ребятишки!»

Теперь ко всем:
Конечно,
Это простой пустяк —
Какая-то модель самолета;
Но разве этот маленький факт
Не бьется в такт
С новыми днями Воздушного Флота?
В самом деле,
Это простой пустяк —
Так на «неделю»
Отзваться сумел фабзайчонок.
Взрослый откликнется — знает как,
Как сделать не смог ребенок!

<1923>

ПИРУШКА ДЕСЯТИ

(Группе «Твори!»)

К нам, кто сердцем молод.
Ветошь веков долой!

В. Кириллов

В часы, когда недужат камни
И хлещет дождь о космы фонарей,
Я жду друзей... Стучат в глухие ставни;
Навстречу прыгнула обрадованная дверь.

Всех десятеро тут... Удары по железу
В их песнях слышатся и запах кирпичей.
Поют — как трактор землю режет,
Скользят лучи и пыль на плотность их плечей;

О жаркой зелени пахучей нефти,
О черном золоте надземных теремов,
О цинке, стали и глазах невесты,
Как прется на поля толпа седых домов;

Что в глубине души теснятся годы,
От частых гроз лица смуглее медь.
Их десятеро тут, но целые народы
Сквозь их глаза на мир должны глядеть.

Они поют о белой роще пара,
Клокочущей в бока гудящие котлов;
В их песнях слышится и дробь ударов,
И нежность грубая здоровых слов.

У каждого в груди пылающие домны.
Огромный голод — жить: не завязать в узле.
Они поют; ненастной ночью темной
Тепла и солнца много на земле.

<1923>

* * *

Панель как серые глаза любимой;
На окнах синь ее волос;
Ее мне выговаривает имя
Хрипенье мерное колес.

В багряные часы заката
Мой взгляд признал ее мельком,
На большевическом плакате
Вслед машет красным полотном.

Потухла даль, закат железится,
Прет воз по сумеркам льяным;
Она глазам над пылью грезится,
Одетой в камни мостовых.

Который раз забывшись, сизнова
Бездумно хочешь в вечер плыть;
Она уж смехом в вожжи брызнула
Из звонко чокнувших копыт.

Гоню к платформе в куче дыма,
Огни таращит паровоз;
Ее мне выговаривает имя
Хрипенье мерное колес.

<1923>

ГОЛУБЬ

Маленькому другу

Деятнадцатый год, месяц летний;
Помню, голод желудок жег.
Ел сухие, как камни, галеты
И жалеть никого не мог.

А напротив пустая стройка,
Мастерские ушли на врага.
В моей комнате тощая койка,
На столе со шнурком наган.

Подо мной этажи, ворота
И, как бочка, узкий двор,
Там убили на днях кого-то,
Красным был под ногами сор.

Только голубь, ручной и бойкий,
Ворковал на карнизе моем
И летал над пустою стройкой
На соседние крыши днем.

Помню: глаз наметнет на окошко,
Тонким клювом звенит о стекло,
И рука моя вынесет крошки, —
Пахнет гарью, а в сердце светло.

Он такой голубой и кроткий,
Голубь синий, как неба край,
Станет утро таким коротким,
Точно сон, промелькнет игра.

Что нам день другого колючей...
Друг за друга, рука за крыло.
Я на площадь, а голубь в тучи,
В растворенное настезь окно...

Воротился с дежурства рано,
Еще солнце карниз не пекло,
Голубь прыгнул ко мне из тумана,
Как на ветку, на плечи — легко.

Вдруг почувял, намокли руки,
Весь окрасился кровью пух...
А внизу на дворе было глухо,
И от дыма шел горький дух.

Посмотрел, а на крыше мальчишка,
Монтекристо прикрыла нога;

Я поднял и устави́л на вышку
Мой угрюмый и черный наган.

Вижу: мальчик, как солнце, рыжий,
Веснушчат, худощав, как лист;
Крикнул я ему: «Ешь, бесстыжий!»
Бросил голубя в темный низ. . .

А теперь ни в грош разлука,
Никого не жду у окон;
Только крыльями сизого друга
Вечерами цветет небосклон.

<1923>

* * *

Да, это всё когда-то было.
Тюрьма... Цепей железных звон,
Глухая полночь, как могила,
И жизнь, кошмарная, как сон.

Разлука. Слезы и объятья,
Штыков мигающая сталь,
Невыразимые проклятья,
Неизъяснимая печаль.

Над миром страждущим звучали
Слова бездушных палачей,
Росли гнетущие печали
В безбрежном сумраке ночей.

Болела грудь, и гасла сила,
Былых надежд терялась нить...
Да, это всё когда-то было,
Но снова этому не быть!

<1920>

В. И. ЛЕНИНУ

Не хоры птиц в рассветном блеске,
Вдыхая пряный аромат,
Немолчно в алом перелеске
Молитвословия звенят;

Не в честь ликующей природы
И именинницы весны
Шумят клокочущие воды,
Восторга буйного полны.

Тебе от края и до края
Благословляющие труд,
Мир обветшалый потрясая,
Гимн торжествующий поют;

Тебя приветствуют, отважный,
Непобедимый исполин, —
Богатыря страны сермяжной,
Героя сказок и былин.

Ты уничтожил рабства крепи
И к счастью отыскал ключи,
Перековал на лавры цепи,
Сердца рабочих — на мечи.

Зажег в душе их гнева пламень
И искры мужества в очах;
Прогнившее разбил о камень,
Отжившее развеял в прах.

Привет тебе, великий гений,
Свобод грядущая заря,
Тебя мы славим в песнопеньи
В дни мирового Октября!

8 октября 1920

УТРО

Утро вспыхнувшим пожаром
Лучевой ковер плетет,
Гута дышит знойным жаром
Ртами окон и ворот.

Ей невняты шепот бора,
Нежнопевность тополей,—
Смех ядреный, разговоры
Слушать бабушке милей.

Стеклодувы отдохнули,
Тишь разгулом расцвела,
Блещут огненные пули
Разноцветного стекла.

Мастера на лица строги,
Отирая жаркий пот,
От залого до залого
Не отходят от работ.

Молодежь, как в диком танце,
Закружилась веселей,
Осиянная румянцем
Стеклоплавильных печей.

Позабыты дни бывшие
Неизбывчивой тоски,
Речи пламенны живые,
Песни бодры и звонки.

1920

БЕЙ МОЛОТОМ

Бей молотом! Бей молотом! Бей!
Окрашены лица пылающим жаром.
Железное плавим мы в пламени горна.
Работают руки проворно-проворно,
И вторит нам тяжело вздыхающий мех:
— Э-э-эхх! Э-э-эхх!..

Ничто не дается рабочему даром:
Удар за ударом!
Удар за ударом!

Бей молотом! Бей молотом! Бей!
Река соберется из капель-то пота...
Прилипла к усталому телу рубаха.
Но мягче железо от каждого взмаха,
От каждого вздоха спореет работа —
И дышит, и охает кожаный мех:
— Э-э-эхх! Э-э-эхх!..

Наполнены легкие чадом-угаром,
Всё тише, всё ниже вздымаются груди...
А надо немало Коммуне орудий!
А надо немало штыков-то для всех,
— Э-э-эхх! Э-э-эхх!..

Ничто не дается рабочему даром:
Удар за ударом!
Удар за ударом!
Бьем молотом! Бьем молотом! Бьем!

<1919>

«ПОСТОРОННИЕ»

Мы-то?.. Для нас — что Колчак, что республика.
Мы — посторонние, зрители, публика...
Бейтесь, а мы, мы сыграем «в очко».
Мы не расстанемся с тьмою и тиною!

Что нам до тех, что питаются псиною:
Есть у нас хлебец, навар, молочко...
Сыты и пьяны, скотинушка богова!
Много ли надо нам? Нам не до многого:

Спрятал в кубышку тыщенок пяток...
А и к чему тут оно, благородное,
Грабим не барское, грабим — народное...
А не украдь-ка — и пей кипяток!

.....
Видели этаких в дни революции?
В общую семью такие вольются ли:
Гниды, пиявицы, плесень — сморчки?
Прочь же их, прочь, ни на что не годящихся,
Вон их из царства борцов и трудящихся,
В шею их! В шею! В толчки!

Март 1919

КОЛЧАКУ

(К отпору черных сил)

То сулил нам власть кадета,
А теперь сулишь царя нам?
Но не быть тому, чтоб где-то
Воцариться вновь дворянам.

Прочь разбойника соседа!
Ни в Москве, ни за Уралом
(Не считайте явью бреда)
Не «зажить» вам, генералам.

Хочешь взять страну измором,
За Вильсоновскую взятку?
Эй, товарищи! К отпорам:
На Урал! На Пермь! На Вятку!

Сняты маски. Краски стерты:
Ясно видим вражье рыло...
Как бы не был, враг, хитер ты —
Не бывать тому, что было!

Апрель 1919, Казань

ПОСАДКА

Платформа давит, как тиски.
Шипенье... Говор... Шорох ног...
Разноголосые свистки...
А резче всех — второй звонок.

Тяжелой поступью штиблет
Стуча, бегут за кипятком.
Ни галунов, ни эполет:
Кто военком? Кто политком?

Запели хором «Ермака»...
Толкнул вагоны конь-гигант.
Рванулась под сердцем тоска,
А на груди, над сердцем — бант.

Старушка в дымной полосе:
Лицо — в слезах... А может — пот?
— Садитесь! Все ли сели? — Все!
— Далеко ль, Ваня? — На господ!

Звонок... — Прощай, сынок. — Ур-ра!..
В глазах у юношей — огонь.
Загромыхали буфера,
И звонко взвизгнула гармонь.

Апрель 1919

СЕГОДНЯ

Сегодня мы в одном — одно,
И все равны, трудясь и строя:
Ни опустившихся на «дно»,
Ни многочисванного «героя».

Не называй по именам,
Кто сделал то, кто сделал это.
И отдаленным временам
Не создавай фетиш поэта.

Помножив воли и умы,
Соединивши мозг и руки,
Сегодня выявились мы,
Приняв Россию на поруки.

Товарищи! Давно б пора
Приняться враз за дело наше.
Забудем мрачное *вчера*:
Сегодня радостней и краше.

<1920>

ПАХАРЮ

Эй! крестьянская, дремотная
Рать и силища несчетная,
Пахарь земли!
Внемли:

Искони мёр ты от голода,
Мёр — и молчал,
Дрогнул от зимнего холода
И... вымирал.
Страхом и богоугодием
Был одержим,
Перед «его благородием»
Нем, недвижим...

«Власти от бога поставлены, —
Врали попы, —
К богу чтоб были направлены
Ваши стопы!
Власти — суть права блюстители,
Правды оплот,
Вашего скарба хранители,
Власть — да живет...»

Ядом поповским отравленный,
Был как шальной.
Бил тебя пьяный, отъявленный
Зверь — становой.

Били тебя и в потылицу,
И за порог
Гнали корову-кормилицу
Сбыть за оброк.

Если ж от козней мучителей
Было невмочь,
Всех чудотворцев-святителей
Звал ты помочь.
Не уставал ты надеяться —
Минет беда...
Но чтоб с врагами помериться —
Где там, куда:

— Бедным богом заповедано
Пострадать и претерпеть...

. . . . .
— Эх! Каб знато всё да ведано,
Раньше б в руки кол и плеть,
Да бездельников от младости —
И попов, и кулаков —
По шеям бы! к общей радости
Горемык и бедняков.

. . . . .
Эй! крестьянская, дремотная
Рать и силища несчетная,
Пахарь земли!
Внемли:

Что подгнило, отжило —
Новым заменяй!
Что годится в будущем,
Целым сохраняй!
Красными коммунами
Жизнь до дна взволнуй,
Волю коллективную
Властно продиктуй:
— Быть других посмешищем
Мне не по плечу.
Будет, понамаялся,
Больше не хочу!

Трепещите, вороны
Разных стран, племен:
Пахарю-крестьянину
Коммунизм — Закон.

Октябрь 1918

ПОГИБШИМ БОЙЦАМ

Не пойте над нами печальных стихов
И слезы напрасно не лейте!
Не сыпьте над нами высоких холмов,
Погибших бойцов не жалейте!

Сознательно шли мы на бой со врагом,
С врагом трудового народа,
Мы полили кровью великий тот дом,
Где властвовать будет свобода.

За светлое Завтра сегодня легли,
Тела наши в землю зарыли,
Но знайте, друзья, не совсем мы ушли,
Землею наш дух не покрыли.

Свободный, могучий, он будет витать
Как птица, над вами, герои,
И в дни испытаний ваш дух укреплять,
Твердить вам о долге, о воле.

О сестры, о матери, полно рыдать
Над красным бойцом — коммунаром:
Наш жребий такой, нам пришлось умирать,
Но смерть не пройдет наша даром!

На прахе погибших во славу труда,
За счастье людей истомленных
Взойдет новой жизни святая звезда,
И цепи падут с угнетенных.

И мир возликует... Знамена побед
Взовьются над старой землею.
Рожденные духом придут к вам на свет,
Чтоб жить трудовой семьею!

1919

ПЕРЕКОП

Перекоп — заповедный порог
 На распутье тернистых дорог.
 За горою — гора, за окопом — окоп.
 Это — щит темных сил, Перекоп.
 Весь закованный в сталь и бетон!
 Не молитва, но трепетный стон
 Из груди вырываются-просятся
 И на крыльях восторга уносятся
 В эту страшную близкую даль...
 Там, разбивши каленую сталь,
 Красный воин свершил неизбывное чудо!
 Вижу тусклую зимнюю ночь...
 Из орудий палит озверелый Иуда...
 Вырастает из трупов над грудой груды!
 Кто осмелится страх превозмочь?!
 Но взвивается выше Багряное знамя.
 Подымаются красные лавополки!
 Под снарядным дождем, под свинцом
пулемета,
 Сквозь ревущее адское пламя
 Пробивается грозно за ротою рота,
 За командой команда...
 В страхе дрогнули вражьи полки!
 Заметались стальные ворота...
 Заметалась черная банда,
 Словно пойманный вор...
 «Гей, товарищи! Смело в штыки!
 Мы у цели! Еще лишь напор!»
 1920

* * *

Посвящается т. Ленину

Плыл могучий орел в голубой вышине
И смотрел в необъятные дали.
А внизу, притаясь, копошась в стороне,
Злые гады орла поджидали.

Их и жег, и бесил смелый, огненный взгляд,
В дикой злобе те гады шипели
И пускали в него свой испытанный яд,
Но их яд не достиг своей цели.

И придумали так: прокрадемся в друзья,
Мы друзьями орлу назовемся.
Полетит ли он вновь, коль ужалит змея?..
Мы тогда над орлом посмеемся.

Был доверчив орел: он в беседу вступил,
Опустившись на землю, с змеєю.
Миг... и жало впилося... яд крыло поразил...
Но орел наш парит над землею.

Он поднялся опять в поднебесную высь,
А предателям будет расплата.
Беспощадно отомстить за отца поклонились
Копошащимся гадам орлята.

1918

ТОВАРИЦУ

Быть смелым, честным, неподкупным
В стране свободной привыкай;
Не будь рабом пред «недоступным»,
Пред сильным взор не опускай!

Не будь «законником», но свято
Закон свободы охраняй
И чувство человека-брата
Везде, где можно, проявляй.

Не опускай залитый кровью,
Не кончив битвы, алый флаг —
Оружьем правды и любовью
Сражен последний будет враг.

И мы войдем в свой дом заветный, *
В свой храм из света и лучей,
Где властный труд — титан всесветный —
Скует нам плуги из мечей.

1918

ПОБЕДИМ, НЕ СОМНЕВАЙТЕСЬ!

Еще в мире не бывало
И не видела земля,
Чтоб страна так ярко-ало,
Как Россия, расцвела!
Мы, в ком не было сознанья,
Кто считался дикарем, —
Гордо держим флаг восстанья,
Мир к сознанию зовем!
Победим, не сомневайтесь, —
Близок мира ураган!
Клич гремит: «Соединяйтесь,
Пролетарии всех стран!»
Мы идем к перерождению —
Будет свет и благодать;
Молодому поколенью
Тьмы и грязи не видать.

С нами всё переродится,
Будет мир и труд иной:
И соха не пригодится,
И косуля с бороной.
Где мужик косою машет,
Жнет, согнувшись, жница в жар, —
Землю вольную распашет
Электричество и пар.
Не клочки иль десятины —
Всё под силу станет нам,
Как пойдут гулять машины
По полям и по лугам.
Проползут над миром тучи,
Солнце ярче заблестит;
Труд великий, труд могучий
Всё возьмет и победит!
Будет всем светла дорога;
За победы и труды
Будет хлеба так же много,
Словно в озере воды!
Если пахарь незаметный
И рабочий всё поймут,
То до этой жизни светлой
Непрерывно доживут.
Победим, не сомневайтесь, —
Кружит вещей ураган!
Гром гремит: «Соединяйтесь,
Пролетарии всех стран!»

1919

МУСОРНЫЕ КУЧКИ

Вчера я проходил по шумной улице
Мимо сереньких лавок толкучки
И заметил, как под ногами сутулятся
Одна за другой мусорные кучки.

Я остановился и внимательно
Стал раскладывать их на мелкие части,
И заметил, как они старательно
Готовились к грядущему счастью.

А счастье с улыбкою милою
Игриво махало руками:
Подъехал огородник с вилами
И взвалил их на воз рядами.

Сегодняшним теплым вечером
Я бродил по траве огорода
И дивился, как бодро и весело
Выглядела из кучек сморода!

<1920>

РУКИ

Вот они, мозолистые руки!
Словно гигантские грабли,
Вонзились в земные глубины
Пальцами из красной стали.

Жилы пляшут от буйного хмеля,
Жаждут великой работы,
Хочется раскопать Пиренеи,
Растопить снега их потом.

Вот они, мозолистые руки!
Ими строится зданье
Свободы, искусства, науки,
Чуждое слез и страданья.

<1921>

* * *

В щели брызнули лучи.
Тьма лучами всполосована.
Но железом дверь окована
И потеряны ключи.

«Нет другой дороги? Бей!
Бей тяжелыми каменьями.
Бей разорванными звеньями
Перержавленных цепей».

Тело грязное — как сталь,
Руки жилистые — в ссадинах.
И горят в голодных впадинах
Взгляды, чующие даль.

«Что, неловких ушибем
Неуклюжими ударами?
Здесь темно. Дверями старыми
Мы пройдем за светлым днем».

И, вспугнув нетопырей,
Склон колеблют тяжким грохотом,
В обомшелых сводах с хохотом
Закружилось эхо: «Бей!»

«Бей, товарищи, стучи!
Слабых — прочь! На смену новые!
Потому что дверь — дубовая
И потеряны ключи».

Петли ржавые скрипят,
В темном дубе шире трещины.
«Свет и воля нам обещаны,
И дороги нет назад!»

<1920>

ПО РУСИ

Иду я Русью красною...
Народ-бунтарь волнуется:
На всходы изумрудные
Глядит — не налюбуется.

Кругом леса дремучие
Стоят стеной тенистою,
А сосны красноствольные
Курыт смолу душистую.

У речки — за околицей —
Собрались парни с девками
И пляшут, разудалые,
Со свистами-припевками.

Горят глаза влюбленные,
Хрипит гармонь разбитая...
Ты ль это Русь-невольница,
Кнutom недавно битая?

Ликуй же, краснотеляя,
Взрывай плугами острыми
Земную грудь широкую,
Засей цветами пестрыми!

1917

БРАТЯ

Мы с тобой родные братья:
Я — рабочий, ты — мужик,
Наши крепкие объяття —
Смерть и гибель для владык.

Я кую, ты пашешь поле,
Оба мы трудом живем,
Оба рвемся к светлой воле,
С бою каждый шаг берем.

Я сверлю земные недра,
Добываю сталь и медь,
Награжу тебя я щедро
За твои труды и снедь.

Наши руки мощью дышат,
Наши груди крепче лат,
Наши очи мезтью пынут,
Постоим за брата брат!

Мы с тобой родные братья:
Я — рабочий, ты — мужик,
Наши крепкие объяття —
Смерть и гибель для владык.

1917

РУССКОМУ БОГАТЫРЮ

В заплатном зипуне, с клячонкой захудалой
Корпел мужик над узкой полосой,
В худых лаптях, лохматый, с грудью впалой,
Он песню пел за матушкой сохой.

Ты всех кормил, окованный цепями,
И умирал голодный под ярмом,
Ты землю пропитал кровавыми слезами,
О воле ты мечтал и веке золотом.

Ты гнил в тюрьме, на каторге в Сибири,
На плаху шел, оковами звеня...
Великий наш народ, страдал ли кто так в мире?
Ты жил века во мраке без огня.

Но красный меч прорезал с гневом тучи,
Ударил гром, проснулся богатырь,
И царский трон разбит рукой могучей...
Справляет Русь свободы красный пир.

<1918>

БРАТУ-ПАХАРЮ

Ужель ты, пахарь — сын свободы,
Оденешь сам ярмо раба
И воли огненные всходы
Схоронишь в черные гроба!

Ты слышишь, брат мой по работе?
Дай руку крепкую пожму;
Довольно жить в гнилом болоте,
Развеял взмах орлиный тьму.

И ты поймешь меня, поверишь
Моим словам: я смел и прост;
Умом ты ясным всё измеришь,
Соединит нас красный мост.

. <1918>

К СТАНКАМ!

К станкам, в заводы, вольный брат,
Точить снаряды для свободы!
Сбирайтесь все к труду под своды
Ковать штыки, точить булат.

Зовет нас воля, жизнь, борьба.
Скорей к станкам! Нужна работа.
Дыми, заводская труба,
Вали, рабочий люд, в ворота.

Раздуем горны, загремят
Станки забытые, ликуя,
Застонут стены, заблестят
Каскады искр, творцов целуя.

Во имя счастья, все к станкам!
Борьба идет с врагами ночи.
Дадим снаряды, меч полкам.
Твой долг, спеши в завод, рабочий.

Весь мир объят смятеньем бурь.
Гроза надвинулась, грохочет,
В огне небесная лазурь,
И море красное рокочет.

К станкам! Великий близок час.
Снарядов армии, винтовок!
Враги ополчились на нас,
Но свет сильней стальных потемок.

К станкам, в заводы, вольный брат,
Точить снаряды для свободы!
Сбирайтесь все к труду под своды
Ковать штыки, точить булат.

<1918>

ВЗЯТИЕ ЗИМНЕГО ДВОРЦА

Из окон Зимнего дворца
Глядели грозно пулеметы.
От пляски пьяного свинца
Редели огненные роты.

В дыму смеялся алый цвет
Знамен, простреленных врагами,
И на камнях багряный след
Застыл, затоптанный ногами.

Темнело. Ухали с Невы
Орудья с крейсера «Авроры».

С бездонной неба синевы
Глядели звезд червонных взоры.

Матросы, гордые орлы,
Дворец в тисках железных сжали,
Винтовок черные стволы
По окнам грозным направляли.

И славный «смерти батальон»
В смятении прятался, метался,
Когда дворец со всех сторон
Кольцом пурпурным замыкался.

Враги, сраженные свинцом,
У пулеметных лент застыли,
Бойцы с сияющим лицом
По царским лестницам входили.

И перепуганных «вождей»
Они нашли в светлице царской,
И пал дворец под гром мечей,
И стал он храмом пролетарским.

<1918>

КРАСНАЯ РУСЬ

Разгулялась Русь-бунтарка,
Захмелев от красных струй;
Тесно вольнице, и жаркой
Страстью дышит поцелуй.

Где бывшее царство ночи?
Где с коронами дворцы?
В них живет творец — рабочий,
Льет он свет во все концы.

В городах и селах бури,
Всколыхнулась Русь до дна —
Рвется птицею к лазури,
Волей юною пьяна.

Гей! Гуляй! Ликуй на воле,
Русь свободная от пут!
Засевай цветами поле...
Царствуй, вольный, честный труд!

<1918>

РУСЬ

Посмотри на поля неоглядные:
Колосится кормилица рожь;
И луга, и поляны — нарядные,
Русь свободная, пышно цветешь!

Жницы, девушки нежно-румяные,
Груди полные, очи — огни...
Ароматы пахучие, пьяные,
Отдых сладкий в зеленой тени.

Травы тихо от ветра колышутся,
Солнце золото льет на поля,
Говор, смех несмолкаемый слышится,
Дышит негой и лаской земля.

<1918>

ГРЯДУЩЕЕ

Везде кипит свободный труд,
Гремят станки, пылают горны,
Пилят, и точат, и куют;
Летят с шипеньем искры-зерна.

Лавиной льется медный сплав,
Змеясь, ползут бруски сквозь вальцы,
Сверлит земную грудь бурав,
Скребнут колес гигантских пальцы.

Растут дворцы под мощью рук,
Скрестились рельсы, срыты горы,
В горниле света и наук
Горят людей с восторгом взоры.

Земля гудёт, в дыму, огне.
Мильоны тружеников слито.
В ночной зловещей тишине
Ворчит завод-титан сердито.

Везде кипит упорный труд,
Гремят станки, пылают горны,
Пиля́т, и точат, и куют,
Летят с шипеньем искры-зерна.

1918

* * *

Мы вольны, как степные орлы,
Наше царство — гранитные горы,
Мы открыты, горды и смелы,
Любим солнце, цветы и просторы.

Развенчали царей и богов,
Наши чувства не знают насилья,
Кто заставит свободных орлов
Опустить светозарные крылья!

<1919>

КРЕСТЬЯНИНУ

Брат крестьянин, пред тобой
Путь открыт к заветной цели,
Слышишь ты призыв родной,
Песни огненной метели?
Я зову тебя, приди
К брату дымного завода!
Сердце пылкое в груди
Окрылила мне свобода.
Мы трудились века,
Всё мы создали с тобою —
Для царя и кулака
С чернорясною ордою.
В октябре царевых слуг
Красным венником смахнули.

Молот и крестьянский плуг
Звенья алые сомкнули.
Брат крестьянин, пред тобой
Путь открыт к заветной цели.
Слышишь ты призыв родной,
Песни огненной метели?

<1921>

КРАСНОАРМЕЙЦЫ

Мы идем на защиту свободы,
Крепко держим винтовки в руках,
Месть горит в наших твердых сердцах,
Кровью спаяны вольные взводы.
Мы оставили дымные хаты,
Жен, невест, матерей и отцов,
Мы собрались из разных концов
Для последней, кровавой расплаты.
Вся Россия стоит под ружьем,
Развеваются гордо знамена,
За колонной проходит колонна
Под свинцовым смертельным дождем.

<1921>

ШЕРШАВАЯ ЛАДОНЬ

Расту, расту! Стальные нервы
Закалены среди машин.
Я не последний и не первый
Пришел от голубых равнин.

Пришел, пропахнувший лесами
И с песнями плакучих ив.
Смотрел я детскими глазами
На стянутый ремнями шкив.

Смотрел и думал молчаливо
Под пляску звонких молотков.
И пряталась в душе пугливо
Семья печальных васильков.

Там с каждым днем всё реже, реже
Всплывало дальнее село.
И новый мир в душе забрезжил,
Запело сердце, зацвело. . .

Я полюбил душой глубоко
Заводский грохот и огонь.
Насыщена железным соком
Моя шершавая ладонь.

<1922>

У СТАНКА

В машинном грохоте и гуле
Кружусь я долгие года. . .
Меха кузнечные вздохнули,
Загромыхали привода.

И забубнил тяжелый молот,
И брызнул золотой ячмень,
Расстегнут блузы потный ворот
У кузнеца на целый день.

А у тисков, горбятя спину
И на пилу роняя пот,
Кудрявый слесарь кепку скинул,
Пилит, прищурясь и поет.

А рядом токарь фланец точит
И под резцом хрустит чугуны,
Станок раскатисто хохочет
Под разговор ременных струн.

Стальные волны текут звонко,
Завод дрожит, гудит завод. . .
Закончена шальная ломка,
Пришел строительству черед.

1922

ТКАЧИ

Как солнца мечевидные лучи
Весною вечно землю в зелень рядят
И лес листвою, какой был убран прадед, —
Так мир людской вы рядите, ткачи.

Вы, человечества святые ловкачи,
Травую тканей крася дней години,
Как пауки, вы ткете паутины
Под сводами во тьме углов — ткачи.

И цвета йода зданья, точно туши,
В три этажа запрятав потроха,
Метнули горла ввысь в агонии коклюша
И судорог:

— Кха-кха, кха-кха.

То фабрики, где сотни тысяч рук
Как ветки на стволах в минуты бури;
То ткацкие, места железной хмури,
Станков стальных. . .
— Тук-тук, тук-тук.

Они огородили города,
Как сумрачная, грубая орда,
Стеною зданий, частоколом труб,
С дыханьем черным по заре заката

И криками благого мата
Из дымных ртов без губ.
И дни и ночи светятся их окна,
И дни и ночи тянут там волокна,
Там нити тянут, нити ткут.

Ряды станков, станков железных табуны.
Станков стада,
Дрожат они, дрожат, как от слепней весны,
Нервно машут членами туда-сюда
Под странный вой, жужжанье, звонкий перестук:

Тук-тук, тук-тук,
Тук-тук, тук-тук,
Тук-тук, тук-тук.

О табуны, вам холки, спины
Покрыли бархаты, парчи,
Шелка, атласы и муслины,
Как попоны, епанчи.
Их склоненно,
Их бессонно
Ткут ткачи, ткут ткачи.

Вот они —
Эти толпы, молчания, суровости,
Над станками склоненные ночи и дни,
Тканям рассказывают свои повести,
Ниткам нашептывают свои сны,
Ниток руками касаясь,
Каждой, точно струны,
С каждой бережно маясь,
Как с бороздой новины.

Точно сеятель в борозды вспаханной пашни
Из лукошка бросая пшеничные зерна,
Так в нитки и ткани невзгоды вчерашние
Бросайте из сердца, из жаркого горна.

И ткани зашепчут на белых плечах пресыщенных,
Драгоценные ткани муслинов, шелков и парчей,
О доле ткачей,
Над станками склоненных.

Будут шептать, шелестеть, раздираясь, кричать,
В вихре бального танца, за молитвой в храме,
В час раздумий, страсти на полных кроватях,
Будут сердца раздражать,
Будут жутко рыдать,
Не давая уснуть в обнаженных объятьях,
Шевельнуться — как в тягостной раме.

Будут плечи крутые давить
И прекрасные, зноем палящие чресла,
И груди, бесстыдно поднявшиеся на дыбы, любить.
Ни одна, ни одна не исчезла
Ваша капля
Крови и пота,
Боли, заботы —
И стоит, как в воде над жабами черная цапля.

Знаю, в каждом селе, деревне и хате
Стучат и стучат
Станков деревянных несметная рать,
Ткут грубые ткани без найма, оплат —
Для себя и своих.

И часто у этих ткачей и ткачих
Из пальцев, порезанных нитками,
Струйками жидкими
Капает кровь на полотна,
Так невинно, так беззаботно —
От поры до поры.

И гудят города, как миры,
Дымно-красными горлами труб,
С раскрытыми ртами без губ,
Стучат не смолкая села, деревни и хаты;
И эхо, как птицы, крылато,
Кружит над страной,
Над всей Землей,
Как над великой фабрикой бога.

И как много, как много
Уж выткано тканей на все нужды, запросы.
Куда их, куда?

Отовсюду и всюду влачатся обозы,
Бешено мчатся ветрами в полях поезда,
Кладовые горят сверканием тканей,
Батистов, атласов и ситцев простых.
Для желаний живых,
Может быть для великих желаний?

И чем мы стремительней ткем,
От зари алой до зари алее,
Тем будем оборванной, будем голее,
Тем скорее нам безработицы лом
Поломает спины,
Тем скорее умрем
У недвижимой машины.

Ткачи, ткачи,
Мои вы товарищи,
Занимаются зарева, далее пожарища, —
То встает наше Завтра, бросая по небу лучи,
Как медные трубы.
Взвеем на наших знаменах эти ткани,
Развесим на всех перекрестках,
Путях и дорогах каменистых и жестких,
Да идти ему было бы любо.

Расстелем заране
На версты и мили
Всё, всё, что скопили.

Вижу наше Завтра как пурпурный флаг,
Вижу его первый шаг,
Разбег, размах без запинки, сомнения и риска,
О, как близко оно, как близко.

1917

* * *

Я простой рабочий,
Чье тело и дух попирали, как гада,
Я из последнего круга Дантова ада,
Но поэт и зодчий.

Я не только Иван Филипченко, я — пролетарьят,
Я святого безумья буйный и дерзкий набат.

<1918>

* * *

Беднота, беднота.
Жизнь твоя — это вечных веков катастрофа,
Жизнь твоя — это скорбная мира голгофа,
Ты — два дерева для своего же креста.

Ты огонь и горящее золото,
Вкруг кого хороводами греют ладони банкиры,
Ты бездонная пропасть, куда все богатые мира
Бросают объедки — за труд расплату.

И под куполом звездным,
Под сводом вселенского Храма,
Тебя, как свечу, сожигают для срама,
Тебя, точно жертву, приносят богам неизвестным.
Человечества драма — твоя это драма.

Как безлиственный лес,
Зимний лес по долинам и склонам,
По всему кругозору от края до края небес,
Ты под бурею гнешься со стоном,
Ты, необутая,
Ты, неодетая,
Жалобно сетуя,
Жалобно кутая
Плечи в отрепья одежд.

Распрямысь! Встало солнце пурпурных надежд,
Напряги мышцы рук, титанических рук,
Буре вымолви: Стой!
И сердце перебой,
И сердце перестук
На земле остановят безумие мук.

Буре вымолви: Стой!
Руку дай брату брат,

Подымайся во мгле дымной, пороховой,
Перелей пушки медные в колокола,
Бей в набат.

Чу! Над круглой Землею клекот орла,
Чу, трубные крики и пламя, как взрывы холста,
Как цветы, расцветают мильоны знамен.
Звон, звон.
Беднота, беднота.

<1918>

ПРОЛЕТАРИАТУ

Безумным бегом буря мчится вдаль,
Изгибом гордым запрокинув шею,
Вонзая в небо космы, точно змеи,
Витые кольца, серую спираль.

Бушуют дубы, в дуги гнутся ивы,
Срываются стропила кровель хат,
Табун летит по степи, вздыбив гривы,
Метая ржанье, дикие призывы,
Как труб тревогу конских горл набат.

И облаков стихийные порывы,
И пыль, как облака, со всех дорог —
Всё в бешенстве, круженье, пляске фурий,
По голубой сухой лазури
Бежит, не зная, где рубеж, порог.

И вижу я —
На синеву зенита
Властительно врывается орел.
В размахе крыл, разгневанно, открыто
Круги чертя, разрезал, распорол
Средину туч, как легкая ладья.
Вдруг крылья распластал
И стал
Недвижно в бурю, точно Знак векам,
Точно символ, явленный полкам
Мильонных масс, кем Шар Земной объят.

То образ твой, титан-пролетариат,
Венчанный славой.
То образ твой, двойник.
Как он, ты величавый,
Как ты, орел велик,
В оружии когтистой оторочки.
Как ты,
Простерший крылья правоты,
Средь бурь паришь на беспримерной точке.

1918

* * *

Эта книга —
О Демократии грядущей вселенской,
О сегодняшнем пролетарьяте багряного сдвига,
Кто поклялся клятвою Ленской,
Кого скоро весь мир назовет властелином
Со взором орлиным.

1918

* * *

У меня ни жены, ни возлюбленной,
Не им вдохновенно слагал поэмы,
Стремительный весь, не иззубренный,
Я не мог жить немо.
Народ, быть может, понравится,
Взгляни, право!
Это — огненная моя здравица,
Это — тысячегромное bravo
Тебе, в венке лучезарная слава!
Рост опасный и полон страданья искус твой,
Кошмарно ушел, не вернется навеки,
И огонь, как трюма пожар, касаясь палубной
дэки,
И ни с кем не делимая любовь и искусство,
Будут — твои, твои.
Обнимаю, как сын, как брат,

Слышишь сердце бьется — набат как набат,
И каждый удар его светел и свят.
Мы безгрешны, неправого нет судии.
Одному только верю: я — это ты,
Одно лишь чувствую: ты — это я,
И знаю — не будет последней черты
На наших днях бытия,
О, Демократия!
Ты — полмира пурпурного, о Россия,
Восходящее солнце — доля твоя!

1918

БОЙ БАРАБАНА

Бедноте бездольной бью в барабан я,
Бью, огрубелый в бранных боях:
Там тиран,
Таран там,
Рать там тарабанная,
Трон там — таратайка — мертвый прах.

Солнечный диск догорает средь неба зловеще.
Тени легли, как валежник лесной, и жутко
скрестили,
Точно четкой проволокой, по земле предметы
и вещи.
Мы и знакомых едва различаем — где будем,
где были,
Мы, окованные горизонтом из коней
и орудий, —
До единого враг нас обрек на погибель.
На эшафоте, на дыбе
Смерть в саван наши кутает груди.
Мы хрипим, враг делит пожитков наших
прибыль.

Саван свой белый, шатер облаковый
Тихо со звезд опускает над нами
Пальцев когтями, схожих с подковой, —

Рубище гроба, могильную смердь
Черная смерть
Опускает над нами. . .

Бедноте бездомной бью в барабан я,
Бью, обреченный в бранных боях:
Там — тиран,
Таран там,
Рать там тарабанная,
Трон там — таратайка — трупный прах.

Разве между нами нет бойцов былинных?
Нет вождей, влюбленных в боевой народ?
Нет героев ратных, нет сердец львиных,
Силы ль недород?
Есть, о, есть,
Бесстрашные, как громоотвод.
И врага и молнию разнести
Рвутся.
Так вперед!

Так вперед без оглядки на кровлю
жилища,
Без оглядки туда — на невесту, жену,
Прочь привязанность — станешь рабом иль
нищим,
Прочь занятие мирное, — всё к рожну.
Прочь искусство (на время),
Когда враг нам целится в темя,
Защитим черепа.

Бедноте бездольной бью в барабан я.
Бью, обагренный в бранных боях:
Там — тиран,
Таран там,
Рать там тарабанная,
Таратайка трон там — тертый прах!

Ты воспрянул, я вижу, — вставай.
Ты же встал — двинь железный шаг.

Ты шагнул — ну, ступай.
Ну, стремглав. Ну, где враг!

Ты винтовку берешь, ну, бери.
Ты — топор, ну, бери и топор.
Ты — садись на коня до зари,
Ты — веди пулеметом сговор.

Ты, товарищ, седлай моноплан —
Будешь коршуном, вычтешь цыплят.

Ты — орудий парком на вражий стан.
Ты — тревожь, как зовущий набат.

Все вы здесь?
Готовы? Гневом обуяны?
Ринетесь стеною, дробью барабана.
Каждый через труп врага перелезь.
К оружию всей рабочей страной!
В бой!

Бедноте бездомной бью в барабан я.
Бью, обезумев в бранных боях:
Там — тиран,
Таран там,
Рать там тарабанная,
Трон там — таратайка — мертвый прах.

1918

СЛОВА СЛАВ

Вижу вас, ветром овеянных, лаской полудня,
Солнцем весны,
Демократии могучей сыны.
Вас громадные толпы, за городом гулкового будня.

Город в отворы застав,
Ста ворот,
Катит на просторы в мозаиках трав
Потоки людские, половодье рабочих,
Энергичных, здоровых, единственных зодчих,
Строящих свое Завтра до страшных высот.

За кольцом его серых стен,
В изумрудной окрестной равнине,
Мая первого, ныне,
Мириады кружатся на празднике бога Труда,
Движеньем волнуемы, зовами смен,
Как всегда,
Друг друга, брат брата,
Подругу подруга и сестру сестра,
Любимый любимую и невесту жених с утра,
Замужнюю муж — опьяняют пляской крылатой.

Оркестры гудят вешней музыкой гроз,
Бурей вздыбленной радой,
Разгуляться в бору меж берез.

Вижу овейных ветром полудня,
Солнцем весны,
Загорелых, уверенных зодчих страны,
Смелых, смеющихся в лик суетливого будня.

Знаю рабочих всех рас,
Их радость, забавы,
Их сердце, их мускулы, их сухожилья, суставы,
Их мозг, красный пламень, которым пылают леса,
Корабельные мачты в полуночный час.

Знаю, как были затравленной волка, печальнее пса,
Крепостные, невольники, счастья чужого ткачи,
Кузнецы, кустари,
Над кем полыхали бичи,
Взвивались, метались арканы,
А ныне вы с принцами принцы, с царями цари,
С великанами творчества вы великаны.

О влюбленные в Завтра, вперед!
Сквозь пламенный зной, ледящую стужу,
Сквозь строй со спиной, избитой до мяса,
Переломинами на ребрах,
Пусть кости наружу,
Пусть красная теплая масса,
Пурпурно струясь, заливает глаза,

Нас много, мы выйдем из джунглей недобрых,
Мы выйдем, мы выйдем, нам солнце, небес бирюза.

Слава тому, кто на стройке и в сумерках шахты,
Слава матросам, кормчим, ломовикам,
Слава кузнецам, крючникам,
Слава каменщикам, что гранят граниты, смарагды!

Слава ткачам и ткачихам простой парусины,
Блестящего шелка, атласа,
Слава портным и портникам на магазины,
Слава тебе, трудящаяся бесконечная масса,
Творящая жизни чудо
Всюду и всюду!

Слава согбенным работой у верстака,
Слава работающим у домен и баков нефти,
За конторкой сводящим безумные числа,
Слава, кто льет шестерни, коромысла,
Слава тому, кто в Баку, кто в Нерехте,
Кто в Петербурге по воле гудка!

Вперед, о, вперед! Завершайте свое полукружье,
Сводите железный найденный круг, —
Союз будет золотом руг,
Союз будет наше оружие.
Вперед!

1918

СТАРЫЙ И НОВЫЙ

Он твердо стал, усталый, у дорог,
У перекрестка средь родной равнины,
За ним заводы, зелены, овины,
За ним легла, как циркуль, тьма от ног.
И плуг, напряженный восьмью часами дня,
Ему глубокие на лбу провел морщины,
И мускулы его туги, как шины, —
Рабочий, пахарям родня.
Он, блузу красную повесив на закат,
Лег на поля: заводы — в изголовье,
И звездным одеялом смерть сыновью
Прикроет ночь от головы до пят:

Спи на века в делах рабочего сословья.
А по равнине — мировая сходка,
На дорогах — мириады лиц, голов,
Как подсолнечники, шеи вытянули на зов,
Внимание глаз вобрала чья-то шепотка,
Зрачков тысячи не мигают, взмахом крылатым, —
Точно застыло всё перед аппаратом
Для съемки.

Вдруг осветились потемки:
Встало, кажется, солнце востока
С веером рук,
И каждая — верный гайдук,
И каждая — герой трудового урока,
И вот:

Равнина — живая нива —
Метнулась, не сдержав огневого порыва,
Гремит, протягивая свои руки вперед:

— Это ты, это ты, наш Новый Год?

— Это верный вождь наш, ты, ты?

— С винтовкой, точно ты в поход?

— У тебя бойца черты!

— У тебя удальца черты!

— Он силач рабочий: силачи не молят!

— На груди приготовлен серп и молот!

— Да, да, это я — ваш Новый Год!

Это я — ваших мускулов слава, молва,

Это я — ваши руки и голова;

Ваши ноги — идти по суше и вброд.

Так за мною, рабочий, крестьянин — за штык!

Эй, за мною, израненный западом люд!

Эй, за мною, потогонца заглушим крик!

Впереди и сзади наш враг —

На межах.

Вот я делаю первый шаг, —

Вразмах!

Новый год борьбы.

Новый год труда.

Наш девиз: на дыбы

Всегда.

<1922>

СИНЕБЛУЗЫЙ

Хорошо. — Делай верстный шаг
По вселенной, ты, синеблузый: —
В борьбу полмира впряг,
Впряжешь и в труд безобузый.

Ты вскинул молот на плечи,
Идешь в грозе и гуле,
Заводам и фабрикам навстречу, —
Их трубы — твои ходули.

Ни на миг остановки тебе,
Беззапинно шагаешь, и баста,
И кричишь: вставай, не робей,
Не робей, — ты кричишь, горластый.

Как железо, бесстрашен ты
И бессмертен ты на века,
И отвинчивает винты
От рельс твоя рука.

И взламывает замки,
И валит столбы ворот,
И чугунным гимном гудки
Твой пророчат переворот.

Ни на миг остановки тебе,
Ты бессонно шагаешь, скуластый,
И кричишь, вставай, не робей,
Не робей, — ты кричишь горласто.

Раскрыты глаза и слух,
Козырьком у бровей ладонь:
Всмотрись — то не красный петух?
Не восстанья ли набатный огонь?

Огонь? — бери винтовку.
Заря? — крепче молот держи:
Значит — только еще мятежи,
Значит — только еще приловка.

Хорошо! — Делай верстный шаг
По вселенной, о синемлузый:
В борьбу полмира впряг,
Впряжешь и в труд безобузый.

<1923>

ПЕОНЬ ПЕЧАТНОГО СТАНКА

Визг шкивов,
Бег ремней,
Завыванье ротаций,
Круженье колес и валов,
Взмахи ритмичные рук,
Сотен рук,
Покрытых свинцовой пылью.
Покорные воле единой,
Буква к букве,
Слово к слову,
Строка к строке,
Колонна к колонне —
Целые армии строят из знаков свинцовых,
Целые армии звуков и песен,
Что сбежались из всех городов и селений
По звенящим в далеких просторах
Проводам телеграфным.
Что радио бросил из-за моря искрой мгновенной,
Что телефон прохрипел,
Что почтальон передал за печатью в конверте —
Всё это отлито в знаках свинцовых.

Прислушайся к стуку валов и колес,
Прислушайся к шелесту белой бумаги,
Что завтрашний день в миллионах листов —
На перекрестки,
В вагоны трамваев,
В вокзалы,
В деревни —

Свинцовую песнь разнесут,
О том,
Что где-то в далекой Австралии,
В Индии,
В Конго —
Рабы взбунтовались...

И где-то корабль затонул в океане;
И где-то холера с чумой совершают обход.
Два короля совещаются в море на яхте;
Двое любовников умерли в брачной постели.
У барыни пудель под кличку «Цезарь» сбежал;
Святую икону ограбили трое бандитов;
Кто-то в тюрьме удавился, не снесши неволи;
Кто-то пожертвовал два миллиона на храм;
Кто-то от голода умер среди улицы шумной;
Балерина и бас знаменитый на днях выступают...

И где-то в полях,
В кровавых полях,
Умирают с проклятьем,
Умирают с молитвой
Безвестные братья.
Горят города,
Исчезают деревни,
И растут, как в пустыне пески,
Холмы
Погребенных.

«Война до конца» — раздается.
«Долой оружие» — мощно звучит.
«Вся власть Учредительному собранию!..»
«Вся власть Советам!..»
«Да здравствует социализм!..»
«Да здравствует Красная Армия!»

Над городами взвиваются красные флаги,
Над деревнями.
Новые армии ринулись в бой.
За рубежом кричат о заразе —
О красной заразе.
В панике биржа.
В тревоге купцы, короли и банкиры.

Голоса, голоса, голоса.
О власти. О божестве. О золоте.
Целый оркестр,
Громовая симфония,
Музыка дьявола с ангельским хором
Под треск барабана и пушечный рев.
Где-то троны трещат,
Где-то новых царей коронуют,
Где-то погромы свершают
И террор свирепствует белый и черный,
И встречу несется ответное:
«Мы требуем красного террора...»
«Изменникам смерть...»
«Да здравствует Интернационал!...»

Быстрее кружатся колеса,
Приводы, шкивы и валы,
Ротации воют и стонут,
Мелькают листы.
И так же ритмично
Усталые руки
Свинцовые строят полки.
Колонна к колонне,
Ряд к ряду,
Бесстрастно и прямо
Вперед, и вперед, и вперед
Барабанщики черные,
Знаменосцы свинцовые
На приступ идут.
И новые звуки,
И новые песни,
И новые зори
Несут на знаменах
Усталому миру.

1918

ВЕСНА

Взгляните все робкие люди:
По взмаху рабочей руки —
Вонзились в снежные груди
Горячего солнца штыки.

Долой убивающих холод!
Долой вековую тоску!
Гремит разрушительный молот
По льдинам, сковавшим реку.

И волны могучим напором
С низин взбунтовавшихся бьют,
И дружно чарующим хором
Звонящую песню поют.

А там, по краям небосклона,
Где яркие зори горят,
Выносятся наши знамена
На красный победный парад.

Март 1919

ГИМН КОММУНАРОВ

Мы, дети сильные коммуны,
На свете любим правду, труд,
В душе и сердце вечно юном
Порывы светлые живут.
Поля, леса, луга и нивы
Наш дружный труд благословят,
Трудом мы рук своих счастливы,
В труде мы видим жизни клад!

С трудом — нам ничто роковые удары,
Дружней и смелее вперед, коммунары,
Под алое знамя великих вождей!
Там видим мы счастье и благо людей...
Вперед же, вперед, коммунары, смелей!

У нас у всех одна забота,
Одной мечтою мы горим:
Гнилые тундры и болота
Мы в сад цветущий превратим...
И голод нам тогда не страшен
Средь сел и красных городов,
Когда заблещут ленты пашен
Червонным золотом хлебов...

С трудом — нам ничто роковые удары,
Дружней и смелее вперед, коммунары,
Под алое знамя великих вождей!

Там видим мы счастье и благо людей...
Вперед же, вперед, коммунары, смелей!

Расти, цветы, коммуна, краше
Под ярким пурпуром знамен,
На страх врагам, на счастье наше,
Во благо будущих времен!
Мы за коммуны все стеною
Пойдем от плугов и станков,
И силой рати трудовой
Во прах сотрем своих врагов!

С трудом — нам ничто роковые удары,
Дружней и смелее вперед, коммунары,
Под алое знамя великих вождей!
Там видим мы благо и счастье людей...
Вперед же, вперед, коммунары, смелей!

Хвала труду и каплям пота,
Хвала мозолистым рукам,
Хвала всем любящим работу,
Хвала восставшим беднякам.
Хвала и пашням и заводам,
Взрастившим храбрых сыновей,
Хвала погибшим за свободу
В объятьях тюрем и цепей!

С трудом — нам ничто роковые удары,
Дружней и смелее вперед, коммунары,
Под алое знамя великих вождей!
Там видим мы благо и счастье людей...
Вперед же, вперед, коммунары, смелей!

<1922>

МЫ

ПРОЛЕТАРСКИЕ ПОЭТЫ

Мы — заревых лучей потоки,
Мы — вешне-алые цветы,
Мы огневые нижем строки
Всемирной братской красоты.

Мы светозарным горном дышим,
Доменным пламенем горим,
Стальной рукою кровью пишем,
Страницы новые творим.

Бросаем миру мысль-динаму,
Сверлим и будим спящий ум,
И солнцем разум осиянный
Сжигает рои мрачных дум.

Металла звон, полей и горнов,
Приводов шум, сирены рев —
Мы ткем умело в стих узорный
И плавим в радостный напев.

Мы славим труд превыше солнца,
За святость чтим мозоли рук,
Для нас напевы — веретенца
И гул машин — сладчайший звук.

Пылайте, огненные строки,
Как солнца вешнего лучи.
Мы — мира первые пророки,
Мы — жизни радостной ткачи.

<1922>

С ПЕСНЕЙ

Чтоб казался мир чудесней,
Не терзал бы сердце страх,
Умирать я буду с песней
На устах.

Песни были мне отрадой
В дни гонения судьбы
И великою усладой
В годы пламенной борьбы.
Песней гнал я злое горе,
Песня — свет в позорной тьме,
С нею жил я на просторе,
Годы мучился в тюрьме.

С песней жил я и трудился
Днем и рано поутру,
С нею я на свет родился
И умру.

<1923>

МОЙ СТИХ

Мой голос груб. Он огрубел в походе,
Когда шагал я с вами в третьем взводе,
Когда до жгучей боли
Я натирал кровавые мозоли,
Когда, полубосой,
Усталость ног я охлаждал росой.
Наш эшелон изрешетившая шрапнель
В свинцовую метель
Впилась в мой стих.
Это не песня. Это — отраженья
Движенья, и движенья, и движенья
По всем путям колонн густых.
В моем стихе обозов скрип,
В нем хрип
Героя, павшего во ржах;
В нем светит загорело
Отблеск тела
Сквозь дырья изорвавшихся рубах;
В нем шаг тяжелый роты
И клекот пулемета;
В нем звук вечернего сигнала
Пред пеньем «Интернационала»
В поголубевшей мгле
На площади в селе.

<1922>

ЗАВЕТ ЖЕРТВ

Из поэмы «Кровь рабочая»

Оковы падают звеня,
А нам за рабство старое,
Нам —
Смерть на рассвете дня.
Мы бились
В двери железные райского сада
Во имя прав труда,
Не стадо бессловесных толп:
Кровавые наши потери —
Кормчий пламенный столп
Братьям на смену идущим.

Борцы за мировое счастье,
Слепой земли поводыри,
Вызов бросили преступной касте
И слили кровь свою с огнем зари
Встающей.
Коммунары!
Помните Север и Запад,
Помните Юг ярый,
Как запылал Восток
С первой кровью Самары.
Пусть грозен был путь и жесток.
Не вам слезами капать.
Честь суровой любви
И скорби боевой —

Павшим за светлые цели
В деле вы воздадите.
К сердцу тянутся нити
Жертвенной крови.
Слушайте в шуме знамен
Братьев убитых стон,
В шелесте огненных грив —
К новым битвам призыв,
В рокоте алых ручьев —
К правде рабочей зов.
Правде дан ясный знак —
Солнечно-красный флаг.
Не темный раб,
Не буйство черни
Рвет цепи государств
Порывом огневым, —
Рабочей воли, правды штаб,
В багряном Коминтерне —
Свершает суд над барством
Мировым.

1922

РОДИЛЬНЫЙ КРИК

Ясным ли днем,
Темной ли ночью,
О каменщик ярый,
Ты слушаешь медный крик,
Скорбью навьюченный.
Разодранный надвое
Мир повис на крюке
Нелепо и криво.
Трудны вселенские роды,
Подспудные грозны удары,
Своды коммуны возводит
Эркапе — каменщик ярый.
Тяжки родильные схватки,
Клекот проклятий
Застревает в горле,
Звериные вопли
Рвутся к свету,

А ты — спокоен,
Зодчий-родитель,
Эркапе крепкая,
Эркапе — пекарь
Солнечных миров.

<1924>

УСИЛИЕ

Усилие струится.

Зеленые струи
Ростков,
Устремленные
К свету.
Усилие соков,
Текущих
Вверх
По стволу
И ветвям
До листьев.
Усилие
Сердца,
Что в жилы
Толкает
Потоки
Струистой
Крови.
О, потоки
Усилий,
Бегущие
Из рук
По напряженным
Пальцам
Внутрь вещества,
Из него
Создающие
Новую форму.
Усилие трепещет,
Усилие дрожит. . .
Усилия бабочки,

Разрывающей кокон,
Усилие крыльев,
Впервые
Дрогнувших
В воздухе.
О, крик — усилие
Рожденного,
Трепетного.
О, дрожь
Всех
Нарастающих
Усилий
Растущих
Людей.
О, теплое пламя
Напряженных
Мышц,
Строящих
Жизнь
На земле.
Усилие
Мощных рук,
Поднимающих молот.
Сплетенные
Узлы усилий
Тех,
Кто рубит,
Строгает,
Пилит,
Сверлит,
Таскает,
Нагружает,
Везет.
Усилие
Того,
Кто держит
Рычаг,
Напряжением глаз
Следя за
Циферблатом.
Усилия
Всех,

Кто сокращает,
Сжимает,
Разжимает
Мускулы,
Кто дышит
Тяжело,
Напрягаясь,
Потя.
Чье трепетно
Жаркое тело
И кровь горяча.

Усилие пламенеет,
Усилие творит.

Ослепительные
Молнии — усилья
Познания,
Пронзающие
Тьму
Неизведанного,
Стран
Неоткрытого.

Огневые,
Цветные
Вихри
Творческой
Воли и Мысли,
Созидающей
Новый образ
В красках,
В звуках
И в слове.

Жизнь —
Великий,
Горящий поток
Бесконечных,
Бесчисленных,
Слитных
Усилий,

Он
Струится,
Трепещет,
Пламенея
Творит.
В нем
Все
Живые
Усилия,
Сопрягаясь
В одно
Мировое
Усилие,

Двигутся
Хором
Торжественным
В вечность.

<1924>

ПРИМЕЧАНИЯ

Задача настоящего издания — ознакомить современного читателя с характерными образцами пролетарской поэзии первых лет Октября. Книга не претендует на то, чтобы дать сколько-нибудь исчерпывающее представление об этом чрезвычайно мощном, широко распространенном в 1917—1923 гг. литературном течении. В нее вошла только часть поэтов, уже закончивших свой творческий путь. Кроме них, в литературе первых лет советской эпохи активно участвовали поэты, которые продолжают работать в наши дни: Василий Васильевич Казин, Григорий Александрович Санников, Илья Иванович Садофьев, Павел Александрович Арский, Иван Евдокимович Ерошин, Владимир Иосифович Котомка (Зеленский), Сергей Иванович Малашкин, Сергей Арсеньевич Малахов, Иван Абрамович Назаров, Дмитрий Николаевич Семеновский, Леонид Николаевич Циновский, Геннадий Ефимович Коренев, Яков Захарович Шведов, Николай Иванович Алексеевский, Алексей Алексеевич Соколов, Иван Васильевич Шувалов и многие другие, не названные здесь литераторы.

Сборник разделен на две части: в первую — вошли произведения особенно популярных в свое время поэтов, во вторую — наряду со стихами известных авторов, включены и стихи малоизвестных, подсчас совершенно забытых поэтов, представляющие художественный или историко-литературный интерес.

При отборе материала были обследованы индивидуальные и коллективные сборники, пролеткультовские журналы и альманахи, выходившие в Москве, Петрограде и на периферии, а также журнально-газетная периодика, центральная и областная, 1917—1923 годов. Работа по изучению периферийной прессы того времени, особенно газетной, проделана далеко не полностью и ждет своего продолжения.

Были привлечены также некоторые архивные материалы из фондов Центрального Государственного архива литературы и искусства (ЦГАЛИ), Архива А. М. Горького, Центрального Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР), Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области (ГАОРСС), Библиотеки Музея В. В. Маяковского (БММ), Отделов рукописей Института мировой литературы Академии наук в Москве (ИМЛИ) и Института русской литературы Академии наук в Ленинграде (ИРЛИ).

Стихи пролетарских поэтов печатаются, как правило, по сборникам 1917—1923 годов. В результате позднейших переделок не-

которые произведения утрачивали историческую характерность, колорит времени, живые подробности, впоследствии казавшиеся авторам ненужными и устаревшими. Поэтому стихи первых лет революции даются по сборникам того времени, причем избирается позднейший текст в пределах данного периода. Исключения единичны: например, стихотворение Обрадовича «Дредноут тих вдали на рейде мгlistом...» представлено редакцией 1929 г., более совершенной в художественном отношении и в то же время не утраченной первоначального колорита.

Расположение материала, в основном, хронологическое (исключения оговариваются в примечаниях). Дата в угловых скобках указывает на срок, не позднее которого написано стихотворение, даты предположительные отмечены вопросительным знаком.

Некоторые стихи тех лет печатались одновременно или почти одновременно в разных изданиях. Это затрудняет определение первопечатных текстов. Поэтому в примечаниях иногда могут быть отмечены не первые публикации, а наиболее ранние из выявленных; в ряде случаев приведено несколько параллельных публикаций. Если стихотворение известно в нескольких редакциях, то далее идет указание на источник, по которому оно печатается, и называются издания, в которые были внесены исправления. Затем перечисляются все прижизненные сборники, в которые входило стихотворение. Включение в коллективные сборники отмечается в том случае, если это первая публикация или если стихотворение не вошло в авторские сборники. Обоснование даты приводится, когда стихотворение датируется не по тому источнику, по которому оно печатается. В примечаниях, как правило, дается лишь название книги или периодического издания и номер страницы. Для периферийных газет и журналов указывается место выхода издания. Полное библиографическое описание упоминаемых источников приведено в разделе «Библиография», где наряду с описанием стихотворных сборников поэтов дан перечень основных коллективных сборников, альманахов и антологий пролетарской поэзии.

Составитель выражает благодарность гг. Н. И. Алексеевскому, М. О. Белкиной-Тарасенковой, С. А., Ю. А. и А. А. Гастевым, Е. М. Герасимовой, С. М. Городецкому, В. В. Казину, В. А. Катаянжу, Ф. Г. Киселеву, А. А. Коваленкову, В. И. Котомке (Зеленскому), П. М. Мазниной-Меламедовой, М. Л. Раппепорту, Н. П. Рогожину, Г. А. Санникову, М. А. Светлову, Б. А. Слущкому, А. В. Февральскому, И. В. Шувалову, А. А. Яскеляйн, которые своими советами и материалами во многом помогли в работе над сборником.

I

В. Д. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ

(1897—1934)

Василий Дмитриевич Александровский родился 3 января (старого стиля) 1897 г. в семье крестьянина-бедняка в селе Баскакове, Сычевского уезда, Смоленской губернии; там же окончил земскую школу. Отец его рано умер, мать уехала в Москву на заработки, и нужда рано заставила Александровского идти в люди. С 11 лет

он начал работать на кожевенном предприятии в Москве. «Приходилось быть и в мастерской, и в «конторе», и бегать на побегушках. И так с 8½ утра до 7 вечера на жалование 8 р. на всем своем, без всякого перерыва на обед. Ел на ходу, за работой. Через год хозяин прибавил 2 р., а через год еще 2 р. Работал я так до 1916 г.» (автобиография в сб. «Пролетарские писатели», стр. 7). Несмотря на тяжелые условия жизни Александровский — как он рассказывает в той же автобиографии — постоянно читал художественную литературу, книги по философии, познакомился с сочинениями классиков марксизма. «Из современных писателей наибольшее влияние на мое литературное развитие имел М. Горький», — писал он впоследствии (автобиография в кн. «Современные рабоче-крестьянские поэты», стр. 105). Писать и печататься Александровский начал довольно рано. В 1913 г. в журнале «Живое слово» было опубликовано его стихотворение «В дороге». Он был участником первого сборника пролетарских поэтов «Наши песни» (1913) и в те же годы начал печататься на страницах пролетарских газет: «Правда», «Луч», «Рабочая газета». В 1916 г. Александровский был мобилизован на фронт, но через полгода вернулся раненый и продолжал работать у старого хозяина, потом перешел на железную дорогу. В 1917 г. Александровский вступил в члены рабочего союза молодежи «III Интернационал», принимал участие в Октябрьских событиях в Москве.

С 1918 г. Александровский — один из активных членов Московского пролеткульта, сотрудник его печатных органов, член редколлегии журнала «Гудки». Его стихи особенно часто печатаются в «Правде», а также в газетах «Известия», «Беднота», в журналах «Пламя», «Творчество», «Художественное слово», «Красноармеец» и др., в центральных и периферийных сборниках: «Пролетарский сборник», «Завод огнекрылый», «Трибуна пролеткульта», «Чугунный улей», «Радуга», «Рассвет» и др. Поэт часто выезжает на фронт с бригадами Пролеткульта, выступает на вечерах поэзии в клубах и на заводах. В 1919 г. появляются первые сборники его стихов: «Рабочий поселок», «Север» и поэма «Восстание». В конце 1919 г. с группой других поэтов Александровский выходит из Пролеткульта, становится одним из ведущих участников «Кузницы» и членом редколлегии журнала «Кузница». На первом Всероссийском съезде пролетарских писателей в 1920 г. Александровский избирается в состав правления Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП). В 1921 г. выходит его сборник «Утро», в 1922 — «Россыпь огней», в 1923 — «Звон солнца». Александровский выступает и со статьями по вопросам поэтики, например о ритме в поэзии (статья «О путях пролетарского творчества» в «Кузнице», 1920, № 4). В. Я. Брюсов писал в те годы об Александровском: «В лучших произведениях Александровский, несомненно, поэт; «пролетарские» темы у него разработаны сильнее других: образ сознательного рабочего, будущая роль пролетариата, значение Октября, интересная поэма «Москва» и т. п.» («Вчера, сегодня и завтра русской поэзии». — «Печать и революция», 1922, № 7, стр. 65).

В годы нэпа у Александровского, как и у некоторых других поэтов, появляются мотивы разочарования, которые, однако, он

настойчиво стремится преодолеть («Будни» и др.). А. М. Горький видел в Александровском талантливого представителя молодой писательской поросли, назвав его в 1926 г. в письме к А. Н. Фурмановой в ряду «орлят» советской литературы (Соч., т. 29. М., 1954, стр. 467). Стихотворения Александровского переводились на иностранные языки: польский, немецкий, шведский и эсперанто. Последний прижизненный сборник поэта «Годы» вышел в 1932 г. Умер Александровский 16 ноября 1934 г. в Москве.

Кузнец (стр. 77). Впервые — «Завод огнекрылый», стр. 35. Вошло в сб. «Рабочий поселок». Стихотворение положено на музыку В. И. Денбским, для хора — А. Е. Туренковым.

Рабочий (стр. 77). Впервые — «Правда», 1918, № 130, 28 июня; с исправлениями — «Завод огнекрылый», стр. 34. Печ. по сб. «Рабочий поселок», стр. 10.

«Радуюсь взлетам ваших исканий...» (стр. 78). Впервые — «Творчество», 1918, № 4, стр. 21, под заглавием «Пролетарским поэтам». Печ. по сб. «Рабочий поселок», стр. 39.

«Взрывайте...» (стр. 79). Впервые — «Правда», 1918, № 246, 14 ноября, под заглавием «Сев». Печ. по сб. «Рабочий поселок», стр. 59.

«Взваливай больше на наши спины...» (стр. 79). Впервые — «Правда», 1918, № 268, 10 декабря. Вошло в сб. «Север».

Убийцам (стр. 80). Впервые — «Правда», 1918, № 167, 9 августа. Летом 1918 г. в связи с активизацией контрреволюционной террористической деятельности эсеров и других врагов революции Советское правительство приняло ряд чрезвычайных мер по борьбе с контрреволюцией.

Взрыв (стр. 81). Впервые — «Творчество», 1918, № 1, стр. 10. Вошло в сб. «Звон солнца», «Ветер». Датируется по сб. «Звон солнца».

Сегодня (стр. 82). Впервые — «Правда», 1918, № 241, 12 ноября. Стихотворение написано в связи с началом революции в Германии в ноябре 1918 г.

Из цикла «Борьба» («Срук несмывая сажу...») (стр. 83). Впервые — «Правда», 1919, № 131, 19 июня. Цикл «Борьба» в отрывках публиковался в «Правде», полностью нигде не печатался.

«За воротами сумрак сутулится...» (стр. 83). Впервые — «Рабочий поселок», стр. 6.

М а т ь (стр. 84). Впервые — «Правда», 1920, № 51, 6 марта. Печ. по сб. «Звон солнца», стр. 93. Вошло в сб. «Костер».

«Душа, кричи громче...» (стр. 86). Впервые — «Гудки», 1919, № 4, стр. 29; «Взмахи», № 1, стр. 5, где первый стих первой и последней строфы: «Набат, кричи громче...» Печ. по сб. «Север», стр. 22. Вошло в сб. «Звон солнца», «Костер». Датируется по сб. «Звон солнца».

Циклонный год (стр. 87). Впервые — сб. «Рабочий поселок», стр. 48.

«Стальное имя мир зажгло...» (стр. 88). Впервые — сб. «50-летие В. И. Ульянова-Ленина», М., 1920, стр. 22; «Красноармеец», 1920, № 21—22, стр. 12, под заглавием «В. Ленин». Стихотворение было прочитано Александровским на собрании, организованном Московским комитетом РКП(б) в честь 50-летия В. И. Ленина, 23 апреля 1920 г.

Вожатому (стр. 89). Впервые — «Красноармеец», 1920, № 25, стр. 2; «Радуга», кн. 1, стр. 7.

Ветер (стр. 89). Впервые — «Кузница», 1920, № 1, стр. 9. Вошло в сб. «Утро», «Звон солнца», «Ветер», «Годы». Датируется по сб. «Звон солнца».

Две России (стр. 90). Впервые — «Кузница», 1921, № 7, стр. 3; «Чугунный улей», стр. 5. Вошло в сб. «Звон солнца», «Ветер». Датируется по «Кузнице». *Ткачев* Петр Никитич (1844—1885) — русский революционер-народник. *Под стальными когтями орла*. Имеется в виду двуглавый орел — герб царской России. *Овидий* — Публий Овидий Назон (43 до н. э. — 17 н. э.), римский поэт.

Рабочий праздник (стр. 93). Впервые — «Красноармеец», 1921, № 31—32, стр. 9, под заглавием «Советский праздник». Печ. по сб. «Понизовье», кн. 5, 1922, стр. 4. *Основы* — нити, расположенные параллельно друг другу и идущие вдоль ткани.

«Мы умеем всё переносить...» (стр. 94). Впервые — «Кузница», 1921, № 8, стр. 7; «Утро», стр. 5. Вошло в сб. «Звон солнца», «Ветер», «Костер». Датируется по «Кузнице».

Мы (стр. 94). Впервые — «Первое мая 1921 года». Пг., 1921, стр. 7; «Утро», стр. 3. Вошло в сб. «Звон солнца», «Ветер», «Костер», «Годы». Датируется по сб. «Звон солнца».

Из поэмы «Деревня» (XII. «Всё те же ветлы сучья клонят...») (стр. 95). Впервые — «Творчество», 1921, № 4—6, стр. 7 и «Рассвет», кн. 5, 1921, стр. 6, как заключительная часть поэмы. Поэма вошла в сб. «Россыпь огней», «Звон солнца», «Костер». Датируется по сб. «Россыпь огней».

Осень (стр. 96). Впервые — «Творчество», 1922, № 1—4, стр. 10; «Россыпь огней», стр. 53. Вошло в сб. «Звон солнца», «Ветер». Датируется по сб. «Россыпь огней».

Будни (стр. 97). Впервые — «Звон солнца», стр. 141. Вошло в сб. «Костер». 1-я и 3-я части стихотворения «Будни» печатались и как самостоятельные стихотворения: 1-я ч. — «Кузница», 1922, № 9, «Россыпь огней»; 3-я ч. — «Молодая гвардия», 1922, № 3, «Ветер». В «Кузнице» 1-я ч. датирована: 26 июля 1921, Москва. *Расклеенных афиш о половом вопросе* и т. д. Диспуты о новой морали происходили часто в Москве в залах Политехнического музея или Дома печати. *Тверской* — Тверской бульвар в Москве, в годы нэпа излюбленное место прогулок праздной публики. *Сухаревка* — бывший толкучий рынок в Москве.

«Верю я — мы грядущее вынырчим...» (стр. 102). Впервые — «Правда», 1922, № 1, 1 января, под заглавием «Алая дорога». Печ. по сб. «Россыпь огней», стр. 74.

Есть дни (стр. 103). Впервые — «Правда», 1922, № 6, 10 января, без заглавия. Печ. по сб. «Шаги», стр. 5.

На грани (стр. 104). Впервые — «Правда», 1922, № 37, 16 февраля. *И на Западе вновь раскаты* и т. д. Газеты того времени полны сообщений о забастовочном движении в странах Западной Европы, о восстании на севере Финляндии, гражданской войне в Ирландии и др.

Красноармейцам (стр. 105). Впервые — «Красноармеец», 1922, № 1(44), стр. 22.

Старый интеллигент (стр. 106). Впервые — «Рабочая Москва», 1922, № 256, 13 декабря. Печ. по сб. «Шаги», стр. 48.

Молодежи (стр. 107). Впервые — «Молодая гвардия», 1922, № 6—7, стр. 100. Вошло в сб. «Звон солнца», «Ветер», «Костер», «Годы».

«Когда на строгие, нахмуренные ели...» (стр. 108). Впервые — «Красная нива», 1923, № 6, стр. 19. Вошло в сб. «Звон солнца». Датируется по сб. «Звон солнца».

В голод (стр. 108). Впервые — «Правда», 1922, № 37, 5 февраля, не полностью (2-я часть), под заглавием «В Москве». Печ. по сб. «Шаги», стр. 14. *Тверская* — главная улица в Москве, теперь улица Горького. *Будет грозно Советская площадь* и т. д. В зданиях, расположенных на Советской площади, в октябре 1917 г. помещался Военно-революционный комитет, руководивший вооруженным восстанием в Москве.

Я (стр. 111). Впервые — «Правда», 1922, № 32, 10 февраля, под заглавием «Я — пролетарий»; «Россыпь огней», стр. 78, без

заглавия. Печ. по сб. «Звон солнца». Вышло в сб. «Ветер», «Костер», «Годы».

Старая Русь (стр. 111). Впервые — спец. веч. выпуск газ. «Труд» — «Детям рурских рабочих», 1923, 25 мая, под заглавием «Из цикла „Безжалостная поступь“»; «Красная нива», 1923, № 20, стр. 10, под заглавием «Из поэмы „Русь“». Печ. по сб. «Звон солнца», стр. 162. Вошло в сб. «Подкованные годы».

Грузчик (стр. 112). Впервые — «Огонек», 1923, № 22, стр. 1; «Пламя», Царицын на Волге, 1923, № 3, обложка. Вошло в сб. «Шаги», «Избр. стихи» 1926, «Подкованные годы», «Костер».

На рабфаке (стр. 113). Впервые — «Огонек», 1923, № 24, стр. 11. Вошло в сб. «Шаги», «Подкованные годы».

Они (стр. 114). Впервые — «Зори» (приложение к «Красной газете»), 1923, № 1 (44), стр. 5.

1923 (стр. 115). Впервые — «Правда», 1923, № 1, 3 января. Печ. по сб. «Шаги», стр. 60.

Кузница при дороге (стр. 116). Впервые — «Известия», 1923, № 222, 10 октября; «Красная новь», 1923, № 6, стр. 130. Вошло в сб. «Шаги», «Избр. стихи» 1926, «Подкованные годы», «Годы». Датируется по сб. «Шаги».

«Бешено...» (стр. 118). Впервые — спец. веч. выпуск газ. «Труд» — «Детям рурских рабочих», 1923, 25 мая, под заглавием «Из цикла „Безжалостная поступь“»; «Красная нива», 1923, № 20, стр. 10, под заглавием «Из поэмы „Русь“». Печ. по сб. «Шаги», стр. 54. Вошло в сб. «Подкованные годы», «Костер».

«Ну да, люди все такие...» (стр. 118). Впервые — «Шаги», стр. 10. Вошло в сб. «Подкованные годы», «Костер». *Сарты* — в прошлом название городского оседлого населения Средней Азии.

«Да, такие бывают напасти...» (стр. 119). Впервые — «Молодой ленинец», 1924, № 8, 30 января, под заглавием «Напасти». Печ. по сб. «Шаги», стр. 19. Вошло в сб. «Избр. стихи» 1926, «Подкованные годы», «Годы». В сб. «Годы» ошибочно дата: 1926.

П о э м ы

Восстание (стр. 120). Впервые — «Пролетарский сборник», стр. 5, без 4-й главы. Отрывки из поэмы публиковались в «Правде», 1918, №№ 143, 144, 152, 156, 164, 242 (июль — ноябрь) и в сб. «Завод огнекрылый». С исправлениями и посвящением писателю

М. Сивачеву поэма включена в сб. «Рабочий поселок». Печ. по отдельному изданию «Восстание». М., 1919. В сокращенном виде с посвящением поэма вошла в сб. «Годы».

Синь (стр. 126). Впервые — «Красная нива», 1923, № 1, стр. 33, без 4-й главы. Печ. по сб. «Звон солнца», стр. 168. Вошло в сб. «Ветер», «Годы». 6. *Под Ермака и Стеньку Разина* и т. д. Имеются в виду известные народные песни о Ермаке и Разине. 7. *Сокольники* — парк в Москве.

Поэма о Пахоме (стр. 131) Впервые — «Красная нива», 1923, № 15, стр. 18; «Поэма о Пахоме». М., 1923 — отдельное издание. Вошло в сб. «Шаги», «Ветер», «Избр. стихи» 1926, с исправлениями — «Костер», «Годы». Датируется по отдельному изданию (в сб. «Шаги» ошибочно дата: 1924, в сб. «Годы» — 1925).

Часть первая. 6. *Слышишь ветра февральского рев* и т. д. Речь идет о свержении самодержавия в феврале 1917 г. Когда началась революция в Петрограде, Николай II как верховный главнокомандующий находился в ставке в Могилеве. Отречение от престола было подписано им в царском поезде на станции Псков. *Воейков Владимир Николаевич* — дворцовый комендант, один из членов царской свиты, находившийся при царе в ставке. 7. *Разве он мне враг*. Речь идет о военном противнике.

Часть вторая. 2. «Р» *неуклюжее на «деле»* — т. е. приказ о расстреле.

Л. П. БЕРДНИКОВ

(1889—1940)

«Рожденный в октябре 1889 года, я пришел в мир из семьи хлеборобов Тамбовской губернии, села Вановья», — писал о себе Яков Павлович (по другим данным — Петрович) Бердников. По окончании церковноприходской сельской школы одиннадцати лет он был определен «мальчиком» в сельскую пекарню. Вскоре семья переехала в Петербург, где после долгих скитаний по заводам и фабрикам города и окрестностей Бердников приобрел профессию токаря. «1905 год, — говорится далее в автобиографии, — метнул меня в бурный водоворот восстания ленинградских рабочих, и за вывоз на тачках мастеров и распространение прокламаций РСДРП я был в 1908 г. выслан на родину» (автобиография в сб. «Пролетарские писатели», стр. 74).

По возвращении из ссылки Бердников, продолжая работать токарем на заводе, начинает писать стихи. Некоторые из них устно и в списках распространяются среди рабочих. Отрывок из поэмы «Литейщики» — «Шуми, вагранка, дуй сильнее!» — становится известной рабочей песней. Печатаются Бердников начал с 1912 г. в «Правде» и других социал-демократических изданиях («Голос солдата», «Вопросы страхования»). Первый сборник Бердникова — «Сонет рабочего» — вышел в 1917 г.

После Великой Октябрьской социалистической революции Бердников — активный сотрудник петроградских газет и журналов: «Красная газета», «Северная коммуна», «Грядущее», «Пламя»,

«Красная колокольня», «Красный дьявол». В 1919—1920 гг. Бердников часто печатался в газете 7-й армии «Боевая правда» и других военных изданиях: «Красный командир», «Красный флот». Позднее — в журналах «Кузница», «Рабочий журнал». В 1919 г. появился второй сборник Бердникова — «Цветы сердца» и в 1921 г. — сборник «Пришествие», посвященный главным образом теме смычки города и деревни. В 20-е годы Бердников вместе с И. И. Садофьевым, А. П. Крайским и другими петроградскими поэтами входил в литературную группу «Космист». Отдельными изданиями вышли его поэмы «В неволе» (1922), «Ерема» (1925), «Пути-дороги» (1925). Вместе с поэтом П. А. Арским Бердников выпустил сборник «Серп и молот» (1925).

«Ветер, ветер легкокрылый!..» (стр. 141). Впервые — «Красная газета», 1918, № 13, 9 февраля, под заглавием «Из песен рабочего». Печ. по сб. «Цветы сердца», изд. 4-е, стр. 9.

Кузнецы куят (стр. 141). Впервые — «Красная газета» веч., 1918, № 61, 9 мая. Вошло в сб. «Цветы сердца».

Русь (стр. 142). Впервые — «Пламя», 1918, № 22, стр. 2, где первый стих: «Нуждой гонимая веками...» Печ. по сб. «Цветы сердца», изд. 4-е, стр. 12.

Гроза (стр. 143). Впервые — «Цветы сердца», изд. 1-е, стр. 12.

Тесней ряды! (стр. 143). Впервые — «Красная газета», 1919, № 187, 21 августа. Вошло в сб. «Трибуна Пролеткульта».

Неумирающий дух (стр. 144). Впервые — «Красная газета», 1919, № 257, 9 ноября, под заглавием «Восстания»; «1917 — Октябрь — 1919», «Грядущее», 1919, № 7—8, стр. 2. *Встает Антанта на дыбы*. Стихотворение написано в дни героической обороны Петрограда от белогвардейских банд Юденича, ставленника Антанты.

Под сенью знамен (стр. 144). Впервые — «Грядущее», 1920, № 7—8, стр. 1. Вошло в сб. «Трибуна Пролеткульта».

Из цикла «Пришествие»

3. («Деревня! Не с елейным чудом...») (стр. 145). Впервые — «Грядущее», 1920, № 12—13, стр. 1, как 1-я часть стихотворения «В космах белоствольной дали». Печ. по сб. «Пришествие», стр. 11. С исправлениями вошло в сб. «Серп и молот». *Свещец* — подставка или держатель для лучины.

4. («Проталин в снеговой постели...») (стр. 145). Впервые — «Грядущее», 1920, № 12—13, стр. 1, как 2-я часть стихотворения «В космах белоствольной дали». Печ. по сб. «Пришествие», стр. 12. С исправлениями вошло в сб. «Серп и молот».

«И силы не измерить!..» (стр. 146). Впервые — «Пришествие», стр. 25. Вошло в сб. «Серп и молот».

«Не сплю, не сплю, не сплю всю ночь я..» (стр. 147). Впервые — «Литературный еженедельник» (приложение к «Красной газете»), 1922, № 13, стр. 7. Вошло в сб. «Серп и молот».

«Глазными верстами ковыльные равнины..» (стр. 147). Впервые — «Красный флот», 1922, № 8, стр. 159.

А. К. ГАСТЕВ

(1882—1941)

«В лице Алексея Гастева мир индустрии, фабрик и заводов нашел своего подлинного певца», — говорилось в редакционной заметке журнала «Грядущее» по поводу «Поэзии рабочего удара» — первой книги, изданной Петроградским пролеткультом в 1918 г. (1918, № 2, стр. 15). Сам Гастев считал художественное творчество только одной из сторон своей революционно-организаторской деятельности. Юношей встав на путь борьбы, он до 1917 г. вел жизнь революционера-профессионала.

Алексей Капитонович Гастев родился 28 сентября 1882 г. в г. Суздале в семье учителя. Окончив городское училище и технические курсы в Суздале, он поступил в Московский учительский институт, откуда в 1902 г. был исключен за организацию студенческой демонстрации. В том же году был арестован и сослан в Вологодскую губернию, но вскоре бежал за границу. Живя в Париже, Гастев работал слесарем на заводах, учился в Высшей школе социальных наук. Писать начал с 1900 г. В 1904 г. в ярославской газете «Северный край» под псевдонимом Дозоров был напечатан его рассказ о ссыльных «За стеной». В начале 1905 г. Гастев нелегально возвращается в Россию и ведет революционную работу в Поволжье. В 1906 г. Гастев делегат IV (Стокгольмского) съезда РСДРП. Вскоре после этого вновь арест, ссылка и побег за границу. С 1907 г. — нелегальная жизнь и работа в Петербурге в качестве члена правления Союза металлистов. В эти годы Гастев был активным сотрудником журнала «Металлист». В 1911—1912 гг. он опять в Париже. Здесь вместе с А. В. Луначарским, П. К. Бессалько, Ф. И. Калинин, М. П. Герасимовым он состоял членом «Лиги пролетарской культуры», на собраниях которой читал свои произведения. В 1913 г. снова приезжает в Петербург, поступает на крупный машиностроительный завод «Новый Айваз» и одновременно активный сотрудничает в «Правде». В конце 1913 г. по доносу провокатора попадает в тюрьму. «Тюремная обстановка, — писал впоследствии Гастев, — при которой можно быть покойным, что «уже не арестуют», особенно располагала к тому, чтобы заниматься такой невинной работой, как художественная деятельность, хотя писать приходилось на чайных обертках и вообще случайных бумажных кусках. В тюремной суматохе и этапах несколько вещей погибло

безвозвратно» («Поэзия рабочего удара». М., 1926, стр. 5). Кое-что из его произведений было опубликовано тогда в «Правде», «Вопросах страхования», вошло в горьковские «Первый сборник пролетарских писателей» 1914 г. и «Сборник пролетарских писателей» 1917 г. Ссылка в Нарым дала Гастеву материал для новых произведений («Экспресс» и др.). После очередного побега он поселился в Ново-Николаевске (теперь Новосибирск) и сотрудничал в социал-демократической газете «Голос Сибири».

Возвратившись после Февральской революции в Петроград и работая в Союзе металлистов, Гастев принимал участие в работе Пролеткульта. В начале 1918 г. вышла его книга «Поэзия рабочего удара», объединившая основные произведения писателя; некоторые из них публиковались ранее, часть появилась впервые. Выход книги был единодушно отмечен пролетарской прессой. Произведения Гастева приобрели в те годы большую популярность. В рабочей и красноармейской аудитории с огромным успехом проходили вечера, посвященные его поэзии. «Гастеву особенно удались те стихи, — писал В. Я. Брюсов, — где поэт как бы сливается с жизнью машин, становится одной из их необходимых частей» («Вчера, сегодня и завтра русской поэзии». — «Печать и революция», 1922, № 7, стр. 63.). В 1919 г. Гастев занимается политико-просветительной деятельностью на Украине, стоит во главе «Совета искусств». В Харькове в 1919 г. выходит расширенное издание «Поэзии рабочего удара» и в 1923 г. публицистические произведения: «Снаряжение современной культуры», «Восстание культуры». С 1920 г. Гастев целиком посвящает себя ЦИТУ (Центральный институт труда), который называет «своим последним художественным произведением», и отходит от литературной деятельности. «Поэзия рабочего удара» выдержала еще ряд изданий, из которых наиболее полными были издания 1923 г. и 1926 г., снабженные интересными предисловиями автора. Книга переводилась на иностранные языки.

В настоящем сборнике тексты даны по последнему изданию «Поэзии рабочего удара». М., 1926. Поскольку произведения Гастева нигде не датированы и датировка их в ряде случаев затруднительна, они расположены не строго хронологически, а в порядке, которого придерживался сам автор, т. е. по разделам. Всего в «Поэзии рабочего удара» 4 раздела: «Романтика», «Машина», «Ворота земли» и «Слово под прессом»; в сборник включены произведения из разделов «Машина» и «Ворота земли».

Мы растем из железа (стр. 148). Впервые — издание 1918 г., стр. 7. Вошло во все издания как вступление к «Поэзии рабочего удара». В предисловии к 5-му изданию автор пишет: «В введении я даю «Мы растем из железа», вещь, написанную в 1914 году, во время работы на огромном заводе Сименс-Гальске в Петрограде. Это завод, поражающий своим огромным монтажом, который производился в хорошо приспособленных, больших сборочных залах и где конструктивная мощь завода была особенно демонстративна» (издание 1926 г., стр. 3). Произведение пользовалось большой известностью и многократно перепечатывалось в различных сборниках, хрестоматиях и периодических изданиях.

Из раздела «Машина»

Гудки (стр. 149). Впервые — издание 1918 г., стр. 81. Вошло во все издания. Датируется согласно указанию автора в предисловии к 5-му изданию.

Ворота (стр. 149). Впервые — «Юный пролетарий», 1918, № 1 (3), стр. 8, под заглавием «Вход», подписано: И. Дозоров. Вошло во все издания.

Башня (стр. 151). Впервые — «Металлист», 1917, № 4, стр. 4. Вошло во все издания. В предисловии к 5-му изданию говорится: «Особенно занимала автора «Башня», первые проблески которой зародились в Париже как при виде Эйфелевой башни, так и при виде огромных, потрясающих построек, связанных с парижским метро-политеном» (издание 1926 г., стр. 5).

Рельсы (стр. 154). Впервые — «Правда Труда», 1913, № 8, 19 сентября, с подзаголовком «Думы на паровозе», подписано: И. Дозоров. В издания 1919 г. (Пг.) и 1921 г. не вошло. Вспоминная о своем сотрудничестве в 1913 г. в «Правде», Гастев писал: «Одними из первых были помещены мои «Рельсы», написанные уже во время знаменитой айвазовской забастовки на железнодорожных путях, во время массовок на окраинах Удельной» («Правда», 1927, № 99, 5 мая).

Кран (стр. 155). Впервые — издание 1918 г., стр. 91. Вошло во все издания. *Вавилонские строители* — строители вавилонской башни вышиною до небес. По библейской легенде, бог покарал строителей за гордыню, смешав их языки, так что они перестали понимать друг друга.

«Мы посягнули» (стр. 157). Впервые — «Сборник пролетарских писателей», 1917, стр. 111, без последнего абзаца, подписано: М. Дозоров. Вошло во все издания. *Землю рожденные, мы в нее возвратимся* и т. д. — Перефразировка библейского изречения: «Прах ты и в прах возвратишься».

«Мы вместе» (стр. 159). Впервые — издание 1918 г., стр. 109. Вошло во все издания.

Экспресс (стр. 161). Впервые — «Сибирские записки», 1916, № 1, стр. 3, с подзаголовком «Сибирская фантазия», подписано: Дозоров. Вошло во все издания, за исключением издания 1919 г. (Пг.) и 1921 г. В предисловии к 5-му изданию говорится: «Сибирь на автора произвела также огромное впечатление, и там получилась возможность написать «Экспресс», в котором отразилось предчувствие новой, революционной колонизации России. Чтобы написать эту вещь, нужно было предвзвешенно просидеть, по счастливой случайности, в нарымской каталажке около трех месяцев и изучить как сибирскую литературу, так и послушать различного рода занятнейшие рассказы сибиряков» (издание 1926 г., стр. 5). По свидетельству родных Гастева, «Экспресс» — одна из любимейших вещей автора. Он был влюблен в Сибирь. В советское время в публицистических произведениях: «Юность, иди!», «Новая культурная уста-

новка» и др. Гастев горячо защищал идею освоения природных богатств Алтая, Сибири, Дальнего Востока. *Курган* — город на р. Тобол, ныне центр Курганской обл. *Ново-Николаевск* — старое название Новосибирска. *Обдорск* — старое название г. Салехарда, ныне центра Ямало-Ненецкого национального округа Тюменской обл. *Нарвик* — незамерзающий порт на севере Норвегии. *Эллинг* — помещение, в котором строится корпус судна. *Лэбель* — клеймо, ярлык (от англ. label). *Бодайбо* — город на р. Витим, центр золотопромышленного района. *Принудительный денежный курс* — официальный валютный курс, устанавливаемый буржуазным государством часто в период кризиса, когда валютные курсы теряют связь с золотом и становятся в значительной мере искусственными. *Гижигинск* — вымышленный город на берегу Гижигинской губы — залива Охотского моря. *Город Беринга* — вымышленный город на берегу Берингова пролива.

Мы всюду (стр. 172). Впервые — издание 1918 г., стр. 145. Вошло во все издания. В предисловии к 5-му изданию говорится: «Скитальческая жизнь, которая то бросала на Северный полюс, в страну каких-нибудь, не видевших никогда ни спичек, ни зажигалки, тунгусов, а потом сразу в омут парижской жизни или петроградский шум, наложила свою печать на работу автора. В связи с этим, вполне естественно, возникли такие вещи, как „Мы всюду“...» (издание 1926 г., стр. 6).

Наш праздник (стр. 174). Впервые — издание 1918 г., стр. 148. Вошло во все издания.

Из раздела «Ворота земли»

Оратору (стр. 176). Впервые — издание 1919 г. (Харьков), стр. 167. Вошло в издания 1923 г. и 1926 г.

Ноша (стр. 177). Впервые — издание 1919 г. (Харьков), стр. 176. Вошло в издания 1923 г. и 1926 г.

Чудеса работы (стр. 178). Впервые — «Пролетарская культура», 1918, № 2, стр. 29. Вошло в издания: 1919 г. (Харьков), 1923 г. и 1926 г. *Февка* — форсунка. *Швеллер* — металлическая балка.

Манифестация (стр. 181). Впервые — «Грядущее», 1918, № 9, стр. 5. С исправлениями — издание 1919 г. (Харьков), стр. 182. Вошло в издания 1923 г. и 1926 г. *Кессон* — водонепроницаемая камера для производства работ под водой. *Бакан* — бакен.

Выходи (стр. 186). Впервые — издание 1919 г. (Харьков), стр. 208. Вошло в издания 1923 г. и 1926 г.

М. П. ГЕРАСИМОВ

(1889—1939)

Михаил Прокофьевич Герасимов родился 30 сентября (старого стиля) 1889 г. в семье железнодорожного рабочего около г. Бугуруслана Самарской губернии. С 9 лет начал работать (укладывал

дёрн на железнодорожной насыпи). Учился в кинельской двухклассной школе, а затем в самарском железнодорожном техническом училище. В 1905 г. Герасимов вступил в РСДРП и принимал активное участие в революции как член боевой дружины железнодорожников. После ареста и шестимесячного тюремного заключения продолжал революционную деятельность. Случайно избежав нового ареста, осенью 1907 г. Герасимов уехал через Финляндию за границу, где пробыл политическим эмигрантом около 9 лет. За эти годы объездил и исходил пешком почти всю Западную Европу. Работал на доменных печах в Нанси, откатчиком и забойщиком на шахтах в Бельгии, рабочим на пушечном и паровозостроительном заводах, слесарем и электромонтером на автомобильных заводах Рено и на других предприятиях в Париже, кочегаром, угольщиком, масленщиком плавал на морских кораблях по Средиземному морю и морям Атлантического океана. Приходилось сидеть в тюрьмах Франции, Бельгии, Италии. Годы, проведенные в Париже, остались особенно памятны: «Париж был прекрасной академией; его дни и ночи, заводы и Лувр, притоны Монмартра и центральных рынков, Люксембургский музей — все это накладывало глубокую печать на меня» (автобиографическое письмо в «Книге для чтения по истории новейшей русской литературы». Л., 1924, стр. 324). В Париже Герасимов сблизился с кружком рабочих писателей, куда входили Ф. И. Калинин, П. К. Бессалько, А. В. Луначарский, А. К. Гастев, и начал серьезно заниматься литературой. В декабрьской книжке большевистского журнала «Пролетарий» за 1913 г. были напечатаны первые стихи Герасимова: «Рабочему» и «Заводской гудок». В 1914 г. некоторые стихи его появились в «Правде». В Париже он печатался также в сборниках «Вечера» (№ 2), выходивших под редакцией В. Немирова и И. Г. Эренбурга. В 1913 г. началась переписка Герасимова с А. М. Горьким. Он посылал Горькому стихи и советовался с ним относительно издания сборника своих стихов с предисловием Алексея Максимовича. По словам Герасимова, Горький посылал ему «ободряющие письма». Стихи Герасимова были включены Горьким в «Первый сборник пролетарских писателей» 1914 г. и в «Сборник пролетарских писателей» 1917 г. В горьковском издательстве «Парус» в 1917 г. вышел первый сборник его стихов «Вешние зовы». Литературные занятия Герасимова были прерваны войной. В 1914—1915 гг. он служил волонтером иностранного легиона французской армии. За неподчинение властям и антивоенную пропаганду осенью 1915 г. был выслан в Россию. Весной 1916 г. был арестован в Самаре и отдан под надзор в саперный батальон.

После Февральской революции Герасимов выдвинулся как организатор: был председателем Самарского Совета солдатских депутатов, членом ВЦИК 1-го созыва, принимал активное участие в Октябрьской революции в качестве заместителя предпрекома В. В. Куйбышева, был губернским военным комиссаром в Самаре, командовал отрядами Красной гвардии на Оренбургском фронте. В 1918 г. Герасимов становится основателем Самарского пролеткульта, редактором журнала «Зарево заводов» и целиком отдается литературной деятельности. В эти годы он необычайно активен как поэт. В 1918 г. выходит его поэма «Монна Лиза», в 1919 г. — сборники «Завод весенний», «Железные цветы» и сборник рассказов

«Цветы под огнем». Герасимов — участник почти всех основных пролетарских журналов и коллективных сборников тех лет: «Грядущее», «Пролетарская культура», «Горн», «Твори!», «Завод огнекрылый», «Чугунный улей», «Вехи Октября» и др. В 1920 г. в Москве он один из основателей литературной группы «Кузница», затем заместитель председателя правления Всесоюзной Ассоциации пролетарских писателей (ВАПП). Поэтическую деятельность Герасимова в те годы высоко ценил В. Я. Брюсов, назвав его в статье «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии» «большим писателем в общем смысле слова», «мастером свободного стиха». С переходом к нэпу Герасимов пережил тяжелый идейный и творческий кризис, который преодолевал с большим трудом. В этот период его снова поддержал А. М. Горький. В 1927—1930 гг. Герасимов выпустил сборники «Земное сияние», «Бодрое утро», «К соревнованию», свидетельствовавшие о том, что писатель, преодолев кризис, успешно стремился связать свою поэтическую деятельность с общественно-политической жизнью страны, с социалистической стройкой. В 1937 г. Герасимов был осужден. В настоящее время реабилитирован.

Стихотворения Герасимова в настоящем издании датируются, как правило, по сб. «Стихотворения», т. 1. М., 1933, и в примечаниях в этом случае источник датировки не указывается.

Песнь о железе (стр. 188). Впервые — «Пролетарская культура», 1918, № 4, стр. 30, под заглавием «Стихи о железе». Печ. по сб. «Завод весенний» 1923. Вошло в сб. «Завод весенний» 1919, «Железное цветенье», «Стихотворения» 1924, «Стихи о заводе и революции», «Избр. стихи» 1928, «Заряд», «Стихотворения», т. 1, «Стихи» 1936.

В о ж д ю (стр. 189). Впервые — «Красная армия», Самара, 1919, № 3, стр. 4; «Завод весенний» 1919, стр. 87. Вошло в сб. «Железные цветы», «Железное цветенье», «Завод весенний» 1923, «Стихотворения» 1924, «Стихи» 1936, под заглавием «Карлу Марксу» — «Стихи о заводе и революции». Датируется по сб. «Стихи» 1936. *Один проник в закон железный* и т. д. К. Маркс подверг уничтожающей критике выдвинутый буржуазными экономистами и сформулированный Ф. Лассалем так называемый «железный закон» заработной платы, согласно которому заработная плата определяется будто бы лишь минимумом средств, необходимых для поддержания жизни рабочего и его семьи.

«Труба как посох исполина...» (стр. 190). Впервые — «Творчество», 1918, № 3, стр. 3, под заглавием «Заводская труба». В сб. «Завод весенний» 1919 — заглавие «Труба». Печ. по сб. «Завод весенний» 1923, стр. 71. Вошло в сб. «Железное цветенье», «Стихотворения» 1924, «Стихотворения», т. 1, «Стихи» 1936.

«Вся — жизнь, вся — в бронзовом загаре...» (стр. 191). Впервые — «Завод огнекрылый», стр. 57, под заглавием «Она»; в составе поэмы «Монна Лиза» (гл. VI) — «Горн», 1918, № 1, стр. 13. Печ. по сб. «Завод весенний» 1923, стр. 79. Поэма полностью опуб-

ликована отдельным изданием — «Монна Лиза», сб. «Четыре поэмы», «Дорога». Отрывок как самостоятельное стихотворение вошел в сб. «Завод весенний» 1919, «Стихотворения» 1924, «Избранные стихи» 1928, «Стихотворения», т. 1, «Стихи» 1936. *Но вот чугунные снаряды* и т. д. Речь идет о событиях периода империалистической войны.

«Я не в разнеженной природе...» (стр. 192). Впервые — «Завод огнекрылый», стр. 16, под заглавием «Железные цветы». Печ. по сб. «Завод весенний» 1923, стр. 83. Вошло в сб. «Завод весенний» 1919, «Железные цветы», «Стихотворения» 1924, «Северная весна», «Стихи о заводе и революции», «Избр. стихи» 1928, «Заряд», «Стихотворения», т. 1, «Стихи» 1936.

«Вот осень в шорохах и звонах...» (стр. 193). Впервые — «Завод весенний» 1919, стр. 15, под заглавием «Осенью»; «Железные цветы», стр. 11, под заглавием «Осень». Печ. по сб. «Завод весенний» 1923, стр. 38. Вошло в сб. «Стихотворения» 1924, «Заряд», «Стихотворения», т. 1, «Стихи» 1936. *Планица* — употребляемая в церковном обряде ткань с изображением тела Христа в гробу.

«Мы всё возьмем, мы всё познаем...» (стр. 194). Впервые — «Завод огнекрылый», стр. 19, под заглавием «Мы». Печ. по «Завод весенний» 1923, стр. 48. Вошло в сб. «Завод весенний» 1919, «Железные цветы», «Железное цветенье», «Стихотворения» 1924, «Избр. стихи» 1928, «Стихотворения», т. 1; без 4 и 6 строк — «Стихи» 1936. Стихотворение является ответом Кириллову (см. стр. 228). *Винчи* — Леонардо да Винчи (1452—1519) *Анжело* — Микельанджело Буонарроти (1475—1556). *Парфенон* — храм Афины-девы в Афинах, построенный в V в. до н. э. *Не нам ли на горе Синай* и т. д. По библейскому преданию, видение неопалимой купины (несгораемого куста), явившееся Моисею на горе Синай, послужило для него призывом к освобождению иудейского народа из египетского плена.

«Вешний ветер дышит...» (стр. 195). Впервые — «Красная Армия», Самара, 1919, № 4, стр. 19; «Железные цветы», стр. 87, под заглавием «Весенний ветер». Печ. по сб. «Завод весенний» 1923, стр. 107. Вошло в сб. «Стихотворения» 1924, «Северная весна», «Избр. стихи» 1928, «Бодрое утро», «Стихотворения», т. 1, «Стихи» 1936.

«Люблю я зарево вагранок...» (стр. 196). Впервые — «Завод огнекрылый», стр. 44, под заглавием «Люблю». Печ. по сб. «Завод весенний» 1923, стр. 73. Вошло в сб. «Завод весенний» 1919, «Железное цветенье», «Стихотворения» 1924, «Стихи о заводе и революции».

«Следи, мой друг, как ночью бледной...» (стр. 196). Впервые — «Завод огнекрылый», стр. 18, под заглавием «Ночью». Печ. по сб. «Завод весенний» 1923, стр. 62. Вошло в сб. «Завод весенний» 1919, «Железное цветенье», «Стихотворения» 1924, «Избр. стихи» 1928. *Всадник медный... рванул на острова*. Памятник

Петру I в Ленинграде работы скульптора Э.-М. Фальконе обращен к северу, где в дельте р. Невы находятся острова, на которых расположена часть города.

«Мы победим, клокочет сила...» (стр. 197). Впервые — «Вестник путей сообщения», 1918, № 13, стр. 28. Вошло в сб. «Завод весенний» 1919, «Железные цветы», «Железное цветенье».

Зарево заводов (стр. 198). Впервые — «Зарево заводов», Самара, 1919, № 1, стр. 8. Вошло в сб. «Железные цветы», «Завод весенний» 1923. *Заводская калда* — задний (черный) двор. *Ро Со Фе Со Ре* — так иногда произносили «РСФСР» в первые годы революции.

Красная звезда (стр. 200). Впервые — «Красная Армия», Самара, 1919, № 3, стр. 3; «Железные цветы» 1919, стр. 44. Печ. по сб. «Стихотворения» 1924, стр. 20. Вошло в сб. «Северная весна», «Стихи о заводе и революции». *От Мюнхена и до Байкала* и т. д. Здесь и далее говорится о революционном и национально-освободительном движении, возникшем в странах Запада и Востока под влиянием Октябрьской революции. В 1918—1919 гг. Мюнхен был центром революционного движения в Баварии; в Турции национально-освободительное движение привело в эти годы к распаду Османской империи, в Египте — к народному восстанию (март 1919). *Свой свет в подземные глубины* и т. д. Весной 1920 г. в Руре (Западная Германия) в ответ на подготовку контрреволюционного монархического мятежа началось революционное восстание рабочих, отличавшееся большим размахом и организованностью, но из-за предательства в руководстве потерпевшее поражение.

Минин (стр. 201). Впервые — «Завод весенний» 1919, стр. 80. Вошло в сб. «Железное цветенье». *Минин* — Козьма Минин Сухорук (ум. 1616), организатор и руководитель русского народного ополчения 1611—1612 гг., освободившего Москву от польских интервентов. На Красной площади в Москве поставлен памятник Минину и его сподвижнику князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому, работы скульптора И. П. Мартоса. *Главы золотые* — золотые купола Успенского и других соборов, расположенных в Кремле. *Раны лобных мест*. Лобное место на Красной площади, с которого объявлялись царские указы, служило и местом казни.

Из поэмы «Октябрь» (XI. «Ногами труб уперлись в горы...») (стр. 202). Впервые — «Красноармеец», 1919, № 10—15, стр. 22, как отдельное стихотворение под заглавием «Октябрь»; в составе поэмы (гл. XI) — «Художественное слово». Временник литературного отдела Наркомпроса, кн. 1. М., 1920, стр. 9. Поэма вошла в сб. «Четыре поэмы», «Дорога». Датируется по сб. «Дорога».

Мстители (стр. 203). Впервые — «Красноармеец», 1920, № 1—2, стр. 10.

«У храма Христа, на кровавом граните...» (стр. 204). Впервые — «Творчество», 1920, № 7—10, стр. 18, в со-

стае поэмы «Простые строки» (гл. IV). Орывок печ. по сб. «Завод весенний» 1923, стр. 116. Поэма вошла в сб. «Четыре поэмы», «Стихотворения» 1924, «Дорога», «Бодрое утро», «Стихи» 1936. Орывок как самостоятельное стихотворение, под заглавием «Ленин», вошло в сб. «Стихи о заводе и революции». Датируется по сб. «Бодрое утро». В сб. «Дорога» поэма ошибочно датирована: 1919. 1 мая 1920 г. В. И. Ленин выступил с речью на митинге, посвященном закладке памятника Освобожденному труду. Памятник был заложен на месте снесенного памятника Александру III, возле храма Христа Спасителя. *Митра* — головной убор высшего белого духовенства; надевается во время богослужения.

«Я не нежный, не тепличный...» (стр. 204). Впервые — «VIII съезд Советов». Ежедневный бюллетень съезда № 13, 1921, 1 января, стр. 2. Печ. по журн. «Твори!», 1921, № 2. Без последних 8 стихов вошло в поэму «Сила» — сб. «Негасимая сила», «Покос». Как самостоятельное стихотворение вошло в сб. «Электрификация», «Завод весенний» 1923, «Стихотворения» 1924, «Северная весна», «Стихи о заводе и революции», «Избр. стихи» 1928, «Заряд», «Стихотворения», т. 1, «Стихи» 1936. *Грудок* — груды, куча.

«Деревня древняя всё так же...» (стр. 205). Впервые — «Грядущее», 1920, № 11, стр. 4, как отдельное стихотворение; в составе поэмы «Электрификация» (гл. I) — «Творчество», 1921, № 4—6, стр. 16. Печ. по сб. «Завод весенний» 1923, стр. 119. Поэма вошла в сб. «Электрификация», «Дорога». Как самостоятельное стихотворение вошло в сб. «Стихотворения» 1924, «Избр. стихи» 1928, «Стихотворения», т. 1. *Повесть* — крыша, навес.

Из поэмы «Электрификация» («Никогда не была так кроваво вспенена...») (стр. 206). Впервые — «Творчество», 1921, № 4—6, стр. 17, в составе поэмы. Поэма вошла в сб. «Электрификация», «Дорога». Датируется по сб. «Дорога».

«Я пришел с «Вешними зовами...» (стр. 207). Впервые — «Художественное слово». Временник Литературного отдела Наркомпроса, кн. 2. М., 1921, стр. 6, под заглавием «Я пришел». Печ. по сб. «Завод весенний» 1923, стр. 123. В стихотворении упоминаются названия сборников и поэм автора, начиная с его первого сборника стихов «Вешние зовы» (см. раздел библиографии, стр. 566).

Станок (стр. 209). Впервые — «Негасимая сила», стр. 47. *Но дрогнули нервы* и т. д. Здесь отразились настроения поэта в период нэпа.

Памяти Неверова (стр. 212). Впервые — «Красная нива», 1924, № 2, стр. 45; сб. «А. С. Неверов». М., 1924, стр. 5. Вошло в сб. «Покос». *Неверов* Александр Сергеевич (род. 1886) — писатель; умер скоропостижно 24 декабря 1923 г. Стихотворение было прочитано автором на вечере памяти А. С. Неверова в литературном кружке «Никитинские субботники».

Колыбельная (стр. 213). Впервые — «Красная нива», 1924, № 2, стр. 42. Вошло в сб. «Северная весна», «Покос», «Стихи о заводе и революции».

«Едва прорвался лепет тонкий...» (стр. 214). Впервые — «Красная нива», 1924, № 2, стр. 42. Вошло в сб. «Северная весна», «Покос».

П о э м ы

На фронт Труда (стр. 215). Впервые — «Кузница», 1920, № 1, стр. 10; «Грядущее», 1920, № 5—6, стр. 2; «Литературно-политический сборник в память первого коммунистического субботника», Самара, 1920, стр. 109 — ч. 1-я; поэма полностью — «Четыре поэмы», стр. 20. Печ. по сб. «Дорога», стр. 35. 1-я часть поэмы без двух последних строф вошла в сб. «Завод весенний» 1923, «Стихотворения» 1924, «Заряд», «Стихотворения», т. 1, «Стихи» 1936. Датируется по сб. «Дорога». В «Литературно-политическом сборнике» дата: апрель, 1920.

О паровозе (стр. 220). Впервые — «VIII съезд Советов», Ежедневный бюллетень съезда, № 2, 1920, 22 декабря, стр. 15, под заглавием «О паровозе капитального ремонта», с заключительными словами: «Желдоры, не дайте разложиться, навеки уснуть. Рупором декрета в новый путь зовет Наркомпуть». Печ. по сб. «Дорога», стр. 43. Вошла в сб. «Электрификация», «Стихи о заводе и революции». *Плащаница* — см. стр. 512.

О детстве (стр. 223). Впервые — «Дорога», стр. 99. Вошла без заглавия в сб. «Стихотворения», т. 1, «Стихи» 1936; только 1-я ч. — «Избр. стихи» 1928, «Бодрое утро», «Полет», «Заряд». В сб. «Бодрое утро» дата: 1921.

В. Т. КИРИЛЛОВ

(1890—1943)

Кириллов Владимир Тимофеевич родился 2 октября (старого стиля) 1890 г. в семье крестьянина в деревне Харино, Духовщинского уезда, Смоленской губернии. Отец его служил приказчиком книжного магазина в г. Смоленске. Детство Кириллов провел в деревне, две зимы посещал начальную школу в Смоленске и с 9 лет начал трудовую жизнь. Отец его рано умер, мать служила кухаркой в Одессе. Мальчика определили сначала учеником к сапожнику в Орле, а потом отправили в Одессу к матери. С 1903 г. он матросский ученик на судах Черноморского флота, совершающих рейсы в Турцию, Грецию, Египет. Одесские забастовки 1903—1904 гг., революционные волнения во флоте подготовили Кириллова к тому, что в период революции 1905 г. он стал активным участником событий, агитатором, дружинником. В 1906 г. был арестован и сослан в Устьсысольск на 3 года, избежав по молодости более суровой кары, которая постигла его товарищей. Годы, проведенные в ссылке,

были посвящены усиленному самообразованию. Участие в кружке ссыльных рабочих-марксистов помогло Кириллову усвоить теоретические основы марксизма. В те же годы у него растет интерес к поэзии и к музыке. Любовь к поэзии проявилась у него еще в школьные годы, когда он заучивал наизусть Пушкина и Лермонтова. В 1905 г. он очень интересовался революционными стихами и песнями. В период ссылки Кириллов впервые познакомился с поэзией символизма, увлекся Тютчевым и Фетом и начал пробовать свои силы в поэзии. Приехав из ссылки в Петербург, зарабатывая игрою на мандолине в трактирах, кинематографах; в течение года в составе оркестра русских народных инструментов был в Америке. Его страстная мечта стать музыкантом не могла осуществиться из-за отсутствия средств. По возвращении в Петербург в 1912 г. Кириллов близко сошелся с кружком поэтов-рабочих, группировавшихся вокруг Лиговского народного дома и составивших затем основное ядро поэтов дооктябрьской «Правды» (А. И. Самобытник, И. И. Садофьев, А. Н. Поморский и др.). В 1913 г. в «Народном журнале» № 20 было опубликовано его первое стихотворение «На родине». С тех пор его стихи стали появляться на страницах рабочей печати. В 1914 г. Кириллова мобилизовали, он был на фронте; в феврале 1917 г., будучи членом полкового комитета, во главе восставшего полка прибыл в Петроград.

«Октябрьская революция, — как говорит об этом Кириллов в автобиографии, — явилась для него и других пролетарских поэтов „величайшим праздником“». В 1917—1918 гг., работая секретарем Московско-Заставского райкома партии, в Петроградском пролеткульте, в редколлегии журнала «Грядущее», Кириллов много писал и печатал свои стихи в петроградской периодической печати. Тогда им были написаны «Мы», «Железный Мессия», «Матросам» и другие стихи, получившие очень широкую известность. Вечера поэзии Кириллова в Петроградском пролеткульте проходили с неизменным успехом, их приходилось повторять в рабочих районах и воинских частях. Тогда же вышли и первые сборники поэта: «Стихотворения» издания 1918 и 1919 гг. и «Зори грядущего». В 1919 г. Кириллов направляется на работу в Тамбовский пролеткульт. В Тамбове он организует агитационно-художественные бригады и выезжает с ними на фронт. С 1920 г. Кириллов в Москве, член «Кузницы», работает в Литературном отделе Наркомпроса, в 1921 г. избирается председателем Всероссийской Ассоциации пролетарских писателей. Поэт выступает в те годы и как критик (статья «О пролетарской поэзии» в «Кузнице», 1920, № 7 и др.). В 1921 г. выходят его сборники «Железный Мессия», «Паруса», в 1923 г. — «Отплытие». В эти годы большая дружба связывает Кириллова с М. П. Герасимовым, по этому сходной жизненной и поэтической судьбы. В 1925 г. они вместе выпускают книгу рассказов «Праздник жизни», в 1927 — поэтический сборник «Лирический вечер». Как и Герасимов, Кириллов в годы нэпа выходит из рядов РКП, из пролетарских литературных организаций, в его стихах этого времени звучат пессимистические мотивы, утверждается мысль о неизменности всего сущего (сборники «Лирический вечер», «Голубая страна», «Вечерние ритмы»). В этот тяжелый для поэта период его дружески поддержал А. М. Горький.

С 1929 г. по 1937 г. Кириллов много путешествовал по Союзу: был на дальнем Севере и в Средней Азии, в Донбассе и на Урале, в Баку, Кузбассе, Сибири, на Дальнем Востоке, познакомился с новыми промышленными районами и новостройками страны. В его поэзии 30-х годов наметился, как он сам пишет в автобиографии, «поворот к реализму и революционной тематике» (Автобиография. Архив Кириллова). В 1937 г. Кириллов по ложному обвинению был репрессирован. Реабилитирован посмертно в 1957 г. Его стихи включены в «Антологию русской советской поэзии», М., 1957, и в 1958 г. вышли отдельным сборником.

«Я подслушал эти песни близких радостных веков...» (стр. 227). Впервые — «Грядущее», 1918, № 1, стр. 13, под заглавием «Грядущему»; с исправлениями — «Стихотворения» 1918, стр. 3. Печ. по сб. «Железный Мессия», стр. 27. Вошло в сб. «Стихотворения» 1919, «Зори грядущего», «Стихотворения», кн. 1, «Рабочие шаги», «Избр. стихи» 1926, «Весенний свет», «Огни Октября», «Октябрь», «Избр. стихи» 1933. Датируется по авторизованному машинописному сборнику (Отдел рукописей ИМЛИ, фонд В. Т. Кириллова). В сб. «Железный Мессия» дата: октябрь 1917.

Зарубежным братьям (стр. 227). Впервые — «Правда», 1917, № 174, 31 октября.

Мы (стр. 228). Впервые — «Грядущее», 1918, № 2, стр. 4; «Литературный альманах», Пг., 1918, стр. 9. В первоначальной редакции в стихотворении было 8 строф. В сб. «Стихотворения», кн. 1 и последующих снята строфа 5-я:

Породнились с металлом, душою с машинами слиты,
Мы разучились вздыхать и томиться о небе,
Мы хотим, чтобы все на земле были сыты,
Чтобы не было слышно ни стонов, ни воплей о хлебе...

Печ по сб. «Стихотворения», кн. 1, стр. 58. Вошло в сб. «Стихотворения» 1919, «Зори грядущего», «Железный Мессия», «Избр. стихи» 1926, «Весенний свет», «Огни Октября», «Октябрь», «Избр. стихи» 1933. Датируется по сб. «Железный Мессия». О поводе написания см. стр. 29. *Кляните Великого Хама*. В 1906 г. вышла книга поэта-символиста, мистика и реакционера Д. С. Мережковского (1865—1941) «Грядущий хам», где автор предрекал пришествие «Хама», подразумевая под этим революционное движение рабочего класса.

России (стр. 229). Впервые — «Красный огонек», 1918, № 9, стр. 12. Датируется по авторизованному машинописному сборнику (ИМЛИ). *Когда без страха и боязни* и т. д. Речь идет о жестокой расправе царского правительства с революционерами нескольких поколений. *Мессия* — помазанник или сын божий, призванный якобы установить «царство божие» на земле; в христианской религии мессия — Христос.

Завет (стр. 231). Печ. впервые по авторизованному машинописному сборнику (Отдел рукописей ИМЛИ).

«Гремят мятежные раскаты...» (стр. 231). Впервые — «Правда», 1918, № 22, 10 февраля; «Красная колокольня», 1918, № 1, стр. 7, под заглавием «Накануне». Печ. по сб. «Железный Мессия». Вошло в сб. «Стихотворения» 1918, «Стихотворения» 1919, «Зори грядущего», «Рабочие шаги», «Весенний свет», «Стихотворения», кн. 1. Датируется по газ. «Правда», в сб. «Рабочие шаги» и др. дата: 1917. Положено на музыку П. Рукиным (1919). *Разноликые народы* — реминисценция из А. Блока («Русь», 1906).

Первомайский гимн (стр. 232). Впервые — «Грядущее», 1918, № 2, стр. 1, без первой строфы, подписано: В. К. Печ. по сб. «Стихотворения» 1918, стр. 14. Вошло в сб. «Стихотворения» 1919, «Зори грядущего», «Железный Мессия», «Стихотворения», кн. 1, «Рабочие шаги», «Весенний свет», «Огни Октября», «Избр. стихи» 1933. Стихотворение перекладывалось на музыку для хорового пения Я. Озолинем (1918), Баньковским, Г. А. Сметаниным (1919), Л. В. Шульгиным (1923), А. Д. Кастальским и было популярной массовой песней. Одно из первых ее исполнений состоялось на празднике 1918 г. во Дворце пролетарской культуры в Петрограде.

Железный Мессия (стр. 233). Впервые — «Грядущее», 1918, № 4, стр. 3; «Пролетарская культура», 1918, № 2, стр. 26; с исправлениями — «Железный Мессия», «Избр. стихи» 1933. В первоначальной редакции в стихотворении было 8 строф. В сб. «Железный Мессия» и последующих отсутствует строфа 3-я:

Думали — явится в блеске и славе,
Кроткий благостно-нежный,
А он подобно огненной лаве
Пришел, многоликий, мятежный. . .

Печ. по сб. «Стихотворения», кн. 1, стр. 56. Вошло в сб. «Стихотворения» 1919, «Зори грядущего», «Рабочие шаги», «Избр. стихи» 1926, «Весенний свет», «Огни Октября», «Октябрь». В авторизованном машинописном сборнике (Отдел рукописей ИМЛИ) дата: май 1918, в сб. «Железный Мессия» дата: апрель 1918. *Мессия* — см. стр. 517. Кириллов рассказывает, как создавались такие стихи, как «Железный Мессия»: «Будучи секретарем районного комитета партии большевиков, я вставал до рассвета и в метельной мгле спешил в райком, облумывая по дороге своего «Железного Мессию», «Матросы», «Мы» и др. стихи. «Железного Мессию» я представлял воочию шагающим над громадами фабричных корпусов «в сиянии солнц электрических», и, возвратившись домой ночью, а иногда оставшись на ночь в комитете, писал стихи» (Архив Кириллова). Об оценке стихотворения В. В. Маяковским см. вступительную статью к настоящему изданию, стр. 63.

Карлу Марксу (стр. 234). Впервые — «Грядущее», 1918, № 3, стр. 1, под заглавием «Памяти Карла Маркса». Печ. по сб. «Стихотворения», кн. 1, стр. 71. Вошло в сб. «Стихотворения» 1918, «Стихотворения» 1919, «Зори грядущего», «Рабочие шаги», «Весенний свет», «Избр. стихи» 1933. Датируется по сб. «Рабочие шаги».

Написано к столетию со дня рождения К. Маркса, отмечавшемуся в мае 1918 г.

Грядущему поэту (стр. 234). Впервые — «Грядущее», 1918, № 5, стр. 1; с исправлениями — «Железный Мессия». Печ. по сб. «Стихотворения», кн. 1, стр. 87. Вошло в сб. «Стихотворения» 1918, «Стихотворения» 1919, «Зори грядущего», «Рабочие шаги», «Весенний свет». Датируется по сб. «Железный Мессия».

Матросам (стр. 235). Впервые — «Правда», 1918, № 241, 6 ноября, с подзаголовком «Героям Октябрьской революции»; «Октябрьское приложение к «Красной газете», 1918, стр. 11, с подзаголовком «Октябрьским героям». Печ. по сб. «Зори грядущего», стр. 29. Вошло в сб. «Железный Мессия», «Стихотворения», кн. 1, «Рабочие шаги», «Избр. стихи» 1926, «Весенний свет», «Огни Октября», «Октябрь», «Избр. стихи» 1933. *И знамя борьбы поднимали не раз* и т. д. Матросы Балтийского и Черноморского флота сыграли большую роль в революции 1905 г.: восстание на броненосце «Потемкин», Севастопольское восстание, Кронштадтское восстание, Свеаборгское восстание. Успеху Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. в Петрограде в сильной мере содействовало участие в нем балтийских матросов. Стихотворение пользовалось большой популярностью, входило во многие хрестоматии. В. Я. Брюсов в статье «Вчера, сегодня и завтра русской поэзии» писал о Кириллове: «... Удалось ему песни борьбы, как, напр., прекрасное стихотворение «Матросам» («Печать и революция», 1922, № 7, стр. 64). Кириллов читал «Матросов» весной 1918 г. В. В. Маяковскому. Маяковский резко критиковал стихотворение за «старую форму» (см. вступительную статью к настоящему изданию, стр. 63). В ст. «Как делать стихи» Маяковский писал о «Матросах»: «Безнадежно складывать в 4-стопный амфибрахий, придуманный для шепотка, распирающий грохот революции!»

Поэтам революции (стр. 236). Впервые — «Знамя труда», 1918, № 138, 21 февраля, с посвящением А. Блоку, подписано: Поэт-Пролетарий. Печ. по сб. «Зори грядущего», стр. 14. Вошло в сб. «Стихотворения» 1918, «Стихотворения» 1919, «Рабочие шаги». Датируется по сб. «Рабочие шаги». *И вы, что нежностью питали* и т. д. Имеются в виду непролетарские поэты, принявшие революцию, как А. А. Блок, В. Я. Брюсов, С. А. Есенин и др.

Набат (стр. 237). Впервые — «Набат. Клич пролетарских писателей», стр. 2. Вошло в сб. «Железный Мессия», «Стихотворения», кн. 1, «Рабочие шаги», «Весенний свет». Датируется по сб. «Стихотворения», кн. 1. Печ. с исправлением опечатки в 4-й строфе («звоны» вместо «зовы»).

Мировой коллектив (стр. 237). Впервые — «Петроградская правда», 1918, № 224, 13 октября.

В лесу (стр. 238). Печ. впервые по авторизованному машинописному сборнику (Отдел рукописей ИМЛИ).

«Жрецам искусства» (стр. 238). Впервые — «Пролетарская культура», 1919, № 7—8, стр. 58; «Грядущая культура», Тамбов, 1919, № 6—7, стр. 6. Вошло в сб. «Паруса», «Железный Мессия», «Отплытие», «Стихотворения», кн. 1, «Рабочие шаги», «Весенний свет», «Октябрь». Датируется по сб. «Железный Мессия». *Гунны, пришедшие разрушить мир*. Намек на стихотворение В. Я. Брюсова «Грядущие гунны»; мотив разрушения мира «новыми гуннами» был характерен для русской поэзии начала века. *Стихиры* — церковные песнопения на библейские мотивы.

«К нам, кто сердцем молод..» (стр. 240). Впервые — «Грядущее», 1920, № 7—8, стр. 2; «Радуга», кн. 1, стр. 8; под заглавием «Привет III Интернационалу» — «Кузница», 1920, № 4, стр. 3. Вошло в сб. «Железный Мессия», «Отплытие», «Стихотворения», кн. 1, «Рабочие шаги», «Избр. стихи» 1926, «Весенний свет», «Огни Октября». Датируется по сб. «Железный Мессия». В сб. «Рабочие шаги» дата: 1919. Заглавие в «Кузнице», вероятно, связано с происходившим летом 1920 г. вторым конгрессом Третьего Интернационала. *Шираз* — древний центр персидской культуры, славившийся красотой своих садов, здесь: некий рай.

Красный Кремль (стр. 241). Впервые — «Известия», 1920, № 250, 7 ноября; «Кузница», 1920, № 5—6, стр. 3. Вошло в сб. «Паруса», «Железный Мессия», «Стихотворения», кн. 1, «Рабочие шаги», «Избр. стихи» 1926, «Весенний свет», «Огни Октября», «Октябрь», «Избр. стихи» 1933. Датируется по сб. «Железный Мессия». *Нагруженный сокровищем сказочных цен* и т. д. Оружейная палата в Кремле — уникальное хранилище ценностей, принадлежавших русским царям. *Израенной Индии стоны*. Национально-освободительное движение в Индии в 1918—1920 гг. беспощадно подавлялось правительством и английскими войсками. В особенности своей жестокостью известен массовый расстрел в Амритсаре в 1919 г., получивший название «Амритсарской бойни». *Мекка* — религиозный центр ислама, место паломничества мусульман. *Ноев ковчег* — по библейской легенде, ковчег, в который Ной во время всемирного потопа спас нескольких людей и животных, от которых возродилась жизнь на земле. — Стихотворение положено на музыку В. Н. Пасхаловым.

Памятник Труда (стр. 242). Впервые — «Труд», 1921, № 207, 7 ноября; «Твори!», 1921, № 3—4, стр. 6; «Железный Мессия», стр. 24. Вошло в сб. «Отплытие», «Стихотворения», кн. 1, «Рабочие шаги», «Избр. стихи» 1926, «Весенний свет», «Огни Октября». Датируется по сб. «Железный Мессия». В сб. «Стихотворения», кн. 1, и др. дата: 1921. Возможно, что поводом к написанию стихотворения послужила закладка памятника Освобожденному труду. См. стр. 514.

Звездный путь (стр. 243). Впервые — «Недра», кн. 1, 1923, стр. 153; альм. «Вехи Октября», стр. 203. Вошло в сб. «Отплытие», «Стихотворения», кн. 1, «Весенний свет». Это и следующие 4 стихотворения вошли в цикл «Сокровенные песни», датированный

1920—1923 гг. *М. Герасимов* — поэт и друг Кириллова (см. стр. 509).
Литургия — богослужение (обедня).

Разговор с ученым (стр. 244). Впервые — «Отплытие», стр. 43. Вошло в сб. «Стихотворения», кн. 1, «Избр. стихи» 1926, «Весенний свет», «Вечерние ритмы».

Разговор с розами (стр. 244). Впервые — «Недра», кн. 5, 1924, стр. 263; «Стихотворения», кн. 1, стр. 124. Вошло в сб. «Избр. стихи» 1926, без последней строфы; полностью — в сб. «Лирический вечер», «Вечерние ритмы», «Весенний свет».

Поэту (стр. 245). Впервые — «Стихотворения», кн. 1, стр. 119. Вошло в сб. «Вечерние ритмы», «Весенний свет».

«Не слова, — это призраки слов...» (стр. 246). Впервые — «Отплытие», стр. 48. Вошло в сб. «Стихотворения», кн. 1, «Вечерние ритмы», «Весенний свет».

Гроза в Пятигорске (стр. 246): Впервые — «Стихотворения», кн. 1, стр. 30. Вошло в сб. «Весенний свет», «Вечерние ритмы».

Другу критику (стр. 247). Впервые — «Паруса», стр. 12. Вошло в сб. «Отплытие», «Стихотворения», кн. 1, «Избр. стихи» 1926, «Вечерние ритмы», «Весенний свет».

Труду (стр. 247). Впервые — «Отплытие», стр. 17. Вошло в сб. «Стихотворения», кн. 1, «Рабочие шаги», «Весенний свет». Датируется по сб. «Стихотворения», кн. 1.

«Флаг кумачовый на скудном шесте...» (стр. 248). Впервые — «Красноармеец», 1922, № 49, стр. 1, и «Красная панорама», Тверь, 1922, № 1, стр. 4, под заглавием «Из поэмы „Октябрь“». Печ. по сб. «Отплытие», стр. 30. Вошло в сб. «Стихотворения», кн. 1, «Рабочие шаги», «Весенний свет», «Огни Октября»; под заглавием «На Невском» — «Октябрь». *Большевики, дезертиры, шпионы*. В период власти Временного правительства распространялась гнусная клевета, будто бы большевики были немецкими шпионами.

«Полыхая красным кругом...» (стр. 249). Впервые — «Молодая гвардия», 1922, № 3, стр. 55, под заглавием «Утро труда». Печ. по сб. «Отплытие», стр. 23 (в оглавлении озаглавлено «Утро»). Вышло в сб. «Стихотворения», кн. 1, «Рабочие шаги», «Весенний свет», «Огни Октября».

Товарищу (стр. 250). Впервые — «Красный журнал для всех», 1922, № 1, стр. 3. Вошло в сб. «Отплытие», «Стихотворения», кн. 1, «Рабочие шаги», «Весенний свет», «Огни Октября». Датируется по сб. «Стихотворения», кн. 1.

Шаги (стр. 250). Впервые — «Молодая гвардия», 1922, № 3, стр. 54. Вошло в сб. «Отплытие», «Стихотворения», кн. 1, «Рабочие

шаги», «Избр. стихи» 1926, «Весенний свет», «Огни Октября», «Избр. стихи» 1933. Датируется по сб. «Стихотворения», кн. 1.

25 Октября (стр. 251). Впервые — «Молодая гвардия», 1922, № 6—7, стр. 101, однодневная газ. «Кузница», 1922, октябрь. Вошло в сб. «Отплытие», «Стихотворения», кн. 1, «Рабочие шаги», «Избр. стихи» 1926, «Весенний свет», «Октябрь», «Избр. стихи» 1933. Датируется по сб. «Рабочие шаги».

Из поэмы «О детстве, море и красном знамени» («Продлись воспоминаний сой...») (стр. 252). Впервые — кн. «Море», стр. 22, в составе поэмы (отрывок из 3-й главы). Вошло в кн. «О детстве, море и красном знамени», сб. «Голубая страна»; как самостоятельное стихотворение в сб. «Избр. стихи» 1926.

Летчик (стр. 253). Впервые — «Пламя», Царицын на Волге, 1923, № 1, стр. 7; сб. «Лёт». М., 1923, стр. 21; в другой редакции — «Товарищ Терентий», Екатеринбург, 1923, № 17, стр. 8. Печ. по сб. «Рабочие шаги», стр. 48. Под заглавием «Летчику» без 6-й и 7-й строф вошло в сб. «Голубая страна».

Поэтам «Кузницы» (стр. 254). Впервые — Литературно-художественный сб. «„Навстречу“. К неделе инвалидов войны». М., 1923, стр. 23, без посл. строфы; альм. «Вехи Октября», стр. 201; «Литературный еженедельник» (приложение к «Красной газете»), 1923, № 10, стр. 3; сб. «Отплытие», стр. 28. Вошло в сб. «Стихотворения», кн. 1, «Рабочие шаги», «Весенний свет». «Кузница» — литературное объединение пролетарских писателей. *И от Сены до Енисея* и т. д. Некоторым из поэтов «Кузницы» до революции пришлось пережить эмиграцию и ссылку (М. П. Герасимов, В. Т. Кириллов, И. Г. Филипченко и др.).

Бодрое утро (стр. 255). Впервые — «Отплытие», стр. 72. Вошло в сб. «Стихотворения», кн. 1, «Весенний свет».

На родине (стр. 256). Впервые — «Отплытие», стр. 74. Вошло в сб. «Стихотворения», кн. 1, «Вечерние ритмы», «Весенний свет».

Из дневника 18-го года (стр. 256). Впервые — альм. «Наши дни», кн. 4, М., 1924, стр. 12, без заключительных 9 строк. Печ. по сб. «Стихотворения», кн. 1, стр. 107. Вошло в сб. «Рабочие шаги», «Весенний свет», «Огни Октября». Стихотворение посвящено поэту Николаю Алексеевичу Клюеву (1887—1937). В 1918 г. Кириллов часто встречался с Клюевым. В автобиографии он пишет: «В это время произошло мое знакомство с поэтом Н. Клюевым, горячие споры и стихи Клюева, посвященные мне» (Автобиография. Архив Кириллова). В стихотворении, по-видимому, отразились воспоминания об этих спорах. Клюев был наиболее ярким представителем той части так называемой крестьянской литературы, которая с годами выродилась в откровенно кулацкую. Для поэзии Клюева были характерны религиозные мотивы, облеченные в специфические

монастырско-церковные образы и лексику. В таких же тонах он изображал принятую им вначале Октябрьскую революцию. *Китеж* — сказочный город, упоминаемый в русских народных преданиях; во время татарского нашествия он будто бы ушел под землю и на этом месте образовалось озеро.

Из цикла «Семнадцатый год» (стр. 257). Впервые — «Красная нива», 1924, № 10, стр. 236, 7 стихотворений под заглавием «Из поэмы „Семнадцатый год“». Печ. по сб. «Стихотворения», кн. 1, стр. 96, 4 стихотворения из 6, озаглавленных «Из цикла „Семнадцатый год“». Вошло в сб. «Весенний свет». В первом стихотворении речь идет о событиях Февральской революции, участником которой был Кириллов. *Петропавловка* — Петропавловская крепость в Петрограде. «*Фараон*» — презрительная кличка царских полицейских. *Волынский* — Волынский полк, первое из воинских соединений, примкнувшее к восставшему народу.

Молодежи (стр. 260). Впервые — «Товарищ Терентий», Екатеринбург, 1923, № 20, стр. 12; «Пламя», Царицын на Волге, № 2, стр. 9; «Молодая гвардия», 1923, № 4—5, стр. 11, под заглавием «Молодой гвардии». Печ. по сб. «Стихотворения», т. 1, стр. 78. Вошло в сб. «Рабочие шаги», «Избр. стихи» 1926, «Весенний свет», «Огни Октября», «Избр. стихи» 1933. Датируется по сб. «Стихотворения», кн. 1.

В те дни (стр. 261). Впервые — сб. «Валерию Брюсову». М., 1924, стр. 68, «Стихотворения», кн. 1, стр. 141. Вошло в сб. «Вечерние ритмы», «Весенний свет». Стихотворение было прочитано Кирилловым в день празднования 50-летия В. Я. Брюсова в Российской Академии художественных наук в декабре 1923 г. в Москве. *В те дни я отдан был снегам* и т. д. Воспоминания поэта о днях, проведенных в ссылке на севере. В автобиографии, говоря об этом переводе, он пишет: «Я старательно перечитывал новых для меня поэтов: Бальмонта, Брюсова, Блока и др.» (Архив Кириллова). *И вот на золотой песок* и т. д. Здесь и далее упоминаются художественные образы из стихотворений Брюсова «Раб», «Каменщик». «*Пути и перепутья*» — название трехтомного собрания стихотворений Брюсова (1908—1909).

Памяти А. С. Неверова (стр. 262). Впервые — сб. «А. С. Неверов». М., 1924, стр. 6. Вошло в сб. «Стихотворения», кн. 1, «Весенний свет». Стихотворение было прочитано автором на вечере памяти А. С. Неверова в литературном кружке «Никитинские субботники». А. С. Неверов — см. стр. 514. «*И жалеть и не жалеть нельзя*» — перефразированная цитата из романа Неверова «Андрон Непутевый».

Годы минувшие (стр. 262). Впервые — «Избр. стихи» 1926, стр. 35. Вошло в сб. «Лирический вечер», «Голубая страна», «Вечерние ритмы», «Октябрь», «Избр. стихи» 1933. Датируется по сб. «Избр. стихи» 1933.

В о ж д и (стр. 263). Впервые — «Недра», кн. 5, 1924, стр. 264; «Стихотворения», кн. 1, стр. 91. Вошло в сб. «Избр. стихи» 1926, «Весенний свет», «Огни Октября». *Всех накормить, имея пять хлебов*. Имеется в виду известная евангельская притча о том, как Христос накормил пять тысяч людей пятью хлебами.

В. В. КНЯЗЕВ

В. В. Князев стал поэтом пролетариата после Октября 1917 г. До революции он был сотрудником буржуазно-либеральных сатирических журналов и только изредка печатался в легальных социал-демократических изданиях. Несколько стихотворений было помещено в «Звезде» и «Правде». С первых же месяцев советской власти он перешел на сторону революции.

Василий Васильевич Князев родился 6 января 1887 г. в Тюмени в состоятельной сибирской купеческой семье, в которой еще живы были демократические настроения 60-х годов. Отец в молодости — чернышевец, член коммуны, поэт, музыкант, художник. Мать — дочь ссыльного поляка, известного в Сибири культурно-политического деятеля К. Н. Высоцкого. Князев учился в екатеринбургской гимназии, а затем в 1904—1905 гг. в земской учительской семинарии в Петербурге. В период революции принимал участие в деятельности юношеских социал-демократических организаций. 9 января был под обстрелом у Исаакиевского собора, написал несколько революционных песен. Исключенный из семинарии «за политику», Князев вынужден был начать зарабатывать литературным трудом. Впервые его стихотворение было напечатано 3 января 1905 г. в одном из петербургских сатирических листков. В 1905—1906 гг. его стихи появлялись в разных сатирических листках и журналах: «Гном», «Поединок», «Скандал» и др. (до 30 названий), позднее — в «Стрекозе», «Будильник», «Сатириконе», «Новом Сатириконе», подписанные В. К., В-К-В, Василий, Вася, Высоцкий, Джо и др. псевдонимами. Они вошли в его сборники «Сатирические песни» 1910 г. и «Двуногие без перьев» 1914 г. В те годы поэт часто нуждался, находился в материальной зависимости от редакторов (Арк. Аверченко, А. В. Амфитеатрова), с горечью называл себя «газетным невольником». В деятельности Князева была и другая сторона: он увлекался фольклором, собирал пословицы и частушки. Его книга «Жизнь молодой деревни. Частушки-коротушки Петербургской губернии в 1913 г.» была отмечена почетным отзывом Академии наук. Ура-патриотические настроения Князева, вызванные началом войны, скоро прошли. Из материалов его архива видно, что он пытался сблизиться с А. М. Горьким и его антивоенным журналом «Летопись». На книге «По Руси», подаренной Князеву в 1915 г., А. М. Горький написал: «По стихам Вашим в «Дне» чувствую, что Вам не легко живется, но крепко уверен — Вы выдержите» (ИРЛИ, архив В. В. Князева).

Октябрьская революция помогла поэту найти свой настоящий путь. Уже в декабре — январе он стремится установить контакт с А. В. Луначарским, знакомится с В. Володарским. В одном из первых номеров «Красной газеты» появилась редакционная за-

метка «Интеллигенция и народ», в которой говорилось о желании бывшего сотрудника буржуазной прессы поэта Князева «отдать свой талант на служение народу». «Пусть же его стих, — говорилось далее, — довершает победу восставшего народа, пусть поэт станет рядом с народным трибуном, с солдатом революции, с строителем новой жизни» («Красная газета», 1918, № 4, 29 января). Князев становится активным сотрудником «Красной газеты». Почти в каждом утреннем и вечернем номере печатаются его стихотворные фельетоны, пародии, памфлеты, подписанные: Красный звонарь, Красный поэт, Гриша Полевой, Дед Нефед, Софронов внук из Великих Лук (Дед Софрон — один из псевдонимов Д. Бедного) и др. Как руководитель стихотворного отдела Князев ведет постоянную работу с рабочими-авторами, начинающими писателями, правит корреспонденции, отвечает на письма читателей. Одновременно он редактирует приложение к «Красной газете» — журнал «Красная колокольня», печатается в журналах «Пламя», «Гильотина», «Красный дьявол», «Красный милиционер» и др. В обстановке непрерывной травли со стороны буржуазной прессы, которая не могла простить Князеву переход в лагерь революции, поэт создает свои лучшие агитационные стихи — «Песня коммуны», «Сын коммунара» и др., и выступает с ними на массовых митингах рабочих и красноармейцев. В дни военной угрозы, нависшей над Петроградом, поэт вступает в Красную гвардию и выезжает с агитвагоном Пролеткульта на фронт. В 1919—1920 гг. он активный сотрудник органа 7-й армии «Боевая правда». В эти годы выходят сборники Князева: «Красное Евангелие», «Красные звоны и песни», «Песни красного звонаря», «О чем пел колокол» и др. Многие его стихотворения тех лет перепечатываются провинциальными газетами и расходятся по всей стране, перекладываются на музыку, переводятся на иностранные языки.

В годы нэпа поэту не хватило необходимой политической поддержки, революционный накал его поэзии ослаб, но он по-прежнему неприменимый сотрудник ленинградской печати. В 1924 г. Князев выступил с критической книгой «Ржаные апостолы», направленной против псевдонародной поэзии Клюева и «клюевщины». В 20-е годы выпустил несколько сборников с частушками: «Красная Ленинская деревня», «Красная казарма» и др. Много времени уделял работе над «Пословичной энциклопедией». Частично она была опубликована в книгах «Русь». Л., 1924, и «Книга пословиц». Л., 1930. В 1930 г. под псевдонимом К. Седых вышел роман Князева «Деды». Последняя его книга — «За четверть века» — вышла в 1935 г. В 1937 г. литературная деятельность Князева оборвалась.

Песня о ледоходе (стр. 265). Впервые — «Красный дьявол», 1918, № 4, стр. 7. Вошло в сб. «Красные звоны и песни», по которому датируется.

Новая метла (стр. 266). Впервые — «Красный дьявол», 1918, № 5, стр. 2, под заглавием «Пролетарская метла», подписано: Красный петух. Печ. по сб. «Красные звоны и песни», стр. 121. Г-ца Абрам Рафаилович (род. 1882) — один из лидеров партии эсеров. «Стрекоза», «Весь мир» — возобновленные в 1917—1918 гг.

старые журналы, имевшие в этот период контрреволюционный характер. *Земгусары* — ироническое прозвище чиновников из «Союза земств и городов», буржуазно-помещичьей организации периода империалистической войны.

Песенка о русском интеллигенте (стр. 268). Впервые — «Гильотина», 1918, экстренный выпуск, стр. 10 — 1-я ч.; «Гильотина», № 2, стр. 9 — 2-я ч. Обе части подписаны: Красный петух. Вошло в сб. «Красные звоны и песни», «За четверть века». *Екатерининский канал* — прежнее название канала Грибоедова в Ленинграде. *Касьян с Красивой Мечи* — герой одноименного рассказа «Записок охотника» И. С. Тургенева, тип крепостного крестьянина-правдоискателя.

Гадюка (стр. 269). Впервые — «Гильотина», 1918, № 3, стр. 3, подписано: Красный поэт.

Друзьям-читателям (стр. 270). Впервые — «Красные звоны и песни», стр. 85. Вошло в сб. «Последняя книга стихов», по которому датируется. Это и следующие стихотворения написаны в ответ на травлю Князева со стороны буржуазной и бульварной прессы, поднятую в связи с его сотрудничеством в советской печати. Рабочие и солдаты в своих письмах в «Красную газету» горячо приветствовали Князева. Некоторые из этих писем сохранились в его архивных материалах (ИРЛИ).

Друзьям моей «Колокольни» (стр. 270). Впервые — «Красная газета», веч., 1918, № 94, 17 июня под заглавием «Всем рабочим! Всем крестьянам! (Призывный звон)», подписано: Василий Князев (Софронов внук из Великих Лук, Дед Нефед, Красногазетчик, Красный петух, Красный поэт). Печ. по сб. «Красные звоны и песни», стр. 10. Под заглавием «Ты веришь поэту?» вошло в сб. «Последняя книга стихов». «Колокольня» — «Наша колокольня», отдел «Красной газеты», где помещались стихотворные фельетоны Князева. *Стой грудью за наш коммунарский Совет*. Стихотворение написано в дни перевыборов в Петроградский Совет.

Из «Красного Евангелия» (стр. 272). Впервые — «Красное Евангелие», стр. 17 и 33. Вошло в сб. «О чем пел колокол», «Песни красного звонаря» 1931, «Последняя книга стихов». Датируется по сб. «Песни красного звонаря» 1931. «Красное Евангелие» — сборник стихотворений-поучений, озаглавленных буквами русского алфавита, — первая книга Князева советского периода.

Набат за рубежом (стр. 273). Впервые — «Красная газета», веч., 1918, № 138, 5 августа. Вошло в сб. «Песни красного звонаря» 1919.

Песня Коммуны (стр. 274). Впервые — «Красная газета», веч., 1918, № 142, 11 августа. С исправлениями — «Песни красного

звонаря» 1919. Вошло в сб. «О чем пел колокол», «Книга избр. стихотворений», «Песни красного звонаря» 1931, «Последняя книга стихов», «За четверть века». Стихотворение было положено на музыку А. С. Митюшиным и стало массовой революционной песней. В статье «Что нравилось Ильичу из художественной литературы» Н. К. Крупская рассказывает о том, как она читала это стихотворение В. И. Ленину во время его болезни (см. вст. ст., стр. 17).

Сын коммунара (стр. 275). Впервые — «Красная газета», веч., 1918, № 146, 15 августа. Вошло в сб. «Песни красного звонаря» 1919, «О чем пел колокол», «Песни красного звонаря» 1931, «Книга избр. стихотворений», «Последняя книга стихов», «За четверть века». Стихотворение пользовалось большой популярностью. Неоднократно читалось автором на митингах рабочих и солдат.

Над гробом Урицкого (стр. 277). Впервые — «Красная газета», 1918, № 182, 1 сентября, под заглавием «Око за око, кровь за кровь». С тем же заглавием вошло в сб. «Песни красного звонаря» 1919. Печ. по сб. «О чем пел колокол», стр. 14. Вошло в сб. «Книга избр. стихотворений», «Песни красного звонаря» 1931, «Последняя книга стихов», «За четверть века». Стихотворение написано в ответ на провокационные террористические выступления эсеров против деятелей Коммунистической партии и Советского государства. 30 августа 1918 г. в Москве было совершено покушение на В. И. Ленина, в Петрограде в тот же день был убит председатель Петроградской Чрезвычайной комиссии М. С. Урицкий. Князев читал стихи в день похорон Урицкого у могилы на Марсовом поле.

Звон перед бурей (стр. 278). Впервые — «Красная газета», 1918, № 212, 8 октября. Вошло в сб. «Песни красного звонаря» 1919. «Будет буря, — мы поспорим» и т. д. — строки из стихотворения Н. М. Языкова «Пловец», ставшего известной песней.

Бессмертное (стр. 279). Впервые — «Боевая правда» (орган политотдела 7 армии), 1919, № 64, 18 ноября. Вошло в сб. «О чем пел колокол», «Книга избр. стихотворений», «Песни красного звонаря» 1931, «Последняя книга стихов», «За четверть века». Написано в дни обороны Петрограда от белогвардейских банд Юденича, когда враг стоял у Пулковских высот и город стал фронтом.

Пуговица от брюк (стр. 280). Впервые — «Красная газета», 1921, № 28, 9 февраля, подписано: Браунинг № 215745. Вошло в сб. «За четверть века», по которому датируется. *Домкомбед* — домовый комитет бедноты. *Петрокоммуна* — учреждение периода военного коммунизма.

Все на холодный фронт (стр. 282). Впервые — «Красная газета», 1921, № 31, 12 февраля. *Пулковская гора* — возвышен-

ность около Петрограда, в районе которой было остановлено наступление белых войск. Стихотворение написано в период напряженной борьбы Коммунистической партии и Советского правительства «на топливном фронте».

Подземная война (стр. 284). Впервые — «Петроградская правда», 1922, № 145, 2 июля, подписано: Красный звонарь.

А. П. МАШИРОВ-САМОБЫТНИК

(1884—1943)

Алексей Иванович Маширов (литературный псевдоним Самобытник) родился в Петербурге в семье разорившегося ремесленника. Детство его прошло в крайних лишениях и нужде. Окончив городское училище, 12-ти лет он должен был поступить на фабрику металлургических изделий, где в течение 6 лет прошел путь от ученика до подмастерья. «Эти годы, — рассказывает Маширов в автобиографии, — были самыми тяжелыми в моей жизни. Ни последующие скитания, аресты, ссылка в Сибирь — ничто не может сравниться с ними» (автобиография в книге «Пролетарские писатели», стр. 548). Уже с 16 лет, близко сойдясь с передовыми сознательными рабочими, Маширов начал революционную деятельность. С этого времени, преследуемый «за политику», он скитается по заводам и фабрикам Петербурга, часто меняет профессию. Одно время он содержал маленькую граверную мастерскую, где организовал с товарищами подпольную типографию и склад нелегальной литературы. В революции 1905 г. Маширов участвовал уже как сознательный революционер, член РСДРП.

В молодости Маширов интересовался устным поэтическим творчеством, собирал фабричные и народные песни, но близкое его знакомство с литературой началось в 1908—1909 гг., когда он стал заниматься на вечерних общеобразовательных курсах Лиговского народного дома. Лиговский народный дом был в то время известным среди петербургских рабочих просветительским учреждением, которое социал-демократы сумели использовать в условиях реакции для политической работы. В литературных кружках дома сформировалась группа рабочих-поэтов — будущих «правдивцов». Маширову принадлежала здесь руководящая роль и как политическому вожаку, и как одному из наиболее талантливых кружковцев. Серьезная подготовка, полученная на курсах, позволила ему выступать с литературными докладами на больших собраниях, например, о творчестве Н. А. Некрасова, В. Г. Короленко, М. Ю. Лермонтова. Первые стихи за подписью «Самобытник» были напечатаны в юбилейном сборнике, посвященном 10-летию Лиговских вечерних классов, — «Эхо ответное» (1913). Затем членами кружка при активном сотрудничестве Самобытника были подготовлены два выпуска сборника «Наши песни», которые удалось издать в 1913—1914 гг. в Москве (2-й выпуск был конфискован). Одновременно Самобытник начал систематически печататься в «Правде». При его ближайшем участии возникла инициатива создания «Первого сборника пролетарских писателей», который

вышел в 1914 г. с предисловием М. Горького. Во время войны Самобытник во главе группы товарищей по курсам вел большую политическую работу, составлял и печатал прокламации. После неоднократных арестов в 1916 г. его выслали в Сибирь. Освободила его Февральская революция.

«События 1917 г. и последующих, — говорит поэт в автобиографии, — целиком захватили меня в свой водоворот, и понятно, что поэзия была отодвинута на второй план поэзией жизни» (автобиография в книге «Современные рабоче-крестьянские поэты...», стр. 28). Наряду с партийной работой в райкоме Московско-Заставского района Самобытник ведет большую работу по организации Петроградского пролеткульта и журнала «Грядущее». В эти годы Самобытник — неперемный участник конференций и съездов Пролеткульта, на которых он избирается в состав руководящих органов. В 1918—1920 гг. он также член редколлегии журнала «Пролетарская культура». С возникновением Союза пролетарских писателей и затем Всероссийской ассоциации он становится председателем ленинградской организации (ЛАПП). Трудящиеся Ленинграда неоднократно избирали его депутатом в горсовет. В 1918 г. вышел первым изданием сборник Самобытника «Под красным знаменем» (в 1919 г. вышло еще пять изд.), куда вошли по преимуществу его дореволюционные произведения. После 1917 г. стихи Самобытника часто печатаются в журнале «Грядущее» и газете «Петроградская правда», входят в состав пролетарских сборников («Трибуна Пролеткульта» и др.). Эти стихи были объединены в 1921 г. в сборник «На перевале». Многие из них были положены на музыку. В конце 20-х годов Маширов переходит на административную работу и в печати как поэт выступает мало. Он работал в «Красной газете», в 1926—1928 гг. был редактором журнала «Рабочий и театр», затем директором Ленинградской консерватории, а в последние годы директором Ленинградского института театра и музыки. Умер Маширов во время ленинградской блокады 25 июня 1943 г. и похоронен на Литераторских мостках на Волковом кладбище в Ленинграде.

К восстанию! (стр. 286). Впервые — «Петроградская правда», 1918, № 230, 20 октября и «Грядущее», 1918, № 3, стр. 11, под заглавием «Призыв». Печ. по сб. «Под красным знаменем», стр. 60.

Скептику (стр. 287). Впервые — «Петроградская правда», 1918, № 189, 1 сентября, с другим порядком строф. Печ. по сб. «Под красным знаменем», стр. 61.

Красный цветок (стр. 288). Впервые — «Петроградская правда», 1918, № 246, 12 ноября. Вошло в сб. «На перевале».

«Когда исчерпан весь запас угля...» (стр. 289). Впервые — «Петроградская правда», 1919, № 31, 9 февраля и «Грядущее», 1919, № 7—8, стр. 13, под заглавием «В борьбе». Печ. по сб. «На перевале», стр. 32.

Дряблему духом (стр. 289). Впервые — «Петроградская правда», 1919, № 67, 26 марта; «Грядущее», 1919, № 5—6, стр. 1. Вошло в сб. «На перевале».

«Память погибших героев священна..» (стр. 291). Впервые — «Петроградская правда», 1919, № 76, 5 апреля, в подборке «Памяти февральских героев». Вошло в сб. «На перевале».

«Будет время, у солнечных врат..» (стр. 291). Впервые — «Петроградская правда», 1919, № 225, 5 октября. Вошло в сб. «На перевале».

За нами! (стр. 292). Впервые — «Грядущее», 1919, № 7—8, стр. 2; сб. «1917—Октябрь—1919». Вошло в сб. «На перевале». Кулибин Иван Петрович (1735—1818) — русский изобретатель и механик-самоучка.

Россия (стр. 292). Впервые — сб. «1917—Октябрь—1919», «Грядущее», 1919, № 7—8, стр. 7. Под заглавием «Свет Советов» — «Красная газета», 1919, № 296, 25 декабря (печаталось во время переыборов в Совет). Печ. по сб. «На перевале», стр. 42.

Весеннее (стр. 294). Впервые — «Петроградская правда», 1919, № 73, 2 апреля, под заглавием «Весенние песни». С исправлениями — «Грядущее», 1919, № 4, стр. 1. Печ. по сб. «На перевале», стр. 14. *Веет холодом от Ладоги* и т. д. Весной 1919 г. наиболее серьезное положение на фронтах гражданской войны сложилось в районе Петрограда (наступление Юденича со стороны Финляндии) и на Восточном фронте (наступление Колчака из Сибири).

Наш ответ (стр. 295). Впервые — «Петроградская правда», 1919, № 219, 28 сентября. Стихотворение написано в связи с белогвардейским покушением 25 сентября 1919 г. В здании Московского комитета РКП в Леонтьевском переулке во время заседания были брошены две бомбы. Несколько человек было убито, группа товарищей ранена. Стихотворение напечатано в день похорон погибших.

К вольной гавани (стр. 296). Впервые — «Петроградская правда», 1920, № 3, 4 января.

Будет радость (стр. 296). Впервые — «Петроградская правда», 1920, № 5, 7 января, под заглавием «Розы грядущего». Печ. по сб. «На перевале», стр. 11.

Машинный рай (стр. 297). Впервые — «Петроградская правда», 1920, № 13, 18 января, под заглавием «Новых дней богатырь»; «Грядущее», 1920, № 1—2, стр. 1, под заглавием «Машинный рай». Печ. по сб. «На перевале», стр. 54. *Железный Мессия* — см. стр. 517.

Рабочий клуб (стр. 298). Впервые — «Петроградская правда», 1920, № 42, 24 февраля, под заглавием «В клубе»; «Грядущее», 1920, № 1—2, стр. 9, под заглавием «Рабочий клуб». Печ. по сб. «На перевале», стр. 47. *Колчак разбит на Иртыше*. 14 ноября 1919 г. Колчак сдал г. Омск.

В борьбе (стр. 299). Впервые — «Грядущее», 1920, № 1—2, стр. 6, без заглавия. Печ. по сб. «На перевале», стр. 30.

Свидание (стр. 300). Впервые — «Грядущее», 1920, № 5—6, стр. 1, под заглавием «Прощание». Печ. по сб. «На перевале», стр. 51.

«Вы новых истин не расскажете...» (стр. 301). Впервые — «Петроградская правда», 1921, № 67, 26 марта, под заглавием «Они и мы». Печ. по «Грядущему», 1921, № 4—6, стр. 9.

Революция (стр. 302). Впервые — «На перевале», стр. 60.

Розы труда (стр. 303). Впервые — «На перевале», стр. 62.

«Эти мощные, грубые глыбы...» (стр. 303). Впервые — «На перевале», стр. 3.

Кронштадт (стр. 304). Впервые — «Петроградская правда», 1921, № 63, 22 марта, под заглавием «Борцам за освобождение Кронштадта». Печ. по «Грядущему», 1921, № 4—6, стр. 9. Стихотворение посвящено товарищам, погибшим при подавлении контрреволюционного мятежа, спровоцированного меньшевиками и эсерами в Кронштадте 28 февраля 1921 г. На разгром мятежа была направлена большая группа делегатов проходившего в те дни X съезда РКП. 18 марта мятеж был ликвидирован.

С. А. ОБРАДОВИЧ

(1892—1956)

«Лирикой в граните» назвал стихи С. А. Образовича писатель А. С. Неверов, один из первых серьезно оценивший творчество поэта: «Труженик с детских лет, житель городских окраин, он, «сбожженный Октябрьским гневом», вместе с другими пролетарскими поэтами «трубит рупором восстаний», уйдя из тихой гавани в огонь борьбы («Прожектор», 1923, № 12, стр. 26).

Сергей Александрович Образович родился 1 сентября 1892 г. в рабочей семье на окраине Москвы. Интерес к литературе появился у него довольно рано благодаря отцу, большому любителю чтения и хорошему рассказчику. По окончании городского училища пятнадцатилетний Образович стал работать в типографии. Несмотря на тяжелые условия жизни и работы, он запоем читал все, что попадалось под руку. Вскоре он вошел в рабочий кружок по самообразованию и с 1912 г. начал посещать лекции в Университете им. Шанявского. Уже тогда он пробовал писать стихи в духе

Сурикова или Никитина. В 1912 г. в рабочем журнале «Эхо», № 9, было опубликовано первое стихотворение Обрадовича «К свету». Затем он принимал участие в журнале «Огни» (которым руководил Н. Н. Ляшко), но вскоре журнал был закрыт. В начале империалистической войны Обрадович был призван в армию и до 1918 г. находился на фронте. После Февральской революции он был избран председателем полкового комитета, организовал братание с австрийцами. За антивоенную пропаганду против него было возбуждено судебное дело, прекращенное Октябрьской революцией.

Вернувшись в 1918 г. в Москву, Обрадович работал газетчиком, типографским рабочим, железнодорожником; приходилось туго: время было тяжелое, а на руках была семья. Тем не менее он продолжал писать стихи и осенью 1918 г. начал заниматься в литературной студии Московского пролеткульта. Произведения его (он писал и прозу) печатались в газетах «Правда», «Беднота», «Известия», в журналах «Горн», «Гудки», «Грядущее», в ряде периферийных и красноармейских изданий. В конце 1919 г. с группой товарищей Обрадович вышел из Пролеткульта и в 1920 г. организовал группу «Кузница» и журнал того же названия. В 1921 г. появляются его первые сборники: «Взмах», «Сдвиг», «Стихи о голоде», в 1922 г. — «Украина», «Капель», «Октябрь», «Огненная гавань». В 20-е годы Обрадович — активный участник пролетарских литературных организаций, избран секретарем правления Всероссийской ассоциации пролетарских писателей. Стихи его печатаются в московских и петроградских газетах, в журналах «Кузница», «Творчество», «Красная новь», «Прожектор», «Красная нива» и др. В 1923—1924 гг. выходят сборники: «Город», «Винтовка и любовь», «Митинг». С 1920 по 1926 г. Обрадович заведовал литературным отделом «Правды». В 1924—1925 гг. — член редколлегии «Рабочего журнала». В 30-х годах состоял в редколлегии журнала «Пролетарский авангард». На поэзию Обрадовича обратил внимание А. М. Горький. В ответ на присылку ему сборника «Поход» он написал Обрадовичу: «Ваши стихи, Сергей Александрович, я знаю; давно слежу за ростом Вашего дарования. С искренней радостью вижу, что в книге «Поход» Ваше «мироощущение» расширилось и углубилось, что процесс «осознавания» Вами явлений жизни развивается хорошо и непрерывно, о чем говорят мне, читателю, новые темы, обогащение «лексикона», простота и четкость образов» (Соч., т. 30. М., 1955, стр. 89). В январе 1941 г. Обрадович вступил в Коммунистическую партию. Продолжая плодотворно работать в советской литературе, в последние годы поэт много внимания уделял переводу поэзии народов СССР. Переводил стихи Янки Купалы, Петруся Бровки, Мусы Джалиля и других поэтов братских республик. Под его редакцией вышли сборники поэтов Башкирии, Хакассии и др. Обрадович скончался 25 октября 1956 г. в Москве.

«Октябрьский ветер стонет глухо...» (стр. 305). Впервые — «Творчество», 1919, № 10—11, стр. 37, под заглавием «Октябрь». Печ. по сб. «Город» 1923, стр. 75. Вошло в сб. «Город» 1929, «Стихотворения» 1936. Датируется по сб. «Город» 1929. Во-

шло также в неизданный сб. «В граните» 1922. Машинопись в отделе рукописей ИМЛИ. *Страстная* — Страстная неделя, последняя неделя перед пасхой. Здесь употреблено в переносном значении.

Т р и б у н (стр. 305). Впервые — «Красноармеец», 1920, № 21—22, стр. 26 — номер посвящен 50-летию В. И. Ленина. *Н. Ленин* — один из псевдонимов В. И. Ульянова-Ленина. *Желябов Андрей Иванович* (1850—1881) — виднейший деятель русского революционного народничества. *Халтурин Степан Николаевич* (1856—1882) — русский революционер-рабочий, организатор «Северного союза русских рабочих».

Н а ф р о н т (стр. 306). Впервые — «Красноармеец», 1920, № 27, стр. 1. Написано в дни борьбы с Врангелем и белополяками.

И н т е р н а ц и о н а л (стр. 307). Впервые — «Грядущее», 1920, № 9—10, стр. 1. Печ. по сб. «Трибуна Пролеткульта», стр. 8. В 1920 г. происходил 2-й конгресс III Интернационала.

С д в и г (стр. 308). Впервые — «Правда», 1920, № 171, 5 августа — 5 строф без эпиграфа; «Кузница», 1920, № 3, стр. 9 — с другим порядком строф и другой заключительной строфой. С исправлениями — сб. «Город» 1929. Печ. по сб. «Город» 1923, стр. 81. Вошло в сб. «Взмах», «Октябрь», «Стихотворения» 1936. Датируется по сб. «Город» 1929. Эпиграф — из стихотворения В. Д. Александровского «Сдвиг». «*Со-Ре*» — см. стр. 513.

З а в о д (стр. 309). Впервые — «Труд», 1921, № 31, 29 марта; «Художественное слово». Временник Литературного отдела Наркомпроса, кн. 2, М., 1921, стр. 7. С исправлениями — сб. «Дороги», «Избранное» 1954. Вошло в сб. «Взмах», «Сдвиг», «Стихи о голоде», «Огненная гавань», «Город» 1923, «Митинг», «Избр. стихи» 1926, «Город» 1929, «Рабочий фронт», «Избр. стихи» 1935, «Стихотворения» 1936. Датируется по сб. «Митинг». Положено на музыку В. Н. Кочетовым.

О с е н н и й з в о н (стр. 310). Впервые — «Кузница», 1921, № 7, стр. 17; без последней строфы — альм. «Утес», стр. 213. Печ. по сб. «Взмах», стр. 45. Вошло в сб. «Огненная гавань», «Митинг», «Избр. стихи» 1926, «Рабочий фронт», «Избр. стихи» 1935, «Стихотворения» 1936, «Дороги», «Избранное» 1954. Датируется по сб. «Митинг».

П е т р о г р а д (стр. 311). Впервые — «Кузница», 1922, № 9, стр. 10. В сб. «Город» 1929 и последующих заглавие «Ленинград». С исправлениями — «Рабочий фронт», «Дороги», «Избранное» 1954. Вошло в сб. «Сдвиг», «Октябрь», «Огненная гавань», «Город» 1923, «Митинг», «Избр. стихи» 1935, «Стихотворения» 1936. Датируется по сб. «Митинг». С *надменным взором властелина* и т. д. Речь идет о памятник императрице Екатерине II работы скульптора С. О. Микешина. *Шлиссельбург* — город-крепость в верхнем течении Невы. *Читать о трауре потерь* и т. д. На Марсовом поле находятся могилы жертв революции.

Октябрь («Это ты, синеглазый, миллионголовый!..») (стр. 313). Впервые — «Октябрь», стр. 30. *Задыхается сердце Венгрии стоном*. Первая Венгерская Советская республика (март — август 1919 г.) пала под ударами интервентов и внутренней контрреволюции. *Смят, сдавлен порыв Неаполя*. В 1919—1920 гг. в Италии развернулось массовое забастовочное движение солидарности с Советской Россией и начался захват предприятий рабочими. Движение было сорвано реформистской политикой социалистического руководства, расчистившей путь фашизму. В газетах от 20 октября 1920 г. («Красная газета» и др.) появилось сообщение о вооруженных столкновениях на фабриках в Неаполе, во время которых было ранено несколько рабочих.

«Дредноут тих вдали на рейде мгlistом...» (стр. 314). Впервые — «Грядущее», 1920, № 11, стр. 3, под заглавием «Кронштадт» — стихотворение из 6 строф. С исправлениями — «Город» 1923. Печ. по сб. «Город» 1929, стр. 72. Вошло в сб. «Взмах», «Стихотворения» 1936. *Прогуливающийся Петр*. Речь идет о памятнике Петру I в Кронштадте работы скульптора Жако. *Смятенья полн*. Ср. «дум великих полн» в «Медном всаднике» А. С. Пушкина.

Из поэмы «Россия» (X. «В язвах, в тифу, в холере...») (стр. 314). Впервые — «Правда», 1920, № 250, 7 ноября, в составе поэмы; в переработанном виде, как заключительная часть поэмы — «Грядущее», 1921, № 9—10, стр. 11; «Красноармеец», 1921, № 42—43, стр. 3. С исправлениями — «Поход». Печ. по сб. «Октябрь», стр. 7. Датируется по «Грядущему». *Тысяча сотый день*. Первый вариант поэмы был написан к 3-й годовщине Октябрьской революции. В позднейших изданиях (сб. «Поход») эта строка была заменена: «В голоде, в холоде — день».

Из стихов о голоде

«Стихи о голоде» впервые опубликованы отдельным изданием Московской губернской комиссией помощи голодающим в 1921 г. во время голода в Поволжье. С посвящением вошли как раздел в сб. «Город» 1923.

1918 (стр. 315). Впервые — «Кузница», 1921, № 8, стр. 3; «Сдвиг», стр. 21; «Стихи о голоде», стр. 8 и однодневная газ. «На помощь», спец. номер «Известий», 1921, 29 августа, под заглавием «Пытка». Печ. по сб. «Город» 1923, стр. 97. Вошло в сб. «Огненная гавань», «Митинг», «Город» 1929, «Рабочий фронт», «Избр. стихи» 1935, «Стихотворения» 1936. Датируется по сб. «Митинг».

Из цикла «Голод» (1. «Не от скорби ли жгучей и долгой...») (стр. 316). Впервые — «Правда», 1921, № 160, 23 июля, номер посвящен голодающему Поволжью, в составе цикла из четырех стихотворений под общим названием «Голод». Печ. по сб. «Город» 1923, стр. 99. Отрывок вошел в сб. «Стихи о голоде», «Октябрь», «Город» 1929, «Стихотворения» 1936. Датируется по сб. «Стихи о голоде».

Кошмар (стр. 317). Впервые — «Город» 1923, стр. 104, как самостоятельное стихотворение. Вошло в сб. «Город» 1929, как второе стихотворение цикла «Голод».

«И вот — покой, и в берег опустелый...» (стр. 318). Впервые — «Красная новь», 1923, № 1, стр. 92. С исправлениями — «Дороги». Вошло в сб. «Винтовка и любовь», «Избр. стихи» 1926, «Поход». В первоначальной редакции стихотворение вошло в неизданный машинописный сб. «В граните», 1922 (Отдел рукописей ИМЛИ). Датируется по машинописи.

Октябрь. 1917—1921 («Четырехлетье голода и пыток...») (стр. 318). Впервые — «Правда», 1921, № 251, 6—7 ноября.

Ткачиха (стр. 319). Впервые — «Молодая гвардия», 1922, № 1—2, стр. 82. Вошло в сб. «Капёль», «Город» 1923, «Митинг», «Город» 1929, «Стихотворения» 1936, «Дороги», без 4-й строфы — «Избранное» 1954. Датируется по сб. «Митинг».

Шахтер (стр. 320). Впервые — «Твори!», 1921, № 3—4, стр. 3, с исправлениями — «Дороги». Вошло в сб. «Капёль», «Огненная гавань», «Город» 1923, «Митинг», «Избр. стихи» 1926, «Город» 1929, «Рабочий фронт», «Избр. стихи» 1935, «Стихотворения» 1936, «Избранно» 1954. Датируется по сб. «Митинг».

В театре (стр. 321). Впервые — «Петроградская правда», 1922, № 89, 23 апреля; «Молодая гвардия», 1922, № 1—2, стр. 83; «Октябрь», стр. 22. С исправлениями — «Город» 1929. Печ. по сб. «Город» 1923, стр. 133. Датируется по сб. «Город» 1929. *Луначарский* Анатолий Васильевич (1875—1933) — первый народный комиссар просвещения, литератор, драматург.

Москва (стр. 321). Впервые — однодневная газ. «Кузница», М., 1922, октябрь. В переработанном виде — «Дороги». Вошло в сб. «Город» 1923, «Город» 1929, «Рабочий фронт», «Избр. стихи» 1935, «Стихотворения» 1936. Датируется по сб. «Город» 1929. *Калита* Иван I Данилович (ум. 1340) — великий князь Московский, один из первых объединителей русской земли. *Не кровь ли Стеньки и Емельяна*. Степан Разин и Емельян Пугачев были казнены на Лобном месте (см. стр. 513). *Дикарь* — здесь: камень, гранит или другие породы, идущие на постройки. *Пресня и Замоскворечье* — революционные рабочие окраины Москвы. *Арбат* — одна из центральных и наиболее оживленных улиц Москвы. *Поварская* — улица старинных дворянских особняков, ныне ул. Воровского. *Звон акций над Лубянской горбатой*. Рядом с Лубянской, на Мясницкой и Ильинке, находились банки и акционерные общества. *Триумфальный шаг Тверской*. Тверская — главная улица Москвы, теперь улица Горького, по которой русские цари въезжали в Москву на коронацию, и тогда на ней ставились временные триумфальные ворота. В память войны 1812 г. на Тверской были выстроены каменные Триумфальные ворота.

«Так пыльны, будничны, обычны дни...» (стр. 323). Впервые — «Красный журнал для всех», 1923, № 1, стр. 6. С исправлениями — «Поход». В первоначальной редакции стихотворение вошло в неопубликованный машинописный сб. «В граните», 1922 (Отдел рукописей ИМЛИ). Датируется по сб. «Поход».

Пролетарские поэты (стр. 324). Впервые — «Понизовье», кн. 5, 1922, стр. 4.

Синеблужники (стр. 324). Впервые — «Город» 1923, стр. 91. С исправлениями — «Стихотворения» 1936. Вошло в сб. «Митинг», «Город» 1929. Датируется по сб. «Митинг».

Любовь (стр. 326). Впервые — альм. артели писателей «Круг» I. М. — Л., 1923, стр. 12, без трех последних строк. С исправлениями — сб. «Винтовка и любовь». Печ. по сб. «Город» 1923, стр. 147. Вошло в сб. «Город» 1929, «Стихотворения» 1936, «Дороги». Датируется по сб. «Винтовка и любовь».

Дни (стр. 327). Впервые — «Красный журнал для всех», 1923, № 1, стр. 6.

Пропеллера песнь (стр. 327). Впервые — «Правда», 1923, № 145, 1 июля, в подборке «Неделя воздушного флота».

Утро (стр. 329). Впервые — «Винтовка и любовь», стр. 38. Вошло в сб. «Поход».

Рейс (стр. 330). Впервые — «Красная нива», 1923, № 45, стр. 6. Вошло в сб. «Винтовка и любовь», «Поход». Датируется по сб. «Винтовка и любовь». В. Кириллов — пролетарский поэт, в молодости был матросом, см. стр. 515.

Разведчик (стр. 330). Впервые — «Красный журнал для всех», 1924, № 6, стр. 403, как отдельное стихотворение, без подзаголовка. Печ. по сб. «Винтовка и любовь». Вошло в сб. «Избр. стихи» 1926, «О труде, любви и революции», «Рабочий фронт», «Избр. стихи» 1935. В составе поэмы «Явь» (ч. 2, гл. 4) — «Рабочий журнал», 1925, № 4; кн. «Явь», «Поход», «Стихотворения» 1936.

Дуб (стр. 332). Впервые — «Прожектор», 1924, № 20, стр. 20, с подзаголовком «Из цикла „Марьяна роща“». Вошло в сб. «Избр. стихи» 1926, «О молодости», «Избр. стихи» 1935, «Стихотворения» 1936, «Дороги». Датируется по сб. «О молодости». *Разбойница Марья*. Существовала легенда, что в лесах, расположенных некогда на месте нынешней Марьиной рощи в Москве, водились разбойники во главе с атаманшей Марьей. К происхождению названия «Марьяна роща» эта легенда отношения не имеет.

Н. Г. ПОЛЕТАЕВ

(1889—1935)

Первое стихотворение Н. Г. Полетаева «Красный звон» было опубликовано в «Известиях» 6 ноября 1918 г. День его рождения как поэта совпал с первой Октябрьской годовщиной. Совпадение

знаменательное. До революции Полетаев, «подвальный житель» городской окраины, не мог стать поэтом.

Николай Гаврилович Полетаев родился 24 июля 1889 г. в г. Одоеве Тульской губернии и провел там у бабки раннее детство. Мать его, разойдясь с мужем, уехала на заработки в Москву, поступила сиделкой в Старо-Екатерининскую больницу и взяла к себе сына. В этой больнице в обществе сиделок и больных прошли детские и школьные годы Полетаева. По окончании начальной школы с помощью учителей он был определен в торговую школу Алексеевых, где благодаря хорошему составу преподавателей получил сравнительно серьезное образование. Не имея средств учиться далее, он поступил в 1905 г. на Брянскую железную дорогу, где работал табельщиком, весовщиком, конторщиком вплоть до первых советских лет. В 1906 г. принимал участие в забастовочном движении, в 1917 г. был избран членом комитета Брянского вокзала.

Литературные способности Полетаева проявились еще в школе, но специально заниматься литературой у него не было возможности. «Зуд к писательству у меня всегда был, — пишет он в автобиографии, — но я так уважал человеческое слово, что писать и печатать с 1907 по 1917 г. не мог. Я знал, что я буду не нужен: тогда читали Арцыбашева, Вербицкую и др.» (автобиография в кн. «Резкий свет», стр. 4). Литературные вкусы будущего поэта развивались под воздействием русской классической литературы.

После Октября 1917 г., с возникновением литературной студии Московского пролеткульта Полетаев становится одним из самых активных ее участников. «Особенно хороший молодой состав студии побудил меня работать серьезно» (там же, стр. 5). В 1920 г. Полетаев вошел в литературную группу «Кузница». Стихи его с 1918 г. печатались в московских газетах и журналах: «Правда», «Известия», «Горн», «Гудки», «Творчество», «Кузница» и др. В 1919 г. вышел его первый сборник «Стихи», в 1921 г. — «Песня о соловьях», в 1923 г. — «Сломанные заборы». Кроме стихов, в журналах печатались его рассказы и статьи о поэзии: «О предрассудках в поэзии» («Горн», 1919, № 4), «О трудовой стихии в поэзии» («Кузница», 1920, № 1). В 1925 г. вышел небольшой сборник рассказов Полетаева «Железнодорожники». С конца 20-х годов Полетаев занимается преимущественно литературной работой. В 1927—1928 гг. он член редколлегии журнала «Октябрь», в 1930 г. — журнала «Рост». Выходят новые сборники его стихов — «Резкий свет» (1926), «Стихи. Книга первая» (1930), «О соловьях, которых не слышал» (1932). Стихи Полетаева переводились на немецкий, польский, армянский, еврейский языки. Последний период жизни поэта был омрачен тяжелой болезнью. Он умер в 1935 г.

Большинство стихотворений, вошедших в настоящее издание, датируется по сборнику «Избранные стихи», М., 1935. Остальные случаи оговариваются особо.

Красная площадь (стр. 334). Впервые — «Горн», 1919, № 2—3, стр. 3. Вошло во все сб. Полетаева. Стихотворение написано в день первой годовщины Октябрьской революции под впечат-

лением демонстрации трудящихся на Красной площади в Москве. Этому же событию Полетаев посвятил очерк «Три лика», в котором говорилось: «Три часа стоял я потом на Красной площади, глядя, как рядами стройными бесконечно проходили процессии мимо стены кремлевской» («Стихи» 1919, стр. 14).

Из Германии (стр. 334). Впервые — «Гудки», 1919, № 1, стр. 8. Печ. по сб. «Сломанные заборы», стр. 13. Вошло в сб. «Стихи» 1930, «Избр. стихи» 1935. В стихотворении речь идет о русских военнопленных, возвращающихся из германского плена на родину.

«Горят все в золоте ручьи...» (стр. 335). Впервые — «Кузница», 1920, № 2, стр. 8, под заглавием «Ткачиха». Печ. по сб. «Сломанные заборы», стр. 21. Вошло в сб. «Стихи о подвальной жизни», «Стихи», кн. 1, «О соловьях, которых не слышал», «Избр. стихи» 1935. Датируется по «Кузнице».

«Всю ночь весенняя вода...» (стр. 336). Впервые — «Кузница», 1920, № 3, стр. 12, под заглавием «Ночь». Печ. по сб. «Сломанные заборы», стр. 26. Вошло в сб. «Песня о соловьях» и все последующие сб. Полетаева.

Мой стих (стр. 336). Впервые — «Творчество», 1921, № 4—6, стр. 25. Вошло в сб. «Сломанные заборы», «Стихи о подвальной жизни», «Стихи», кн. 1, «О соловьях...», «Избр. стихи» 1935. В сб. «Избр. стихи» 1935 ошибочно дата: 1922.

Предвесеннее (стр. 337). Впервые — «Творчество», 1921, № 4—6, стр. 24; «Песня о соловьях», стр. 10. Вошло во все последующие сб. Полетаева.

Песня о соловьях (стр. 338). Впервые — «Творчество», 1921, № 1—3, стр. 22. Печ. по сб. «Сломанные заборы», стр. 35. Вошло в сб. «Песня о соловьях» и все последующие сб. Полетаева.

Из Крыма домой (стр. 339). Впервые — «Красная нива», 1923, № 38, стр. 14, под заглавием «Из Крыма». Печ. по сб. «Резкий свет», стр. 32. Вошло в сб. «Стихи о подвальной жизни» под заглавием «Домой», «Стихи», кн. 1, «О соловьях...».

Полеты раньше и теперь (стр. 339). Впервые — «Молодая гвардия», 1923, № 3, стр. 61; сб. «Лёт», М., 1923, стр. 44. Вошло в сб. «Резкий свет» и все последующие сб. Полетаева.

Аэроплан и воробей (стр. 340). Впервые — «Резкий свет», стр. 41. Вошло во все последующие сб. Полетаева.

«Портретов Ленина не видно...» (стр. 342). Впервые — «Прожектор», 1923, № 14, стр. 22, номер посвящен «нашему Ильичу». Вошло в сб. «Резкий свет» и все последующие сб. Полетаева. Стихотворение пользовалось большой популярностью и неоднократно перепечатывалось в газетах, журналах, сборниках и других изданиях, посвященных В. И. Ленину.

Песня разбитого паровоза (стр. 342). Впервые — сб. «Сломанные заборы», стр. 38. Вошло в сб. «Стихи», кн. 1, «О соловьях...», «Избр. стихи» 1935.

С аэроплана (стр. 343). Впервые — «Правда», 1923, № 202, 8 сентября, напечатано в подборке «Авиадень на выставке». *Целый город За четыре месяца* и т. д. Первая Всесоюзная сельскохозяйственная выставка была разбита на месте пустырей на окраине Москвы в районе Нескучного сада.

С а д (стр. 344). Впервые — сб. «Резкий свет», стр. 52. Вошло в сб. «Стихи», кн. 1, «О соловьях...», «Избр. стихи» 1935. Эпиграф — из стихотворения А. Н. Майкова «Ласточки».

II

Б. Д. БОГОМОЛОВ

(1886—1920)

Борис Дмитриевич Богомолов родился в Ярославской губернии в купеческой семье. До революции был банковским служащим в Петербурге, имел звание кандидата коммерции.

Поэзией Богомолов начал заниматься в 900-е годы. В этот период его стихи и поэмы, вошедшие в сборники «В пути» (1908), «Запорожцы» (1909), «На распутьи» (1909), «Стихи» (1913), были весьма далеки от революционной пролетарской поэзии. После Октября 1917 г. сотрудничает в советских изданиях, в журналах «Грядущее», «Пламя» и особенно активно — как поэт и критик — в органе военной секции Петроградского Совета газете «Вооруженный народ». Писал также стихи для детей. В 1919 г. Петроградский пролеткульт выпустил его сборник «Стихотворения».

Книгоноша (стр. 347). Впервые — «Стихотворения», стр. 7.

Е. БРАЖНЕВ (Е. А. ТРИФОНОВ)

Поэт, беллетрист и революционер Евгений Андреевич Трифонов (псевдоним Е. Бражнев) родился в 1885 г. в Донской области в казачьей семье. Получил низшее техническое образование, работал слесарем, техником. С 1904 г. принимал участие в революционном движении. После 1905 г. был приговорен к каторге, от которой его освободила только Февральская революция. Во время гражданской войны был на политической работе в Красной Армии.

Писать стихи Трифонов начал в Сибири, в одиночном заключении. Его «Песни каторги» появились в 1917 г. в сборнике «Под знамя правды» и в 1918 г. в журнале «Творчество». В 1920 г. на Кавказском фронте он написал поэму «Поход». В 1922 г. вышел его сборник «Буйный хмель». В последующие годы Бражнев писал преимущественно прозу: «В дыму костров», роман «Стучит рабочая кровь», роман «Каленая тропа» и др.

Поход (стр. 348). Впервые — «Поход. Поэма». Благовещенск, 1922. Печ. по сб. «Буйный хмель» 1922, стр. 71. *Крым! Гнездо осиное* и т. д. Крым был последним прибежищем белогвардейской армии Врангеля. Освобожден Красной Армией в ноябре 1920 г.

СТЕПАН БРУСКОВ

(1873—1943?)

Автор очень популярного в революционные годы стихотворения, ставшего массовой песней, — «Тише, товарищи», — Степан Брусков (Сергей Степанович Степанов) родился в 1873 г. под Москвой в рабочей семье. После двухлетнего обучения в земской школе с 10 лет начал трудовую жизнь на заводе, у помещика, «в людях». Испытав много мытарств, устроился препаратором в лабораторию при Московском университете, где продолжал работать и после революции.

Интерес к поэзии сблизил его в конце 90-х годов с поэтом-самоучкой Максимом Леоновым и его «Кружком писателей из народа». Первое стихотворение Брускова было напечатано в сборнике «Памяти Н. А. Некрасова», изданном членами кружка в 1904 г. С тех пор в периодических изданиях появлялись его стихи и проза. В 1911—1913 гг. издавал народные журналы «Родные вести» и «Родная свирель». Состоял членом Суриковского литературно-музыкального кружка. После Октябрьской революции печатался в «Красной газете», «Рабочей Москве», «Бедноте», «Красном Огоньке». Принимал участие в работе литературного объединения «Рабочая весна». В 1922 г. Брусков вошел в коллектив рабоче-крестьянских писателей «Смычка». Основные сборники его стихов вышли до революции.

Тише, товарищи (стр. 359). Впервые — «Красная газета», 1918, № 37, 9 марта, под заглавием «У свежей могилы». Под названиями «На смерть красноармейца», «Тише, товарищи» неоднократно перепечатывалось и входило во многие революционные и красноармейские сборники и песенники. Стихотворение положено на музыку Д. С. Васильевым-Буглаем, А. Спиваковским.

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

В начале 1920-х годов часто печатал стихи и корреспонденции в газете «Призыв» (г. Владимир).

Котельщик (стр. 360). Впервые — «Призыв», 1922, № 115, 7 октября. Вошло в сб. «Гудки», Владимир, 1923.

Н. С. ВЛАСОВ-ОКСКИЙ

(1888—1947)

Николай Степанович Власов происходит из бедных крестьян села Дуденева, Горбатовского уезда, Нижегородской губернии. Окончив сельскую начальную школу, с 14 лет вел жизнь пролетаря: работал на Астраханских рыбных промыслах, служил на волжских и каспийских пароходах и баржах, был бурлаком. В 1905 г.

подвергался репрессиям за революционную агитацию. Готовился к сдаче экзамена на звание народного учителя, но не был допущен как политически неблагонадежный.

Работая приказчиком в книжном магазине в селе Богородском, занялся самообразованием и одновременно начал печататься в нижегородских газетах. Первое стихотворение «Русь» было напечатано в нижегородской газете «Народная мысль» в 1907 г. С 1910 г. был репортером газет: «Судоходец», «Волгарь», «Голос Волги» и др. В 1908 г. на собственные средства выпустил 2 сборника своих стихов. В 1915 г. слушал лекции в Нижегородском вольном университете, но вскоре был мобилизован в армию и направлен в Тверь, где и встретил революцию. После февраля 1917 г. был избран членом президиума Совета Солдатских депутатов, членом Тверского губисполкома. В Твери Власов активно сотрудничал в газетах как поэт, прозаик, рецензент: в 1917 г. в «Вестнике Тверского Губернского Исполкома» и «Объединении», в 1918—1919 гг. в «Известиях Тверского Губернского Исполнительного комитета Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов», в начале 20-х гг. в «Тверской правде». В 1919 г. издавал альманах «Факелы». С 1917 по 1920 г. выпустил 7 сборников своих стихов: «Песни свободы», «Красные зори», «Воскресшая земля», «Рубиновое завтра» и др., печатался в газетах, журналах и альманахах Петрограда («Красная газета», «Пламя», «Грядущее», «Трибуна Пролеткульта»), Нижнего Новгорода (альм. «Факел»), Москвы (газ. «Правда», «Беднота», сб. «Чернозем», журн. «Творчество»), Сызрани (журн. «Отклики») и др. городов. К. А. Федин, бывший в 1919 г. в Сызрани редактором журнала «Отклики», с одобрением отметил выход в свет сборника «Солнечный путь» («Отклики», Сызрань, 1919, № 6). В 1922 г. Власов работал в нижегородской газете «Бурлак», а с 1923 г. в Москве, в газете «На вахте». В 30-х гг. вел большую работу в Центральном кабинете рабочего автора, сначала в качестве методиста, а затем директора кабинета. В последние годы жизни Власов трудился над созданием «Словаря синонимов». Скончался 8 ноября 1947 г. и похоронен в Москве.

Дайте песен! (стр. 361). Впервые — «Песни свободы» 1917, стр. 12. Вошло в сб. «Песни свободы» 1919, «Воскресшая земля». Неоднократно перепечатывалось.

Хоровод революций (стр. 361). Впервые — «Известия Тверского Губернского Исполнительного Комитета Совета Раб., Крест. и Красноарм. деп.», 1918, № 166, 6 октября. Печ. по сб. «Песни свободы» 1919, стр. 18. Вошло в сб. «Воскресшая земля».

Птица - Жар (стр. 362). Впервые — «Известия Тверского Губернского Исполнительного Комитета Совета Раб., Крест. и Красноарм. деп.», 1918, № 227, 22 декабря. Печ. по сб. «Солнечный путь», стр. 26. Вошло в сб. «Воскресшая земля».

Красный праздник (стр. 362). Впервые — «Известия Тверского Губернского Исполнительного Комитета Совета Раб., Крест. и Красноарм. деп.», 1918, № 228, 24 декабря. Без двух

последних строф — «Грядущее», 1919, № 1, стр. 3, под заглавием «На рубеже». Печ. по сб. «Воскресшая земля», стр. 12.

1918 год (стр. 363). Впервые — «Творчество», 1918, № 9, стр. 11 под заглавием «Иstekший 1918 год». Печ. по сб. «Песни свободы» 1919, стр. 20. Вошло в сб. «Воскресшая земля».

Решимость (стр. 364). Впервые — «Пламя», 1919, № 53, стр. 15; «Солнечный путь», стр. 10.

Небо, земля и человек (стр. 364). Впервые — «Солнечный путь», стр. 26. С. Н. Зайцев — родственник поэта.

Мозолистые руки (стр. 365). Впервые — «Пламя», 1919, № 68, стр. 9. Вошло в сб. «Воскресшая земля».

К труду! (стр. 366). Впервые — «Тверская правда», 1920, № 92, 1 мая, с подзаголовком «Первомайский клич». Печ. по сб. «Воскресшая земля», стр. 16.

Отважный лишь счастье найдет! (стр. 366). Впервые — «Воскресшая земля», стр. 29.

Красный взмах (стр. 367). Впервые — «Рубиновое завтра», стр. 16.

СЕРГЕЙ ВОЛЫНСКИЙ

Приказ командира (стр. 368). Впервые — «Бойцы железных войн», стр. 29.

АЛЕКСЕЙ ЕВСИГНЕЕВ

Поднявшие знамя (стр. 370). Впервые — «Творчество», 1918, № 5, стр. 1.

Д. А. ЕРШОВ

Член Архангельского пролеткульта Дмитрий Алексеевич Ершов (род. 1898) в начале 20-х годов часто печатался в газете «Известия Архангельского губисполкома и губкома РКП(б)» как поэт, очеркист, автор статей и корреспонденций. Совместно с Л. Циновским в 1921 г. выпустил сборник «В путь». В 1922 г. вышел его сборник «В пути».

Родная деревня (стр. 372). Впервые — «В путь», стр. 10.

Что волны говорят (стр. 373). Впервые — «В путь», стр. 12.

Восстание (стр. 373). Впервые — «В путь», стр. 16.

«За камнем камень...» (стр. 374). Впервые — «Известия Архангельского губисполкома и губкома РКП(б)», 1921, № 25, 5 февраля, под заглавием «Вечные каменщики». Печ. по сб. «В пути», стр. 3.

М а т ь (стр. 375). Впервые — «Известия Архангельского губисполкома и губкома РКП(б)», 1921, № 109, 22 мая, без эпитафии и 2-й строфы. Печ. по сб. «В пути», стр. 13.

К 19 февраля 1920 года (стр. 376). Впервые — «Известия Архангельского губисполкома и губкома РКП(б)», 1921, № 33, 15 февраля, под заглавием «К 19 февраля». Печ. по сб. «В пути», стр. 28. 19—21 февраля 1920 г. Красная Армия освободила Архангельск, захваченный в августе 1918 г. интервентами Антанты, установившими там власть контрреволюционного белогвардейско-эсеровского правительства.

СЕРГЕЙ ЗАРЕВОЙ (С. Н. КОШКАРОВ)

(1878—1919)

Сергей Заревый — литературный псевдоним поэта и баснописца Сергея Николаевича Кошкарлова. Этим псевдонимом он подписывался в советское время.

Кошкарлов родился в Саратове в потомственной семье волжских бурлаков-кошкарей. Служил в судебном ведомстве в Ярославле, Угличе, Романово-Борисоглебске. Его первый сборник «Басни и стихотворения» вышел в 1902 г. в г. Романово-Борисоглебске. С этого времени почти ежегодно издавал по несколько небольших сборников — всего около 35. С 1910 г. член, а затем председатель Суриковского литературно-музыкального кружка. Печатался в «Звезде» и «Правде». Писал песни, из них наиболее известна: «Я девушка фабричная, я вся полна огня. . .»

С первых дней Октябрьской революции Кошкарлов стал работать в советской печати, особенно активно в газетах «Беднота», «Коммунар». Печатался в красноармейской, фронтовой, провинциальной прессе, часто выступал как сатирик и баснописец. Осенью 1919 г. был командирован на редакторскую работу в Уфу, по дороге заболел сыпным тифом, умер 27 ноября 1919 г.

Н а п а ш н е (стр. 377). Впервые — «Беднота», 1918, № 35, 11 мая.

Н а б а р ж е (стр. 378). Впервые — «Беднота», 1918, № 43, 21 мая.

П е с н я к о л о с ь е в (стр. 379). Впервые — «Беднота», 1918, № 142, 17 сентября.

ПЕТР ЗУЕВ

Петр Зуев был активным сотрудником журнала «Красноармеец», печатался в московских газетах «Рабочий», «Рабочая газета».

О т У р а л а (стр. 380). Впервые — «Красноармеец», 1919, № 7, стр. 9. Первая строфа — четверостишие из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Спор».

С и б и р ь (стр. 381). Впервые — «Красноармеец», 1920, № 18—20, стр. 42. *Трехцветный стяг* — государственный флаг царской России. *Грозил опричник-генерал*. В 1918 г. ставленник Антанты бывший царский адмирал Колчак (1873—1920) захватил большую часть Сибири и угрожал походом на Москву. Наступлением частей Красной Армии в конце 1919 г. Колчак был разбит и Сибирь освобождена.

И. И. ИОНОВ

(1887—1942)

В ответ на просьбу одного коллекционера сообщить свою биографию И. И. Ионов ответил коротко: «Моя биография — 12 лет каторги». Как и многие пролетарские поэты, он был революционером.

Илья Ионович Ионов (Бернштейн) родился в 1887 г. в Одессе в мещанской семье среднего достатка. С 12 лет начал работать в типографии, потом поступил в художественное училище. Под влиянием старшего брата с 1903 г. стал принимать участие в революционном движении и в 1905 г., уволенный из училища, сознательно встал на путь борьбы. В 1906 г. был приговорен к ссылке, бежал, в 1908 г. его снова осудили на 8 лет каторги. Приехав после Февральской революции в Петроград, Ионов был на партийной работе, а с 1918 г. стал заведовать петроградским отделением Госиздата. По воспоминаниям современника, на первых порах ему приходилось выполнять роль издателя, редактора, художника, метранпажа, корректора и экспедитора. Первые стихи Ионов написал под влиянием революционных событий в 1905 г. Они были напечатаны в нелегальном органе «Пролетарское дело». В 1917 г. печатался в «Правде». После Октябрьской революции его стихи публиковались в петроградских газетах и журналах: «Правда», «Петроградская правда», «Грядущее», «Пламя». В 1917 и 1918 гг. вышли 2 издания его сборника «Алое поле», в 1921 г. — сборник «Колос». В 1920 г. Ионов редактировал журнал «Пламя», в 1921 г. был членом редколлегии журнала «Книга и революция». В 20-х годах бывал за границей как член миссии Советского правительства по сбору средств на помощь голодающим, в 1922 г. — в качестве организатора русского отдела международной книжной выставки во Флоренции. В дальнейшем работал в учреждениях Госиздата Ленинграда и Москвы.

«В крепких пальцах судьбы...» (стр. 363). Впервые — «Алое поле» 1917, стр. 24. Вошло во 2-е издание.

В один союз (стр. 383). Впервые — «Алое поле» 1917, стр. 29. Вошло во 2-е издание.

На заводе (стр. 384). Впервые — «Петроградская правда», 1918, № 108, 28 мая; «Литературный альманах», Пг., 1918, стр. 12. Вошло в сб. «Алое поле» 1918.

Одним путем (стр. 385). Впервые — «Пламя», 1918, № 28, стр. 18, под заглавием «Другим путем». Печ. по сб. «Колос», стр. 13.

Красный локомотив (стр. 386). Впервые — «Петроградская правда», 1919, № 43, 23 февраля. Вошло в сб. «Колос».

Грядущее (стр. 387). Впервые — «Петроградская правда» 1919, № 201, 7 сентября. Вошло в сб. «Колос».

Россия (стр. 387). Впервые — «Петроградская правда», 1919, № 201, 7 сентября. Вошло в сб. «Колос».

Коммунисты (стр. 388). Впервые — «Пламя», 1920, № 1, стр. 10. Вошло в сб. «Колос». *Восстанет гордый Альбион*. Поэт имеет в виду массовый подъем революционного движения в капиталистических странах, в том числе в Англии, под влиянием Октября.

Красный кормчий (стр. 389). Впервые — «Петроградская правда», 1920, № 87, 23 апреля, день 50-летия В. И. Ленина. Вошло в сб. «Колос». Стихотворение перепечатывалось во многих хрестоматиях, чтцах-декламаторах и сборниках. *Плывут к земле обетованной* и т. д. В древнегреческих мифах рассказывается о греческих мореплавателях-аргонавтах, во главе с Язоном совершивших путешествие в Колхиду за золотым руном.

Берлин (стр. 391). Впервые — «Петроградская правда», 1920, № 261, 20 ноября. Вошло в сб. «Колос». В 1920—1921 гг. Ионов был в Берлине с миссией Советского правительства по сбору средств на помощь голодающим. *Еще от ран Германия страдает* и т. д. В стихотворении изображена послевоенная Германия 1919—1920 гг., когда, жестоко расправившись с революционным авангардом рабочего класса (подавление в 1919 г. январского восстания в Берлине, убийство К. Либкнехта и Р. Люксембург) и закрепив свое политическое господство (Веймарская конституция), немецкая буржуазия, в условиях послевоенной разрухи, инфляции и т. д., обогащалась на спекулятивных махинациях, праздновала свою победу. *Аполло — зал варьете, маскотта — павильон танц-зала, места ночных кутежей. Там на равнинах Рурского бассейна* и т. д. Речь идет о рурском восстании 1920 г. См. стр. 513. *Ворота Бранденбурга* — триумфальная арка в центре Берлина.

Н. И. КОЛОКОЛОВ

(1897—1933)

Николай Иванович Колоколов родился в селе Выполаева Слободка, Переяславского уезда, Владимирской губернии в семье священника. Учился сперва в духовном училище, потом во владимирской духовной семинарии. За участие в семинарском бунте был уволен из 4 класса. Продолжал образование в Университете им. Шанявского в Москве. В 1916 г. был мобилизован на военную службу рядовым. После Октябрьской революции служил в Красной Армии.

Литературой начал заниматься в начале 20-х годов. Печатался в газетах Иваново-Вознесенска и Владимира, в центральной газете «Беднота», журнале «Красноармеец», сборниках и альманахах «На-

чало», «Красная улица», «Сноп», «Недра» и др. Выпустил две книги стихов: «Стихотворения» (1920) и «Земля и тело» (1923) и несколько детских книг. С 1924 по 1928 был литературным сотрудником газеты «Рабочий край» в Иваново-Вознесенске. С 1928 г. жил в Москве. В 1930—1931 гг. работал в редакции журнала «Наши достижения». В последние годы выступал как прозаик. Наиболее известен его роман «Мед и кровь» (1928). Скончался 26 декабря 1933 г.

Две Польши (стр. 392). Впервые — «Красноармеец», 1920, май, экстренный номер, выпущенный в связи с началом войны против панской Польши, стр. 13.

Вспомни! (стр. 392). Впервые — «Красноармеец», 1920, № 18—20, стр. 16, без заглавия. Печ. по сб. «Стихотворения», стр. 16.

Трусам (стр. 393). Впервые — «Стихотворения», стр. 15.

Старому миру (стр. 393). Впервые — «Стихотворения», стр. 8.

Красной Армии (стр. 394). Впервые — «Стихотворения», стр. 23.

«Нет, не в оковах, не в келье...» (стр. 395). Впервые — «Красная улица», стр. 45 и «Стихотворения», стр. 39, где первый стих: «Нет, не в монашеской келье». Печ. по сб. «Земля и тело», стр. 25.

ВАСИЛИЙ КОЛЧИН

В 1920 г. был редактором газеты «Власть Советам!» (г. Сумы).

Труд (стр. 397). Впервые — «Горнило», № 1, стр. 3.

Детям Поволжья (стр. 397). Впервые — «Гудок», 1921, № 374, 13 августа.

А. П. КРАЙСКИЙ

(1892—1941)

Алексей Петрович Крайский (Кузьмин) родился в Новгороде в семье отставного николаевского солдата. С 14 лет работал ремонтным рабочим на железной дороге, затем поступил учеником на железнодорожный телеграф. В свободное время много читал и слушал лекции по литературе в Новгородском народном университете. В 1911 г. уехал в Петербург, где служил приказчиком и контрощиком в торговом заведении.

Писать Крайский начал с 1914 г. «из протеста к социальной несправедливости», как он говорит об этом в автобиографии (Архив ИРЛИ). Вначале это были рифмованные письма, пародии на хозяев, затем он перешел на войну и гражданские темы. Первые стихи печатались в 1916 г. в «Маленькой газете». После революции Край-

ский принимает участие в работе Петроградского пролеткульта, печатается в журналах «Грядущее», «Пламя», «Жизнь железнодорожника», в «Петроградской правде», «Красной газете» и литературных приложениях к ним. Первый сборник — «Улыбки солнца» — вышел в 1919 г. (было 4 издания), второй — «У города-разбойника» — в 1922 г. Серьезную поэтическую работу Крайского отметил В. Я. Брюсов: «Среди поэтов, стоявших вне «Кузницы», во многом самобытен А. Крайский, кажется, поэт старшего поколения. Он — один из тех, кто занят работой и над новой формой» («Вчера, сегодня и завтра русской поэзии». — «Печать и революция», 1922, № 7, стр. 65). Помимо стихов, Крайский писал рассказы, собранные в книге «То, что было» (1921), революционные пьесы и инсценировки, а также руководства для начинающих писателей. Последний сборник Крайского «Лирика» вышел в 1939 г.

Декреты (стр. 399). Впервые — «Красная нива», 1929, № 46, стр. 3. Печ. по сб. «На панельных квадратах», стр. 36. С исправлениями вошло в сб. «Лирика».

А в р о р а (стр. 400). Впервые — «Лирика». стр. 13.

Лю б о в ь (стр. 400). Впервые — «Пламя», 1919, № 44, стр. 15; «Улыбки солнца», стр. 31. Печ. по сб. «Улыбки солнца», изд. 4-е, стр. 30. С исправлениями вошло в сб. «На панельных квадратах», «Лирика». Датируется по сб. «Лирика».

С в о б о д н о й р о д и н е (стр. 401). Впервые — «Пламя», 1918, № 4, стр. 4. Вошло в сб. «Улыбки солнца».

М ы — о д н о (стр. 402). Впервые — «Улыбки солнца», стр. 7. Без заглавия вошло в сб. «Лирика». Датируется по сб. «Лирика».

Б е с с м е р т н ы е (стр. 402). Впервые — «Красная газета», 1918, № 81, 3 мая. Вошло в сб. «Улыбки солнца», «Лирика». Датируется по сб. «Лирика».

Б е з о с т а н о в о к (стр. 402). Впервые — «Трибуна Пролеткульта», стр. 15, под заглавием «Навстречу грядущему». С исправлениями под тем же заглавием — «Понизовье», кн. 5, 1922, стр. 4. Печ. по сб. «У города-разбойника», стр. 18. Вошло в сб. «Лирика». Датируется по сб. «Лирика». Стихотворение отмечено В. Я. Брюсовым: «Крайский достиг особой выразительности, изображая жизнь машины» («Навстречу грядущему») («Печать и революция», 1922, № 7, стр. 65).

Г р а н и г р я д у щ е г о («Америка, Индия, Афганистан...») (стр. 404). Впервые — «Лирика», стр. 29.

П р и з ы в (стр. 405). Впервые — «Петроградская правда», 1919, № 167, 27 июля.

Ч а с н а з н а ч е н н ы й (стр. 406). Впервые — «Улыбки солнца», изд. 3-е, стр. 18.

«Не пойте, не пойте печальных песен...» (стр. 406). Впервые — «Грядущее», 1920, № 4, стр. 2. Печ. по сб. «У города-разбойника», стр. 14.

Грани грядущего («Из гордых городов — аэропланы...») (стр. 407). Впервые — «Грядущее», 1920, № 5—6, стр. 2, где первый стих: «Из города Коммуны — аэропланы». Печ. по сб. «У города-разбойника», стр. 29.

Не отвечают (стр. 407). Впервые — «Понизовье», кн. 6, 1922, стр. 4. Без заглавия вошло в сб. «На панельных квадратах», под заглавием «Девичья» — в сб. «Лирика».

Кронштадт (стр. 407). Впервые — «Литературная неделя» (приложение к «Петроградской правде»), 1922, № 21, стр. 12, как монолог курсанта в драматическом этюде «Кронштадт». Печ. по «Рабочему журналу», 1925, № 4, стр. 107, где дано как отдельное стихотворение. Вошло в сб. «На панельных квадратах»; с исправлениями вошло в сб. «Лирика». В стихотворении речь идет о контрреволюционном кронштадтском мятеже 1921 г. См. стр. 531.

Квадраты (стр. 408). Впервые — «Литературный еженедельник» (приложение к «Красной газете»), 1923, № 4, стр. 4 под заглавием «Панельный квадрат». Печ. по альб. «Стройка», стр. 14. С исправлениями вошло в сб. «На панельных квадратах», «Лирика». Датируется по сб. «На панельных квадратах».

Опилки (стр. 409). Впервые — «Зори» (приложение к «Красной газете»), 1924, № 8, стр. 3. Печ. по автографу (Отдел рукописей ИРЛИ). Вошло в сб. «На панельных квадратах», с исправлениями и без заглавия — «Лирика». В сб. «Лирика» дата: 1922. Другой автограф в Отделе рукописей ИМЛИ.

Радость (стр. 409). Печ. по автографу (Отдел рукописей ИМЛИ). Автограф не датирован.

ИВАН КУЗНЕЦОВ

Иван Кузнецов — пролетарский поэт, автор сборников «Стихотворения» и «Проклятие странника» (1922). И. Кузнецов в 1917—1920 гг. печатался в петроградских газетах и журналах: «Красная газета», «Вооруженный народ», «Пламя», «Грядущее», «Жизнь железнодорожника»; в московской газете «Беднота», принимал участие в сборниках: «Под знамя правды», «Трибуна Пролеткульта», «Взмахи».

Вперед (стр. 410). Впервые — «Пламя», 1918, № 28, стр. 17, под заглавием «Свободный поезд»; «Пламя», 1918, № 34, стр. 6, без заглавия; с исправлениями и под заглавием «Свободный поезд» — «Жизнь железнодорожника», 1918, № 28—29, стр. 9. Печ. по сб. «Трибуна Пролеткульта», стр. 62.

Торжество революции (стр. 410). Впервые — «Жизнь железнодорожника», 1918, № 34, стр. 5, под заглавием «Отблески

великих торжеств»; «Пламя», 1919, № 50, стр. 7, под заглавием «Отблески великих празднеств». Печ. по сб. «Трибуна Пролеткульта», стр. 43. Написано под впечатлением первой Октябрьской годовщины. *Мрамор Лассалья-борца*. По ленинскому плану монументальной пропаганды одним из первых памятников в Петрограде в октябре 1918 г. был установлен бюст деятеля германского рабочего движения Фердинанда Лассалья (1825—1864), работы скульптора В. А. Синайского (возле здания бывшей Городской думы на Невском проспекте).

Слава орлам боевым (стр. 411). Впервые — «Красному флоту», 1919, стр. 33.

Здравствуй, царь-народ (стр. 412). Впервые — «Стихотворения», стр. 11.

Гимн свободе (стр. 412). Впервые — «Стихотворения», стр. 13.

Н. А. КУЗНЕЦОВ

(1904—1924)

Николай Андрианович Кузнецов родился в Клину в семье ткача, детство провел на окраинах Замоскворечья, где родители его работали на Даниловской мануфактуре. По окончании четырехклассного городского училища, с 13 лет работал газетчиком, мальчиком в аптеке, рабочим на Даниловской мануфактуре, на авиационном заводе «Мотор». В 1919 г. вступил в комсомол.

Писать стихи и частушки начал, работая на заводе. Часто исполнял их в рабочем клубе и помещал в заводской стенгазете. В печати его первые стихи — «В мастерской» и «Пролетарий» — появились в 1921 г. в первомайском номере газеты «Молодая Красная Пресня» под псевдонимом «Замоскворецкий». С 1922 г. Кузнецов стал сотрудничать в московских газетах: «Юношеская правда», «Рабочая газета», «Рабочая Москва», печатался в журналах «Юный коммунист», «Рабочий журнал». Н. Кузнецов был одним из организаторов литературной группы «Рабочая весна». В 1923 г. поступил в Высший литературный институт. В 1924 г. вышел его первый сборник «Стихи». Отрыв от родной заводской среды, житейская неустроенность привели к тому, что 20 сентября 1924 г. он покончил жизнь самоубийством.

В дождливый день (стр. 413). Впервые — «Рабочая Москва», 1922, № 119, 2 июля. Вошло в сб. «Стихи».

После работы (стр. 413). Впервые — «Рабочая Москва», 1922, № 177, 10 сентября. Вошло в сб. «Стихи».

Радиобашня (стр. 414). Впервые — «Рабочая Москва», 1922, № 204, 12 октября. Вошло в сб. «Стихи». Стихотворение было помещено в газете в подборке со статьей «Уши и рупор республики (Радиостанция Замоскворечья)», в которой говорилось: «В памятные дни блокады, когда наша республика была отрезана от осталь-

ного мира, в Замоскворечье началась постройка радиостанции, которая должна быть ушами и рупором нашего государства. И вот, несмотря на войну, голод и все лишения, стройной красавицей поднялась к небу решетчатая радиобашня...»

Каждый из нас — матрос! (стр. 415). Впервые — «Рабочая Москва», 1923, № 9, 14 января.

В морозный день (стр. 416). Впервые — «Рабочая Москва», 1923, № 21, 31 января; сб. «Рабочая весна» № 2, стр. 5. Вошло в сб. «Стихи».

Рабочим поэтам (стр. 416). Впервые — «Рабочая Москва», 1923, № 108, 20 мая, под заглавием «Рабочей весне», стихотворение из 4-х строф, представляющее собой обращение к литературному объединению протетарских писателей «Рабочая весна»:

Накипают, накипают песни в сердце,
Только надо научиться расплеснуть.
И приходим мы — рабочие и красноармейцы —
Вечерком в «Рабочую весну».

(Строфа 4-я)

Печ. по сб. «Рабочее сердце», стр. 27.

Из цикла «Комсомольская любовь» (стр. 417). Впервые — «Рабочая Москва», 1923, № 189, 26 августа (под этим заглавием одно стихотворение — «Ночь на улицах...»). Печ. по сб. «Стихи», стр. 17.

На Красной площади (стр. 418). Впервые — «Стихи», стр. 12. *Минин с Пожарским* — памятник Минину и Пожарскому на Красной площади в Москве (см. стр. 513).

1 Мая 1919 года (стр. 419). Впервые — «Стихи», стр. 15. *И цетинились рабочие ряды* и т. д. Первомайская демонстрация 1919 г. проходила в обстановке мобилизации всех сил и призыва добровольцев на фронт против Колчака и Деникина.

«День уйдет, утихнет город...» (стр. 419). Впервые — «Перевал», сб. № 1 при журн. «Красная новь», М., 1923?, стр. 199; азм. «Под знаком комсомола» 2, стр. 87. Вошло в сб. «Рабочее сердце».

Мать (стр. 420). Впервые — «Юношеская правда», 1924, № 1, 5 января, под заглавием «О матери». Печ. по «Рабочему журналу», 1924, № 1, стр. 13. Вошло в сб. «Рабочее сердце» под заглавием «О матери».

Ленинец (стр. 421). Впервые — «Рабочее сердце», стр. 23.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ

Памяти погибших (стр. 423). Впервые — «Известия», 1919, № 216, 28 сентября. Стихотворение написано в связи с белогвардейским покушением 25 сентября 1919 г. См. стр. 530.

Иван Степанович Логинов родился в деревне Паршуки, Костромского уезда, Костромской губернии в бедной крестьянской семье. По окончании сельской школы был отдан в шапочную мастерскую соседнего торгового села, откуда, не выдержав тяжелых условий работы, сбежал в 1905 г. в Петербург. Работал точильщиком, ходил по домам. Свободное время посвящал чтению. Первой купленной книгой был двухтомник Н. А. Некрасова, его любимого поэта. В 1910 г. работал слесарем на арматурном заводе, но за участие в забастовке был уволен. С 1912 г. член партии большевиков. В предреволюционные годы часто переходил с одного завода на другой, долго не задерживаясь на одном месте из-за своих политических убеждений.

Первое стихотворение Логинова «Надо счастья, надо воли» было опубликовано в 1911 г. в большевистской газете «Звезда», № 9. До Октябрьской революции он печатался преимущественно в «Правде». Его стихи вошли в «Сборник пролетарских писателей» 1917 г. В начале 1917 г. служил в книжном магазине Попова, потом издательства «Прибой». В период Октября был организатором рабочей библиотеки на заводе «Парвиайнен». Позднее заведовал библиотекой Госиздата и «Красной газеты». С 1918 г. Логинов был активным сотрудником «Красной газеты». Под рубрикой «Наш дневник» почти ежедневно печатались его маленькие злободневные стихи и фельетоны. В 1919 г. печатался также в «Боевой правде» (большая часть под псевдонимом Парвиайненский), в «Бедноте», в начале 20-х годов — в «Петроградской правде». Газетные стихи Логинова собраны в трех книжках: «У станка» (1917), «На страже» (1919), «Накануне» (1919). В дальнейшем, отойдя от литературных занятий, работал в Ленинградском партийном клубе, Обществе старых большевиков, Доме партийного просвещения, главным образом как библиотекарь.

Во время Великой Отечественной войны Логинов служил политработником. Погиб в тяжелую блокадную зиму 4 марта 1942 г. в Ленинграде.

Эс-эровский капрал (стр. 424). Впервые — «На страже», стр. 44. Машинописная копия в отделе рукописей ИРЛИ В машинописи отсутствует припев *Землю и Волю* и т. д., есть эпиграф: «Во главе кадетско-эсеровской «демонстрации» шел бывший городской голова Шрейдер». Датируется по машинописи. В стихотворении использован размер известного стихотворения французского поэта П.-Ж. Беранже (1780—1857) «Старый капрал». Поводом к написанию стихотворения послужила контрреволюционная демонстрация 28 ноября (ст. ст.) в Петрограде во главе с Шрейдером под лозунгом Учредительного собрания. Разгадав намерение кадетов явочным порядком открыть Учредительное собрание и тем самым создать «законное» прикрытие контрреволюции, Советское правительство в тот же день издало декрет об аресте кадетских главарей. *Боже, буржуев храни* — перефразировка гимна царской России «Боже, царя храни». *Царек*. Имеется в виду А. Ф. Керенский. *Бабушки*

наши богаты и т. д. Намек на контрреволюционную деятельность правой эсерки Е. К. Брешко-Брешковской (1844—1934) (ее называли «бабушкой русской революции») по сколачиванию на иностранные деньги кадетско-эсеровского блока для борьбы с советской властью.

«Вековую мораль...» (стр. 425). Впервые — «Правда», 1918, № 17, 5 февраля под заглавием «Разбудим!» Рукопись под тем же заглавием в отделе рукописей ИРЛИ. Печ. по сб. «На страже», стр. 19. Датируется по рукописи.

«Эти годы, месяцы и сутки...» (стр. 425). Впервые — «На страже», стр. 19. Рукопись в отделе рукописей ИРЛИ, озаглавлена: «Эти годы...» Датируется по рукописи.

Весна Весны (стр. 425). Впервые — «Красная газета», 1918, № 80, 1 мая. Вошло в сб. «На страже». Рукопись в отделе рукописей ИРЛИ. Датируется по рукописи. Эпиграф — из передовой статьи А. В. Луначарского («Пламя», 1918, № 1, стр. 3).

Власть советская тверда (стр. 426). Впервые — «Красная газета», 1918, № 83, 8 мая. Вошло в сб. «На страже». Рукопись в отделе рукописей ИРЛИ. Датируется по рукописи. *Пуришкевич* Владимир Митрофанович (1870—1920) — черносотенный депутат царской Думы, в годы гражданской войны активный пособник контрреволюции. *Милюков* Павел Николаевич (1859—1943) — министр иностранных дел Временного правительства. *Коалиция* — так называлось в 1918 г. объединение всех контрреволюционных сил.

Золотые слова (стр. 427). Впервые — «Красная газета», 1918, 23 июня, экстренный выпуск, посвященный памяти В. Володарского. Вошло в сб. «На страже». Стихотворение написано в связи с злодейским убийством эсерами комиссара по делам печати, пропаганды и агитации, редактора «Красной газеты» В. Володарского 20 июня 1918 г. Эпиграф — из последней передовой статьи Володарского «Двоякая борьба» («Красная газета», веч., 1918, № 97, 20 июня).

«Мы — первые раскаты грома...» (стр. 427). Впервые — «Накануне», стр. 3.

Туда (стр. 427). Впервые — «Красная газета», 1919, № 72, 1 апреля. Печ. по сб. «Накануне», стр. 13.

На бат (стр. 428). Впервые — «Красная газета», 1919, № 173, 3 августа. Вошло в сб. «Накануне».

На Урал! (стр. 429). Впервые — «Накануне», стр. 4. Стихотворение написано в связи с мобилизацией весной 1919 г. всех сил Советской республики на борьбу с Колчаком.

Д. М. МАЗНИН

(1902—1938)

Дмитрий Михайлович Мазнин родился в 1902 году, в Петербурге, в семье торговца. В 1919 году порвал с отцом, ушел из семьи и начал самостоятельную жизнь.

«С октябрем начался решительный раскол в семье, — рассказывает он в автобиографии. — Началось с того, что с апреля 1918 г. мои стихи стали печататься в ленинградских газетах и журналах («Красная газета», «Ленинградская правда», — тогда «Петроградская правда», — журналы «Юный пролетарий», «Грядущее» и др.). Стихи, имевшие ясно выраженное политическое содержание, в которых звучал призыв к полной победе над буржуазией, стихи в большевистских газетах, подписанные моим полным именем, приводили отца в ужас. Он пытался избивать меня, боясь, что если возвратится старая власть, то вместе со мной за эти стихи повесят и его». (Автобиография. Личный архив.)

Вступив в 1919 году в комсомол, Мазнин живет и учится в Центральной политшколе Петроградского комсомола. Участник III съезда комсомола. С 1920 г. Мазнин — член Коммунистической партии. Работает секретарем редакции журнала «Юный пролетарий», редактором газеты «Смена», заведует отделом печати Петроградского губкома РКСМ. В 1923 г. поступает в Петроградский Коммунистический университет, который оканчивает в 1926 году. Одновременно с учебой работает с 1924 по 1926 гг. в редакции газеты «Ленинградская правда».

Выступает в печати со стихами, рецензиями, статьями, очерками. Литературный псевдоним — Арсений Гранин.

С 1927 года — в Таганроге, в газете «Красное знамя» (переименованной затем в «Донскую правду»), с 1929 года — в Ростове на Дону, где работает членом редколлегии журнала «На подъеме» и орг. секретарем Северо-Кавказской ассоциации пролетарских писателей.

В 30-е годы Д. М. Мазнин — в Москве. Работает в правлении РАПП, в редакции журнала «Октябрь», затем «Красная новь», специальным корреспондентом «Известий».

В дыму пожаров (стр. 430). Впервые — «Красный учащийся», 1919, юбилейный номер (годовщина), 15 декабря. Печ. по сб. «В дыму пожаров», стр. 29.

Маленький факт (стр. 430). Впервые — «Петроградская правда», 1923, № 120, 2 июня.

А. А. МАКАРОВ

Александр Антонович Макаров родился в 1898 г. в г. Волхове, Новгородской губернии в рабочей семье. Окончив сельскую школу, работал на фабрике. Во время первой империалистической войны был на фронте, вернулся с тяжелым ранением.

Писать начал в 1917 г. Первое стихотворение — «Веселый столарь» — напечатано в 1920 г. в «Рабочей газете». Был членом «Кузницы». Литературное образование получил в Высшем литературно-

художественном институте. Стихи и рассказы Макарова печатались в московских журналах: «Творчество», «Горн», «Твори!», «Молодая гвардия», «Рабочий журнал», в сборниках «Недра», «Перевал». В 1923 г. вышел сборник его стихов «Весенний сплав», рассказы собраны в книгах «Медовые залежи» (1925), «Счастливая земля» (1928).

Пирушка десяти (стр. 432). Впервые — «Весенний сплав», стр. 8. Эпиграф — из стихотворения В. Т. Кириллова «К нам, кто сердцем молод...» *Группа «Твори!»* — литературная группа пролетарских писателей возникла в 1920 г. в Москве.

«Панель как серые глаза любимой...» (стр. 433). Впервые — «Весенний сплав», стр. 41.

Голубь (стр. 433). Впервые — сб. «Недра», кн. 2. 1923, стр. 169.

И. И. МУКОСЕЕВ-КРАЙНИЙ

Иван Иванович Мукосеев в первые годы революции был активным сотрудником газеты «Известия Бежицкого Совета Рабочих и Красноармейских депутатов» в г. Бежице. В газете печатались его стихи, фельетоны, статьи, театральные рецензии, часто подписанные псевдонимом Крайний или Мукосеев-Крайний. В Бежице в 1918—1920 гг. вышли 2 сборника стихов Мукосеева: «У свергнутых кумиров» и «Поэзия революции». В конце 20-х гг. Мукосеев выпустил несколько детских книг («Бондарь», «Ваня-кузнец», «Жестящик» и др.).

«Да, это всё когда-то было...» (стр. 436). Впервые — «Поэзия революции», стр. 48.

Е. Е. НЕЧАЕВ

(1859—1925)

Старейший рабочий поэт Егор Ефимович Нечаев родился в селе Харитонове, Корчевского уезда, Тверской губернии в семье рабочего-хрустальщика и в течение 45 лет, с девятилетнего возраста, сам работал стеклянщиком. Грамоте обучался всего несколько месяцев во время болезни после ожога, полученного на работе. С 18 лет потянулся к книгам, которые получал у коробейника. Под впечатлением стихов и биографии И. З. Сурикова начал писать стихи. В 1886 г. приехал в Москву и благодаря участию, которое принял в нем журналист А. А. Попов-Монастырский, стал серьезно заниматься литературой.

Первое стихотворение Нечаева — «Зимняя картинка» — появилось в 1891 г. в сб. «Метеор». Затем его стихи печатались в журналах «Детское чтение», «Юная Россия», «Детский друг», «Русская беседа», «Наш путь», «Журнал для всех», «Искра» и др. и в товарищеских сборниках «К заветной цели», «Памяти Н. А. Некрасова», «Памяти Гоголя», «Трудовой путь» и др. Был одним из основателей Суриковского литературно-музыкального кружка. В числе других

«суриковцев» подвергался репрессиям со стороны царского правительства за революционно-издательскую деятельность. Во время обысков у него было конфисковано несколько десятков стихотворений. Принимал участие в изданиях «суриковцев» П. А. Травина («Удаль», «Гроза», «Остриак», «Балагур») и Ф. С. Шкучева («Новая пашня», «Народный рожок»). Сатирические стихи и фельетоны подписывал псевдонимами: Дальний, Дядя Нил, Жоржик, Некто и др. А. М. Горький привел стихи Нечаева в статье «О писателях-самочуках». Нечаев переводил стихи Тараса Шевченко, Я. Райниса, Якуба Коласа, Янки Купалы, Марии Конопницкой и др. До революции вышли его сборники «Трудовые песни», «Вечерние песни».

После Октябрьской революции Нечаев сотрудничал в газетах «Беднота», «Рабочая Москва», «Рабочий», в журналах «Память», «Творчество», «Кузница», «Рабочий журнал». Был членом литературного объединения «Кузница» и почетным членом литературной группы «Рабочая весна». В мае 1921 г. торжественно отмечалось 30-летие литературной деятельности Нечаева. В 1922 г. вышли его новые книги: «Песни стеклянщика», «Из песен старого рабочего», «Сургаль — всё». В последние годы Нечаев написал ряд прозаических произведений из жизни рабочих-стеклянщиков в дореволюционной России — «Мученики-гуты» и др. Незадолго до смерти вступил в Коммунистическую партию. Умер Нечаев 23 ноября 1925 г.

В. И. Ленину (стр. 437). Впервые — Избранное, стр. 201. Автограф в Отделе рукописей ИМЛИ.

Утро (стр. 438). Впервые — «Кузница», 1921, № 8 стр. 16 под заглавием «На работе». Печ. по сб. «Из песен старого рабочего», стр. 46. Вошло в сб. «Песни стеклянщика». Датируется по сб. «Из песен старого рабочего». В «Кузнице» дата: 1921.

СЕМЕН ОКОВ

Семен Оков — псевдоним Семена Петровича Овсянникова, в первые годы советской власти известного в Казани рабочего поэта. Он родился и вырос в деревне Казанской губернии. Окончив двуклассное училище, вел тяжелую жизнь протетаря, долгое время работал на кустарной фабрике рукавиц, одновременно занимаясь самообразованием. В учительскую семинарию поступить не удалось. С помощью друзей уехал в Москву, где на него обратили внимание члены «Кружка покровителей талантов из народа». «Покровительство» стало его тяготить. Он вернулся в Казань и здесь встретил революцию. В 1918—1919 гг. приобрел известность как поэт и чтец своих произведений. Его выступления горячо встречались рабочей и красноармейской аудиторией. Стихи, статьи и фельетоны Окова печатались в казанских газетах «Знамя революции» и «Беднота». С Оков — автор сборника стихов «Этапы» (1920) и книги «„Наша победа“. Феерия» (1920).

Бей молотом (стр. 439). Впервые — «Красные зори», Казань, 1919, № 1, стр. 11. Вошло в сб. «Этапы».

«Посторонние» (стр. 440). Впервые — «Знамя революции», 1919, № 58, 15 марта. Вошло в сб. «Этапы».

Колчаку (стр. 440). Впервые — «Знамя революции», 1919, № 86, 19 апреля, под заглавием «К отпору черных сил». Печ. по сб. «Этапы», стр. 45. Написано в ответ на контрреволюционное анонимное стихотворение, присланное в газ. «Знамя революции». *То сулил нам власть кадета* и т. д. Ставленник Антанты, бывший царский адмирал Колчак сначала занимал пост военного министра в эсеровско-кадетском сибирском правительстве «Директория». Захватив власть, объявил себя «Правителем всея России». *Вильсоновская взятка*. В соответствии с соглашением стран Антанты, подписанным и американским президентом Вудро Вильсоном, синдикат нью-йоркских банкиров предоставил заем на покупку оружия для Колчака.

Посадка (стр. 441). Впервые — «Знамя революции», 1919, № 91, 27 апреля. Вошло в сб. «Этапы». *Ермак* — популярная русская песня о Ермаке на слова К. Ф. Рылеева «Смерть Ермака» («Ревела буря, гром гремел...»).

Сегодня (стр. 441). Впервые — «Этапы», стр. 77.

И. И. РЫБАЦКИЙ

(1880—1920)

Рыбацкий — псевдоним Николая Ивановича Чиркова, уроженца села Рыбацкого под Петербургом, потомственного питерского пролетария. С 15 лет работал на Обуховском заводе, где сблизился с передовыми рабочими. В 1901 г. принимал участие в знаменитой «Обуховской обороне» и был приговорен царским судом к 4 годам каторжной тюрьмы. Возвратившись в Петербург по царскому манифесту, продолжал революционную деятельность, постоянно преследуемый правительством. Тюрьмы и ссылки явились для Рыбацкого «университетом», там же он начал писать.

Первое стихотворение «Природа зовет» было напечатано в декабре 1904 г. в газете «Наша жизнь». Стихи и рассказы Рыбацкого печатались в «Правде», «Вольной мысли», сборниках пролетарских писателей 1914 и 1917 гг. В 1919 г. вышел его сборник стихов «На светлый путь», в 1921 г., посмертно — сборник рассказов из заводской жизни «На молотах». Рыбацкий умер от тифа 12 сентября 1920 г. в г. Рязжке Рязанской губернии во время поездки с агитационной группой на врангелевский фронт.

Пахарю (стр. 443). Впервые — «На светлый путь», стр. 18.

ВАСИЛИЙ СМЕЛОВ

В 1919—1920 гг. часто печатался в газете «Звезда» (Новгород).

Погибшим бойцам (стр. 446). Впервые — «Звезда», 1919, № 270, 26 ноября, с подзаголовком «Памяти героев — новгородских курсантов». Печ. по сб. «Лестница борьбы», стр. 18. Написано к 25 ноября 1919 г. (годовщина образования Новгородских командных курсов, победное возвращение курсантов с фронта и первый выпуск красных командиров). Первый стих является перефразировкой известного стихотворения Л. Пальмина «Requiem» («Не плачьте над трупами павших борцов...»).

МАКСИМ СМЕРНОВ

В 1919—1922 гг. сотрудничал в газете «Деревенская коммуна» (г. Епифань).

Перекоп (стр. 448). Впервые — «Ключи созвучий», стр. 42. *Перекоп*. В ночь с 11 на 12 ноября Красная Армия под командованием М. В. Фрунзе, прорвав фронт на Перекопском перешейке, перешла в наступление, которое привело к полной ликвидации бело-гвардейской армии Врангеля.

А. Н. СОЛОВЬЕВ (НЕЛЮДИМ)

(1888—1931)

Алексей Николаевич Соловьев (Нелюдим) родился в деревне Шокша, Галичского уезда, Костромской губернии. Отец его был заводским рабочим. Не имея возможности поступить в школу, мальчик научился грамоте самоучкой и много читал, особенно любил стихи Н. А. Некрасова и И. С. Никитина. С 12 лет работал в Петербурге маляром. Вскоре, покинув столицу, отправился бродяжничать по Руси, не расставаясь с книгами, из которых особенно любимыми стали книги А. М. Горького. В 1905 г. был арестован в Петербурге и содержался в «Крестах». Потом снова скитался по северным губерниям, работал крючником, землекопом, маляром, батраком.

Писать и печататься начал с 1914 г. В газ. «Путь „Правды“» 17 мая появилось его первое стихотворение «Маляры» за подписью Нелюдим. Печатался также в газетах «Варшавское утро», «Армейский вестник», «Социал-демократ». Во время империалистической войны более трех лет сражался на фронте, был контужен. После Октябрьской революции Соловьев вернулся на родину в г. Галич, где более трех лет был редактором газеты «Известия Галичского уездного исполнительного комитета Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов». В газете публиковались его стихи, рассказы, фельетоны. Выступал с чтением своих стихов на митингах, собраниях и уездных съездах Советов. В Галиче вышли его сборники «Полеты» (1920) и «Цветной ковер» (1922). Позднее сотрудничал в галичской газете «Плуг и молот». Последние годы жил в Ленинграде.

«Плыл могучий орел в голубой вышине...» (стр. 449). Впервые — «Полеты», стр. 25. Стихотворение написано в связи с покушением на В. И. Ленина 30 сентября 1918 г.

Товарищу (стр. 450). Впервые — «Известия Галичского уездного исполнительного комитета...», 1918, № 387, 24 ноября, подписано: Нелюдим. Вошло в сб. «Полеты».

Победим, не сомневайтесь! (стр. 450). Впервые — «Известия Галичского уездного исполнительного комитета...», 1919, № 154, 15 июля, подписано: Нелюдим. Вошло в сб. «Полеты», по которому датируется.

СЕРГЕЙ СТРАДНЫЙ

(1901—1922)

Сергей Страдный — псевдоним Сергея Андреевича Смирнова. Он родился в семье крестьянина Смоленской губернии. Учился в сельской школе и учительской семинарии. В 1917 г. вступил в комсомол. В 1918—1919 гг. был на фронте.

Писать стихи начал с 1914 г., печататься — с 1920 г. в Смоленске. Принимал участие в сборниках пролетарских писателей Смоленска: «Паяльник», № 1 и № 2, «Тройка», «Лихолетье», «Ступени». Там же в 1921 г. вышли его сборники: «Под Октябрем», «Юлевая новь», поэма «Рыжая кляча».

Мусорные кучки (стр. 452). Впервые — «Паяльник», № 2, стр. 21. Вошло в сб. «Под Октябрем». Печ. с исправлением опечатки в последней строке («смородина» вм. «сморода»).

Руки (стр. 452). Впервые — «Под Октябрем», стр. 34.

Е. М. ТАРАСОВ

(1882—1943)

Евгений Михайлович Тарасов родился в семье бухгалтера. В студенческие годы примкнул к революционному движению и неоднократно подвергался арестам и ссылкам. В 1902 г. бежал из ссылки за границу. В 1905 г. Тарасов — участник декабрьского вооруженного восстания в Москве. Его первый сборник «Стихи» (1906) был конфискован за «призыв к мятежным и бунтовщицким действиям». В 1908 г. вышел сб. «Земные дали». Участник Горьковских сб. «Знание». После Октябрьской революции Тарасов печатался в журнале «Творчество», газете «Беднота». В 1919 г. Петроградский пролеткульт выпустил его сборник «Стихотворения». В дальнейшем Тарасов отошел от поэтической деятельности и занимался научной работой в области политэкономии.

«В щели брызнули лучи...» (стр. 454). Впервые — «Творчество», 1920, № 2—4, стр. 1.

Н. С. ТИХОМИРОВ

(1888—1945)

Никифор Семенович Тихомиров по происхождению крестьянин деревни Девятино-Покровское, Мологского уезда, Ярославской губернии. Образование получил в трехклассной сельской школе. 19 лет с двадцатью копейками в кармане приехал в Петербург на заработки. Поступил в чернильную мастерскую. Не выдержав издевательств хозяина, однажды его избил, и был выгнан на улицу. Затем работал в типографии, на граммофонной фабрике, на заводе «Тругольник» и с 1914 г. — машинистом турбин 1-й электростанции, где трудился более 30 лет, до конца жизни.

Писать стихи Тихомиров начал с 1911 года. Его часто можно было видеть — как вспоминает один из его товарищей — в чайной «Прогресс» на Забалканском проспекте пишущим на клочках бумаги. Поэтические начинания Тихомирова поддержал пролетарский поэт А. Н. Поморский. Первое стихотворение «Грезы» за подписью Н. С. Несмелый было напечатано в декабре 1912 г. в журнале «Вестник приказчика». Поэтическая деятельность Тихомирова была наиболее плодотворной в первые советские годы. Его стихи, а иногда и рассказы печатались в газетах «Правда», «Петроградская правда», «Красная газета», журналах «Грядущее», «Пламя», «Красный журнал для всех», «Жизнь железнодорожника» и др., в сборниках «Литературный альманах», «Трибуна Пролеткульта». В 1919 г. Петроградский пролеткульт выпустил сборник его стихов «Красный мост». В последующие годы печатался в «Красной газете», журналах «Красные огни», «Красный ворон», «Бегемот», «Резец» и др.

После смерти В. И. Ленина в 1924 г. Тихомиров вступил в Коммунистическую партию. Во время Великой Отечественной войны, работая по-прежнему на электростанции, сотрудничал там в газете, будучи агитатором. Трудящиеся Ленинграда избрали его депутатом в Горсовет. Весной 1945 г. для проведения первого послевоенного сева Тихомиров был направлен в Осьминский район Ленинградской области. 13 мая, читая стихи на митинге в колхозе «Первое мая», поэт скончался.

По Руси (стр. 456). Впервые — «Красная газета», 1918, № 68, 17 апреля. Печ. по сб. «Красный мост», стр. 16. Датируется по сб. «Избр. стихи» 1948.

Братья (стр. 457). Впервые — «Красная газета», 1918, № 137, 11 июля, под заглавием «Мы — братья». Печ. по сб. «Красный мост», стр. 3. Датируется по сб. «Избр. стихи» 1948 Стихотворение пользовалось очень большой популярностью, перекладывалось на музыку.

Русскому богатырю (стр. 457). Впервые — «Красная газета», веч., 1918, № 52, 25 апреля. Печ. по сб. «Красный мост», стр. 46.

Брату-пахарю (стр. 458). Впервые — «Петроградская правда», 1918, № 201, 15 сентября. Вошло в сб. «Красный мост».

К станкам! (стр. 458). Впервые — «Красная газета», 1918, № 225, 23 октября. Вошло в сб. «Красный мост».

Взятие Зимнего дворца (стр. 459). Впервые — «Пламя», 1918, № 27, стр. 11. *Смерти батальон*. Батальоном смерти назывался женский ударный батальон, охранявший Зимний дворец, в котором укрывалось Временное правительство. *Перепуганные вожди* — министры Временного правительства.

Красная Русь (стр. 460). Впервые — «Жизнь железнодорожника», 1918, № 31, стр. 2. Вошло в сб. «Красный мост».

Р у с ь (стр. 461). Впервые — «Красный мост», стр. 17. Датируется по сб. «Избр. стихи» 1948.

Г р я д у щ е е (стр. 461). Впервые — «Красная газета», веч., 1918, № 206, 26 октября. Печ. по сб. «Красный мост», стр. 26. Датируется по сб. «Избр. стихи» 1948.

«М ы в о л ь н ы, к а к с т е п н ы е о р л ы. . .» (стр. 462). Впервые — «Красный мост», стр. 41.

К р е с ь т ь я н и н у (стр. 462). Впервые — «Трибуна Пролеткульта», стр. 37.

К р а с н о а р м е й ц ы (стр. 463). Впервые — «Трибуна Пролеткульта», стр. 73.

Ш е р ш а в а я л а д о н ь (стр. 463). Впервые — «Красный журнал для всех», 1922, № 1, стр. 44. Вошло в сб. «Земля зовет».

У с т а н к а (стр. 464). Впервые — «Современные рабоче-крестьянские поэты», стр. 44.

И. Г. ФИЛИПЧЕНКО

(1887—1939)

Иван Гурьевич Филипченко родился в станице Нижне-Хоперской, Балашовского уезда, Саратовской губернии в семье крестьянина. Окончил сельскую школу. Был батраком, пастухом, переплетчиком. Учился в Университете им. Шанявского. С 1908 г. принимал участие в революционном движении, сидел в тюрьмах, в 1913 г. вступил в РСДРП и вскоре был выслан из Москвы.

В печати выступил в 1913 г. Печатался в дооктябрьской «Правде». Его стихи вошли в «Первый сборник пролетарских писателей» 1914 г. После Октябрьской революции с 1918 по 1928 г. работал в редакции «Правды». Принимал участие в деятельности литературной группы «Рабочая весна». В 1920 г. вышел его сборник «Эра славы» с предисловием Валерия Брюсова и Ю. Балтрушайтиса. В. Я. Брюсов тепло приветствовал «первую книгу нового поэта». В 1923 г. вышел сборник «Руки».

Т к а ч и (стр. 465). Впервые — «Пролетарский сборник», стр. 34. Печ. по сб. «Руки», стр. 49.

«Я п р о с т о й р а б о ч и й. . .» (стр. 468). Впервые — «Эра славы», стр. 6. Вошло в сб. «Руки».

«Б е д н о т а, б е д н о т а. . .» (стр. 469). Впервые — «Правда», 1918, № 111, 5 июня. Вошло в сб. «Эра славы», стр. 28. *Голгофа* — гора, на которой, по евангельскому преданию, был распят Христос.

П р о л е т а р и а т у (стр. 470). Впервые — «Правда», 1918, № 195, 12 сентября, под заглавием «Пролетариату и поэту Г. Яку-

бовскому». Печ. по сб. «Эра славы», стр. 22. О Г. В. Якубовском см. стр. 562.

«Эта книга...» (стр. 471). Впервые — «Эра славы», стр. 3. Вошло в сб. «Руки». *Ленская клятва*. Имеется в виду подъем революционного движения рабочего класса в связи с Ленским расстрелом в 1912 г.

«У меня ни жены, ни возлюбленной...» (стр. 471). Впервые — «Эра славы», стр. 36. Печ. по сб. «Руки», стр. 46.

Бой барабана (стр. 472). Впервые — «Правда», 1919, № 245, 1 ноября. Вошло в сб. «Руки». Датируется по сб. «Руки».

Слова слав (стр. 474). Впервые — «Эра славы», стр. 23. *Руга* — бедная одежда.

Старый и новый (стр. 476). Впервые — «Известия», 1922, № 1, 1 января.

Синеблузый (стр. 478). Впервые — «Красный журнал для всех», 1923, № 5—6, стр. 20.

К. ХОХЛОВ

К. Хохлов принимал участие в «Сборнике пролетарских писателей» 1917 г., в «Пролетарском сборнике».

Песнь печатного станка (стр. 480). Впервые — «Творчество», 1918, № 9, стр. 31.

М. Д. ЦАРЕВ (В. ТОРСКИЙ)

Михаил Дмитриевич Царев под псевдонимом В. Торский принимал участие в сб. «Наши песни» (вып. 2-й), в «Первом сборнике пролетарских писателей» (1914), печатался в дооктябрьской «Правде». После революции печатался в петроградском журнале «Грядущее», в нижегородском — «Факел», в «Красноармейце», газете «Нижегородская коммуна» и других периодических изданиях. В 1919 г. в Нижнем Новгороде вышел его сборник «На посту», в 1921 г. в г. Омске — поэма «Парижская коммуна».

Весна (стр. 483). Впервые — «Нижегородская коммуна», 1919, № 81, 13 апреля. Вошло в сб. «На посту».

Ф. С. ШКУЛЕВ

(1868—1930)

Автор известной революционной песни «Мы кузнецы, и дух наш молод...» Филипп Степанович Шкулев родился в бедной крестьянской семье в деревне Печатники под Москвой. С детских лет помогал матери, рано оставшейся вдовой и занимавшейся поденной работой. Прочувшись несколько месяцев в школе, девяти лет был

отдан на фабрику. В результате несчастного случая на работе потерял правую руку. Выйдя из больницы, с большим трудом устроился подручным в овощную лавку в Москве. Несмотря на запреты хозяина, много читал и тайком начал писать стихи.

Первое произведение Шкулева — поэма «Ночь под Ивана Купалу» — появилось в печати в 1890 г. в сб. «Наша хата». С тех пор его стихи и рассказы печатались в журналах «Развлечение», «Будильник», «Семья и школа», «Сеятель», «Муравей», «Юная Россия» и др., в сборниках «Метеор», «Дума», «Грезы», «Памяти Н. А. Некрасова», «Почин», «Вперед», «Молодые всходы» и др. В 1885 г. вышел первый сборник Шкулева «Думы негра». В 1904 г. в его переводе вышла книжка стихов Ады негра. В 1905 г. совместно с М. Л. Леоновым организовал издательство при книжном магазине «Искра». За выпуск революционной литературы издательство было закрыто. В 1905 г. принимал участие в Московском вооруженном восстании. Редактировал газеты «Новая пашня», «Русский день», журналы «Удаль», «Народный рожок». В 1911 г. за издательскую деятельность был приговорен к тюремному заключению. По выходе из тюрьмы из-за преследования полиции уехал в Архангельск. В 1912 г. печатался в «Звезде» и «Правде».

После Октябрьской революции Шкулев вступил в Коммунистическую партию. Его стихи печатались в сборниках «Чернозем» (1-й и 2-й вып.), «Рабочая весна», «Поэзия рабочих профессий», газетах «Беднота», «Рабочая Москва». В 1922 г. вышло наиболее полное собрание стихотворений Шкулева «Гимн труду». В этом же году он был избран почетным членом литературной группы «Рабочая весна».

Гимн коммунаров (стр. 484). Впервые — «Гимн труду», стр. 13. Вошло в сб. «Кузнецы. Трудовые песни», «Кузнецы».

Мы. Пролетарские поэты (стр. 485). Впервые — «Рабочая Москва», 1922, № 267, 22 декабря.

С песней (стр. 486). Впервые — «Рабочая Москва», 1923, № 21, 31 января. Печ. по сб. «Кузнецы. Трудовые песни», стр. 23. Вошло в сб. «Кузнецы».

А. Ю.

Мой стих (стр. 488). Впервые — «Красная звезда», Киев, 1922, № 3, стр. 15.

Г. В. ЯКУБОВСКИЙ

Георгий Васильевич Якубовский родился в 1891 г. в селе Селец, Холмского уезда, Люблинской губернии. Учился в гимназии, где редактировал ученический журнал «Маяк». Слушал лекции в Университете им. Шаняевского, занимался живописью в художественном училище у художника К. Ф. Юона и выставлял свои работы на художественных выставках. С 1908 г. принимал участие в революционном движении, подвергался репрессиям.

Якубовский начал писать в 1908 г. Впервые в печати выступил в 1914 г. в московском сборнике «Зигзаги в тумане». После революции активно работал в области печати как редактор газет и журналов в Крыму, Саратове, Тамбове, Москве. В 1918 г. в Саратове редактировал первую детскую пролетарскую газету «Детская правда». Был одним из ведущих членов «Кузницы», выступал как критик и теоретик литературы. Его стихотворения и статьи печатались в «Красной нови», «Печати и революции», «Звезде», «Рабочем журнале», который он редактировал. В 1926 г. вышла его книга о писателях «Кузницы» — «Литературные портреты».

Стихи Якубовского, печатавшегося ранее на страницах «Кузницы», «Рабочего журнала» и других журналов и газет, собраны в книге «Песни крови» (1925).

З а в е т ж е р т в (стр. 489). Впервые — «Песни крови», стр. 28, в составе поэмы «Кровь рабочая», заключительная часть. Поэма «посвящается памяти красноармейцев, погибших на фронтах гражданской войны — всем убитым, задушенным, сожженным, заживо зарытым — бессменным мученикам великой борьбы за освобождение трудящихся». *Первая кровь Самары*. Одной из первых жертв гражданской войны были коммунисты и советские работники, расстрелянные и замученные в Самаре во время чехословацкого мятежа летом 1918 г.

Р о д и л ь н ы й к р и к (стр. 490). Впервые — «Песни крови», стр. 38.

У с и л и е (стр. 491). Впервые — «Песни крови», стр. 94.

БИБЛИОГРАФИЯ

Основные стихотворные сборники поэтов

В. Д. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ

- Рабочий поселок. Стихотворения. Пролеткульт, М., 1919.
Восстание. Поэма. Библиотека «Горна», Пролеткульт, М., 1919.
Север. Стихотворения. Пролеткульт, М., 1919.
Утро. Стихи. ВАПП, М., 1921.
Россыпь огней. Стихи. «Кузница», М., 1922.
Звон солнца. Стихи и поэмы. Книга первая. «Кузница», М., 1923.
Поэма о Пахоме. «Красная новь», М., 1923.
Шаги. Поэмы и стихи. «Московский рабочий», 1924.
Ветер. Стихи и поэмы. ГИЗ, М., 1925.
Избранные стихи. Библиотека «Огонек», М., 1926.
Подкованные годы. Стихи. «Современная Россия», М., 1926.
Костер. Стихи. 1918—1928. «Федерация», М., 1929.
Годы. Избранные стихи. Московское товарищество писателей. М., 1932.
Стихотворения и поэмы. Вступительная статья С. Родова. Библиотека советской поэзии. Гослитиздат, М., 1957.

Я. П. БЕРДНИКОВ

- Сонет рабочего. Книжка 1. Изд. Всерайонного совета петроградского пролетарского юношества, Пг., 1917.
Цветы сердца. Пролеткульт, Пб., 1919 (в 1919 г. — 6 изданий).
Пришествие. Стихи. «Космист», Пг., 1921 (в 1921 г. — 2 издания).
В неволе. Поэма в 2-х частях. «Космист», Пг., 1922.
Серп и молот. Стихи (совместно с П. А. Арским). «Кубуч», Л., 1925.
Ерема. Поэма. Л., ГИЗ, 1925.
Пути-дороги. Поэма. Изд. газ. «Правда», М., 1925.

Б. Д. ВОГОМОЛОВ

- Драма в лесу. Поэма. СПб., 1907.
В пути. Стихи. Изд. К. С. Ганина, СПб., 1908.
Запорожцы. Поэма. Памяти Н. В. Гоголя. «Бандурист», СПб., 1909.
На распутье. Лирика. «Бандурист», СПб., 1909.
Царевна-Зоренька. Стихи детские. Предисловие Игоря Северянина.
СПб., 1913.
Стихи. Изд. лит. общества «Арс». Пг., 1913.
Сказы. Подарок воинам. «Наш век», Пг., 1914.
Стихотворения. Пролеткульт, Пг., 1919 (в 1919 г. — 2 издания).

Е. БРАЖНЕВ (Е. А. ТРИФОНОВ)

- Буйный хмель. Козлов, 1918.
Буйный хмель. Стихи. ГИЗ, М., 1922.
Поход. Поэма. Изд. Амурского областного комитета помощи фронту. Благовещенск, 1922.
Буйный хмель. Стихи о каторге. «Федерация», М., 1931.

СТЕПАН ВРУСКОВ

- Мои стихи. Крутовинные узоры. «Новое начало», М., 1909.
У порога. Стихи. «Набат», М., 1910.

Н. С. ВЛАСОВ-ОКСЕИЙ

- Стихотворения крестьянина Николая Власова. 1901—1908 г. Кн. 1. Изд. автора, Н.-Новгород, 1908.
Стихотворения крестьянина Николая Власова. Кн. II. Песни народных нужд и горя. Н.-Новгород, 1908.
Родное. Стихотворения. Изд. автора, Н.-Новгород, 1913.
Песни свободы. Стихотворения. Книгоиздательство Н. С. Власова, Тверь, 1917.
Песни безвременья. Стихотворения. Книгоиздательство Н. С. Власова, Тверь, 1917.
Красные зори. Стихи. Тверь, 1917.
Шутка дьявола. Тверь, 1918.
То же, 2-е изд. Тверь, 1919.
Солнечный путь. Книга 5-я. Тверь, 1919 (2 издания).
Песни свободы. Стихотворения. 2-е изд., исправленное и дополненное. Тверь, 1919.
Рубиновое завтра. Стихи. Брошюра 6-я. «Коллектив», Тверь, 1920.
Воскрешая земля. Стихотворения. Красная книжка № 11. ГИЗ, М., 1920.
Тишина. Стихи. ГИЗ, Тверь, 1921 (2 издания).
Россия. Стихи. Тверь, 1924.
Синева. Стихи. «Неоклассики», М., 1924.
Ветлужанка. Рассказ в стихах. ГИЗ, М., 1927.
Цветной шатер. Стихи. Всероссийский союз поэтов, М., 1927.
Песни. ГИЗ, М., 1928.

СЕРГЕЙ ВОЛЫНСКИЙ

Бойцы железных войн. Были и баллады. 1917—1924. ГИЗ, Л., 1924.

А. К. ГАСТЕВ

Поэзия рабочего удара. Пролеткульт, Пг., 1918.
То же. Изд. Всеукраинского отдела искусств, Харьков, 1919.
То же, 2-е изд. Пг., 1919.
То же, 3-е изд. Саратов, 1921.
То же. Предисловие автора. <5-е изд.> ВЦСПС, М., 1923.
То же, 6-е изд. Предисловия автора: 1923 г. и 1925 г. ВЦСПС, М., 1926 (на обложке 1925).
Пачка ордеров. Рига, 1921.

М. П. ГЕРАСИМОВ

Вешние зовы. «Парус», Пг., 1917.
Монна Лиза. Поэма. Пролеткульт, М., 1919.
Завод весенний. Стихи. Пролеткульт, М., 1919.
Железные цветы. Стихи. Центропечать, Самара, 1919.
Четыре поэмы. Пролеткульт, Пг., 1921.
Черная пена. Стихи. ВАПП, М., 1921.
Чучело. Стихи. ВАПП, М., 1921.
Негасимая сила. Стихи. «Кузница», М., 1922.
Электрификация. Стихи. ГИЗ, Пг., 1922.
Завод весенний. Стихи. 2-е изд. «Кузница», М., 1923.
Электропоэма. «Кузница», М., 1923.
Железное цветенье. Книга первая. ГИЗ, М.—Пг., 1923.
Стихотворения. «Красная новь», М., 1924 (на титуле 1923).
Северная весна. Стихи. Книга третья. ГИЗ, М., 1924.
Покос. Стихи и поэмы. Мосполиграф, 1924.
Дорога. Поэмы. Книга четвертая. «Новая Москва», 1924.
На Волге. Поэма о 1905 году. «Недра», М., 1925.
Стихи о заводе и революции. ГИЗ Укр., Харьков, 1925.
Лирический вечер. Стихи (совместно с В. Т. Кирилловым). «Никитинские субботники», М., 1927.
Земное сияние. Стихи. ГИЗ, М.—Л., 1927.
Избранные стихи. Библиотека «Огонек», М., 1928.
Бодрое утро. Стихи. «Федерация», М., 1928.
К соревнованию! Стихи. «Московский рабочий», 1930.
Полет. Стихи. «Недра», М., 1930.
Заряд. Стихи 1910—1930. Московское товарищество писателей, 1933.
Стихотворения, т. 1. Московское товарищество писателей, 1933.
Стихи. ГИХЛ, М., 1936.
Стихотворения. Вступительная статья В. Казина и Г. А. Санникова. Куйбышевское книжное издательство, Куйбышев, 1958.

Д. А. ЕРШОВ

В путь. Стихотворения (совместно с Леонидом Циновским). Пролеткульт, Архангельск, 1921.
В пути. Стихотворения. Архангельск, 1922.

С. ЗАРЕВОЙ (С. П. КОШКАРОВ)

- Басни и стихотворения. Романово-Борисоглебск, 1902.
То же, 2-е изд. Углич, 1903.
То же, 3-е изд. Весьегонск, 1904.
Стихотворения и басни. Изд. 4-е. Углич, 1907.
Сказка про черного бычка. Углич, 1908.
Новые стихотворения. Углич, 1909.
Родные песни. Углич, 1909.
Босяки. Стихи. Изд. Суриковского литературно-музыкального кружка в Москве, 1911.
В родных полях. Изд. автора, М., 1912.
Осенние цветы. Стихи. Изд. автора, М., 1912.
Светлые песни. Изд. автора, М., 1913.
Первая ласточка. М., 1913.
Для народа. Посвящается памяти И. З. Сурикова. М., 1913.
Звездочка. Стихотворения. М., 1913.
В родном просторе. Изд. автора, М., 1913.
Святая Русь. 1613—1913. Дела минувших дней. СПб., 1913.
Чайка. Изд. Суриковского литературно-музыкального кружка в Москве, 1914.
Родные типы. Изд. Суриковского литературно-музыкального кружка в Москве, 1914.
Песни жаворонка. Изд. Суриковского литературно-музыкального кружка в Москве, 1914.
Набат. Изд. Суриковского литературно-музыкального кружка в Москве, 1915.
Златонивье. М., 1915.
Родная Русь. Стихи. М., 1916.
Чары земли. М., 1916.
Святой Георгий. Из народных сказаний. Изд. Суриковского литературно-музыкального кружка, М., 1916.
Сермяжная Русь. М., 1916.
Говор зорь. М., 1916.
Подснежник. Стихотворения. Москва, 1916.
Родные цветы. М., 1917.
Деревня «Свинушки». М., 1917.
Степные песни. Одесса, 1917.
Надгробное рыдание православным в назидание о блаженном успешии Лыскá, и как купца взяла тоска. Изд. ВЦИК, М., 1918.
Буревестник. Посвящается товарищам новой жизни. «Народная трибуна», М., 1918.
Пулемет. ГИЗ, М., 1919.
Великая новь. Стихи. Красная книжка № 15. ГИЗ, М., 1920.

И. П. ИОНОВ

- Алое поле. Стихотворения. Солдатская и крестьянская библиотека. Пг., 1917.
То же, 2-е изд. Петроградский Совет Рабочих депутатов, 1918.
Колос. Стихотворения. ГИЗ, Пб., 1921.

В. Т. КИРИЛЛОВ

- Стихотворения. 1914—1918. Пролеткульт. Пб., 1918.
То же, 2-е изд. Пролеткульт. Пб., 1919.
Зори грядущего. Стихи. 3-е изд. Пб., 1919.
Паруса. Стихи. ВАПП, М., 1921.
Железный Мессия. Стихи о революции. Пролеткульт, библиотека «Твори!», М., 1921.
Отплытие. Стихи. «Кузница», М., 1923.
Стихотворения. Книга первая (1913—1923). «Мосполиграф», 1924.
Рабочие шаги. Стихи о революции. «Красная новь», М., 1924.
Море. Поэма. Библиотечка «На вахте», М., 1925.
Кровь и снег. Поэма о 1905 годе. «Недра», М., 1925.
Избранные стихи. Библиотека «Огонек», М., 1926.
О детстве, море и красном знамени. Лирическая повесть. «Недра», М., 1926.
Лирический вечер. Стихи (совместно с М. П. Герасимовым). «Никитинские субботники», М., 1927.
Голубая страна. 2-я книга стихов. ГИЗ, М.—Л., 1927.
Вечерние ритмы. «Федерация», М., 1928.
Весенний свет. Стихи. Книга первая (1913—1922). Изд. 2-е. «Недра», М., 1928.
Огни Октября. Стихи о революции. «Недра», М., 1930.
Октябрь. Избранные стихотворения. Московское товарищество писателей, 1933.
Избранные стихи 1917—1932. «Советская литература». М., 1933.
Стихотворения. Вступительная статья К. Зелинского. Библиотека советской поэзии. Гослитиздат, М., 1958.

В. В. КВЯЗЕВ

- Сатирические песни. Изд. автора, СПб., 1910.
Двуногие без перьев. Сатира и юмор. Изд. «Сатирикона», СПб., 1914.
Красное Евангелие. Свиток первый А—АЧ. Стихи. Изд. Петроградского Совета Раб. и Красноарм. депутатов, 1918 (в 1918 г. — 4 издания).
Красные звоны и песни. Изд. Петроградского Совета Раб. и Красноарм. депутатов. Пг., 1918.
Песни красного звонаря. Изд. Петроградского Совета Раб. и Красноарм. депутатов, Пг., 1919.
Дети города. Пролеткульт, Пг., 1919 (в 1919 г. — 2 издания).
Первая книга стихов (1905—1916). ГИЗ, Пб., 1919.
О чем пел колокол. Стихи. Пролеткульт, Пг., 1920.
Азбука возрождения транспорта. Стихи. Пг., 1920.
Фома Царьков. Повесть в стихах. Изд. «Красной газеты», Л., 1924.
Капля крови Ильича. Стихи. ГИЗ, Л., 1924 (в 1924 г. — 2 издания).
Глупая лирика. Библиотека журнала «Бегемот», Л., 1927.
Книга избранных стихотворений. «Прибой», Л., 1930.
Песни красного звонаря. 2-е, переработанное изд. ГИХЛ, М.—Л., 1931.
Последняя книга стихов (1918—1930). Избранное. Издательство писателей в Ленинграде, 1933.

За четверть века (1905—1930). Книга избранных стихотворений. ГИХЛ, Л., 1935.
Избранное. Вступительная статья В. Саянова. «Советский писатель», Л., 1959.

И. И. КОЛОКОЛОВ

Стихотворения. ГИЗ, М., 1920.
Земля и тело. Стихотворения. ГИЗ, М.—Пг., 1923.

А. П. КРАЙСКИЙ

Улыбки солнца. Стихотворения. Пролеткульт, Пб., 1919 (в 1919 г. — 4 издания).
У города-разбойника. Стихи. «Космист», Пг., 1922.
Повесть о солдатских костях, похороненных в Турции. «Прибой», Л., 1927.
На панельных квадратах. Стихи. «Прибой», Л., 1930.
Лирика. Избранные стихотворения (1916—1937). Предисловие В. Саянова. ГИХЛ, Л., 1939.

ИВАН КУЗНЕЦОВ

Стихотворения. Пролеткульт, Пг., 1919.
Проклятие странника. Вторая книга стихов. «Космист». Пг., 1922.

И. А. КУЗНЕЦОВ

Стихи. Комсомольские поэты и писатели. «Молодая гвардия», М., 1924 (на обложке 1923).
Рабочее сердце. Стихи. Библиотека рабочей молодежи. «Новая Москва», 1925 (на обложке 1924).

И. С. ЛОГИНОВ

У станка. Стихи. «Прибой», Пб., 1917.
На страже. Стихи. Сатира. Изд. Петроградского Совета Рабочих и Красноарм. депутатов, 1919.
Накануне. Стихотворения. ГИЗ, Пг., 1919.
Под знаменем правды. Красный календарь. «Прибой», Л., 1925.
Стихи. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Б. Белоцерковского. Костромское книжное издательство, Кострома, 1958.

Д. М. МАЗНИН

В дыму пожаров. Стихотворения (1919—1920). Библиотека «Юного пролетария». ГИЗ, Пг., 1921.

А. А. МАКАРОВ

Весенний сплав. Стихи, «Кузница», М., 1923.

А. И. МАШИРОВ-САМОБЫТНИК

Под красным знаменем. Стихотворения. Пролеткульт, Пб., 1918.
То же, 2-е изд. Пролеткульт. Пг., 1919 (в 1919 г. — 5 изданий).
На перевале. Стихи. Книга вторая. Пролеткульт, Пг., 1921.

И. И. МУКОСЕЕВ-КРАЙНИЙ

У свергнутых кумиров. Стихи. Изд. Бежицкого Революционного
Совета рабочих депутатов, 1918.
Поэзия революции. Книга вторая. Изд. Бежицкой организации
РКП(б), 1920.

Е. Е. НЕЧАЕВ

Трудовые песни. Изд. Н. Н. Травиной, М., без года (1909—1911?).
(С автобиографией.)
Вечерние песни. Стихотворения. Предисловие М. Чайковского. Изд.
М. Чайковского, М., 1914.
Песни стеклянщика. «Кузница», М., 1922.
Из песен старого рабочего. ГИЗ, М., 1922.
Сургаль — всё. Поэма из калмыцкой жизни. ГИЗ, М., 1922.
Полное собрание сочинений в одном томе. ЗиФ, М., 1928.
Избранное. Вступительная статья и примечания А. Л. Трегубова.
ГИХЛ, М., 1955.

С. А. ОБРАДОВИЧ

Взмах. Стихи. Пролеткульт, Пг., 1921.
Сдвиг. Стихи. ВАПП, М., 1921.
Стихи о голоде. Изд. Комиссии помощи голодающим. М., 1921.
Окраина. Стихи. «Кузница», М., 1922.
Капель. Стихи. «Кузница», М., 1922.
Октябрь. Стихи. ГИЗ, М., 1922.
Огненная гавань. Стихи. ГИЗ, Пг., 1922.
Город. Стихи и поэмы 1916—1922 гг. Книга первая. «Кузница», М.,
1923.
Винтовка и любовь. Стихи. 1921—1923. «Мосполиграф», 1924.
Митинг. Избранное о революции, любви и труде. «Красная новь»,
М., 1924.
Явь. Поэма. ВЦСПС, М., 1926.
Избранные стихи. Библиотека «Огонек», М., 1926.
Город. Стихи и поэмы. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. «Фе-
дерация», М., 1929.
Поход. ЗиФ, М.—Л., 1928.
О молодости. Стихи. ГИЗ, М.—Л., 1928.
Поход. 2-е изд. ЗиФ, М.—Л., 1930.
О труде, любви и революции. «Недра», М., 1930.
О молодости, 2-е изд. «Недра», М., 1931.
Рабочий фронт. Избранные стихи. «Советская литература», М., 1933.
Новоселье. Стихи. ГИХЛ, М., 1934.
Избранные стихи. ГИХЛ, М., 1935.
Стихотворения. ГИХЛ, М., 1936.
Дороги. Стихи. «Советский писатель», М., 1947.

Избранное. Стихи и поэмы «Советский писатель», М., 1954.
Стихи. Гослитиздат, М., 1958.

СЕМЕН ОКОВ

Этапы. Сборник стихов. Изд. Политотдела Туркфронта, Ташкент,
Походная типография политотдела Туркфронта, 1920.

Н. Г. ПОЛЕТАЕВ

Стихи. Библиотека «Горна». Пролеткульт, М., 1919.
Песня о соловьях. Стихи. «Кузница», М., 1921.
Сломанные заборы. «Кузница», М., 1923.
Резкий свет. Стихи 1918—1925. ГИЗ, М., 1926. (С автобиографией.)
Стихи о подвальной жизни. Библиотека «Огонек». М., 1929.
Стихи Книга первая. «Федерация», М., 1930.
О соловьях, которых не слышал. Избранные стихотворения. Московское товарищество писателей, 1933
Избранные стихи. Гослитиздат, М. 1935.
Избранные стихи. Вступительная статья Н. Плиско Гослитиздат, М., 1938.
Стихотворения. Вступительная статья Вл. Огнева. Библиотека советской поэзии. Гослитиздат, М., 1957.

Н. И. РЫБАЦКИЙ

На светлый путь. Стихотворения. Пролеткульт, Пб., 1919 (в 1919 г. — 2 издания).

ВАСИЛИЙ СМЕЛОВ

Напевы природы. Стихотворения 1913—1922 гг. Изд. автора, Новгород, 1922.
Лестница борьбы. Стихотворения 1918—1922 гг. Изд. Новгородского Губполитпросвета, Новгород, 1922.
Складки про взятки-гладки и пролетарские порядки. Агиткомиссия по борьбе со взяточничеством, Новгород, 1922.

МАКСИМ СМЕРНОВ

Ключи созвучий. Стихи. Изд. Белёвского пролеткульта, Белев, 1920.
Радость бури Стихотворения. Епифаньский уездный отдел печати, 1920.

А. Н. СОЛОВЬЕВ (НЕЛЮДИМ)

Полеты. Галич, 1920.
Цветной ковер. Галич, 1922.
Зерна. Галич, 1926.
Стихи 1914—1926. Вступительная статья В. В. Касторского. Костромское книжное издательство, Кострома, 1957.

СЕРГЕЙ СТРАДНЫЙ

Под Октябрем. Книга первая. Изд. литературной секции Губпролеткульта, Смоленск, 1921.

Рыжая кляча. Поэма. Изд. литературного коллектива Губпролеткульта, Смоленск, 1921.
Полевая новь. «Арена», Смоленск, 1921.

Е. М. ТАРАСОВ

Стихи. 1903—1905. «Новый мир», СПб., 1906.
Земные дали. 2-я книга стихов. «Шиповник», СПб., 1908.
Стихотворения. Пролеткульт, Пб., 1919 (в 1919 г. — 2 издания).

Н. С. ТИХОМИРОВ

Красный мост. Стихи. 1914—1918. Пролеткульт, Пб., 1919,
(в 1919 г. — 2 издания).
Земля зовет. Стихи. Л., 1927.
Избранные стихотворения. Лениздат, 1948.

И. Г. ФИЛИПЧЕНКО

Эра славы. Стихи и поэмы 1913—1918. Предисловия Ю. Балтрушайтиса и Валерия Брюсова. ГИЗ, М., 1918 (на обложке 1920).
Руки. Стихи и поэмы. «Кузница», М., 1923.

М. Д. ЦАРЕВ (В. ТОРСКИЙ)

На посту. Изд. Нижегородского коммунистического союза журналистов, 1919.
Парижская коммуна. Поэма. Омск, 1921.

Ф. С. ШКУЛЕВ

Думы пахаря. Стихотворения. Изд. А. В. Федорова, М., 1895 (на обложке 1894).
Не всем счастье и другие рассказы и стихотворения. М., 1902.
Кто виноват? и другие рассказы и песни. Книжка вторая. М., 1903.
Смелые песни. С биографией автора. Изд. Н. Н. Травиной, М., без года (1911?).
Николай в аду. М., 1917.
Один с сошкой, а семеро с ложкой. Многовековая быль. М., 1917.
Гимн труду. «Книгопечатник», М., 1922.
Сказ про мельника-осторожника да про Ивана-безбожника. Библиотека для рабочих и крестьян «Имба-читальня» № 2. ГИЗ, М.—Пг., 1923.
Кузнецы. Трудовые песни. Библиотека для рабочих и крестьян «Имба-читальня» № 5. ГИЗ, М.—Пг., 1923.
Ф. Шкулев — поэт Кузницы. Предисловие Г. Деева-Хомяковского. Новинки крестьянского творчества. Серия первая, выпуск 16. М., 1927.
Кузнецы. ГИЗ, М., без года (1929?).

Г. В. ЯКУБОВСКИЙ

Песни крови. 1913—1924. ГИЗ, М., 1925.

Основные коллективные литературные сборники, альманахи и антологии пролетарских поэтов

- Вехи Октября. Литературно-художественный альманах. «Московский рабочий», М., 1923.
- Взмах. Стихи и поэмы иваново-вознесенских поэтов в пользу пострадавшего от неурожая Поволжья. Иваново-Вознесенск, 1921.
- Взмахи. №№ 1 и 2. Пролеткульт, Саратов, 1919 и 1920.
- Волны Пролеткульта. Литературно-художественный сборник Екатеринославского пролеткульта. Екатеринослав, 1923.
- Горнило. Литературно-политический сборник № 1. Сумы, 1921.
- Гудки. Стихи. Владимирская группа пролетарских поэтов-писателей. Владимир, 1923.
- Гусли красноармейца. Сборник пролетарских поэтов. Петербургский союз полиграфических производств красному фронту. Пг., 1920.
- Да здравствует Красный Октябрь! Пролеткульт, Пг., 1918.
- Завод огнекрылый. Сборник стихов. Пролеткульт, М., 1918 (2-е изд. — 1919).
- Заря грядущего. Литературный сборник, посвященный первому выпуску красных топографов. Пг., 1920.
- Звено. Сборник стихотворений Харьковской секции пролетарских писателей. Всеукраинское Гос. изд., Харьков, 1921.
- Красная улица. Стихи и песни. Иваново-Вознесенск, 1920.
- Красное знамя. Юбилейный сборник прозы и стихов пролетарских писателей, посвященный годовщине Октябрьской революции. Изд. отдела народного образования, Суздаль, 1918.
- Красному флоту. Сборник стихов. Изд. Политотдела Реввоенсовета Балтфлота, Пг., 1919.
- Крепь. Стихи. Вологда, 1921.
- Кузница. Литературный сборник. ЗиФ, М., 1923.
- Литературный альманах. Пролеткульт, Пг., 1918.
- Лихолетье. Стихи. Смоленск, 1921.
- Молот. Сборник тульских пролетарских писателей и поэтов. Тула, 1921.
- Мост. Стихи. ЗиФ, М., 1924.
- На переломе. Литературно-художественный сборник кружка пролетарских писателей. Оренбург, 1920.
- Набат. Клич пролетарских писателей. Сборник. Пролеткульт, Пг., 1918.
- Начало. Литературно-художественный и публицистический альманах при Иваново-Вознесенском Губполитпросвете. Вып. 1 и 2. Иваново-Вознесенск, 1921 и 1922.
- Наши песни. Первый сборник стихотворений. Поэты-рабочие. Вып. 1 и 2. М., 1913 и 1914.
- 1917 — Октябрь — 1919. Оборона революции — оборона Октябрьских завоеваний, оборона власти Советов... Пролеткульт, Пг., 1919.
- Октябрь 1917—1921. Сборник литературной студии Пролеткульта. В пользу голодающих. Саратов, 1921.
- Осень багряная. Сборник литературного отдела заводского пролеткульта Тульских оружейных заводов. Тула, 1921.
- Паяльник. №№ 1 и 2. Пролеткульт, Смоленск, 1920.

- Первое мая 1921. Первое мая — праздник победы грядущей мировой революции. Сборник. Пг., 1921.
- Первый сборник пролетарских писателей. Под ред. А. Сереброва, с предисловием М. Горького, «Прибой», Пг., 1914.
- Песни борьбы. Красноармейская поэзия периода гражданской войны на Урале. Составители М. С. Кашеваров и К. В. Боголюбов. Свердловск, 1934.
- Песни кузницы. Библиотека для крестьян и рабочих «Имба-читальня» № 48. ГИЗ, М., 1924.
- Под знаком комсомола. Литературный альманах. Кн. 1 и 2. «Молодая гвардия», М., 1923 и 1924.
- Под знамя правды. Первый сборник общества пролетарского искусства. «Прибой», Пг., 1917 (на обложке 1918).
- Понизовье. Литературно-художественный сборник пролетарских писателей. Кн. 1—6. Самара, 1921—1922.
- Поэзия рабочих профессий. Сборник рабочих стихов, собранных и отредактированных Бор. Волиным. «Новая Москва», 1924.
- Пролетарские писатели. Антология пролетарской литературы. Составитель Семен Родов. ГИЗ, М., 1925.
- Пролетарские поэты. Антология. Составил Вл. Кириллов. Изд. «Огонек», М., 1925.
- Пролетарский сборник. Книга 1. Изд. ВЦИК, М., 1918.
- Рабочая весна. Сборник группы пролетарских писателей «Рабочая весна». №№ 1 и 2. М., 1922 и 1923.
- Радуга. Литературно-художественный и политический сборник. №№ 1 и 2. Полтава, 1920 и 1921.
- Рассвет. Литературный сборник. Вып. 1—6. Изд. Ковровского Наробраза, Ковров, 1921—1922.
- Сборник пролетарских писателей. Под ред. М. Горького, А. Сереброва и А. Чапыгина. «Парус», Пг., 1917.
- Сборник пролетарской поэзии. Самара, 1919.
- Сноп. Сборник стихов и рассказов. Иваново-Вознесенский ГИЗ, Кинешма, 1920.
- Современные рабоче-крестьянские поэты в образцах и автобиографиях с портретами. Составил П. Я. Заволокин. «Основа», Иваново-Вознесенск, 1925.
- Стройка. Литературно-художественный альманах. Книга 1. «Прибой», Л., 1924.
- Ступени. Стихи. Смоленск, 1921.
- Твори! 1. Литературно-художественный сборник. М., 1922.
- Трибуна Пролеткульта. Сборник стихов пролетарских поэтов. Пг., 1921 (на обложке 1922).
- Тройка. Пролеткульт. Смоленск, 1921.
- Утес. Литературный альманах. Благовещенск, 1921.
- Факелы. Литературно-художественный альманах. Тверь, 1919.
- Чугунный улей. Сборник пролетарских писателей. ГИЗ, Вятка, 1921.
- Ярь. Изд. «Костер», Вологда, 1920.
- Ярь. Литературно-художественный альманах Царицынской ассоциации пролетарских писателей. Царицын, 1923.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. Стр. 27. Обложка журнала «Грядущее», 1919.
2. Стр. 117. Обложка журнала «Горн».
3. Между стр. 128 и 129. В. Д. Александровский.
4. Между стр. 128 и 129. Обложка журнала «Кузница».
5. Между стр. 144 и 145. Я. П. Бердников.
6. Между стр. 176 и 177. А. К. Гастев.
7. Между стр. 192 и 193. М. П. Герасимов.
8. Между стр. 256 и 257. В. Т. Кириллов.
9. Между стр. 272 и 273. В. В. Князев.
10. Между стр. 288 и 289. А. И. Маширов-Самобытник.
11. Стр. 293. Первая страница сборника-листочка «1917 — октябрь — 1919».
12. Между стр. 304 и 305. С. А. Обрадович.
13. Между стр. 304 и 305. Обложка журнала «Твори!»
14. Между стр. 336 и 337. Н. Г. Полетаев.

СОДЕРЖАНИЕ¹

Пролетарские поэты первых лет Советской эпохи. <i>Вступительная статья</i> З. С. Паперного	5
--	---

I

В. Д. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ

Кузнец	77 500
Рабочий	77 500
«Радуюсь взлетам ваших исканий...»	78 500
«Взрывайте...»	79 500
«Взваливай больше на наши спины...»	79 500
Убийцам	80 500
Взрыв	81 500
Сегодня	82 500
Из цикла «Борьба» («С рук не смывая сажу...»)	83 500
«За воротами сумрак сутулится...»	83 500
Мать	84 501
«Душа, кричи громче...»	86 501
Циклонный год	87-501
«Стальное имя мир зажгло...»	88 501
Вожатому	89 501
Ветер	89 501
Две России	90 501
Рабочий праздник	93 501
«Мы умеем всё переносить...»	94 501
Мы	94 501
Из поэмы «Деревня» (XII «Всё те же ветлы сучья клонят...»)	95 501
Осень	96 502

¹ Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

Будни	97 502
«Верю я — мы грядущее вынычтим...»	102 502
Есть дни	103 502
На грани	104 502
Красноармейцам	105 502
Старый интеллигент	106 502
Молодежи	107 502
«Когда на строгие, нахмуренные ели...»	108 502
В голод	108 502
Я	111 502
Старая Русь	111 503
Грузчик	112 503
На рабфаке	113 503
Они	114 503
1923	115 503
Кузница при дороге	116 503
«Бешено...»	118 503
«Ну да, люди все такие...»	118 503
«Да, такие бывают напасти...»	119 503

П о э м ы

Восстание	120 503
Синь	126 504
Поэма о Пахоме	131 504

Я. П. ВЕРДНИКОВ

«Ветер, ветер легкокрылый!...»	141 505
Кузнецы куют	141 505
Русь	142 505
Гроза	143 505
Тесней ряды!	143 505
Неумирающий дух	144 505
Под сенью знамен	144 505
Из цикла «Пришествие»	
3. «Деревня! Не с елейным чудом...»	145 505
4. «Проталин в снеговой постели...»	145 505
«И силы не измерить!...»	146 506
«Не сплю, не сплю, не сплю всю ночь я...»	147 506
«Глазными верстами ковыльные равнины...»	147 506

А. Е. ГАСТЕВ

Мы растем из железа	148 507
-------------------------------	---------

Из раздела «Машина»

Гудки	149 508
Ворота	149 508

Башня	151 508
Рельсы	154 508
Кран	155 508
«Мы посягнули»	157 508
«Мы вместе»	159 508
Экспресс	161 508
Мы всюду	172 509
Наш праздник	174 509

Из раздела «Ворота земли»

Оратору	176 509
Ноша	177 509
Чудеса работы	178 509
Манифестация	181 509
Выходи	186 509

М. П. ГЕРАСИМОВ

Песнь о железе	188 511
Вождю	189 511
«Труба как посох исполина...»	190 511
«Вся — жизнь, вся — в бронзовом загаре...»	191 511
«Я не в разнеженной природе...»	192 512
«Вот осень в шорохах и звонах...»	193 512
«Мы всё возьмем, мы всё познаем...»	194 512
«Вешний ветер дышит...»	195 512
«Люблю я зарево вагранок...»	196 512
«Следи, мой друг, как ночью бледной...»	196 512
«Мы победим, клокочет сила...»	197 513
Зарево заводов	198 513
Красная звезда	200 513
Минин	201 513
Из поэмы «Октябрь» (XI. «Ногами труб уперлись в горны...»)	202 513
Мстители	203 513
«У храма Христа, на кровавом граните...»	204 513
«Я не нежный, не тепличный...»	204 514
«Деревня древняя всё так же...»	205 514
Из поэмы «Электрификация» («Никогда не была так кро- ваво вспенена...»)	206 514
«Я пришел с „Вешними зовами“...»	207 514
Станок	209 514
Памяти Неверова	212 514
Колыбельная	213 515
«Едва прорвался лепет тонкий...»	214 515

Поэмы

На фронт Труда	215 515
О паровозе	220 515
О детстве	223 515

«Я подслушал эти песни близких радостных веков...»	227	517
Зарубежным братьям	227	517
Мы	228	517
России	229	517
Завет	231	517
«Гремят мятежные раскаты...»	231	518
Первомайский гимн	232	518
Железный Мессия	233	518
Карлу Марксу	234	518
Грядущему поэту	234	519
Матросам	235	519
Поэтам революции	236	519
Набат	237	519
Мировой коллектив	237	519
В лесу	238	519
«Жрецам искусства»	238	520
«К нам, кто сердцем молод...»	240	520
Красный Кремль	241	520
Памятник Труда	242	520
Звездный путь	243	520
Разговор с ученым	244	521
Разговор с розами	244	521
Поэту	245	521
«Не слова. — это призраки слов...»	246	521
Гроза в Пятигорске	246	521
Другу критику	247	521
Труду	247	521
«Флаг кумачовый на скудном шесте...»	248	521
«Польхая красным кругом...»	249	521
Товаришу	250	521
Шаги	250	521
25 октября	251	522
Из поэмы «О детстве, море и красном знамени» («Продлись вспоминаний сон...»)	252	522
Летчик	253	522
Поэтам «Кузницы»	254	522
Бодрое утро	255	522
На родине	256	522
Из дневника 18-го года	256	522
Из цикла «Семнадцатый год»		
1. «Был вечер, его не забудешь скоро...»	257	523
2. «Ночью вступили в город...»	258	523
3. «Утром в облаву ходили...»	259	523
4. «Идет солдат по улице...»	259	523
Молодежи	260	523
В те дни	261	523
Памяти А. С. Неверова	262	523
Годы минувшие	262	523
Вожди	263	524

В. В. КНЯЗЕВ

Песня о ледоходе	265	525
Новая метла	266	525
Песенка о русском интеллигенте	268	526
Гадюка	269	526
Друзьям-читателям	270	526
Друзьям моей «Колокольни»	270	526
Из «Красного Евангелия»		
«Мы будем добрыми, товарищ...»	272	526
«Не такая пора, чтоб витать в облаках...»	272	526
Набат за рубежи	273	526
Песня Коммуны	274	526
Сын коммунара	275	527
Над гробом Урицкого	277	527
Звон перед бурей	278	527
Бессмертное	279	527
Пуговица от брюк	280	527
Все на холодный фронт	282	527
Подземная война	284	528

А. И. МАШПРОВ-САМОВЫТНИК

К восстанию!	286	529
Скептику	287	529
Красный цветок	288	529
«Когда исчерпан весь запас угля...»	289	529
Дряблему духом	289	530
«Память погибших героев священна...»	291	530
«Будет время, у солнечных врат...»	291	530
За нами!	292	530
Россия	292	530
Весеннее	294	530
Наш ответ	295	530
К вольной гавани	296	530
Будет радость	296	530
Машинный рай	297	530
Рабочий клуб	298	531
В борьбе	299	531
Свидание	300	531
«Вы новых истин не расскажете...»	301	531
Революция	302	531
Розы труда	303	531
«Эти мощные, грубые глыбы...»	303	531
Кронштадт	304	531

С. А. ОБРАДОВИЧ

«Октябрьский ветер стонет глухо...»	305	532
Трибун	305	533
На фронт	306	533

III Интернационал	307 533
Сдвиг	308 533
Завод	309 533
Осенний звон	310 533
Петроград	311 533
Октябрь («Это ты, синеглазый, миллионоголовый!..»)	313 534
«Дредноут тих вдали на рейде мгlistом..»	314 534
Из поэмы «Россия» (X. «В язвах, в тифу, в холере..»)	314 534

Из стихов о голоде

1918	315 534
Из цикла «Голод» (1. «Не от скорби ли жгучей и долгой..»)	316 534
Кошмар	317 535

«И вот — покой, и в берег опустелый..»	318 535
Октябрь. 1917—1921 («Четырехлетье голода и пыток..»)	318 535
Ткачиха	319 535
Шахтер	320 535
В театре	321 535
Москва	321 535
«Так пыльны, будничны, обычные дни..»	323 536
Пролетарские поэты	324 536
Синеглазники	324 536
Любовь	326 536
Дни	327 536
Пропеллера песнь	327 536
Утро	329 536
Рейс	330 536
Разведчик. Из поэмы «Явь»	330 536
Дуб. Из цикла «Марьяна роща»	332 536

Н. Г. ПОЛЕТАЕВ

Красная площадь	334 537
Из Германии	334 538
«Горят все в золоте ручьи..»	335 538
«Всю ночь весенняя вода..»	336 538
Мой стих	336 538
Предвесеннее	337 538
Песня о соловьях	338 538
Из Крыма домой	339 538
Полеты раньше и теперь	339 538
Аэроплан и воробей. <i>Басня</i>	340 538
«Портретов Ленина не видно..»	342 538
Песня разбитого паровоза	342 539
С аэроплана	343 539
Сад	344 539

II

Б. Д. БОГОМОЛОВ

Книгоноша 347 539

Е. БРАЖНЕВ (Е. А. ТРИФОНОВ)

Поход 348 540

СТЕПАН БРУСКОВ

Тише, товарищи 359 540

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

Котельщик 360 540

Н. С. ВЛАСОВ-ОКСКИЙ

Дайте песен! 361 541

Хоровод революций 361 541

Птица-Жар 362 541

Красный праздник 362 541

1918 год 363 542

Решимость 364 542

Небо, земля и человек 364 542

Мозолистые руки 365 542

К труду! 366 542

Отважный лишь счастье найдет! 366 542

Красный взмах 367 542

СЕРГЕЙ ВОЛЫНСКИЙ

Приказ командира 368 542

АЛЕКСЕЙ ВВСИГНЕВ

Поднявшие знамя 370 542

Д. А. ЕРШОВ

Родная деревня 372 542

Что волны говорят 373 542

Восстание 373 542

«За камнем камень...» 374 542

Мать 375 543

К 19 февраля 1920 года 376 543

СЕРГЕЙ ЗАРЕВОЙ (С. Н. КОШЕАРОВ)

На пашне 377 543

На барже 378 543

Песня колосьев 379 543

ПЕТР ЗУЕВ

От Урала (<i>Солдатская песня</i>)	380	543
Сибирь	381	544

И. И. ИОНОВ

«В крепких пальцах судьбы...»	383	544
В один союз	383	544
На заводе	384	544
Одним путем	385	544
Красный локомотив	386	545
Грядущее	387	545
Россия	387	545
Коммунисты	388	545
Красный кормчий	389	545
Берлин	391	545

Н. И. КОЛОКОЛОВ

Две Польши	392	546
Вспомни!	392	546
Трусам	393	546
Старому миру	393	546
Красной Армии	394	546
«Нет, не в оковах, не в келье...»	395	546

ВАСИЛИЙ КОЛЧИН

Труд	397	546
Детям Поволжья	397	546

А. П. КРАЙСКИЙ

Декреты	399	547
«Аврора»	400	547
Любовь	400	547
Свободной родине	401	547
Мы — одно	402	547
Бессмертие	402	547
Без остановок	402	547
Грани грядущего («Америка, Индия, Афганистан...»)	404	547
Призыв	405	547
Час назначенный	406	547
«Не пойте, не пойте печальных песен...»	406	548
Грани грядущего («Из гордых городов — аэропланы...»)	407	548
Не отвечают	407	548
Кронштадт (<i>Рассказ курсанта</i>)	407	548
Квадраты	408	548
Опилки	409	548
Радость	409	548

ИВАН КУЗНЕЦОВ

Вперед	410 548
Торжество революции	410 548
Слава орлам боевым	411 549
Здравствуй, царь-народ	412 549
Гимн свободе	412 549

И. А. КУЗНЕЦОВ

В дождливый день	413 549
После работы	413 549
Радиобашня	414 549
Каждый из нас — матрос!	415 550
В морозный день	416 550
Рабочим поэтам	416 550
Из цикла «Комсомольская любовь»	
1. «Ночь на улицах электроточки...»	417 550
2. «При товарищах ли быть случается...»	417 550
На Красной площади	418 550
1 Мая 1919 года	419 550
«День уйдет, утихнет город...»	419 550
Мать	420 550
Ленинец	421 550

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ

Памяти погибших (<i>Коллективное произведение литературной студии Московского пролеткульта</i>)	423 550
---	---------

И. С. ЛОГИНОВ

Эс-эровский капрал (<i>По Беранже</i>)	424 551
«Вековую мораль...»	425 552
«Эти годы, месяцы и сутки...»	425 552
Весна Весны	425 552
Власть советская тверда	426 552
Золотые слова	427 552
«Мы — первые раскаты грома...»	427 552
Туда	427 552
Набат	428 552
На Урал!	429 552

Д. М. ШАЗВИН

В дыму пожаров	430 553
Маленький факт	430 553

А. А. МАКАРОВ

Пирушка десяти (<i>Группе «Творит!»</i>)	432 554
«Панель как серые глаза любимой...»	433 554
Голубь	433 554

И. И. МУКОСБЕВ-БРАЙННИЙ

«Да, это всё когда-то было...» 436 554

Е. Е. НЕЧАЕВ

В. И. Ленину 437 555
Утро 438 555

СВЯМЕН ОКОВ

Бей молотом 439 555
«Посторонние» 440 555
Колчаку (*К отпору черных сил*) 440 556
Посадка 441 556
Сегодня 441 556

Н. П. РЫБАЦКИЙ

Пахарю 443 556

ВАСИЛИЙ СМЕЛОВ

Погибшим бойцам 446 556

МАКСИМ СМЕРНОВ

Перекоп 448 557

А. Н. СОЛОВЬЕВ (НЕЛЮДИМ)

«Плыл могучий орел в голубой вышине...» 449 557
Товарищу 450 557
Победим, не сомневайтесь! 450 557

СЕРГЕЙ СТРАДНЫЙ

Мусорные кучки 452 558
Руки 452 558

Е. М. ТАРАСОВ

«В щели брызнули лучи...» 454 558

Н. С. ТИХОМИРОВ

По Руси 456 559
Братья 457 559
Русскому богатырю 457 559
Брату-пахарю 458 559
К станкам! 458 559
Взятие Зимнего дворца 459 559
Красная Русь 460 559
Русь 461 560
Грядущее 461 560

«Мы вольны, как степные орлы...»	462 560
Крестьянину	462 560
Красноармейцы	463 560
Шершавая ладонь	463 560
У станка	464 560

И. Г. ФИЛИПЧЕНКО

Ткачи	465 560
«Я простой рабочий...»	468 560
«Беднота, беднота...»	469 560
Пролетариату	470 560
«Эта книга...»	471 561
«У меня ни жены, ни возлюбленной...»	471 561
Бой барабана	472 561
Слова слав	474 561
Старый и новый	476 561
Синеблузый	478 561

Е. ХОХЛОВ

Песнь печатного станка	480 561
----------------------------------	---------

М. Д. ЦАРЕВ (В. ТОРСКИЙ)

Весна	483 561
-----------------	---------

Ф. С. ШКУЛЕВ

Гимн коммунаров	484 562
Мы. Пролетарские поэты	485 562
С песней	486 562

А. Ю.

Мой стих	488 562
--------------------	---------

Г. В. ЯКУБОВСКИЙ

Завет жертв (<i>Из поэмы «Кровь рабочая»</i>)	489 563
Родильный крик	490 563
Усилие	491 563

Примечания	495
----------------------	-----

Библиография	564
К иллюстрациям	575

Редакционная коллегия

*В. Н. Орлов (главный редактор), М. О. Ауэзов,
А. Г. Дементьев, В. П. Друзин, В. О. Перцов,
А. А. Прокофьев, М. Ф. Рыльский, В. М. Саянов,
А. А. Сурков, А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов,
И. Г. Ямпольский (зам. главного редактора)*

ПРОЛЕТАРСКИЕ ПОЭТЫ
ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Редактор *А. А. Сурков*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *Э. Н. Петрова*

Сдано в набор 27/XI 1959 г. Подписано
в печать 10/III 1959 г. Бумага 84×108^{1/32}.
Печ. л. 18^{15/16} (31,06). Уч.-изд. л. 29,18.
Тираж 10000. Зак. № 1043. Цена 11 р.

Ленинградское отделение
издательства «Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
341.	9 св.	нам небо	нам в небо
441	3 св.	Как бы не был	Как бы ни был
503	16 сн.	Поч. по	Печ. по
515	4—5 св.	Впервые	Впервые

Пролетарские поэты первых лет советской эпохи

